

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал
2015. № 2 (89)
ISSN 1999-9917

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891 от 14.12.1992. Выходит 4 раза в год.
Распространяется на территории Российской Федерации.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Адрес редакции: 390000, Рязань, ул. Сенная 1. Тел. (факс): (4912) 93-46-40.
E-mail: editor62@yandex.ru.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Подписка:

Объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
Internet-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 73800.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Редактор *О. А. Кейзина*

Корректор *Е. В. Одекова*

Перевод *А. О. Алеевская, И. Я. Жебряткина, Т. А. Зоткина, М. А. Левина*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 26.06.2015. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 23,88.

Тираж 1500 экз. Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, Рязань, ул. Сенная 1

Отпечатано: Отделение полиграфии редакционно-издательского отдела Академии ФСИН России
390000, Рязань, ул. Сенная 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович, председатель, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АНТОНЯН Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

ЗАРИПОВ Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва);

МУЗЮКИН Анатолий Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Рязань);

НАУМОВ Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Рязань);

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ШАТАЛОВ Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич, главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

РЫЖОВ Роман Сергеевич, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АКСЕНОВА Галина Ивановна, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

БАРАБАНОВ Николай Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

КАШУБА Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Ростов);

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань);

МАКАРОВА Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОЛИЩУК Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

СУХОВ Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

СЫЧ Константин Антонович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич, ответственный секретарь (Россия, Рязань).

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

- 7 Ветераны Великой Отечественной войны – участники боевых действий

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 16 *АРТЕМЬЕВ Н. С.* Критерии эффективности работы сотрудников уголовно-исполнительной системы по профилактике рецидивной (пенитенциарной) преступности
20 *СКИБА А. П.* Потерпевший в стадии исполнения приговора: проблемы участия
25 *ЧИСТЯКОВ А. А.* Структура уголовной ответственности
31 *ОГНЕВ В. Н.* Виды субдоговоров в сфере аренды имущества
36 *ЮЖАНИН Н. В.* Соразмерность самозащиты в гражданском праве

ЗА РУБЕЖОМ

- 41 *ВАСИЛЬЕВА С. А., ЭРЛИХСОН И. М.* Роль конфессионального фактора в тюремных реформах Великобритании в конце XVIII – середине XIX вв.
48 *ЛАВРЕНТЬЕВА И. В.* Зарубежные психокоррекционные программы в ресоциализации осужденных (на примере Великобритании)

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 54 *ЮЖАНИН В. Е.* Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект)

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 61 *ДОЛИНИН А. Ю., БРЫКОВ Д. А.* Организационно-правовые аспекты сокращения штата и численности в уголовно-исполнительной системе
67 *КУТУКОВ С. А., СМИРНОВ С. Н.* Взаимодействие структурных подразделений исправительного учреждения как одно из средств обеспечения правопорядка

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 72 *ШАТАЛОВ А. С., АНТИПОВ А. Ю.* Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам
79 *ЕФРЕМОВ Р. С.* Возмещение вреда как обязательное условие для применения условно-досрочного освобождения от уголовного наказания
85 *ЛЕГОСТАЕВ С. В.* Теоретические основы организации предупреждения региональной преступности
90 *МИНКОВА Е. А.* Социально-психологические факторы, детерминирующие совершение осужденными насильственных преступлений в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы
95 *ГЕРАСИМОВА Е. А.* Механизм уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции и его элементы
101 *ЗИНИНА Н. А.* Рассогласование норм уголовно-исполнительного права как фактор, снижающий их профилактическое содержание
106 *КАНКИШЕВ Е. Д.* Специальные виды освобождения от наказания несовершеннолетних: проблемы законодательной регламентации и правоприменения
110 *КАШИН О. В.* Подкуп как проявление склонения, вовлечения и вербовки в статьях особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации
115 *МАСЛЕННИКОВА Е. А.* Классификация мер предупреждения преступлений лиц, больных хроническим алкоголизмом
120 *ОНИЩЕНКО И. С.* Некоторые вопросы регулирования и реализации прав женщин, осужденных к лишению свободы, имеющих малолетних детей

- 125 **ФЕДОРОВ В. Е.** Деятельность учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, как объект уголовно-правовой охраны
- 130 **ФЕЙЗУЛЛАЕВ Ф. М.** Специальные меры предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях пенитенциарного учреждения

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 135 **ПОГУДИН О. А.** Принуждение к труду – не средство его удешевления: насколько это возможно в российской уголовно-исполнительной системе?
- 145 **КОРЯКИН Е. А.** Проблемные моменты, возникающие при ведении индивидуального (персонифицированного) учета сведений о застрахованных лицах из числа трудоустроенного спецконтингента в исправительных учреждениях ФСИН России
- 150 **НОВОЖИЛОВА Ж. С.** Оценка факторов эффективности сельскохозяйственного производства уголовно-исполнительной системы
- 156 **СОЛОВЬЕВА А. С.** Роль криминалистической характеристики преступлений в технико-криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 162 **ЮНУСОВ А. А., ЮНУСОВ М. А.** Проблемы правовой активности и правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы России в контексте обязанностей субъектов гражданского права
- 167 **САВЕЛЬЕВА Т. И.** К понятию личностной автономии осужденных
- 171 **СЕРОВ В. И.** Психология потери. Психогенные потери, нервно-психическая неустойчивость до и после коррекции личности курсантов 5-го курса, выпускников академии ФСИН России
- 179 **СИДОРОВА Н. И.** Роль русского языка в структуре профессиональной компетентности сотрудника ФСИН России

184 ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

CONTENTS

ON THE 70th ANNIVERSARY OF VICTORY IN GREAT PATRIOTIC WAR

- 7 Veterans of the great Patriotic war, participants of military actions

SCIENCE FORUM

- 16 *ARTEMYEV N. S.* Efficiency criteria of the penal system staff activity on recidivism (penitentiary crimes) prevention
20 *SKIBA A. P.* Victim under sentence execution: the problems of participation
25 *CHISTYAKOV A. A.* Structure of criminal liability
31 *OGNEV V. N.* Types of subcontracts in the sphere of rental property
36 *JUZHANIN N. V.* Proportionality of self-defense in civil law

ABROAD

- 41 *VASILIEVA S. A., JERLIHSON I. M.* Role of religious factors in prison reforms of great Britain in the late XVIII – the middle XIX centuries
48 *LAVRENTYEVA I. V.* Foreign psychocorrectional programs in resocialization of the prisoners (great Britain example)

TIME LENS

- 54 *YUZANIN V. E.* Responsibility for repeated recidivism according to the law of Russia (historical aspect)

MANAGEMENT VECTOR

- 61 *DOLININ A. Y., BRYKOV D. A.* Organizational and legal aspects of staff reduction and the number in the penal system
67 *KUTUKOV S. A., SMIRNOV S. N.* Interaction of structural divisions of correctional facility as one of means of law and order: problems and prospects of development

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 72 *SHATALOV A. S., ANTIPOV A. Yu.* Specific features of proving criminal cases on crimes committed by individuals sentenced to correctional labor
79 *EFREMOV R. S.* Compensation for harm as a compulsory condition for the release on parole
85 *LEGOSTAYEV S. V.* The theoretical basis for the organization of prevention of regional crime
90 *MINKOVA E. A.* Social and psychological factors determining the commission convicted of violent crimes in terms of serving the sentence of imprisonment
95 *GERASIMOVA E. A.* Mechanism of penal counteraction to retail sale to minors of alcoholic production and its elements
101 *ZININA N. A.* Misalignment of the norms of the criminal-executive law, as a factor that reduces their preventive maintenance
106 *KANKISHEV E. D.* Special release from punishment of minors: legal regulation problems and enforcement
110 *KASHIN O. V.* Bribing as display decline, involvement and recruitment article of the criminal code
115 *MASLENNIKOVA E. A.* Classification of measures of the prevention of crimes of the persons sick with chronic alcoholism
120 *ONISHCHENKO I. S.* Some issues of regulation and realization of rights of women sentenced to imprisonment who have underage children
125 *FEDOROV V. Y.* Activity of the establishments executing criminal penalty in the form of imprisonment as object of criminal legal protection
130 *FEYZULLAYEV M. F.* Special measures of preventing juvenile delinquency in a penitentiary

THE COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 135 *POGUDIN O. A.* Coercion to work is not a mean to reduce its costs: how far is it possible in Russian penal system?

- 145 **KORIAKIN E. A.** The problem points arising with maintaining of the individual (personified) accounting of data on the insured persons from among the employed special squads in correctional facilities of the FPS of Russia
- 150 **NOVOZHILOVA Z. S.** Assessment of factors of agricultural production of the correctional system
- 156 **SOLOVYEVA A. S.** The role of criminalistic crime characteristics in technical-criminalistic ensuring of detection and investigation of illicit drugs trafficking in correctional institutions

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 162 **UNUSOV A. A., UNUSOV M. A.** Problems of legal activity and legal culture of the penal officers in Russia in terms of law subjects' duties
- 167 **SAVELYEVA T. I.** To the concept of the personal autonomy of the condemned
- 171 **SEROV V. I.** Psychology of loss. protective adaptive reactions, psychological instability before and after correction of the personality of the cadets of the 5th course, of the graduates of the academy of the FPS of Russia
- 179 **SIDOROVA N. I.** The role of russian language in the structure of the professional competence of the employee of the federal penal service of Russia

184 ARTICLE REQUIREMENTS

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ –
УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**БОРИСОВ Иван Иванович
(1922–1989)**

Родился 16 сентября 1922 г. В академии работал с 1971 г. начальником кафедры военно-служебной и физической подготовки, кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки.

Участвовал в боевых действиях против немецких войск в составе 267-й дивизии 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За безупречную службу» и др.

**ВОРОНКОВ Геннадий Васильевич
(1924–2006)**

Родился 7 июля 1924 г. В академии работал с 1972 г. начальником кафедры гражданско-правовых дисциплин.

В годы войны участвовал в боевых действиях в составе воздушно-десантных войск Северо-Западного, Центрального и 1-го Белорусского фронтов, на Орловско-Курской дуге и прорыве блокады Ленинграда.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

**ГОЛУБКОВ Владимир Семенович
(1924–2014)**

Родился 14 марта 1924 г. Участвовал в боевых действиях по ликвидации, разоружению буржуазно-националистических банд и группировок в Карпатах.

В академии работал с 1971 г. на кафедре боевой и физической подготовки, мобилизационной и тактико-специальной подготовки.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Жукова, «За безупречную службу» и др.

**ГОРИН Сергей Акимович
(1920–2005)**

Родился в 1920 г. В академии работал с 1972 г. начальником курса юридического факультета.

Участвовал в годы войны в боевых действиях с октября 1940 по июль 1946 года.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и др.

**ДУКАНОВ Михаил Васильевич
(1927–2013)**

Родился 2 декабря 1927 г. В академии работал с 1971 г. на кафедре военно-служебной и физической подготовки, мобилизационной и тактико-специальной подготовки

Награжден медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской армии и Флота», «За боевые заслуги», «За безупречную службу» I и II степени, юбилейными медалями «50 лет Советской милиции» и «50 лет Вооруженных Сил СССР».

**ЕМЕЛИН Николай Григорьевич
(1917–1975)**

Родился 17 августа 1917 г. С 1971 по 1974 год являлся начальником Рязанской высшей школы МВД СССР.

С 1941 по 1947 год – ответственный редактор дивизионной газеты 27-й бригады 16-й дивизии войск НКВД г. Красноярска.

Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», 10 медалями. В августе 1974 г. уволен в запас Вооруженных Сил СССР.

**ЕФИМОВ Иван Сергеевич
(1922–2008)**

Родился 7 февраля 1922 г. В академии с 1971 г. в должности начальника кафедры истории КПСС.

Участник боевых действий в составе Западного и Калининского фронтов.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За трудовое отличие» и др.

**ЖОГИН Александр Венедиктович
(1918–2010)**

Родился 13 сентября 1918 г. В академии работал с 1971 по 1975 год в должности начальника курса.

Участвовал в Великой Отечественной войне в составе 2-го Белорусского фронта.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

**ИГНАТЬЕВ Михаил Константинович
(1924–1979)**

Родился 15 июня 1924 г. В академии работал с 1971 г. начальником курса, с 1976 по 1979 год – начальником спецфакультета.

В годы войны служил командиром отделения 26-го воздушно-десантного полка 9-й десантной дивизии Украинского фронта.

Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги», «За безупречную службу» I и II степени.

**ИЛЬЕВ Николай Иванович
(1923–2009)**

Родился 24 августа 1923 г. В академии работал с 1971 по 1972 год в должности начальника курса.

Участвовал в боевых действиях в составе 2-го Прибалтийского, Калининского и Северо-Западного фронтов.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

**КАНТАРЖИ Андрей Викторович
(1924–1975)**

Родился 28 апреля 1924 г. В академии работал с 1971 г. старшим инспектором отдела кадров, с марта 1974 г. – преподавателем кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники.

С июня 1943 по январь 1945 г. проходил службу в действующей армии в качестве радиста 11-й гвардейской воздушно-десантной бригады 2-го Прибалтийского фронта, а с января 1945 г. – помощника начальника ЦТС 331-го гвардейского полка 2-го и 3-го Украинских фронтов и группы советских оккупационных войск в Венгрии.

Награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

**КОЗЛОВ Николай Филиппович
(1923–1993)**

Родился 12 декабря 1923 г. В академии работал с 1971 г. начальником учебного отдела.

В годы войны участвовал в боевых действиях на Северном фронте (1942 г.), Западном (1943 г.), Калининском и Прибалтийском фронтах (1944 г.).

Награжден медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Советского Заполярья» и др.

**КОНОПЛИН Иван Федорович
(1926–2013)**

Родился 30 мая 1926 г. В академии работал с июля 1971 г. по 1976 год начальником курса.

Первые годы войны трудился на военном заводе в Подмоскowie, в 1947 г. участвовал в ликвидации националистических банд ОУН-УПА на территории Тернопольской области (УССР).

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской армии и Флота», «За безупречную службу» и др.

**КОЧЕТКОВ Алексей Никитович
(1926–2002)**

Родился 7 мая 1926 г. С 1975 по 1987 год работал в должности начальника финансового отдела Рязанской высшей школы МВД СССР.

В годы войны участвовал в боевых действиях в составе 1-го Украинского фронта.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, многими медалями.

**КРУТИКОВ Григорий Данилович
(1924–2006)**

Родился 12 февраля 1924 г. В академии работал с 1971 г. по 1975 год преподавателем кафедры государственно-правовых дисциплин.

В годы войны проходил службу в должности старшего метеоролога отдельной роты химзащиты 27-й гвардейской стрелковой дивизии.

Награжден орденом Славы III степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

**КУЗЬМИН Михаил Михайлович
(1918–2001)**

Родился 18 ноября 1918 г. В академии работал с 1974 г. в должности доцента кафедры экономики и планирования материально-технического снабжения в ИТУ экономического факультета РВШ МВД СССР.

В годы войны участвовал в боевых действиях Юго-Западного, Донского, Центрального фронтов в качестве сотрудника особого отдела фронта, а в составе 1-го и 2-го Белорусского фронтов – в качестве сотрудника контрразведки «Смерш».

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, многими медалями.

**КУПЦОВ Сергей Корнеевич
(1925–2009)**

Родился 1 октября 1925 г. В академии работал с 1982 г. на кафедре криминологии и в учебном отделе.

С 1942 г. служил на границе с Японией, в Маньчжурии, оккупированной японцами, в составе 12-й отдельной бригады, в разведке 5-го Военно-морского флота в Северной Корее.

Награжден медалью «За боевые заслуги» и др.

**КУРЕЕВА Евгения Ивановна
(1924–2009)**

Родилась 9 декабря 1924 г. В академии работала в должности заведующего складом КЭО ХОЗО.

В годы Великой Отечественной войны служила рядовым красноармейцем роты аэродромного обслуживания 18-го гвардейского авиационного полка 1-го Украинского фронта водителем грузовика. День Победы встретила в Польше.

Награждена орденом Отечественной войны I степени и несколькими медалями.

**КУСКОВ Виктор Николаевич
(1924–2014)**

Родился 17 февраля 1924 г. Более 20 лет работал преподавателем на кафедре оперативно-розыскной деятельности РВШ МВД РФ. В марте 1943 г. после окончания Арзамасского пулеметно-минометного училища был направлен на фронт под Воронеж, а позже под Харьков в стрелковый полк № 1145.

Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

**КУТЫЧКИН Анатолий Павлович
(1925–2006)**

Родился 1 января 1925 г. В академии работал с 1971 г. преподавателем-методистом, а затем преподавателем кафедры оперативно-розыскной деятельности. Участвовал в боевых действиях с 1944 г. на 2-м Прибалтийском фронте.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской армии и Флота», «За безупречную службу» I и II степени и др.

**ЛИТВИНЕНКО Лилия Ивановна
(1920–1999)**

Родилась 2 декабря 1920 г. В академии работала в медицинской части с 1970 г.

Проходила военную службу с 1944 г. в качестве врача-хирурга в звании лейтенанта медицинской службы в санитарном батальоне.

Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

**ЛОБАНОВ Сергей Сергеевич
(1924–2002)**

Родился 25 ноября 1924 г. В академии работал с 1980 г. по 1982 год заместителем начальника по хозяйственной части.

С января по декабрь 1942 года – гвардии старший сержант, солдат-автоматчик 3-й мотострелковой бригады, наводчик 49-го полка ПВО железнодорожных эшелонов 2-го Белорусского фронта.

Награжден медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За безупречную службу» I и II степени, «За отличную службу по охране общественного порядка».

**МАЛЫШЕВ Юрий Иванович
(1924–2009)**

Родился 2 мая 1924 г. В академии работал с 1971 г. начальником кафедры госправовых дисциплин, заместителем начальника РВШ МВД СССР по учебной работе.

Участник боевых действий под Сталинградом. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

**МАРУКОВ Федор Степанович
(1924–1980)**

Родился в августе 1922 г. С 1970 по 1979 год работал в должности преподавателя кафедры уголовного права и процесса РВШ МВД РФ.

В боевых действиях участвовал в составе 87-го запасного стрелкового полка, а затем – 181-го запасного артиллерийского полка Брянского фронта. С июня 1945 по июль 1946 года служил адъютантом комбрига 5-й учебно-танковой бригады.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За безупречную службу» и др.

**МУРАВЛЕВ Иван Фролович
(1920–2010)**

Родился 14 ноября 1920 г. В академии работал с 1979 по 1991 год в должности столяра и плотника хозяйственного отдела.

Всю войну прошел рядовым пехотинцем в составе 2-го Украинского фронта. Участвовал во многих боевых действиях.

За мужество и отвагу был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Славы III степени и многими медалями.

**НОВИКОВ Виктор Иванович
(1929–2011)**

Родился 10 сентября 1929 г. В академии работал с 1972 г. заместителем начальника академии по политической части, начальником политического отдела.

Участник боевых действий партизанских отрядов в Брянской области.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны II степени» и др.

**ОГУРЦОВ Николай Александрович
(1920–1997)**

Родился 19 февраля 1920 г. В академии работал с 1973 г.: заместителем начальника кафедры уголовного права и процесса, с 1979 г. – профессором кафедры.

Участник боевых действий в составе 306-й дивизии 43-й армии. С сентября 1944 г. – прокурор военной прокуратуры 26-й гвардейской воздушно-десантной бригады.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

**ПИЧУЖКИН Николай Васильевич
(1916–1978)**

Родился 16 мая 1916 г. В академии работал с 1970 по 1978 год в должности старшего преподавателя кафедры истории КПСС.

Участвовал в боевых действиях в составе Волховского фронта (1942 г.), 2-го Украинского фронта (1942–1944 гг.). Имел три боевых ранения.

Награжден орденами Отечественной войны I степени и Славы III степени, медалью «За боевые заслуги» и др.

**РЫБАК Виталий Мусиевич
(1923–2008)**

Родился 19 января 1923 г. В академии работал с 1971 г. старшим преподавателем кафедры ОРД.

Участвовал в боевых операциях в составе Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Славы III степени, медалью «За боевые заслуги» и др.

**САЗОНОВ Федор Герасимович
(1924–2005)**

Родился 2 ноября 1924 г. В академии работал с 1975 по 1985 год в должностях старшего научного сотрудника лаборатории по исследованию проблем перевоспитания осужденных, доцента кафедры ОРД.

В боевых действиях участвовал в составе 3-го Украинского фронта.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Славы II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

**СМОРЫГО Виктор Акимович
(1920–1994)**

Родился 5 марта 1920 г. Начальник РВШ МВД СССР с 1974 по 1981 год.

Участник боевых действий в составе Северо-Западного фронта.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, 16 медалями СССР и 4 медалями социалистических стран.

**ХОХЛОВ Петр Кириллович
(1923–2010)**

Родился 11 июня 1923 г. В академии работал с 1971 по 1984 год в должности старшего преподавателя кафедры ИТП.

Участвовал в боевых действиях в составе Северо-Западного и Западного фронтов.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

**ЧУХНОВ Василий Михайлович
(1923–2011)**

Родился 23 декабря 1923 г. С 1971 по 1974 год работал помощником начальника РВШ МВД СССР по строевой части.

В 1942 г. был призван в Красную Армию и направлен в Московское пулеметно-минометное училище, по окончании которого проходил службу в должности командира взвода в различных воинских соединениях.

Награжден орденом Красного Знамени, медалями: «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За воинскую доблесть» и др.

**ШАШИЛО Давид Филиппович
(1916–1994)**

Родился 22 апреля 1916 г. В академии работал с 1971 г. старшим научным сотрудником проблемной лаборатории, старшим преподавателем кафедры исправительно-трудовой педагогики и психологии.

Участвовал в боевых действиях в составе Западного, Карельского фронтов.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красного Знамени, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Советского Заполярья» «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

УДК 343.9
ББК 67.51
А86

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
(Академия ФСИН России),
e-mail: eo534@yandex.ru

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ РЕЦИДИВНОЙ (ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ) ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат: в статье раскрываются критерии работы сотрудников пенитенциарных учреждений по профилактике рецидивной (пенитенциарной) преступности, дается определение термина «эффективность», который широко используется для характеристики механических, химических, биологических и социальных процессов науки управления.

Для правильной оценки работы сотрудников пенитенциарных учреждений необходимы такие критерии оценки эффективности их деятельности, которые, по нашему мнению, еще недостаточно разработаны. Без решения этой проблемы невозможно полно и всесторонне анализировать состояние рецидивной (пенитенциарной) преступности, прогнозировать ее изменения в будущем и на этой основе планировать наиболее эффективные профилактические мероприятия, так как эта работа будет вестись не по главным, определяющим направлениям, а по второстепенным. Объективный критерий будет стимулировать совершенствование законодательства, а также уголовно-исполнительных, предупредительно-профилактических мер и способствовать укреплению правопорядка и законности.

Как свидетельствуют результаты исследований Н. С. Артемьева, А. В. Кубасова, А. П. Некрасова и других авторов, в практике работы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы имеют место нарушения законности, в их числе факты укрытия от учета совершенных преступлений и привлечения виновных не к уголовной, а к дисциплинарной ответственности.

С целью предупреждения нарушений законности при регистрации преступлений и нарушения законности и предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений следует внести коррективы в критерии оценки работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Привлечение осужденных к уголовной ответственности за такие преступления, как приготовление к побегу и покушение на побег, применение насилия в отношении представителей власти, насильственные действия сексуального характера, умышленное причинение легкого вреда здоровью, оскорбление представителя власти, следует считать положительным результатом работы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по предупреждению тяжких и особо тяжких преступлений, и в первую очередь массовых беспорядков, умышленных убийств, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

По нашему мнению, для определения эффективности работы пенитенциарных учреждений можно использовать балльный метод. Баллы должны даваться в одинаковом количестве по основным направлениям деятельности пенитенциарных учреждений (то есть средствам исправления осужденных, предусмотренным ст. 9 УИК РФ).

От того, как сотрудники исправительных учреждений обеспечивают установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), общественно полезный труд, воспитательную работу, общеобразовательное обучение, профессионально-техническое образование и общественное воздействие, зависит исправление осужденных и в конечном счете состояние рецидивной (пенитенциарной) преступности.

Преимуществом оценки работы сотрудников уголовно-исполнительной системы по данным показателям является их простота и доступность, что обеспечивает возможность получения информации об эффективности планируемых профилактических мероприятий и в зависимости от этого своевременного принятия дополнительных мер по нейтрализации негативных факторов и процессов, влияющих на преступность.

Ключевые слова: эффективность, критерии эффективности, профилактика, рецидивная (пенитенциарная) преступность, основные средства исправления, балльный метод, профилактические мероприятия, нарушения законности.

В вопросах совершенствования профилактики рецидивной (пенитенциарной) преступности большое значение имеет эффективность планируемых профилактических мероприятий. В справочной литературе термин «эффективность», происходящий от латинского «effectus» (исполнение, действие), рассматривается как «дающий эффект» или «приводящий к нужным результатам» [1]. Термин «эффективность» широко используется для характеристики механических, химических, биологических и социальных процессов. Эффективность – одно из основных понятий в науке управления. Под эффективностью здесь понимается достижение поставленных перед управляемой системой целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату.

«Эффективность организационных решений – результативность, полезность, действенность организаторской деятельности человека, подтверждаемая более прогрессивными, предпочтительными по сравнению с известными, действующими или предполагаемыми решениями» [2].

Идеальным результатом в профилактике рецидивной (пенитенциарной) преступности является ее полная ликвидация. Вместе с тем ставить такие задачи при составлении мероприятий в текущих и перспективных планах преждевременно. Пенитенциарная преступность как часть рецидивной преступности – сложное явление, зависящее от многих причин и условий. Существование и воспроизводство ее определяются в целом теми же причинами и условиями, что и всей преступности. Однако имеется определенная специфика в интенсивности действия, значения некоторых криминогенных явлений и процессов. Успешная профилактика пенитенциарной преступности зависит не только от времени воздействия на нее, но и от содержания работы сотрудников уголовно-исполнительной системы, поэтому при планировании профилактических мероприятий следует ставить задачи постепенного, поэтапного ее сокращения. И планируемые мероприятия будут эффективны, если цели, которые ставятся при планировании, достигнуты при наименьших затратах.

Для правильной оценки работы сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимы критерии оценки эффективности их деятельности.

В широком смысле под критерием оценки следует понимать любой признак, показатель, на основе которого судят о качестве проделанной работы. В теории управления по-прежнему актуальной и сложной проблемой является выработка четкого определения понятия «критерий эффективности». По данной важной проблеме ведутся дискуссии ученых, которые отстаивают свои формулировки,

вытекающие из концепций и особенностей представляемых ими областей знаний.

Анализ и сопоставление концепций, изучение практики использования понятия «критерий эффективности» в различных областях знаний позволяют нам соглашаться с мнением о том, что применительно к деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы оно может быть сформулировано следующим образом. Критерий эффективности есть средство для суждения, эталон, мерило, выраженное количественными или качественными показателями, с помощью которых производится оценка эффективности деятельности отдельных работников, коллективов или в целом системы для достижения заданных целей [3]. В данной роли критерий эффективности тесно связан с понятием «цель». Выступая как средство, регулирующее характер деятельности системы, он берет на себя функцию целевой установки, реализация которой обеспечивает решение поставленных задач. При этом критерий эффективности служит не только стимулирующим началом, обеспечивающим выполнение сотрудниками своих обязанностей, но и элементом контроля за таким процессом.

Проблеме выработки научно обоснованных критериев оценки эффективности органов, служб и отдельных должностных категорий в правоохранительных органах России уделяется определенное внимание, однако многие критерии оценки работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью разработаны недостаточно. К числу актуальных проблем, требующих решения в настоящее время, относится и разработка научно обоснованных критериев оценки деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы по профилактике пенитенциарной преступности. Без решения этой проблемы невозможно полно и всесторонне анализировать состояние пенитенциарной преступности, прогнозировать ее изменения в будущем и на этой основе планировать наиболее эффективные мероприятия, так как эта работа будет вестись не по главным, определяющим направлениям (позициям), а по второстепенным. Объективный критерий будет стимулировать совершенствование законодательства и повышение его эффективности, а также уголовно-исполнительных и предупредительно-профилактических мер.

К сожалению, деятельность многих исправительных учреждений десятки лет была направлена в основном на выполнение производственных планов, а не на исправление осужденных, что отрицательно сказывалось на состоянии профилактики не только пенитенциарной, но и рецидивной преступности.

Следует подчеркнуть, что общественно полезный труд является не единственным средством воспитания осужденных. К таковым относились: режим отбывания наказания; политико-воспитательная работа; общественное и профессионально-техническое образование. По УК РФ 1996 г. к этому перечню (с небольшой корректировкой) добавлено общественное воздействие (ст. 9). В связи с этим производственная деятельность не должна превалировать при оценке деятельности исправительных учреждений, концентрированным же результатом работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (критерием работы) является количество осужденных, окончательно отказавшихся от совершения преступлений.

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, в практике работы сотрудников исправительных учреждений, к сожалению, имеют место нарушения законности, в их числе факты привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных за совершение ими уголовных (пенитенциарных) преступлений.

С целью недопущения нарушений законности по указанному вопросу и предупреждения совершения осужденными тяжких и особо тяжких преступлений во время отбывания наказания следует внести коррективы в критерии оценки работы исправительных учреждений по общему количеству совершенных преступлений.

Привлечение же осужденных к уголовной ответственности за такие преступления, как приготовление к побегу и покушение на побег, применение насилия в отношении представителей власти, насильственные действия сексуального характера, оскорбление представителя власти, умышленное причинение легкого вреда здоровью, незаконное изготовление оружия, угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью, следует считать положительным результатом работы сотрудников исправительных учреждений по предупреждению тяжких и особо тяжких преступлений и в первую очередь массовых беспорядков, умышленных убийств, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Для определения итогов выполнения планов работы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по профилактике рецидивной (пенитенциарной) преступности можно использовать балльный метод. Его применил, в частности, Л. Ш. Берекашвили при определении результатов деятельности органов внутренних дел по линии уголовного розыска. Решение о выборе этого метода основывалось на объективной оценке его возмож-

ностей, что подтверждалось международным опытом его применения в различных отраслях науки и техники. По нашему мнению, баллы должны даваться в одинаковом количестве по основным направлениям деятельности исправительных учреждений (средством исправления осужденных).

От того, как сотрудники исправительных учреждений обеспечивают установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), общественно полезный труд, воспитательную работу, общеобразовательное обучение, профессионально-техническое образование и общественное воздействие, зависит исправление осужденных и в конечном счете состояние пенитенциарной преступности. Используя балльный метод, можно количественно оценить работу исправительного учреждения по профилактике пенитенциарной преступности. Если каждое направление деятельности оценивать по пятибалльной системе (5 – отлично, 4 – хорошо, 3 – удовлетворительно, 2 – плохо, 1 – очень плохо), то максимальное число баллов будет – 20, а минимальное – 4, причем в понятия «отлично» и «очень плохо» следует включать такие результаты работы по этим направлениям, которые являются лучшими или, наоборот, худшими в целом по определенной республике, краю, области.

При подведении итогов работы исправительных учреждений нужно брать во внимание основные показатели их работы, которые поддаются количественному выражению. Например, при оценке деятельности по профилактике правонарушений в исправительном учреждении следует учитывать такие из них, как:

- установленный порядок исполнения и отбывания наказания (побеги и другие преступления, карточная игра, распитие спиртных напитков, употребление наркотиков и т. д.);

- воспитательная работа (число осужденных, нарушающих дисциплину и вставших на путь исправления, их удельный вес от общего числа осужденных);

- общее, профессионально-техническое образование, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Преимуществом оценки работы сотрудников уголовно-исполнительной системы по названным показателям является их простота и доступность, что обеспечивает возможность получения информации об эффективности планируемых профилактических мероприятий и в зависимости от этого своевременного принятия дополнительных мер по нейтрализации негативных факторов и процессов, влияющих на состояние пенитенциарной преступности.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов / под ред. А. Г. Спиркина, И. А. Акчурина. М., 1980. С. 609.
2. Бачало И. Л. Функции органов управления. М., 1976. С. 98.
3. Берекашвили Л. Ш. Проблемы оценки деятельности органов внутренних дел. М., 1978. С. 4.

NIKOLAJ SEMYONOVICH ARTEMYEV,

doctor of law, professor,
honorary worker of russian higher education professor
of the criminology and penal law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: eo534@yandex.ru

**EFFICIENCY CRITERIA OF THE PENAL SYSTEM STAFF ACTIVITY ON RECIDIVISM
(PENITENTIARY CRIMES) PREVENTION**

Annotation: the article describes the efficiency criteria of the penal system workers activity on the prevention of penitentiary crime. It provides a definition of the term «efficiency» which is widely used to characterize the mechanical, chemical, biological and social processes of management science.

For correct evaluation of the work of prison officers we need such criteria for evaluating the effectiveness of their activities which are in our opinion still insufficiently developed. Without solving this problem it is impossible to analyze the state of recidivism (penitentiary) crime fully and thoroughly, to predict its changes in the future and on this basis to plan the most effective preventive measures, because this work will be carried out not only on the main determining ways but on minor ones. Objective criteria will encourage the improvement of legislation, as well as penal, precautionary and preventive measures and will contribute to consolidation of the rule of law and legality.

The results of the research of N. S. Artyemyev, A.V. Kubasov, A.P. Nekrasov and other authors in the practice of the work of prison officers and penal system workers indicate that there are violations of law including facts of concealment of crime perpetrations from the calculation and institutions not criminal but discipline proceedings against perpetrators.

In order to prevent violations of the law during the crime registration and to prevent grave crimes it should make corrections to the evaluating criteria of the penal system bodies and prisons activities.

Prosecution of convicted for such crimes as preparation to escape and attempted escape, the use of force against the authorities, sexual assault, intended bodily harm, insulting the authorities should be considered a positive result of the work of prison officers and bodies of the penal system for the prevention of grave crimes, and in the first place of disturbances, murders, the disorganization of the prison activities which provide isolation from society.

In our opinion to determine the effectiveness of the penal institutions work grade method can be used. It should give the same amount of points in main areas of penal institutions activities (i.e. the means of correction provided by the Article 9 of Penal Code of the Russian Federation).

Correction of convicted and ultimately the state of recidivism (prison) crime depends on how prison officers provide the established order of execution and serving the sentence (routine), socially useful labour, educational work, general education, vocational training and social influence.

The advantage of evaluating prison officers activities on the above indicators is their simplicity and accessibility that makes possible to obtain timely intelligence on the effectiveness of planned preventive measures, and depending on this timely adoption of additional measures to neutralize the negative facts and processes that affect crime.

Key words: efficiency, effectiveness criteria, prevention, recurrent (penitentiary) crime, the main means of correction, grade rating method, preventive measures, violations of law.

References

1. Slovar' inostrannyh slov [Dictionary of Foreign Words]. Edited by A. G. Spirkin, I. A. Akchurin. Moscow, 1980, p. 609.
2. Bachalo I. L. Funktsii organov upravleniya [Control functions.] Moscow, 1976, p. 98.
3. Berekashvili L. S. Problemi otsenki deyatel'nosti organov vnutrennih del. [Problems of assessment of internal affairs bodies]. Moscow, 1978, p. 4.

УДК 343.1
ББК 67.410.217
С42

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
(Южно-Российский институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации),
e-mail: apskiba@mail.ru

ПОТЕРПЕВШИЙ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ

Реферат: потерпевший от совершения преступлений – потенциально основной участник всех стадий уголовного судопроизводства, ведь изначально уголовное преследование осуществляется и в его интересах. Однако участие потерпевшего в стадии исполнения приговора трудно реализовать на практике.

Для разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования предлагается всю стадию исполнения приговора разделить на следующие этапы: возбуждение производства, подготовка дела к судебному заседанию и судебное заседание. Первый этап должен всеобъемлюще регламентироваться в уголовно-исполнительном законодательстве, а последующие – относиться к уголовно-процессуальному регулированию. Между тем на этапе возбуждения производства вообще не предусматривается участие потерпевшего.

В 2013 г. в ст. 399 УПК РФ были внесены изменения, позволяющие потерпевшему или его представителю участвовать в судебном заседании при решении вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Однако эти изменения не позволяют потерпевшему присутствовать при решении иных многочисленных вопросов в стадии исполнения приговора. Присутствие же потерпевших при решении различных вопросов в стадии исполнения приговора (а не только двух вышеуказанных) может позволить суду лично оценить реакцию осужденного на них, а также способствовать более объективной оценке степени исправления осужденного.

В соответствии со ст. 399 УПК РФ потерпевший (его законный представитель) вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы. Однако остается непонятным, когда, например, потерпевший будет изучать представленные в суд материалы. Реализовать это право потерпевшему в судебном заседании может быть затруднительно, так как в гл. 47 УПК РФ не предусмотрено приостановление рассмотрения вопроса в стадии исполнения приговора. В ст. 78, 175 и др. УИК РФ вообще ничего не сказано об ознакомлении потерпевшего с материалами, направляемыми в суд. В этом случае потерпевшему может быть сложно определиться в стадии исполнения приговора с собственной позицией по конкретному вопросу, решаемому в отношении осужденного.

Таким образом, очевидно наличие нереализованного потенциала, позволяющего не только усилить роль потерпевшего в стадии исполнения приговора, но и конкретизировать его правовое положение на различных этапах стадии исполнения приговора.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, потерпевший, стадия исполнения приговора, исполнение уголовных наказаний, исправительные учреждения, осужденный, этапы стадии исполнения приговора, возбуждение производства, судебное заседание.

Потерпевший от совершения преступлений – потенциально основной участник всех стадий уголовного судопроизводства, ведь изначально уголовное преследование осуществляется и в его интересах. Однако участие потерпевшего в стадии исполнения приговора трудно реализовать на практике, между тем его роль, по мнению исследователей [1, с. 79–86; 2, с. 24–27], должна быть более значима.

Многие вопросы, решаемые в стадии исполнения приговора (условно-досрочное освобождение осужденного, его освобождение по болезни и прочие вопросы в соответствии со ст. 397 УПК РФ), изначально регулируются в уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 78, 175 и др. УИК РФ). Получается, что вся стадия исполнения приговора имеет межотраслевой характер и регулируется прежде всего в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Для разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования этой области в юридической литературе [3, с. 74–135] предлагается всю стадию исполнения приговора разделить на следующие этапы: возбуждение производства, подготовка дела к судебному заседанию и судебное заседание. Первый этап должен всеобъемлюще регламентироваться в уголовно-исполнительном законодательстве, а последующие – относиться к уголовно-процессуальному регулированию.

Между тем на этапе возбуждения производства в соответствии со ст. 78, 175 и др. УИК РФ вообще не предусматривается участие потерпевшего. Основными участниками этого этапа являются осужденный (его адвокат) и администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, составляющие соответствующие документы, которые впоследствии будут направлены в суд.

Согласно ст. 399 УПК РФ на двух последующих этапах стадии исполнения приговора фактически речь идет только о судебном заседании. При этом его регулирование не лишено недостатков: отсутствует надлежащее закрепление обстоятельств, подлежащих доказыванию, при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора, перечня документов, представляемых и учитываемых судом в этой стадии, и других вопросов [2, с. 24–27; 4, с. 27–30; 5, с. 27–29].

Указанные и иные недостатки регулирования стадии исполнения приговора в определенной степени можно сгладить путем предусмотрения «расширенного» перечня лиц, которые могли бы участвовать в рассматриваемой стадии, а также четкого закрепления их прав. Однако в соответствии с нормами уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства получается противоположная ситуация: так, при возбуждении производства вообще не участвуют прокурор, потерпевший и иные лица (кроме осужденного (его адвоката) и администрации учреждения или органа, исполняющего наказание), в судебном заседании осужденный участвовать не обязан, прокурор тоже участвовать только вправе, также не предусматривается вызов пенитенциарных врачей и психологов, других сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказание, родственников осужденного, представителей общественности и других лиц (что критикуется в юридической литературе).

В последнее время имеют место некоторые изменения законодательства в этой области. Так, в соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и

статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ст. 399 УПК РФ были внесены изменения (которые уже обсуждаются в юридической литературе [6, с. 89–95]), позволяющие потерпевшему или его представителю участвовать в судебном заседании при решении вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Однако эти изменения не позволяют потерпевшему присутствовать при решении иных многочисленных вопросов на стадии исполнения приговора, например об изменении осужденному вида исправительного учреждения или о его досрочном освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью.

Присутствие же потерпевших при решении различных вопросов в стадии исполнения приговора (а не только двух вышеуказанных) может позволить суду лично оценить реакцию осужденного на них (например, нейтральную или отрицательную вплоть до агрессивной), а также способствовать более объективной оценке степени исправления осужденного. Более того, с учетом большого числа осужденных к лишению свободы, имеющих психические расстройства и иные тяжелые заболевания, целесообразно учитывать их подобного рода реакцию для предупреждения совершения ими новых преступлений.

Участие потерпевшего в судебном заседании по различным вопросам, решаемым в стадии исполнения приговора (или направление им своего письменного мнения по данному вопросу), также позволило бы довести до сведения суда и иных лиц (прокурора, представителя администрации учреждения или органа, исполняющего наказание) сложившиеся у него взаимоотношения с осужденным. Ведь на практике бывают случаи, когда осужденный, например, через иных лиц продолжает угрожать или иным образом негативно воздействовать на потерпевшего, что, по нашему мнению, следует учитывать при принятии того или иного решения в стадии исполнения приговора (проблемы взаимоотношения осужденного и потерпевшего обсуждаются в юридической литературе [7, с. 84–88; 8, с. 61–63]).

В соответствии со ст. 399 УПК РФ потерпевший (его законный представитель) вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

Однако остается непонятным, когда, например, потерпевший будет изучать представленные в суд материалы (личное дело осужденного, его ходатайство или представление администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, и пр.).

Реализовать это право потерпевшему в судебном заседании может быть затруднительно, так как в гл. 47 УПК РФ не предусмотрено приостановление рассмотрения вопроса в стадии исполнения приговора. В ст. 78, 175 и др. УИК РФ вообще ничего не сказано об ознакомлении потерпевшего с материалами, направляемыми в суд. В этом случае потерпевшему может быть сложно определиться с собственной позицией по конкретному вопросу, решаемому в отношении осужденного в стадии исполнения приговора.

Между тем иным участникам судебного заседания реализовать это право проще: прокурор или представитель администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, это могут сделать, например, в самом учреждении перед направлением соответствующих материалов в суд, а осужденный и так в общих чертах представляет, что в них содержится. В то же время в УПК РФ это право в отношении прокурора и представителя администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, вообще не прописано.

Таким образом, потерпевшие могли бы активнее участвовать в решении различных вопросов в стадии исполнения приговора (безусловно, по желанию, так как у некоторых из них имеются различные стрессовые расстройства [9, с. 24–37]). Вероятно, в законодательстве следует предусмотреть возможность уведомления потерпевшего при разрешении различных вопросов в стадии исполнения приговора (а не только двух вышеуказанных в со-

ответствии с изменениями УПК РФ 2013 г.) и право первого письменно высказать свое мнение о целесообразности принятия того или иного судебного решения (в случае нежелания лично участвовать в судебном заседании).

Реализации прав потерпевшего могут способствовать и изменения, внесенные в ст. 79 УК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», согласно которым лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. Аналогичное условие для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания теперь содержится и в ст. 80 УК РФ.

Таким образом, очевидно наличие нереализованного потенциала, позволяющего не только усилить роль потерпевшего в стадии исполнения приговора, но и конкретизировать его правовое положение на различных этапах стадии исполнения приговора.

Список литературы

1. Николук В. В., Синенко С. А. Потерпевший в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2012. № 6. С. 79–86.
2. Даровских С. М. Механизм реализации принципа состязательности в стадии исполнения приговора // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2009. № 17. С. 24–27.
3. Свиридов М. К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. Томск, 1972. 138 с.
4. Кашуба Ю. А. Досрочное освобождение от отбывания наказания: проблемы установления обстоятельств, подлежащих доказыванию // Юрист-Правоведь. 2012. № 5. С. 27–30.
5. Филимонов Б. А. Основные вопросы досрочного освобождения // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1961. № 1. С. 27–29.
6. Брусницын Л. В. О правах потерпевшего в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2013. № 6. С. 89–95.
7. Иванов В. В. Обеспечение прав потерпевшего на стадии исполнения приговора // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-1. С. 84–88.
8. Мальцева Н. В. Особенности противоправного воздействия на потерпевших и свидетелей из числа осужденных в условиях лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 61–63.
9. Ковачев О. В. Посттравматические стрессовые расстройства потерпевших от преступлений и других экстремальных ситуаций // Прикладная юридическая психология. 2009. № 2. С. 24–37.

ANDREJ PETROVICH SKIBA,

doctor of law, associate professor,
professor of the criminal law department

(South-Russian institute of management – a branch of the Russian Academy of national economy
and public administration under the President of the Russian Federation),
e-mail: apskiba@mail.ru

VICTIM UNDER SENTENCE EXECUTION: THE PROBLEMS OF PARTICIPATION

Annotation: the victim from committing crimes is the potentially major participant in all stages of criminal proceedings, as the prosecution is initially made as on his behalf. However, the participation of the victim in the process of the sentence execution is hardly really implemented in practice.

To distinguish between criminal procedure and penal regulation it is offered to divide the whole process of execution into stages: initiation of production, preparation of cases for hearings and the trial. The first stage should be regulated in penal legislation, and the subsequent ones should be related to criminal procedure regulation.

Meanwhile, the participation of the victim at the stage of initiation of proceedings is not provided at all.

In 2013 Art. 399 of the Criminal Procedure Code was amended to allow the victim or his representative to participate in the hearing in deciding whether to parole convicted or to replace the rest part of the sentence with a milder punishment. However, these changes will not allow the victim to participate in solving many other problems in the stage of execution. The presence of the victims in dealing with the various issues at the stage of execution of the sentence (and not only the above two) may allow the court to assess the reaction of the convicted person to them, as well as contribute to a more objective assessment of the degree of correction of the convict.

In accordance with Art. 399 of the Criminal Procedure Code, the victim (his legal representative) has a right to have access to the materials submitted to the court, to participate in their examination, petitions and objections, to provide explanations, submit documents. However, it remains unclear when, for example, the victim will study the materials submitted to the court. To exercise this right to the victim in a court session may be difficult, as in Chapter 47 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the suspension of consideration at the stage of execution is not provided. In Art. 78, 175 and others of the Criminal Executive Code nothing is said about the victim's acquaintance with the materials sent to the court. In this case, it may be difficult for the victim to determine the stage of execution with their own positions on specific issues that are addressed in relation to the convicted person.

So, the presence of unrealized potential is obvious, which allows not only to strengthen the role of the victim in the process of execution, but also to specify its legal status in various stages of execution stage.

Key words: criminal procedure law, penal legislation, victim, stage of enforcement, execution of criminal penalties, correctional institutions, convicted, stages stage of enforcement, commencement of proceedings, court hearing.

References

1. Nikolyuk V. V., Sinenko S. A. Poterpevshiy v stadii ispolneniya prigovora [The victim in the stage of execution]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2012, no. 6, pp. 79–86.
2. Darovskih S. M. Mehanizm realizatsii printsipa sostyazatelnosti v stadii ispolneniya prigovora [Mechanism for the implementation of the principle of competition at the stage of execution]. – *Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo. – Bulletin of the South Ural State University. Series Law*, 2009, no. 17, pp. 24–27.
3. Sviridov M. K. Poryadok razresheniya del ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot nakazaniya [The procedure for resolving cases on parole from punishment]. Tomsk, 1972, 138 p.
4. Kashuba Yu. A. Dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya: problemy ustanovleniya obstoitelstv, podlezhashih dokazyvaniyu [Early release from punishment: the problem of establishing the circumstances, subject to proof]. *Yurist-Pravoved – Jurists Lawyer*, 2012, no. 5, pp. 27–30.
5. Filimonov B. A. Osnovnye voprosy dosrochnogo osvobozhdeniya [The main issues of parole]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Pravo. – Bulletin of Moscow University. Series Law*, 1961, no. 1, pp. 27–29.
6. Brusnitsyn L. V. O pravah poterpevshego v stadii ispolneniya prigovora [On the rights of the victim at the stage of execution]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2013, no. 6, pp. 89–95.

7. Ivanov V. V. Obespechenie prav poterpevshego na stadii ispolneniya prigovora [Ensuring the rights of the victim at the stage of execution]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Samara State University, 2014, no. 11-1, pp. 84–88.

8. Maltseva N. V. Osobennosti protivopravnogo vozdeystviya na poterpevshih i svideteley iz chisla osuzhdennyh v usloviyah lisheniya svobody [Features unlawful influence on victims and witnesses of the number of convicts in a prison]. Uголовно-исполнительное право – Penal law, 2006, no. 2, pp. 61–63.

9. Kovachev O. V. Posttravmaticheskie stressovye rasstroystva poterpevshih ot prestupleniy i drugih yekstremal'nyh situatsiy [PTSD victims of crimes and other extreme situations]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology, 2009, no. 2, pp. 24–37.

УДК 343.2
ББК 67.408
Ч-68

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИСТЯКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
(Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя),
e-mail: alex62-60@yandex.ru

СТРУКТУРА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Реферат: каждое правовое явление, как и само право в целом, – это явление социального плана. Следовательно, к любому правовому явлению вполне применимы качественные и описательные характеристики социологического плана. Более того, это означает, что с методологической точки зрения в юриспруденции применимы не только приемы и методы социологии, но и уже сформировавшиеся социологические институты и учения.

Исследования последнего времени вполне подтверждают это, поскольку в теории права, науке уголовного и уголовно-исполнительного права уже закрепились такие категории, как «состав правового отношения», «состав уголовного наказания», «состав исполнения уголовного наказания», вводится в обиход категория состава уголовной ответственности. Предлагается рассматривать уголовную ответственность как единство традиционного перечня четырех элементов: объект уголовной ответственности, ее объективная сторона, субъект уголовной ответственности и субъективная сторона уголовной ответственности. При этом не отрицается факт того, что последние два из перечисленных элементов определяют ее сущность, формой выражения которой и выступают признаки объективной и субъективной сторон.

Постигая сущность уголовной ответственности, нередко проводят параллели между уголовно-правовыми отношениями, ссылаясь на схожесть действия механизма правового регулирования и реализации уголовно-правовых норм.

Вместе с тем в общей теории права юридическую ответственность рассматривают только как подсистему правовых отношений, одновременно проводя исследования в области состава и структуры правовых отношений.

Полагая, что уголовная ответственность есть обязанность лица, совершившего деяние, содержащее все признаки состава преступления, претерпеть неблагоприятные для него последствия в виде предусмотренных законом мер уголовно-правового характера, применяемых специально на то уполномоченными органами, ставится вопрос о признании структуры уголовной ответственности как единства объекта и субъектов уголовной ответственности с ее юридическим содержанием.

Не усматривая методологических препятствий для присвоения указанной категории наименования «состав уголовной ответственности», выдвигается гипотеза о том, что права и обязанности субъектов уголовной ответственности не отдельные, «самостоятельные» элементы правоотношений, а юридические качества и свойства элементов (субъектов), приданные им правовыми нормами. В рамках уголовной ответственности данные свойства определяют ее структуру, то есть собственно правовые связи и отношения между субъектами.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, реализация уголовно-правовых норм, состав уголовной ответственности, уголовная ответственность, уголовно-правовые отношения, элементы правоотношений.

В последнее время в юридической науке ряд явлений отраслевой принадлежности нередко рассматривают с точки зрения социологических концепций. На наш взгляд, подобный подход к исследовательской работе похвален, однако требует своего методологического обоснования. Необходимо учитывать, что самое главное в этом процессе – не подменить юридическую природу правового явления социологическими составляющими. Безусловно, с методологи-

ческой точки зрения право выступает как наиболее значимый регулятор общественных отношений. В этом видится социологическая составляющая любой правовой проблемы. В то же время социологию и ее научный инструментарий необходимо рассматривать как методологическое подспорье в процессе постижения юридических явлений. В этом смысле заслуживает внимания рассмотрение некоторых уголовно-правовых явлений с точки зрения учения о составах социальных и юриди-

ческих явлений. В связи с этим особое место занимает вопрос о возможностях рассмотрения феномена уголовной ответственности с позиций ее поэлементного состава. Современная методология нисколько не препятствует этому, поскольку уголовная ответственность в качестве элемента механизма правового регулирования выступает как элемент известного поэтапного взаимодействия в цепи «норма – правовое отношение – ответственность». А, как известно, в общей теории права всегда и безусловно, рассматривая проблемы правовых отношений, затрагивали вопросы структуры и содержания правовых отношений. Приблизительно с конца 90-х годов XX века, говоря о структуре правовых отношений, нередко ведут речь о составе правовых отношений. Указанная точка зрения получила настолько широкое признание, что уже фигурирует и в учебной литературе [1, с 236–241]. Таким образом, рассмотрение уголовной ответственности с точки зрения ее структурного состава не только правомерно, но и теоретико-методологически оправданно.

Структура уголовной ответственности выглядит как единство составляющих ее объекта уголовной ответственности, субъекта уголовной ответственности (видится, что отдельно при рассмотрении этой проблемы в качестве научной гипотезы может быть выдвинуто положение о двусторонности субъектов уголовной ответственности) и ее содержания. При рассмотрении содержания уголовной ответственности в свете учения о составах можно выделить ее объективную и субъективную стороны.

В юриспруденции традиционным является понимание любого вида правовой ответственности как сугубо ретроспективного явления. Даже цивилисты видят назначение гражданско-правовой ответственности в каре, неразрывно связывая ее с негативными санкциями, то есть невыгодными последствиями для лица, совершившего правовое нарушение [2, с. 9]. В этом смысле отправным моментом гражданской ответственности выступает осуждение виновного государством и обществом [3, с. 22–23]. Следовательно, гражданско-правовая ответственность видится им как некая мера принуждения, поэтому ряд авторов важнейшим признаком любого вида ответственности считают само принуждение [4, с. 8]. Однако, хотя возможность принуждения, как правило, и стоит за юридической ответственностью (следовательно, уже по этому признаку данные категории совпадать не могут), применение принуждения возможно без ответственности (например, реквизиция в гражданском праве, принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицу, совершив-

шему в невменяемом состоянии общественно опасное деяние, – в уголовном).

Юридическая ответственность может быть реализована и без принуждения [5, с. 13]. В этом смысле отсутствуют противопоказания для признания факта, что праву следуют в первую очередь как общему приказу, исходящему от государства, причем в силу именно не негативной, а позитивной составляющей властного веления, приказа [6, с 137, 167–168]. Данную очевидность как нельзя более полно иллюстрируют положения конституционного законодательства. Нетрудно заметить, что нормы конституционного права не содержат санкций, не предполагают принуждения, однако, как показывает правоприменительная практика, являются невыполнимыми и выполняются без исключения всеми органами именно в силу обязательности их выполнения. И потому к началу 80-х годов прошлого столетия в теории права в понимании юридической ответственности как ответственности за правовое нарушение возобладала точка зрения, согласно которой юридическая ответственность всегда связана с обязанностью дать отчет за совершенное и комплексом дополнительных личных и имущественных невыгодных последствий для правонарушителя.

В уголовно-правовой науке понимание уголовной ответственности как особой обязанности всегда находило самых последовательных приверженцев. Например, А. А. Пионтковский считал, что «уголовная ответственность есть обязанность лица нести за совершенное преступление определенный личный или имущественный ущерб, указанный в санкции соответствующей статьи уголовного закона» [7, с. 40].

Содержанием уголовной ответственности выступает обязанность. С момента совершения преступления у преступника, помимо комплекса существовавших до этого обязанностей, объективно появляются дополнительные. Но обязанность – это всегда неприятность, некое обременение, маленькое «насилие» над желаниями и волей ее носителя. И эта обязанность возникает и существует объективно; ее появление обусловлено фактом содеянного преступления.

Субъект может исполнять эту обязанность, а также уклоняться от ее выполнения, но от того, что лицо уклоняется от выполнения обязанности, она не исчезает. У преступника, совершившего преступление, возникает обязанность претерпеть всю совокупность мер неблагоприятного качества, предусмотренных за совершение преступления. Наказание и иные меры уголовно-правового принуждения, безусловно, воздействуют на личные или имущественные права субъекта уголовной ответственности. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, ог-

раничивается в свободе передвижения, не может распоряжаться своим временем по своему усмотрению (вызовы на допросы, очные ставки и т. п.), то есть субъект уголовной ответственности несет бремя неблагоприятных последствий за совершенное преступление еще до осуждения и вступления в силу обвинительного приговора. Следовательно, реализация уголовной ответственности связана с ограничением определенных прав, причинением определенного ущерба субъективным правам и законным интересам преступника.

М. П. Карпушин и В. И. Курляндский понимали под уголовной ответственностью (в материальном смысле) «обязанность виновного лица дать в установленном порядке отчет о совершенном им преступлении: подвергнуться определенным правоограничениям (мерам пресечения и т. д.), вытекающим из порядка решения вопроса об ответственности, быть осужденным от имени государства и понести заслуженное наказание» [8, с. 21]. Легко заметить, что в данном утверждении детализируется характер обязанности как уголовной ответственности – это обязанность преступника дать отчет в своих действиях, а не просто претерпевать личное имущественный урон, предусмотренный уголовным законом за совершение преступления.

Сведение содержания уголовной ответственности единственно к факту претерпевания виновным неблагоприятных последствий в связи с совершенным преступлением вполне отражает не только сущность, но и содержание уголовной ответственности. Под неблагоприятными последствиями можно понимать и наказание, и иные меры уголовно-правового характера, и принуждение, и правоограничения, то есть категория «неблагоприятные последствия» является весьма удачной в смысле отражения того, что предполагает уголовная ответственность. Однако нельзя согласиться с термином «претерпевание». На первый взгляд претерпевание включает в себя вопросы, связанные как с применением принуждения государственными органами, так и с иными моментами морально-нравственного толка, которые входят в содержание уголовной ответственности.

Вместе с тем трудно согласиться с тем, что преступник реально претерпевает неблагоприятные последствия, скрываясь от органов правосудия. Он и скрывается потому, что не желает реально претерпевать эти негативные последствия. Аналогичная ситуация складывается и в случаях латентных преступлений или неустановления лиц, их совершивших, поэтому нельзя в полной мере согласиться с утверждением, что уголовная ответственность – это претерпевание лицом, совершившим преступное деяние, неблагоприятных последствий. Более

предпочтительной видится позиция, согласно которой уголовная ответственность есть обязанность лица, совершившего общественно опасное деяние, содержащее признаки состава преступления, предусмотренные уголовным законом, претерпеть неблагоприятные государственно-правовые последствия. Обязанность претерпеть неблагоприятные последствия в связи с совершенным преступлением – это ключевой элемент структуры уголовной ответственности, а содержание уголовной ответственности может быть выражено формулой «уголовная ответственность – обязанность претерпевания неблагоприятных государственно-правовых последствий».

Таким образом, с точки зрения структуры уголовной ответственности она состоит из следующих элементов: объект уголовной ответственности, субъект уголовной ответственности и содержание уголовной ответственности.

Субъектом уголовной ответственности выступает лицо, на которое законом возлагаются обязанности понести бремя неблагоприятных последствий в связи с совершенным преступлением, то есть субъект уголовной ответственности является их носителем, он отвечает перед органами уголовного правосудия за совершение деяния, содержащего признаки состава преступления. Именно по поводу совершенного деяния, содержащего признаки состава преступления, субъект уголовной ответственности (он в этом случае одновременно является и субъектом уголовно-правового отношения) вступает в юридическую связь с государством, и поэтому деяние, содержащее признаки состава преступления, является объектом уголовно-правового отношения.

Отталкиваясь от общеправовых постулатов, можно констатировать, что объект уголовной ответственности противостоит субъекту. В объекте уголовной ответственности завязана предметно-познавательная деятельность участников уголовной ответственности. С одной стороны, это преступник, отвечающий за содеянное, с другой – государство в лице уполномоченных органов, принимающих ответ субъекта. Кроме того, объект уголовной ответственности должен быть как бы за пределами уголовной ответственности, предварять ее, поскольку он является частью основания ее возникновения.

Методологический подход к разрешению проблемы определения объекта уголовной ответственности аналогичен методам, примененным при исследовании элементов механизма формирования уголовной ответственности. Результаты проведенных исследований сводились к следующему: правообразующий уголовно-правовой юридический

факт является основанием уголовно-правового отношения. Объект уголовно-правового отношения представляет собой ядро правообразующего юридического факта в уголовном праве, он же является основанием уголовной ответственности. Юридический факт и объект уголовно-правового отношения однопорядковые, но не совпадающие по объему явления. Объект уголовно-правового отношения и основание уголовной ответственности – явления разноплановые, но однопорядковые и совпадающие по объему.

Деяние, содержащее признаки состава преступления, является основанием уголовной ответственности. Логично предположить, что объект уголовной ответственности является частью основания уголовной ответственности. На эту роль могут претендовать два элемента – деяние и состав преступления. За составом преступления признается роль юридического основания уголовной ответственности, за деянием – фактического. При этом ранее нами упоминалось, что в определенных случаях уголовно-правовой запрет реализуется в рамках не уголовной ответственности, а уголовно-правового отношения (например, п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ), то есть общественно опасное деяние присутствует (имеется фактическое основание уголовной ответственности), уголовно-правовое отношение возникает, но уголовная ответственность в его рамках не появляется. Таким образом, гипотетически можно предположить, что именно состав преступления является объектом уголовной ответственности. Предметно-практическая и познавательная деятельность участников уголовной ответственности возникает по поводу наличия или отсутствия состава преступления в совершенном деянии. Установление этого факта позволяет государственным органам приступить к реализации обязанности, появившейся у субъекта, а тому – реально претерпевать негативные меры, которые предполагались возникшей у него обязанностью.

Как правило, содержание уголовной ответственности часто называют элементом ее состава. Подобный взгляд на уголовную ответственность, отличающийся от общефилософского понимания категории «ответственность», обусловлен, видимо, объективной потребностью правовой теории именно в такой теоретической конструкции. Это можно допустить, рассмотрев уголовную ответственность как систему, а не как разновидность отношения, ответственности. В действительности содержание не может быть отождествлено не только с отдельно взятым элементом, но и даже с составом в целом. Не содержание уголовной ответственности является элементом ее состава, а, напротив, состав представляет одну из сторон ее

содержания. Содержанием уголовной ответственности может быть только единство ее состава и структуры. Это интегративное образование представляет собой структурно-организованное единство элементов, поэтому категория «содержание», являясь элементом системы понятий теории уголовной ответственности, еще не означает, что ее реальное содержание будет именно элементом состава уголовной ответственности.

Ранее нами отмечалось, что в состав уголовной ответственности как целостного, системного явления входят его субъекты. Анализ этого положения с точки зрения системного подхода позволяет сделать вывод о том, что только они могут быть названы элементами уголовной ответственности. Это объяснимо тем, что уголовная ответственность в структурном смысле существует между участниками и в уголовную ответственность, рассматриваемую уже как единство элементов и структуры, должны быть включены именно они.

В свете теории системного подхода обязанности субъектов уголовной ответственности – это не отдельные, «самостоятельные» элементы, а юридические качества, свойства элементов (субъектов), приданные им правовыми нормами. В содержании уголовной ответственности данные свойства определяют ее структуру, то есть собственно правовые связи, отношения между субъектами. Именно такая постановка вопроса не отвергает возможности обособленного рассмотрения субъективных прав и обязанностей как сложных, целостных явлений. Напротив, знание их места и роли в правоотношении должно способствовать более полной и точной характеристике их внутренней стороны, строения.

Структура уголовной ответственности, определяемая уголовным законом, представляет собой важнейшую категорию системного подхода и самой существенной стороной системы. Именно структура позволяет понять, почему в системе возникают новые качества и простой набор элементов превращается в функциональное целое. Даже незначительные изменения в структуре могут повлечь за собой существенные изменения в свойствах явления.

Обязанность претерпевания неблагоприятных последствий, установленных уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, возникает при наличии основания уголовной ответственности. Именно обязанность претерпевания составляет основное юридическое содержание уголовной ответственности. Структура этой обязанности представляет собой единство требований совершить определенные действия либо воздержаться от их совершения, должным образом отреагировать на законные тре-

бования управомоченного, нести ответственность в большем, дополнительном объеме за неисполнение или ненадлежащее исполнение требований и т. п. Разумеется, что при исследовании особенностей функционирования уголовной ответственности и взаимовлияния и взаимодействия элементов

структуры можно будет ставить вопрос о структурном объединении элементов состава уголовной ответственности. Пока можно констатировать, что структура уголовной ответственности представляет собой единство объекта и субъекта уголовной ответственности с ее содержанием.

Список литературы

1. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 384 с.
2. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. 310 с.
3. Шевченко Я. Н. Понятие и механизм гражданско-правовой ответственности // Повышение роли гражданско-правовой ответственности в охране прав и интересов граждан и организаций. Киев, 1988. 262 с.
4. Васькин В. В., Овчинников Н. И., Рогович Л. Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1988. 182 с.
5. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. 456 с.
6. Сабо И. Основы теории права. М., 1974. 269 с.
7. Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Сов. гос-во и право. 1967. № 12. С. 40.
8. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. 232 с.

ALEXEY ALEKSEEVICH CHISTYAKOV,

dsc in law, professor,
 professor of the criminal law and criminology department
 (V. Y. Kikotya Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia, the Ryazan branch),
 e-mail: alex62-60@yandex.ru

STRUCTURE OF CRIMINAL LIABILITY

Annotation: each legal phenomenon as law in general is of social nature. Therefore, qualitative and descriptive characteristics of a sociological nature are quite applicable to any legal phenomenon. Moreover, from methodological point of view it means that not only receptions and methods of sociology, but also sociological institutes and doctrines are applicable in law.

Last researches prove that in theory of law, science of criminal and penal law such categories as structure of legal relations, structure of criminal penalty, structure of execution of criminal penalty have been already consolidated, and the structure of criminal liability is gradually entering into use. Thus, it is offered to consider criminal liability as unity of a traditional list of four elements: an object of criminal liability, its objective part, a subject of criminal liability and subjective part of criminal liability. It isn't denied that the last two elements predetermine its essence.

One can draw parallels between criminal legal relations, referring to similarity of the mechanism of legal regulation and implementation of criminal precepts of law.

At the same time in general theory of law legal liability is considered to be a subsystem of legal relations, alongside with that researches in the field of structure and structure of legal relations being conducted.

Regarding criminal liability as a duty of a person who committed a crime to suffer all the measures of criminal and legal character provided by the law and applied by authorized bodies, it is reasonable to consider the structure of criminal liability to be a unity of objects and subjects of criminal liability with its legal contents.

Not having methodological obstacles for calling the above mentioned category a «part of criminal responsibility», we put forward the hypothesis that the rights and obligations of subjects of criminal liability are not individual and «independent» elements of legal relations, but legal characteristics of elements (subjects), given to them by legal norms. As a part of criminal liability they determine its structure, that is actually legal connections and relationships between entities.

Key words: mechanism of legal regulation, implementation of criminal precepts of law, structure of criminal liability, criminal liability, criminal legal relations, elements of legal relationships.

References

1. Morozova L. A. Teorija gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, 2010, pp. 236–241.
2. Ioffe O. S. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Responsibility for the Soviet civil law]. Lenigrad, 1955, p. 9.
3. Shevchenko Ja. N. Ponjatie i mehanizm grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti [The concept and mechanism of civil liability]. Povyszenie roli grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v ohrane prav i interesov grazhdan i organizacij [Enhancing the role of civil responsibility in the protection of rights and interests of citizens and organizations]. Kiev, 1988, pp. 22–23.
4. Vas'kin V. V., Ovchinnikov N. I., Rogovich L. N. Grazhdansko-pravovaja otvetstvennost' [Civil liability]. Vladivostok, 1988, p. 8.
5. Tarhov V. A. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Responsibility of the Soviet civil law]. Saratov, 1973, p. 13.
6. Sabo I. Osnovy teorii prava [Fundamentals of the theory of law]. Moscow, 1974, pp. 137, 167–168.
7. Piontkovskij A. A. O ponjatii ugolovnoj otvetstvennosti [On the concept of criminal responsibility]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law, 1967, no. 12, p. 40.
8. Karpushin M. P., Kurljanskij V. I. Ugolovnaja otvetstvennost' i sostav prestuplenija [Criminal liability and the offense]. Moscow, 1974, p. 21.

УДК 347.453
ББК 67.404.212.4
О-38

ВЛАДИМИР НИКОДИМОВИЧ ОГНЕВ,

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
профессор кафедры гражданского права и процесса
(Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт),
e-mail: ognev@list.ru

ВИДЫ СУБДОГОВОРОВ В СФЕРЕ АРЕНДЫ ИМУЩЕСТВА

Реферат: в статье анализируется нормативно-правовая и теоретическая система видов субдоговоров в сфере аренды имущества. На основе нормативно-правового анализа положений гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) выделяются договоры субаренды транспортных средств, субаренды зданий и сооружений, субаренды предприятий и финансовой субаренды. В систему субарендных договоров не входит субарендная форма проката, поскольку в условиях проката арендатор практически лишен возможности совершать какие бы то ни было распорядительные действия в отношении объекта аренды. Доктринальный анализ позволяет выделить договоры субаренды лесного участка и субаренды земельного участка.

Определение общих закономерностей в правовом регулировании отдельных видов договоров субаренды и установление возможности или невозможности заключения на основе конкретного вида договора аренды субарендного договора основывается на особенностях отдельных видов договора аренды.

Общим правилом выступает возможность заключения договора субаренды, а следовательно, существования субарендной формы, сопутствующей основному договору аренды, если это допускается законом и дано согласие арендодателя. Исключение составляет только договор субаренды транспортных средств, заключение которого возможно во всех случаях, если иное не предусмотрено договором. Заключение договора субаренды транспортного средства без получения специального разрешения арендодателя следует признать исключением из общего правила, предусмотренного для субаренды в целом.

Проведение аналогий в порядке правового регулирования договоров аренды и субаренды позволяет определить общую тенденцию в правовом регулировании субарендных договоров: к отдельным видам субаренды применяются общие положения о субаренде, если иное не установлено специальными нормами об аренде соответствующего вида.

Ключевые слова: договорное право, договор, субдоговор, договор аренды, договор субаренды, субаренда транспортных средств, субаренда зданий и сооружений, субаренда предприятий, финансовая субаренда, субаренда лесного участка, субаренда земельного участка.

Нормы о субаренде получили свое закрепление в § 1 гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), посвященном общим положениям об аренде. Статья 625 ГК РФ определяет, что к отдельным видам договора аренды и договорам аренды отдельных видов имущества общие положения применяются, если иное не установлено правилами ГК РФ об этих договорах. По смыслу законодателя правила о субаренде применимы к отдельным видам арендных договоров, если специальными нормами об этих договорах не установлено иное. Следовательно, есть все основания предположить, что договор субаренды может иметь соответствующие разновидности договора аренды виды.

Единственное правило, которое должно соблюдаться при этом, – в специальных нормах об отдельном виде договора аренды не должно содержаться запретов на субаренду. В противном случае не может заключаться, а значит, и существовать,

договор субаренды, соответствующий определенному виду договора аренды [2, с. 48–49]. Среди обозначенных законодателем видов договора аренды субаренду не допускает только договор проката в соответствии с п. 2 ст. 631 ГК РФ. В условиях проката арендатор практически лишен возможности совершать какие бы то ни было распорядительные действия в отношении объекта аренды. При этом не играет роли наличие согласия арендодателя. Совершение такого рода действий автоматически влечет за собой недействительность в силу несоответствия нормативным актам (ст. 168 ГК РФ) [7, с. 65].

Пожалуй, следует согласиться с позицией законодателя в данном вопросе. Запрет на передачу имущества, полученного по договору проката, в субаренду обусловлен сущностью прокатных отношений – они носят потребительский характер, то есть арендатору изначально известна возможность использования имущества в личных целях, а

не возможность извлечения прибыли из полученного имущества путем его передачи в субаренду.

На основе нормативно-правового анализа с полной уверенностью можно говорить о существовании субаренды транспортных средств, субаренды зданий и сооружений и субаренды предприятий. Важность такого выделения состоит в обеспечении реализации идеи законодателя обеспечить наиболее адекватное правовое регулирование имеющих набор характерных особенностей договоров аренды и, что более важно для нас, договоров субаренды, поскольку к договорам субаренды применяются правила о договорах аренды (п. 2 ст. 615 ГК РФ), а к отдельным видам договора аренды применяются общие положения об аренде (ст. 625 ГК РФ) [6, с. 144–145].

А. В. Гунин указывает также на существование договоров аренды, урегулированных иными, чем ГК РФ, правовыми актами, предполагающих возможность заключения на их основе договора субаренды. К подобным разновидностям договора субаренды указанный автор относит договор субаренды лесного участка и субаренды земельного участка [2, с. 59].

В целях определения общих закономерностей в правовом регулировании отдельных видов договоров субаренды, а также установления возможности или невозможности заключения на основе конкретного вида договора аренды субарендного договора необходимо исследовать особенности каждого из указанных видов.

Первым из разновидностей договора аренды, указанным в ГК РФ, является договор аренды транспортных средств. Арендаторам при этом в соответствии со ст. 638 и 647 ГК РФ предоставлена возможность сдавать транспортное средство в субаренду, если иное не предусмотрено договором. Заключение договора субаренды транспортного средства без получения специального разрешения арендодателя следует признать исключением из общего правила, предусмотренного для субаренды в целом.

Нормы, регулирующие указанные отношения, разделены в ГК РФ в зависимости от наличия или отсутствия предоставляемых арендодателем услуг по управлению транспортным средством и его технической эксплуатации. Отсутствие общих положений аренды транспортных средств создает значительные трудности в определении тех норм, которые должны применяться при заключении договоров с некоторыми признаками как договора аренды транспортного средства с экипажем, так и договора транспортного средства без экипажа [8].

Законодателем не установлены ограничения относительно категории и вида транспортного сред-

ства, которое возможно предоставить как в аренду, так и в субаренду соответственно. В связи с этим любое транспортное средство может быть сдано в аренду, а затем передано арендатором в субаренду субарендатору. К транспортным средствам при этом следует относить средства передвижения, которые предназначены для перемещения людей и грузов: железнодорожный подвижной состав; подвижной состав водного транспорта; подвижной состав автомобильного транспорта; подвижной состав воздушного транспорта; подвижной состав городского транспорта; средства наземного производственного транспорта, а также транспортные средства прочих видов.

Выделение в ГК РФ норм об аренде транспортных средств является нормативной основой для формирования необходимых положений в отраслевых транспортных кодексах и уставах. Это важно, поскольку ГК РФ прямо указывает на то, что особенности в регулировании подобных отношений могут предусматривать только данные нормативно-правовые акты. Таким образом, требуется научное исследование специфики отношений аренды каждого из основных видов транспортных средств. Теоретическая база на основе системного и комплексного анализа, обобщение имеющейся и формирующейся практики позволят научно обоснованно подойти к формированию рассматриваемых отраслевых норм [8].

Необходимо отметить, что на договор субаренды транспортных средств распространяются как общие правила о договоре субаренды, так и специальные правила, предусмотренные ст. 638 и 647 ГК РФ.

Таким образом, тенденция в правовом регулировании основного и субдоговора касательно соответствующей разновидности будет одинакова – применяются общие положения, если иное не установлено нормами о договоре соответствующего вида.

Отдельным видом договора аренды является договор аренды зданий и сооружений, специфика которых как объектов недвижимого имущества накладывает свой отпечаток и на договор, опосредующий их использование.

Договор аренды недвижимого имущества является распространенной сделкой в сфере оборота недвижимости. Данный договор способен удовлетворить потребности практически всех участников гражданского оборота. Заключая договор аренды недвижимости, своей цели достигают как арендодатель, так и арендатор. Арендатор, не имея возможности приобрести недвижимое имущество в собственность, реализует свою потребность путем заключения договора аренды. Арендодатель, распоряжаясь недвижимым имуществом, принадлежащим ему на праве собственности, перестает не-

сти расходы на его содержание и при этом получают определенную прибыль. Сдача в аренду недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, позволяет собственнику получать доходы в виде арендных платежей, являющихся одним из основных источников пополнения бюджетов различных уровней, что, в свою очередь, помогает преодолевать значительные экономические трудности в ряде регионов Российской Федерации.

Статья 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает, что заключение договоров аренды государственного и (или) муниципального имущества может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов на право заключения таких договоров (кроме случаев, указанных в законе).

Здание как объект аренды не может иметь в своем составе жилые помещения, и если такие помещения имеются наряду с нежилыми, они являются отдельным объектом недвижимого имущества. Так же и нежилые помещения в жилом доме – отдельный от этого дома объект недвижимости, следовательно, и арендных отношений [8, с. 23].

В юридической литературе отмечается, что действие норм § 4 гл. 34 ГК РФ необходимо распространить на отношения по аренде нежилых помещений, что является необходимой, хотя и запоздалой мерой по стабилизации российскими законодателями гражданского оборота недвижимого имущества, а соответствующее изменение гражданского законодательства станет первым шагом на пути к комплексной модернизации правового поля, в рамках которого субъекты гражданских правоотношений осуществляют свою хозяйственную деятельность, непосредственно связанную с использованием нежилых помещений [4, с. 15–18].

Б. А. Азукаева обосновывает необходимость самостоятельного выделения как вида договора аренды зданий и сооружений договора аренды нежилых помещений, по которому арендодатель обязуется передать арендатору во временное владение и пользование или во временное пользование нежилое помещение. В связи с этим указанный автор предлагает рассматривать аренду нежилых помещений как вид договора аренды зданий и сооружений [1, с. 5].

На наш взгляд, логичным является предложение О. В. Чумаковой относительно замены § 4 «Аренда зданий и сооружений» гл. 34 ГК РФ на параграф «Аренда недвижимого имущества», выделив в его составе особенности регулирования аренды зданий и сооружений и аренды нежилых помещений. Необходимо дать легальные опреде-

ления здания, сооружения и нежилого помещения, указав, что к аренде нежилых помещений применяются правила об аренде зданий, за исключением правил ст. 652, 653 ГК РФ о правах на земельный участок [8, с. 23–24].

Относительно возможности заключить на основе рассматриваемого вида договора аренды соответствующий субдоговор необходимо указать следующее. Специальной нормы, предусматривающей особенности заключения договора субаренды здания и сооружения нет, нет и запрета на заключение соответствующего субдоговора. Следовательно, к договору аренды здания и сооружения применяются общие положения о возможности с согласия арендодателя заключить договор субаренды здания и сооружения.

Квалифицирующими признаками договора субаренды здания или сооружения, по мнению А. В. Гунина, будут являться предмет и форма договора. Такой договор заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. Договор субаренды здания или сооружения, заключенный на срок не менее года, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации (ст. 651 ГК РФ). Если договор субаренды заключен на срок менее чем на один год, не смотря на то что основной договор аренды заключен на срок более года и зарегистрирован надлежащим образом, то он не подлежит государственной регистрации [2, с. 67].

В качестве самостоятельной разновидности договора аренды законодатель выделяет договор аренды предприятия, сущность которого – предоставление предприятия в целом как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности.

Аналогично рассматриваемому выше договору аренды зданий и сооружений в правовом регулировании договора аренды предприятия отсутствуют нормы, посвященные соответствующему виду субдоговора. Однако, принимая во внимание указанное в отношении субаренды зданий и сооружений, арендатор предприятия также может с согласия арендодателя заключить договор субаренды.

Заключению договора субаренды должно предшествовать составление и рассмотрение сторонами документов, удостоверяющих состав и стоимость передаваемого имущественного комплекса; переходу предприятия – уведомление кредиторов о передаче предприятия в субаренду и т. д. [5, с. 138–139].

Законодатель предоставил возможность арендатору предприятия по общему правилу без согласия арендодателя предоставлять во временное пользование либо займы материальные ценности, вхо-

дящие в состав имущества арендованного предприятия, сдавать их в субаренду и передавать свои права и обязанности по договору аренды в отношении этих ценностей другому лицу при условии, что это не влечет за собой уменьшения стоимости предприятия, но сам договор аренды предприятия может устанавливать другое правило (ст. 660 ГК РФ). Согласно точке зрения А. В. Гунина, среди разновидностей данного субдоговора преобладает субаренда отдельного имущества, в частности субаренда зданий, сооружений, нежилых помещений, которые в большинстве случаев могут использоваться лицами в качестве офисных центров, рабочей и производственной площади [2, с. 70].

Следующей разновидностью договора аренды является финансовая аренда (лизинг). Специального положения о возможности заключения договора сублизинга нет. Однако в юридической литературе существует небезосновательная точка зрения, согласно которой, несмотря на некоторые противоречия в законодательстве и цивилистической доктрине, имеется теоретическая возможность заключения договора сублизинга [3], на который будут распространяться специальные правила законодательства о лизинге, а в части, не урегулированной

указанным нормативным правовым актом, – общие положения о субаренде, закрепленные в § 1 гл. 34 ГК РФ [2, с. 75].

Следует также отметить, что среди разновидностей договора субаренды принято еще выделять договоры субаренды лесного и земельного участка. Возможность заключения указанных договоров субаренды предусматривается специальным законодательством, регулирующим оборот участков земли и леса (Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ и Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ). Однако при отсутствии специального регулирования могут также применяться общие положения ГК РФ о субаренде.

Таким образом, к разновидностям договора субаренды следует отнести субаренду транспортных средств, субаренду зданий и сооружений, субаренду предприятий, сублизинг, договор субаренды лесного участка и субаренды земли. Тенденция в правовом регулировании основного и субдоговора применительно к соответствующей разновидности будет одинакова – применяются общие положения, если иное не установлено нормами о договоре соответствующего вида.

Список литературы

1. Азукаева Б. А. Правовое регулирование договора аренды нежилых помещений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 178 с.
2. Гунин А. В. Договор субаренды в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2011. 218 с.
3. Корнийчук Г. А. Договоры аренды, найма и лизинга. М., 2009. 157 с.
4. Ланда В. М. Особенности гражданско-правового регулирования аренды объектов недвижимости (на примере города Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
5. Логинова Н. И. Аренда предприятия по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 175 с.
6. Муртазин А. И. Субдоговор как форма участия третьего лица в обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 201 с.
7. Мызров С. Н. Договор аренды : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2000. 191 с.
8. Чумакова О. В. Правовое регулирование рынка аренды недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 31 с.

VLADIMIR NIKODIMOVICH OGNEV,

PhD in law, phd in history,
professor of the civil law and process department
(Moscow state regional socially-humanitarian institute),
e-mail: ognev@list.ru

TYPES OF SUBCONTRACTS IN THE SPHERE OF RENTAL PROPERTY

Annotation: the article analyzes the legal and theoretical system types of subcontracts in the field of rental property. Based on the legal analysis of the provisions of Chapter 34 of the Civil code of the Russian Federation are in the sublease vehicles, sub-rental of buildings and structures, sublease enterprises and financial sublease. The system sublease agreements not included sublease form of rent, as under conditions of rental, the renter is

practically deprived of the opportunity to make whatever administrative action in respect of the facility lease. Doctrinal analysis allows to highlight the sublease forest and land sublease.

The definition of the General laws in the legal regulation of certain types of sublease agreements and establishing whether or not a conclusion based on a specific type of lease sublease contract is based on the characteristics of individual types of the lease.

The General rule is the conclusion of the sublease agreement, and therefore, the existence of the sublease form, which accompanies the main lease agreement, if permitted by law and the consent of the lessor. The only exception is the sub-lease vehicles, a conclusion which is possible in all cases, unless otherwise provided by the contract. The conclusion of the contract of sublease of vehicle without obtaining special permission of the lessor should recognize an exception to the General rule provided for sublease in general.

The analogy in the order of the legal regulation of contracts of lease and sublease allows you to define the general trend in the legal regulation sublease agreements: certain types sublease are subject to the general provisions of the sublease, unless otherwise determined by special regulations on the lease of the relevant type.

Key words: contract law, contract, subcontract, lease, sublease, sublease vehicles, lease of buildings and structures, sub-leasing companies, financial lease, sublease forest, sublease the land.

References

1. Azukaeva B. A. Pravovoe regulirovanie dogovora arendy nezhilykh pomeshcheniy. Dis. kand. jurid. nauk [Legal regulation of the contract of lease of non-residential premises. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2007, 178 p.
2. Gunin A. V. Dogovor subarendy v rossiyskom grazhdanskom prave. Dis. kand. jurid. nauk [The sublease agreement in the Russian civil law. Cand. legal sci. diss.]. Kolomna, 2011, 218 p.
3. Korniychuk G. A. Dogovory arendy, nayma i lizinga [Leases, hire and leasing]. Moscow, 2009, 157 p.
4. Landa V. M. Osobennosti grazhdansko-pravovogo regulirovaniya arendy ob'ektov nedvizhimosti (na primere goroda Moskvy). Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Features of civil law regulation of rent of the property (on the example of Moscow). Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2009, 27 p.
5. Loginova N. I. Arenda predpriyatiya po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii [The rental company under the laws of the Russian Federation]: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2008, 175 p.
6. Murtazin A.I. Subdogovor kak forma uchastiya tret'yego litsa v obyazatel'stve. Dis. kand. jurid. nauk [The subcontract as a form of participation of a third party in the obligation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2010, 201 p.
7. Myzrov S. N. Dogovor arendy. Dis. kand. jurid. nauk [The lease. Cand. legal sci. diss.]. Ulyanovsk, 2000, 191 p.
8. Chumakova O. V. Pravovoe regulirovanie rynka arendy nedvizhimosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Legal regulation of the rental market. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2008, 31 p.

УДК 347.1
ББК 67.404.06
Ю17

НИКОЛАЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ЮЖАНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Академия ФСИН России),
e-mail: yuzhanin15@mail.ru

СОРАЗМЕРНОСТЬ САМОЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Реферат: в статье рассматривается современное регулирование самозащиты в гражданском законодательстве, проблемы и способы их решения в вопросе реализации принципа соразмерности защиты нарушению. Предлагается внести изменения в общее гражданско-правовое регулирование института самозащиты в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Современное гражданское законодательство закрепляет право на самозащиту лишь как способ пресечения нарушения прав, что существенно сужает возможности применения самостоятельных восстановительных мер защиты. Раскрытие принципа соразмерности самозащиты нарушению в законе предполагает возможности судебного усмотрения в этом вопросе. Требуется расширение содержания ст. 14 ГК РФ с включением в это понятие конкретных допустимых мер ее реализации в договорных и внедоговорных правоотношениях, необходима конкретизация принципа соразмерности для отдельных односторонних правозащитных мер. Неточная формулировка закона в вопросе соразмерности самостоятельной защиты прав нарушению создает почву для самоуправства. Позиция высших судов в совместном постановлении обобщенно дублирует признаки соразмерности необходимой обороны и крайней необходимости уголовного законодательства, в то время как действия по гражданской самозащите могут быть значительно шире подобных пресекательных действий. В гражданском законодательстве непосредственного правового регулирования должны касаться только действия гражданско-правовые с объективной стороны, а не наказуемые уголовно. Конкретизация принципа соразмерности в гражданском праве должна осуществляться применительно к отдельным типичным гражданско-правовым правозащитным мерам. Меры восстановительной самопомощи, казалось бы, можно отнести к понятию осуществления права (а не защиты), но основанием совершения таких мер является посягательство на право в различных формах, следовательно, в этих случаях необходимо говорить о защите права и соответственно о самозащите. Понятие гражданской самопомощи относится к форме самозащиты. Его можно разделить на отдельные самостоятельные меры самопомощи, которые необходимо урегулировать в ГК РФ. Требуется расширение правового регулирования понятия самозащиты права – необходима конкретизация правовых мер самозащиты в ГК РФ и более детальное регулирование принципа соразмерности к различным самостоятельным односторонним мерам защиты.

Ключевые слова: самозащита, защита гражданских прав, меры защиты, соразмерность защиты, удержание, меры оперативного воздействия, самопомощь, необходимая оборона, крайняя необходимость, самоуправство, односторонние действия, юридический поступок.

Гражданский кодекс Российской Федерации не позволяет применять самозащиту за рамками пресечения нарушения права. Это является существенным недостатком в регулировании гражданской самозащиты, поскольку грань между пресечением и восстановлением уже нарушенного права в гражданских правоотношениях едва уловима, а конечная цель любой гражданско-правовой защиты – полное восстановление нарушенных прав. В настоящее время самозащита как юридическое понятие закреплено в двух статьях ГК РФ. В ст. 12 определяется, что существует такой способ защиты гражданских прав, как самозащита, в ст. 14 ГК РФ определяются пределы и возможности применения такого конкретно неопределенного, но возможного именно пресекательного способа самозащиты, указывается на допус-

тимность реализации способов, соразмерных нарушению, и не выходящих за пределы действий, необходимых для его пресечения. Такая формулировка недостаточно объемна для раскрытия принципа соразмерности в применении самозащиты, поэтому она конкретизируется в совместном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В п. 9 указанного постановления объясняется, что самозащита не может быть признана правомерной, если она «явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный». Подобная формулировка,

по сути, раскрывает положения закона – ст. 14 ГК РФ, поскольку в указанной статье никак не упоминается о явном несоответствии самозащиты способу и характеру нарушения, а указывается лишь на необходимость *соразмерности самозащиты нарушению*. Таким образом, названное судебное постановление раскрывает понятие «соразмерность нарушению». Универсальный общий критерий соразмерности для всех возможных мер самозащиты вряд ли вообще осуществим, но и конкретизация этого принципа для различных мер самозащиты должна быть в законе, а не в судебном постановлении. Считаем, что расширенное содержание ст. 14 ГК РФ с включением в это понятие конкретных допустимых мер ее реализации в договорных и во внедоговорных правоотношениях, в том числе конкретизация принципа соразмерности для отдельных односторонних правозащитных мер, является более правильным и единственно возможным решением проблемы. Неточная формулировка закона в вопросе соразмерности самостоятельной защиты прав нарушению создает почву для беззакония и самоуправства. Формулировка соразмерности самозащиты в представленном судебном постановлении в варианте ее допустимости, если она «явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный» не случайна, а, по сути, обобщенно дублирует признаки соразмерности необходимой обороны и крайней необходимости уголовного законодательства. Такая позиция Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в совместном постановлении связана с тем, что наиболее типичными допустимыми пресекательными мерами самозащиты могут являться лишь действия по обороне от нападения со стороны человека и по устранению опасности (крайняя необходимость). Однако подобное определение соразмерности самозащиты в представленном судебном постановлении лишь как действий защищаемого в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, регулируемых ст. 37, 39 УК РФ, существенно сужает само явление самозащиты в гражданских правоотношениях, которое значительно шире.

Уголовное право оценивает последствия самозащиты в виде причиняемого вреда и характер действия самозащищаемого по устранению посягательства или опасности, а также характер посягательства в момент применения самозащиты с позиции уголовно охраняемых отношений. Например, при необходимой обороне несоответствие защиты характеру и опасности посягательства может иметь место только при очевидном их разли-

чии. Действия обороняющегося нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны и в том случае, когда причиненный им вред оказался большим, чем вред предотвращенный, и тот, который был достаточен для предотвращения нападения, если при этом не было допущено явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства. В уголовном праве такой критерий соразмерности, как явное несоответствие самозащиты способу и характеру нарушения, важен для оценки возможности освобождения лица от уголовной ответственности, поэтому не только необходима оценка вредоносных последствий, но и важен характер самого действия субъекта при самозащите и характер отражаемого посягательства. Для правомерности действий в условиях крайней необходимости также оценивается характер опасности и действия по устранению грозящей опасности, в том числе их последствия. Во-первых, опасность может исходить из различных источников, не относящихся к нападению со стороны людей; во-вторых, грозящая опасность должна быть наличной и действительной; в-третьих, грозящая опасность не могла быть устранена другими средствами. Устранение опасности при крайней необходимости связано с причинением вреда охраняемым интересам. Вред причиняется третьим лицам, то есть посторонним, не связанным с источником опасности. При оценке таких действий по последствиям требуется, чтобы вред, причиняемый защищаемым от опасности, был менее значительным, чем предотвращенный. Причиняемый же вред в результате необходимой обороны будет правомерным даже в случае равенства вреда причиняемого вреду предотвращенному, то есть для неправомочности необходимой обороны требуется именно такая, а не иная соразмерность в последствиях. Таким образом, представленное судебное толкование соразмерности самозащиты (ст. 14 ГК РФ) не является удачным, поскольку лишь обобщает регулируемые УК РФ несколько различные и несовместимые правила о необходимой обороне и крайней необходимости, в то время как в гражданском законодательстве непосредственного правового регулирования должны касаться только действия гражданско-правовые с объективной стороны, а не наказуемые уголовно.

Считаем, что конкретизация принципа соразмерности в гражданском праве должна осуществляться применительно к отдельным именно гражданско-правовым правозащитным мерам в отдельном правовом регулировании в общих нормах ГК РФ, где необходимо урегулировать в целом форму защиты прав – самозащиту, включив в это понятие гражданскую самопомощь (во внедоговорных от-

ношениях) и понятие оперативных мер (в договорных правоотношениях), выделив отдельные, самостоятельные критерии соразмерности для этих мер. Таким образом, конкретизация соразмерности и правомерности подобных действий должна быть не на уровне судебного постановления, а на уровне закона и охватывать все односторонние правозащитные действия.

В настоящее время в ГК РФ единственные самостоятельные пресекательные меры в абсолютных правоотношениях, о которых вообще упоминается, – это действия лица в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны, причем в самом законе не указывается, что явление самозащиты сводится только к таким мерам. ГК РФ упоминает об этих правозащитных действиях лишь в контексте возмещения вреда (ст. 1066, 1067), толкования понятия таких действий в нормах гражданского права не существует, логично, что понятие подобных мер самозащиты детально раскрывается именно в Уголовном кодексе Российской Федерации. Однако не следует даже во внедоговорных отношениях все пресекательные меры самозащиты сводить исключительно к необходимой обороне и крайней необходимости как элементам защиты от уголовно наказуемых посягательств. В быту существует множество самостоятельных пресекательных и восстановительных действий, которые не сводятся к таким мерам. Например, самостоятельный слом замка субъекта долевого владения для доступа к жилому помещению является пресекательно-восстановительной самозащитой, то же можно сказать и о насильственном выдворении людей из жилого помещения собственником, самостоятельное устранение иных препятствий к доступу к вещи, прочих вредоносных объектов. Сводятся ли все такие действия исключительно к необходимой обороне и крайней необходимости? Скорее, их можно назвать каким-то единым и обособленным понятием «самооборона», но, чтобы не создавать путаницы с уже существующими терминами отрасли уголовного права «необходимая оборона» и «крайняя необходимость», подобные правовые меры можно именовать единым термином – «гражданская самопомощь», которая является элементом общего понятия (формы) гражданской самозащиты, реализуемой более широкими способами – пресекательно-восстановительными, а не исключительно в пределах пресечения нарушения. Восстановительную самопомощь казалось бы можно отнести к понятию осуществления права (а не защиты), однако такой подход только еще больше запутает правоприменителя. Основание применения таких мер – посягательство на право в различных формах, сле-

довательно, в этих случаях необходимо говорить о защите права и соответственно о самозащите. В свою очередь, понятие гражданской самопомощи, относимой к форме самозащиты, можно также разделить на отдельные самостоятельные меры самопомощи, которые следует урегулировать в ГК РФ.

Самостоятельные пресекательные действия в гражданских правоотношениях могут реализовываться целиком по своему содержанию как действия исключительно гражданско-правовые, в том числе по содержанию нарушенного права. Этого не учитывает рассматриваемое судебное постановление, обобщенный в нем критерий соразмерности для крайней необходимости и необходимой обороны как пресекательных мер, по сути, едино интерпретирует правила ст. 37, 39 УК РФ, в то время как для гражданского права важна более развернутая классификация и детализация соразмерности применения гражданско-правовых мер правозащитного характера. Кроме того, подобное судебное толкование принципа соразмерности самозащиты практически никак его не раскрывает применительно к договорным мерам самозащиты, которые судебная практика стала относить именно к применению самозащиты (ст. 14 ГК РФ), например, удержание вещи должника. Односторонние правозащитные меры в договорных отношениях как бы оказались теоретически вообще выведенными из понятия самозащиты права. Содержание и конкретные меры самозащиты, принцип и механизм их действия в законе, как видим, не раскрываются, однако в законодательстве урегулированы допустимые к применению односторонние защитительные действия, основания их реализации. Термин, который не раскрывается в законодательстве, не имеет и однозначной теоретической оценки, может широко трактоваться и пониматься при реализации права, поэтому любое одностороннее защитительное средство в договорных отношениях или во внедоговорных, по сути, является гражданской самопомощью (ст. 14 ГК РФ).

Меры односторонней защиты в договорном правоотношении (меры оперативного воздействия) вполне можно отнести к мерам гражданской самопомощи, причем они должны включать в себя как оперативно-обеспечительные меры, так и те, которые направлены на изменение и прекращение правоотношения [1]. Таким образом, ничто не ограничивает в применении самозащиты как общего объединяющего, руководящего начала к действию (форма защиты) при применении всех односторонних правозащитных мер субъектами гражданских правоотношений. Одностороннее поведение субъекта, направленное на защиту своих субъективных гражданских прав в любых правоотношениях – договорных и внедоговорных – подпадает под такое понятие самоза-

щиты. Итак, признак соразмерности самозащиты нарушению как принцип, заложенный в ст. 14 ГК РФ, может использоваться во всех ситуациях применения односторонних правозащитных действий, но он должен быть пояснен относительно каждой меры, например удержания имущества должника в специальных нормах. Нормы о допустимости применения права удержания должны рассматриваться как специальные по отношению к общим нормам о самозащите. Если бы законодатель посчитал необходимым ограничить право удержания в связи с несоответствием стоимости вещи, то это правило необходимо было бы закрепить в общих нормах об удержании имущества. Применять же принцип соразмерности в контексте невозможности удержания большей по стоимости вещи, чем размер требования со ссылкой на ст. 14 ГК РФ, не является разумным судебным подходом [2]. Однако из-за отсутствия детального регулирования самозащиты как формы защиты такая ситуация не случайна. Общая норма подлежит применению, если ее правило не изменено специальной нормой права. Необходима конкретизация принципа соразмерности по отношению к разным односторонним правозащитным мерам. При необходимой обороне и действиях в состоянии крайней необходимости достаточно лишь ссылки на УК РФ, при правозащитных мерах договорного правоотношения, в том числе удержании вещи, этот принцип реализуется в допустимости совершения этого права при определенных четко указанных в законе обстоятельствах. Для гражданской самопомощи необходимо не только создать в ГК РФ это понятие, но и уточнить соразмерность и пределы каждой такой меры. Таким образом, принцип соразмерности, определяемый как элемент правомерности самозащиты (ст. 14 ГК РФ), к конкретным дозволенным законом мерам в рамках договорных правоотношений должен быть применим в определенной мере, если законом не установлен иной какой-то режим правомерности и пределов использования. Вопрос состоит только в том, имеют ли специальные нормы гражданского законодательства отдельные правила о соразмерности хотя бы некоторых односторонних правозащитных мер. Таких отдельных и явно выделенных правил нет, поэтому правоприменитель односторонней меры самозащиты руководствуется только нормами, в целом допускающими их применение в том или ином случае. В связи с этим в общих положениях ГК РФ требуется закрепление понятия оперативных мер как мер самозащиты и неких общих критериев соразмерности, дополняемых специальными правилами. Например, нормы о допустимости применения удержания имущества должника, которое рассматривается в качестве отнесенного к тому же законодателем к способам обеспечения исполнения обяза-

тельств в современном правовом регулировании (ст. 359 ГК РФ), не указывают на соразмерность такой меры в отношении стоимости имущества, предполагается осуществление допустимости удержания любой, по сути, даже значительной по стоимости вещи должника. Для удержания установлен самостоятельный правовой механизм, который и должен применяться как специальный. Для того чтобы не было логического нарушения закона, необходимо в общих положениях ГК РФ упоминание меры оперативного воздействия в договорных правоотношениях как меры самозащиты. Таким образом, ретентор – лицо, применяющее удержание, должен руководствоваться принципом соразмерности его действий характеру нарушаемого права [3, с. 198] в специальных нормах ГК РФ, регламентирующих данную меру, а не общей и абстрактной нормой о соразмерности самозащиты нарушению [3, с. 194].

Специальных указаний о соразмерности удержания размеру долга не существует, поэтому в современном законодательстве должна быть связь между понятием самозащиты права в общих положениях и самозащиты во взаимосвязи со специальными положениями. Для этого необходимо четко указать в законе, что самозащита может реализовываться в рамках различных гражданских правоотношений, уместно указать на ее применение в законе в качестве общего правила и в договорных правоотношениях, с целью закрыть спор о том, является ли одностороннее действие по защите в рамках договорного правоотношения самозащитой права. Итак, можно ли удержать большую по стоимости вещь, чем размер требований должника? Полагаем, что это вполне допустимо, поскольку закон дает возможность применить право удержания любой вещи вне зависимости от ее стоимости, функционального назначения и т. п. В регламентации правил об удержании нет каких-либо ограничений применения удержания вещи, большей или меньшей по стоимости, чем размер требований. К тому же весь механизм одностороннего поведения ретентора при удержании вещи подчинен режиму мер обеспечения исполнения обязательств, который имеет свои правила и особенности, в том числе возможность реализации исполнительного удержания посредством продажи вещи. Следовательно, применение удержания с внешней стороны – это одностороннее правозащитное поведение субъекта, по существу самозащита права, но при его применении уже действуют специальные нормы, определяющие особый правовой порядок и механизм, являющийся специальным по отношению к ст. 14 ГК РФ. Однако судебная практика идет по пути применения общего

принципа соразмерности для всех односторонних правозащитных мер в договорном обязательстве. Если подобным образом применять ст. 14 ГК РФ, то необходимо более четко обозначить сферу ее действия в отношении всех правозащитных мер. Более логичным было бы создание отдельной нормы о соразмерности права удержания размеру требования или четкого указания в законе, что воз-

можность удержания имущества не зависит от размера требования ретентора.

Таким образом, следует расширить правовое регулирование понятия самозащиты права: необходима конкретизация правовых мер самозащиты в ГК РФ и более детальное регулирование принципа соразмерности с различными самостоятельными односторонними мерами защиты.

Список литературы

1. Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. М., 2004. 140 с.
2. Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006. 350 с.
3. Сverdlyk G. A., Strauning E. L. Защита и самозащита гражданских прав. М., 2002. 207 с.

NIKOLAJ VJACHESLAVOVICH JUZHANIN,

phd in law, associate professor,
associate professor of the civil law and procedure department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: yuzhanin15@mail.ru

PROPORTIONALITY OF SELF-DEFENSE IN CIVIL LAW

Annotation: the paper discusses current regulation of self-defense in civil legislation, in particular, the principle of proportionality of protection to violation. The author proposes to amend common civil law regulation concerning self-defense in the Civil Code of the Russian Federation. Modern civil law regards the right to self-defense only as a way to curb rights violations, which significantly narrows the possibility to use self-recovery protection measures. Disclosure of the principle of proportionality legally suggests the possibility of judicial discretion in this matter. The issue requires reviewing the art. 14 of the Civil Code, that is, including the concept of concrete measures for its implementation in contractual and non-contractual legal relationships. It is necessary to define the principle of proportionality for individual unilateral human rights measures. Wide and slurred statutory language on the issue of proportionality of self-defense to violation paves the way for arbitrariness. The viewpoints of the highest courts identifies proportionality of necessary self-defense and emergency of criminal law, while civil actions for self-defense can be much broader than such preclusive actions. In civil law direct legal regulation should be only applied to civil actions, but not criminally punishable. Concretization of the principle of proportionality in civil law should be applied to typical individual civil law human rights measures. It may seem that self-help measures can be attributed to the concept of right (not defense). But fulfillment of such measures might be an encroachment on right in various forms. Therefore, it is necessary to talk about protection of right and self-defense respectively. The concept of civil self-help refers to a form of self-defense. It can be divided into separate, independent self-help measures that need to be regulated in the Civil Code. It calls for more profound legal consideration of the concept of self-defense. We need to clarify legal measures of self-defense in the Civil Code and to thoroughly regulate the principle of proportionality as one of various independent unilateral measures of protection.

Key words: self-defense, protection of civil rights, protection measures, proportionality of protection, retention, measures of operational impact, self-help, necessary self-defense, extreme necessity, arbitrariness, unilateral actions, legal action.

References

1. Karpov M. S. Grazhdansko-pravovye mery operativnogo vozdeystviya [Civil measures of operational impact]. Moscow, 2004, 140 p.
2. Merkurev V. V. Zashchita bezopasnosti cheloveka i ego zhiznedeyatel'nosti [Protection of human security and life]. Moscow, 2006, 350 p.
3. Sverdlyk G. A., Strauning E. L. Zashchita i samozashchita grazhdanskih prav [Protection and self-defense of civil rights]. Moscow, 2002, 207 p.

УДК 343.8
ББК 67.409(4/8)
В19

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры философии и истории
(Академия ФСИН России),
e-mail: vasi-svetlana@yandex.ru;
ИРИНА МАРИКОВНА ЭРЛИХСОН,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений
(Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина),
e-mail: i.erlihson@rsu.edu.ru

РОЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В ТЮРЕМНЫХ РЕФОРМАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Реферат: статья посвящена изучению религиозных истоков пенитенциарных реформ Великобритании в конце XVIII – середине XIX века. Эпоха европейского Просвещения привела к радикальным изменениям в системе уголовного правосудия. Конец XVIII – начало XIX столетия принято считать началом «эры карательной сдержанности», когда важнейший вид уголовного наказания – смертная казнь рассматривается уже как средневековый анахронизм, не достойный высокоморального и цивилизованного общества. Особенность реформирования системы наказания в Англии – активное вмешательство в этот процесс представителей различных течений английского протестантизма. В статье освещены малоизвестные страницы истории пасторского тюремного служения представителей раннего английского методизма.

Немаловажное влияние на утверждение новых гуманистических принципов уголовного правосудия оказала группа политически активных протестантов-квакеров, которые вели активную работу по обе стороны океана – в Соединенных Штатах и Великобритании. Именно квакеры впервые заговорили о наказании как о средстве перевоспитания осужденного посредством религии и образования.

Особенности социально-политического и, главное, духовного развития английского общества на рубеже Средневековья и Нового времени, религиозные искания английского протестантизма обусловили прямую зависимость пенитенциарных реформ от религиозного фактора.

Материал подготовлен на основе источников, ранее не переведенных на русский язык.

Ключевые слова: пенитенциарные реформы Великобритании, методисты, квакеры, пасторское тюремное служение, тюремная благотворительность, история тюремного патроната.

Крупнейший специалист по английской социальной истории Дж. М. Тревельян, оценивая реформы закона и наказания в Европе и Англии конца XVIII века, рассматривает их как «часть общего движения гуманности, связанного на континенте с Вольтером и «философами», а в Англии – с философией и с религией» [13, с. 378]. Историк тонко подметил концептуальное отличие характера английских пенитенциарных реформ от более поздних европейских: изменения в системе наказания были следствием бурной деятельности, которую развернули представители различных течений английского протестантизма. Самыми ранними борцами за изменение условий тюремного содержания стали представители английского методизма и «Религиозного общества друзей» – квакеры.

Возникновение методизма связывают с деятельностью «Святого клуба», который основали в Оксфорде братья Уэсли в 1720-х годах. Исследова-

тели считают, что к успеху первых методистов привело введение в практику нового способа общественной проповеди, перенесенной из полупустых церквей под открытое небо: в порт, на фабрику, в тюрьму, то есть туда, где они находили своих слушающих – фабричных рабочих, грузчиков, заключенных, жителей лондонских трущоб и пр. [11, с. 53]. Эти низшие слои, оторванные от участия в духовной жизни общества, тянулись к новым проповедникам, которые с жаром доказывали возможность спасения для всех через веру в Христа.

Первые посещения тюрем стали практиковать в Лондоне Джон и Чарльз Уэсли. Их последователи по «Святому клубу», облачившись в странствующих миссионеров, пытались проникнуть в места заключения в пределах закрепленного за ними округа, организовывали коллективные богослужения в мелких тюрьмах и при полицейских участках, проповедовали арестантам, раздавали милостыню. В системе исполнения наказаний Англии середины

XVIII в. деятельность священников внутри тюремных стен была еще никак не регламентирована, поэтому с разрешения тюремной администрации можно было собрать заключенных для проповеди странствующего проповедника.

Уникальный исторический источник – дневник Дж. Уэсли – хранит свидетельства ежедневных проповедей в населенных пунктах Англии и Шотландии в 1750-х годах: декорациями для поучений бродячего миссионера становились корнуоллские штольни, лондонские трущобы, нортумберлендские болота, порты Бристоль и, конечно, тюремные застенки. После проповеди в печально знаменитой по романам Ч. Диккенса тюрьме Маршалси на южном берегу Темзы в 1753 г. Дж. Уэсли оставил следующее резюме: «В субботу, 3 февраля я посетил заключенного в тюрьме Маршалси, рассаднике вселенского зла. Человеку должно быть стыдно за то, что он допустил существование ада на земле! Позор тем, кто чтит имя Христа, но допускает существование такой тюрьмы для христиан!» [8, с. 276]. В апреле того же года Дж. Уэсли добился проповеди в крупной тюрьме Глазго (400 миль от Лондона!) [8, с. 282] В дневнике встречаются свидетельства о выступлениях перед народом у тюремных стен и дверей, в местах лишения свободы в Европе, куда проповедник попал в 1756 г. с миссионерской деятельностью.

Первым тюремным капелланом крупнейшей Лондонской тюрьмы Ньюгейт иногда называют методистского проповедника С. Толда, который посвятил свою жизнь посещению заключенных и приговоренных к смертной казни с целью духовных бесед и утешений. С 1745 по 1775 год он регулярно добивался визитов в Ньюгейт и пытался создать в тюрьме группу из новообращенных в методизм арестантов. В своих мемуарах он отмечал, что гораздо чаще ему приходилось выдерживать бои с враждебными тюремщиками, которые противились его служению в Ньюгейте, чем с внутренними демонами, обуревающими души несчастных узников [2, с. 94]. Таким образом, методиста-проповедника можно считать прообразом тюремного капеллана – должности в штате пенитенциарного учреждения, которая впервые появится именно в Великобритании в Тюремном статуте 1779 г.

В методистских доктринах середины XVIII века можно также отыскать истоки тюремной благотворительности. Как известно, отличительной чертой духовных метаний английских бизнесменов являлось периодически возникающее противоречие между пренебрежением ради успеха моралью и этикой и суеверной богобоязненностью. Методизм предлагал им сгладить данное противоречие и заслужить Божье благоволение посредством филантропии и богоугод-

ных дел. Показательный пример – жизнь и деятельность знаменитого бизнесмена и филантропа В. Веннинга. К 30 годам В. Веннинг, получив титул эсквайра, считался одним из самых молодых и процветающих торговцев в Лондоне. Находясь на гребне финансового успеха, молодой человек неожиданно обратился к религии, вступил в одну из конгрегационалистских общин и посвятил остаток жизни филантропической деятельности в тюрьмах Великобритании и Российской империи. Именно В. Веннинг стал инициатором создания в России первого «Попечительного о тюрьмах общества» по английскому образцу, которое ведало хозяйственной деятельностью тюрем, организацией нравственного воздействия на заключенных, а также оказывало содействие тюремной администрации.

Итак, методистские религиозные искания стали своеобразным фундаментом для начала обширной филантропической и проповеднической деятельности в пенитенциарных учреждениях Великобритании. Однако, ввиду того что заключенные не являлись основным объектом воздействия для проповедников методизма и значительная часть методистов переехала за океан, в истории пенитенциарного реформирования Великобритании за этой протестантской церковью не закрепилась слава зачинателей и вдохновителей британской тюремной реформы. Это реноме, бесспорно, принадлежит «Религиозному обществу друзей», именуемому в народе квакерами.

Реформаторская деятельность квакерских общин в английских тюрьмах, выразившаяся в борьбе за изменение условий содержания арестантов, улучшение продовольственного снабжения, организацию учебных занятий и лекций-проповедей, стала следствием их активной общественной борьбы за отмену смертной казни. С точки зрения религиозной доктрины «друзей» смертная казнь рассматривалась как санкционированный государством акт убийства, что, по их мнению, являлось духовно, морально и юридически недопустимым. Основоположник квакерства Дж. Фокс, ссылаясь на Священное Писание, где сказано: «Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся», склонялся к мысли, что наказание должно быть соразмерно преступлению и преступнику необходимо обязательно сохранять жизнь для того, чтобы он мог исправить причиненный обществу вред. В идеологических установках ранних квакеров впервые звучат идеи о предупредительном значении наказания, реабилитации и возможности исправления заключенного. Так, теологи «Религиозного общества друзей» практически на столетие опередили европейских

пенитенциарных реформаторов, таких как Ч. Беккариа и И. Бентам, высказав радикальные для XVII века идеи. Еще в 1699 г. идеолог «друзей» Дж. Беллерс в своем эссе «Некоторые доводы в пользу отмены смертной казни» пишет о том, что законодатель, выносящий смертный приговор, ставит «несмываемое пятно на религии», карая за убийство, но совершая такое же непоправимое зло [3, с. 275]. Десятилетие спустя в трудах Ч. Беккариа прозвучит та же мысль, лишённая разве что религиозного налета: «Мне кажется абсурдным, когда законы... которые порицают убийство и карают за него, сами совершают то же самое» [12, с. 77].

Таким образом, несмотря на то что реформу английского правосудия считают детищем правоведа И. Бентама, вдохновленного идеями Ч. Беккариа, квакерам все же принадлежит первенство в обосновании нравственной стороны пенитенциарного исправления. Борьба за тюремную реформу стала логическим продолжением более ранних социальных проектов «Религиозного общества друзей». Исследователи, которые занимались изучением общественной деятельности квакеров на рубеже XVIII–XIX столетий, отмечают их неумную энергию, стремление привнести свои гуманистические взгляды на природу человека во все социальные реформы грядущего столетия. Активисты-квакеры, как правило, являлись членами сразу нескольких общественных организаций, поддерживая разносторонние социальные проекты. Яркий пример – жизненный путь самого, пожалуй, знаменитого и одиозного представителя общины «друзей» Уильяма Аллена – владельца Лондонского фармацевтического концерна. В рассматриваемый период У. Аллен состоял более чем в десяти общественных организациях, включая общества борьбы против рабства и работорговли, многочисленные ассоциации, ратовавшие за реформу образования, Общество оказания помощи пострадавшим от несчастных случаев на производстве и др. Являясь активными сторонниками ликвидации безграмотности, квакеры в своих памфлетах последовательно проводили идею о том, что всеобщее образование приведет к резкому снижению уровня преступности. Рабочий класс, утверждали публицисты, посредством образования можно приобщить к таким добродетелям, как бережливость, трудолюбие, совесть, и тогда в обществе, оздоровленном изнутри, необходимость в смертной казни и суровом тюремном заключении отпадет сама по себе. Таким образом, поддерживая движение за реформу образования, многие квакеры оказались косвенно включены в борьбу за пенитенциарную реформу, которая для многих из них вскоре стала первостепенной задачей и целью всей жизни.

Второй источник пополнения рядов пенитенциарных реформаторов – общественная борьба против рабства и работорговли в начале XIX в. По мнению исследователей, образ страдания раба легко трансформировался в понятие о страдании преступника [4, с. 399]. Так, среди тюремных реформаторов оказались такие известные квакеры-аболиционисты, как С. Ромилль, У. Аллен и У. Фостер. В 1808 г. от Лондонского общества аболиционистов ответвляется «Общество распространения информации о смертной казни и улучшения тюремной дисциплины». Устав новой организации, апеллируя к успеху широкого общественного резонанса в борьбе за прекращение работорговли, утверждал, что подобное упорство может привести к успеху и в этом начинании [6, с. 6]. Даже приемы, используемые в борьбе за улучшение тюремного быта, копировали ранее уже успешно сработавшие методы агитации общественного интереса в вопросе работорговли. Например, уловка с опубликованием нашумевшей некогда схемы корабля невольников «Брукс», которая демонстрировала расположение рабов на судне, предназначенном для их перевозки, вызвавшая бурю эмоций и общественного негодования, с точностью повторилась в отчете Общества, опубликованном в 1816 г. Схема подземелья, в котором содержались арестанты, обозначение размеров камер содержания «с болью в сердце напомнили печально-известный корабль!» [6, с. 4–6]. С этого момента рассчитанные на широкую огласку призывания к гуманности тюремного заключения зазвучали так же громко, как некогда лозунги противников работорговли.

Журнал «Филантроп», издаваемый У. Алленом, служил своеобразным рупором для обоих обществ. На страницах журнала развернулась острая полемика вокруг истории неграмотного 22-летнего юноши, приговоренного к смертной казни за кражу нескольких шиллингов. У. Аллен ораторствовал: «За преступлением, несомненно, должно следовать наказание, однако высшая мера, назначенная парню в данном конкретном случае, так шокирующе несоразмерна, что разум отказывается принимать это, уступая место ужасу. Почему человеку, совершившему кражу без отягчающих обстоятельств, назначают такое же наказание, к которому приговаривают виновных в варварском убийстве? Не станет ли славным свидетельством триумфа нашей цивилизованности возвращение преступника в качестве полезного члена общества?» [1, т. 1, с. 173]. Так формировалась ключевая идея, вокруг которой будут построены пенитенциарные реформы XIX столетия в Великобритании и Европе, – возможность пенитенциарной реабилитации и ресоциализации. Идеалистическую убежденность

квакеров, подкрепленную их религиозными воззрениями на природу человеческого духа, в возможности перевоспитать преступника и вернуть в общество полноценного члена заимствуют различные политические силы как в Англии, так и Европе, которые сделают тюремную реформу частью своей обширной политической программы.

С 1816 г. движение за тюремную реформу окончательно выделилось из смежных социальных проектов и оформилось в качестве «Общества улучшения тюремного содержания». В новую организацию вошли коллеги У. Алена по обществу 1808 г., однако его состав обновился за счет молодых и активных реформаторов протестантского вероисповедания, таких как П. Бедфорд, И. Форстер, Р. Барретт и Дж. Т. Барри – все квакеры, идеологически связанные с большинством социальных реформ 1830-х годов. В 1818 г. в «Общество улучшения тюремного содержания» вливается еще организация – «Общество по расследованию причин роста преступности среди несовершеннолетних», образованное в 1815 г. при активном участии «Религиозного общества друзей». Учредительное собрание обновленного «Общества улучшения тюремного содержания и исправления малолетних преступников» постановило «объединить усилия двух обществ по исследованию условий тюремного заключения». Резолюция первого собрания вынесла концептуальное предположение: «одна из главных причин рецидива преступности – пренебрежение к условиям тюремного содержания» [7, с. 23].

Манифестом общества стала работа знаменитого общественного деятеля, публициста и филантропа, квакера Томаса Фауэлла Бакстона «Рассуждение на предмет того, как преступление и нищета могут быть вызваны существующей системой тюремного заключения, или ей же предотвращены». Т. Ф. Бакстон высказал идеи, которые лягут в основу исследований известных ученых-пенитенциаристов XIX–XX столетий: «В условиях, в каких существовал ранее преступник, кроются корни его преступности: невежество, праздность и разврат сформировали порочные привычки, которые подчинили его поведение и поступки». После того, как преступник попадает в тюрьму, условия тюремного содержания становятся главным фактором, определяющим дальнейшее формирование его личности и поведения. Тюрьмы, где условия «плачевны» (Бакстон приводит пример Ньюгета), и предлагают только «грязь, леность, скудную пищу, пренебрежение здоровьем, и режим, где беззаконие – норма» только усилят порочные наклонности, особенно у несовершеннолетних нарушителей, впервые попавших за решетку. Такие условия

тюремного режима публицист считает «недостойными великой и состоятельной империи» и клеймит их позором за «развращение национальной морали и порочение национального характера» [10, с. 139].

«Порок и нищета рождаются в современной тюрьме, – пишет Т. Ф. Бакстон, – но они могут быть этой тюрьмой искоренены». Продолжая и развивая взгляды ранних квакеров на пенитенциарную ресоциализацию, он приходит к мысли о том, что в тюрьмах можно и нужно создавать условия, необходимые для реабилитации правонарушителей: «Дружественные увещевания и религиозное обучение, которые он (заключенный) получает ежедневно, способны вызвать искреннее покаяние, открыть ценность справедливой жизни, убедив его, что перемены подвластны даже ему. Таким образом, озаряя светом религии, прививая навыки труда и бережливости, тюрьма может дать импульс к искоренению праздности и порока» [10, с. 140].

Эта работа стала декларативным документом, на основе которого идеологи и теологи квакеров выстраивали последующие программы реформирования пенитенциарной системы. В частности, был составлен перечень условий тюремного режима, необходимых как для физического благополучия заключенных (одежда, питание, здравоохранение), так и для духовного (получение образования и навыков труда, религиозное воспитание). Общество впервые выносит на обсуждение общественности вопрос о патронате над освободившимися из заключения: на страницах «Филантропа» развернулись дискуссии и сбор средств на создание приютов временного пребывания, где освободившемуся предоставлялась одежда, инструменты, в общем, первичные условия для начала трудовой жизни. Общественность с энтузиазмом поддержала идею патроната над малолетними осужденными, средства были собраны в рекордные сроки.

Еще одним нововведением квакеров, определившим ход дальнейшего движения за модернизацию тюремной системы, стала практика посещения заключенных членами общины, получившая широкую известность благодаря легендарной «леди-посетительнице» Элизабет Фрай и ее родственнику Самуэлю Хору. Эти визиты имели существенное отличие от пасторских проповедей, которые практиковали методисты, – ярко выраженный филантропический характер. В то время как идеологи общества сосредоточились на «гальванизации» общественного мнения с целью изменения уголовной политики, женщины-квакеры включились в непосредственную борьбу за улучшение практических условий содержания в тюрьмах.

Э. Фрай впервые посетила женскую половину Ньюгейта 1812 г. и организовала успешную кампанию по сбору детской одежды и медикаментов для заключенных женщин. С 1816 г., присоединившись к обществу, Э. Фрай выводит на регулярную основу посещение заключенных Ньюгейта: главная цель ее визитов не столько проповеди, сколько организация швейного дела и улучшение провизии арестанток. С. Хор одновременно организовал подобную кампанию в не менее знаменитой английской тюрьме Колдбэс Филдс.

В апреле 1817 г. Э. Фрай основала и возглавила подкомитет общества – Ассоциацию по улучшению содержания женщин-заключенных, где из 13 членов 11 разделяли религиозные убеждения квакеров. В 1818 г. ей было поручено выступить перед парламентской комиссией по расследованию состояния лондонских тюрем. Э. Фрай в своем докладе обозначила миссию своей ассоциации: предоставить женщинам возможность получить рабочее место в условиях пенитенциарной системы, а также добиться появления женщин (надзирательниц) в составе тюремной администрации. Ею также были озвучены основные требования к тюремному режиму, составленные на основе уже известной работы ее родственника Т. Бакстона. Основное внимание было уделено вопросу морального исправления и обоснованию необходимости религиозного образования в условиях пребывания в пенитенциариях, а также возможности трудоустройства и приобретения навыков, которые осужденные могли бы использовать после освобождения. В 1825 г. общество издает большим тиражом «Правила и нормы тюремного режима» – кодекс правил, охватывающий все вопросы функционирования модернизированного пенитенциарного учреждения [5].

Таким образом, значение того влияния, которое квакеры оказали на пенитенциарные реформы XIX столетия, трудно переоценить. В борьбе за отмену высшей меры слились воедино и философская концепция идеологов «Религиозного общества друзей» о фундаментальных правах человека, и религиозная доктрина теологов квакерства о моральном совершенствовании человеческой природы. В конструировании идеальной модели пенитенциарной системы английские протестанты отдавали предпочтение религиозному обучению, которое должно стать действенным способом реформирования нравственности заключенных и дать им шанс стать высокоморальными и честными гражданами. В тюрьме квакеры видели ту среду, которая сможет при условии гуманистического реформирования стать местом реабилитации и ресоциализации. Но, для того чтобы это произошло, существующей системе нужна кардинальная трансформация, и «друзья» усердно работали в этом направлении. Идеальным долгосрочным результатом, верили они, станет высокоморальное общество, где необходимость наказания постепенно отпадет сама по себе: люди, обеспеченные необходимыми знаниями (из Библии) и трудовыми навыками, не вернутся более к преступному ремеслу. Дж. Тревелиян, подчеркивая роль квакеров – «этих исключительных людей» в британской истории, писал о том, что «Англия может гордиться тем, что создала и увековечила эту категорию людей». Историк выделяет тончайшую сущность, которая отличала членов «Религиозного общества друзей» от других многочисленных движений внутри английского протестантизма – «идея, что внутренние качества христианина имеют большее значение, чем христианская догма» [13, с. 290]. Это жизненное правило отличало активных борцов за тюремную реформу в Великобритании.

Список литературы

1. Allen W. Life of William Allen. With Selections from His Correspondence. London, 1846, In Three Volumes.
2. An account of the life, and dealings of God with Silas Told. Written by himself / Pr. By W. Cowdroy. London, 1805. 143 p.
3. Bernstein E. Cromwell and Communism: socialism and democracy in the great English Revolution. London, 1930. 287 p.
4. Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1994. 656 p.
5. Rules and Regulations of the General Penitentiary. London, 1825. 106 p.
6. Society for the Diffusion of Knowledge upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, An Account of the Origin and Object of the Society for the Diffusion of Knowledge Upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, London, Richard Taylor and Co, 1812. 23 p.
7. Society for the Improvement of Prison Discipline, and for the Reformation of Juvenile Offenders, Report of the Committee of the Society for the Improvement of Prison Discipline. 1818. 63 p.
8. The Works of the Rev. John Wesley: The sixth, seventh, eighth, ninth, tenth, and eleventh numbers of his journal. Vol. II. 1st American ed. N.-Y., 1827. 466 p.
9. Third Report of the Society for the Diffusion of Information upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, London, Printed by Richard and Arthur Taylor, 1816, pp. 4–6.

10. Thomas Fowell Buxton, *An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline*, 3rd ed., London, J & A Arch, 1818. 146.

11. Артеменко С. А. Причины возникновения и развитие движения методистов в Англии XVIII века // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2010. Вып. 1. С. 51–60.

12. Сыч В. К. Фундаментальные идеи Ч. Беккариа и становление классической школы уголовного права // Человек: преступление и наказание, 2014. № 1. С. 76–78.

13. Тревельян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. 624 с.

SVETLANA ANATOL'EVNA VASILIEVA,

phd in history, associate professor,
deputy head of the philosophy and history department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: vasi-svetlana@yandex.ru;

IRINA MARIKOVNA JERLIHSON,

dsc in history, associate professor,
professor of the world history and international relations department
(Esenin Ryazan state university),
e-mail: i.erlihson@rsu.edu.ru

ROLE OF RELIGIOUS FACTORS IN PRISON REFORMS OF GREAT BRITAIN IN THE LATE XVIII – THE MIDDLE XIX CENTURIES

Annotation: the article is devoted to the study of the religious origins of prison reforms of Great Britain in the late XVIII-mid XIX centuries. The age of the European Enlightenment led to radical changes in the criminal justice system. The end of XVIII – early XIX century is commonly supposed to be the beginning of «the era of punitive moderation» when the most important form of criminal punishment – the death penalty is considered already as a medieval anachronism, not worthy of highly moral and civilized society. The peculiarity of English prison reforms was the active intervention in the process of representatives of various currents of English Protestantism. The article highlights the unknown pages of pastoral prison ministry representatives of early British Methodism.

Important influence on the adoption of new humanistic principles of criminal justice was a group of politically active Protestant Quakers who were active on both sides of the ocean – in the United States and Great Britain. It was the Quakers who first talked about punishment as a means of rehabilitation through religion and education. The material is based on sources that earlier were not translated into Russian. The authors conclude that the characteristics of the socio-political and spiritual development of English society at the turn of the Middle Ages and Modern times, religious searching of English Protestantism led to the direct penal reforms dependence of the religious factor.

Key words: Great Britain prison reforms, methodists, quakers, pastoral prison ministry, prison charity, the history of the prison patronage.

References

1. Allen W. *Life of William Allen. With Selections from His Correspondence*. London, 1846, In Three Volumes.

2. *An account of the life, and dealings of God with Silas Told*. Written by himself / Pr. By W. Cowdroy. London, 1805, 143 p.

3. Bernstein E. *Cromwell and Communism: socialism and democracy in the great English Revolution*. London, 1930, 287 p.

4. Gatrell V.A.C. *The Hanging Tree: Execution and the English People 1770-1868*. Oxford, 1994, 656 p.

5. *Rules and Regulations of the General Penitentiary*. London, 1825, 106 p.

6. *Society for the Diffusion of Knowledge upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, An Account of the Origin and Object of the Society for the Diffusion of Knowledge Upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline*, London, Richard Taylor and Co, 1812, 23 p.

7. Society for the Improvement of Prison Discipline, and for the Reformation of Juvenile Offenders, Report of the Committee of the Society for the Improvement of Prison Discipline. 1818, 63 p.
8. The Works of the Rev. John Wesley: The sixth, seventh, eighth, ninth, tenth, and eleventh numbers of his journal. Vol. II. 1st American ed. N.-Y., 1827, 466 p.
9. Third Report of the Society for the Diffusion of Information upon the Punishment of Death and the Improvement of Prison Discipline, London, Printed by Richard and Arthur Taylor, 1816, pp. 4–6.
10. Thomas Fowell Buxton, An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed., London, J & A Arch, 1818, 146.
11. Artemenko S. A. Prichiny vzniknovenija i razvitie dvizhenija metodistov v Anglii XVIII veka [The causes of emergence and development of Methodist movements in England in XVIII century]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Istorija i politologija – Bulletin of the Sholokhov Moscow State Humanitarian University. History and Political Science. 2010, no. 1, pp. 51–60.
12. Sych V. K. Fundamental'nye idei Ch. Bekkaria i stanovlenie klassicheskoj shkoly ugolovnogo prava [Ch. Beccarias fundamental ideas and formation of the classical school of criminal law]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no 1, pp. 76–78.
13. Trevel'jan Dzh. M. Social'naja istorija Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii [Social History of England from Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk, 2002, 624 p.

УДК 159.9:343.3
ББК 88.473
Л13

ИННА ВАЛЕРИЕВНА ЛАВРЕНТЬЕВА,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры психологии профессиональной
деятельности в уголовно-исполнительной системе
(Академия ФСИН России),
e-mail: innalavr@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Реферат: в статье обосновывается необходимость изучения зарубежного пенитенциарного психологического опыта в свете реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года; проводится анализ психокоррекционной работы с осужденными в Великобритании; отмечается, что в рамках исправления и ресоциализации осужденных применяется программно-целевой подход. Предлагается все проводимые с осужденными психокоррекционные программы разделить:

1) на программы, направленные на работу с эмоционально-волевой сферой осужденных (нацелены на принятие осужденными ответственности за свое поведение, развитие умений контролировать свои эмоции и принимать решения);

2) программы, направленные на коррекцию когнитивной сферы осужденных (помогают развивать мышление, навыки общения, целеполагания, планирования и достижения результата, не прибегая к противоправным действиям);

3) программы для осужденных за преступления сексуального характера (направлены на то, чтобы помочь преступнику в формировании конструктивных жизненных целей, адекватного мышления, эмпатии и поведенческих навыков, которые помогут избежать рецидивов);

4) программы для осужденных, склонных к аддиктивному поведению (направлены на повышение мотивации к изменениям, укрепление самоконтроля, выработку стратегии избегания рецидивов употребления психоактивных веществ, алкоголя и совершения преступлений);

5) программы, предназначенные для коррекции отношений в семье (направлены на снижение рецидива насильственных преступлений в отношении женщин и помогают осужденным мужского пола изменить свое поведение и снизить риск преступного поведения в домашней обстановке);

6) программы для несовершеннолетних правонарушителей (разрабатываются с учетом мышления и потребностей осужденных 14–18-летнего возраста);

7) программы для осужденных женщин (разрабатываются с учетом психологических особенностей данной категории осужденных);

8) программы, основанные на модели «терапевтического сообщества» (согласно этой модели жизнь в стенах исправительного учреждения очень напоминает проживание в свободном обществе, и эффективность терапии зависит от личностных особенностей осужденного).

В отдельную категорию выделена комплексная программа интенсивной терапии, специально разработанная для психопатических личностей, отбывающих наказание в тюрьмах.

В процессе усвоения и использования зарубежного опыта в отечественной пенитенциарной психопрактике предлагается выделять несколько этапов: изучение, оценка, адаптация и применение.

Ключевые слова: исправление осужденных, ресоциализация, программно-целевой подход, когнитивно-поведенческий подход, программы исправления осужденных, зарубежный опыт, англоязычные страны, коррекция, поведение, навыки.

Актуальность изучения зарубежного пенитенциарно-психологического опыта во многом обусловлена задачами, стоящими перед современной уголовной политикой Российской Федерации, ее ориентацией на либеральный подход [1, с. 32–35]. Содержание проводимой в настоящее время в России реформы уголовно-исполнительной

системы во многом основано на международно-правовых актах, отражающих передовой опыт исправления и ресоциализации осужденных с применением достижений психологии. Изучение зарубежного опыта может способствовать более глубокому пониманию и осмыслению состояния отечественной пенитенциарно-психологической науки и практики. Про-

цессы межгосударственной интеграции, происходящие в мировом сообществе и в больших масштабах затрагивающие сферу совершенствования оказания психологической помощи, также диктуют необходимость изучения зарубежного опыта.

Обобщение опыта англоязычных стран, где идет активное внедрение инноваций, касающихся психологического обеспечения процесса исправления заключенных, может положительно повлиять на гуманизацию уголовно-исполнительной системы России и реализацию Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, где подчеркивается важность решения вопросов исправления осужденных, усиливается психолого-педагогическая составляющая деятельности исправительных учреждений [2, с. 148–151].

Согласно Концепции в исправительных учреждениях России ведется разработка базовых (обязательных) программ психологической коррекции личности для лиц, осужденных за различные виды преступлений (преступления экстремистской и террористической направленности, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, корыстные преступления и др.), для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество. В этом ключе интересен опыт зарубежных коллег, связанный с разработкой различных программ для осужденных.

В пенитенциарной практике Великобритании в последние десятилетия к исправлению правонарушителей применяется программно-целевой подход. Большинство разрабатываемых программ основано на когнитивно-поведенческом подходе, который считается наиболее эффективным в коррекционной работе с осужденными. Они предназначены для выявления причин и факторов, детерминирующих противоправное поведение, уменьшения влияния и управления этими факторами. Кроме снижения риска рецидива, программы обеспечивают оценку пенитенциарного риска и реабилитацию осужденных. Тюремная служба благодаря Отделу по разработке поведенческих программ для правонарушителей (OBPU) в настоящее время представляет различные программы, которые полностью одобрены Аккредитационной комиссией по исправительным учреждениям (CSAP). Они различаются по длительности проведения, сложности и ориентированы на различные категории осужденных в зависимости от тяжести совершенного преступления и их потребностей.

Имеющиеся программы можно разделить:

1) на программы, направленные на работу с эмоционально-волевой сферой осужденных:

– программа по работе с агрессивным поведением (ART), предназначена для осужденных за насильственные преступления. В ней применяются психотехники, предназначенные для групповой работы. Они направлены на принятие осужденными ответственности за свое поведение, развитие умений контролировать свои эмоции и принимать решения. У осужденных, которые участвуют в данной программе, снижается агрессивность, желание причинять ущерб другим и нарушать общественный порядок;

– программа «Управление гневом» (CALM) предназначена для осужденных, чьи противоправные действия связаны с неумением управлять сильными эмоциями, такими как гнев, тревожность, ревность, подозрительность. Ее цель – оказание помощи правонарушителям в определении факторов, которые вызывают гнев и агрессию, а также выработка навыков управления своими эмоциями;

2) программы, направленные на коррекцию когнитивной сферы осужденных:

– программа CSB – это вспомогательная программа, стимулирующая развитие когнитивных умений и навыков, которая применяется в тюрьмах и службе пробации. Она создана для того, чтобы улучшить процесс восприятия осужденными предлагаемых программ, а также скорее получить соответствующие навыки;

– программа по развитию мыслительных навыков (ETS) – это сравнительно короткая, состоящая из 20 сессий (занятий), наиболее часто применяемая программа, которая предназначена непосредственно для работы с преступным мышлением и поведением. Она помогает развить мышление, коммуникативные навыки, умения принимать решения в различных условиях и ситуациях [3, с. 17–25], а также управлять эмоциями. Другая подобная программа (TSP) направлена на снижение вероятности совершения повторных преступлений путем работы с мотивационной сферой, развивая навыки целеполагания, планирования и достижения результата;

– программа «Мотивация и реабилитация» (R&R) основана на когнитивно-поведенческом подходе, предназначена для групповой формы работы с осужденными молодежного и среднего возраста, направлена на обучение когнитивным и социальным навыкам, а также развитию ценностно-смысловой сферы осужденных. Программа признана эффективной в реабилитации осужденных не только в Великобритании, но и в других странах, таких как Австралия, Канада, Дания, Германия, Новая Зеландия, Норвегия, Шотландия, Испания, Швеция, Швейцария, США;

3) программы для осужденных за преступления сексуального характера:

– программа «когнитивное самоизменение» (CSCP) направлена на снижение рецидивов у осужденных, неоднократно совершавших насильственные преступления, работу с их когнитивной сферой. Она помогает им контролировать свое противоправное поведение, связанное с совершением насильственных действий, и избежать повторного совершения преступления. Программа подходит для правонарушителей, имеющих в анамнезе насильственное поведение, и применима для тех, чьи насильственные действия являются реакцией на какие-либо внешние раздражители и/или средством достижения цели;

– серия программ по обращению с осужденными за сексуальные преступления (SOTP, C-SOGP, NSOGP и др.). В настоящее время доступен ряд программ, разработанных специально для данной категории осужденных. Они подбираются индивидуально, в зависимости от степени риска и потребности конкретного осужденного и помогают им осознать, почему они совершили преступления на сексуальной почве. Программы направлены на изменение отношения к жертве. Основной упор делается на то, чтобы помочь преступнику в формировании конструктивных жизненных целей, мышления, эмпатии и поведенческих навыков, которые помогут избежать рецидивов. Существуют также специально разработанные программы для осужденных с высоким риском совершения рецидива;

4) программы для осужденных, склонных к аддиктивному поведению:

– программа ASRO направлена на повышение мотивации к изменениям, укрепление самоконтроля, выработку стратегии избегания рецидивов употребления психоактивных веществ и совершения преступлений. Она предназначена для осужденных мужского пола с низкой и средней степенью зависимости от различных препаратов;

– программа BSR проводится в групповой и индивидуальной форме с осужденными мужского и женского пола. Она направлена на предотвращение рецидивов и решение проблем с применением психоактивных веществ. По окончании программы осужденные приобретают паттерны поведения и инструментарий, необходимые для их восстановления;

– когнитивно-поведенческие программы для осужденных, совершивших насильственные преступления в состоянии алкогольного опьянения (ARV), интенсивного снижения алкогольной зависимости (LIAP), и для осужденных, злоупотреблявших наркотическими веществами (OSAP), направлены на изменение стиля жизни осужденных молодежного

возраста, развитие у них умений и навыков в принятии решений, предотвращение рецидива;

– серия программ COVAID, направленных на борьбу с насилием среди осужденных, совершивших преступление в состоянии сильного алкогольного опьянения. Различные версии программы COVAID могут проводиться в групповой и индивидуальной формах либо в общине. Все программы направлены на снижение рецидивов прежде всего лиц молодежного возраста;

– программа DID предназначена для правонарушителей, которые совершили преступление, находясь за рулем в нетрезвом виде. Она направлена на приобретение осужденными недостающих им знаний об алкоголе и его последствиях; пропаганду безопасного вождения; изменение поведения в отношении к употреблению алкоголя и вождения; принятие ответственности за совершенное преступление;

– программы «12 шагов» (PPTSP) и «Реабилитация наркозависимых заключенных» (ADTP) направлены на коррекцию аддиктивного поведения осужденных с высокой степенью зависимости. Их цель – осознание осужденным того, что он потерял контроль над употреблением наркотиков и алкоголя. В процессе работы осужденные усваивают просоциальные модели поведения;

5) программы, предназначенные для коррекции отношений в семье:

– программа для осужденных, совершивших преступления насильственного характера в семье (CDVP), направлена на снижение рецидива насильственных преступлений в отношении женщин и помогает осужденным мужского пола изменить свое поведение и снизить риск преступного поведения в семье;

– программы «Здоровые отношения» (HRP) и «Домашнее насилие» (IDAP) предназначены для мужчин, совершивших насильственные действия в домашней обстановке. Цель их применения состоит в том, чтобы положить конец насилию и жестокому обращению в отношении супругов. Участники узнают о результатах своего жестокого поведения и получают навыки альтернативных моделей поведения, чтобы помочь им развивать здоровые межличностные отношения в семье. Есть два варианта программы HRP: умеренной и высокой интенсивности;

6) программы для несовершеннолетних правонарушителей:

– программа по формированию жизненно важных навыков у несовершеннолетних правонарушителей (JETS) основана на программе ETS, направлена на изменение преступного мышления и поведения несовершеннолетних. Программа апробируется в уч-

реждении Wetherby и временно одобрена Аккредитационной комиссией по исправительным учреждениям;

7) программы для осужденных женщин:

– «Программа для женщин» (The Women's Programme), разработанная для осужденных, совершивших корыстные ненасильственные преступления. Ее цель – научить осужденных принимать решения, анализировать возникающие в их жизни проблемы и находить альтернативные решения;

– программа по формированию умений делать правильный выбор, действовать в соответствии с принятым решением, управляя эмоциями и сохраняя хорошие взаимоотношения с окружающими (CARE), предназначена для осужденных женщин, чья преступная деятельность связана с тем, что в момент совершения преступления они не могли контролировать свои эмоции. Цель курса – помочь участникам научиться определять свои эмоции и управлять ими. Кроме того, программа направлена на развитие позитивного самовосприятия личности, которое позволит осужденным адаптироваться в обществе;

8) программы, основанные на модели «терапевтического сообщества». Их сущность состоит в том, что жизнь в стенах исправительного учреждения очень напоминает жизнь в свободном обществе, и эффективность терапии зависит от личностных особенностей осужденного. Они предполагают партнерство между руководителями программы и ее участниками. Одной из таких программ является «Вера в исправление», которая разработана для осужденных со средней и высокой степенью риска совершения рецидива. Длительность ее проведения – один год. Цель программы – ресоциализация и реинтеграция осужденных в общество, формирование необходимых умений и навыков, а также создание различного рода поддержки перед освобождением. Она включает в себя такие методы, как проживание в общине, структурированная групповая работа, индивидуальный коучинг и наставничество. Программа уделяет большое внимание выстраиванию межличностных отношений в обществе и расширению возможностей трудоустройства, призывает осужденных задуматься о своей личной вере, духовности и о том, как это может поддержать процесс их исправления и ресоциализации;

9) программа «Хромис». Название программы происходит от названия аквариумной рыбки хромис. Особенность этих рыбок в том, что взрослых особей практически невозможно содержать вместе с большинством популярных обитателей аквариума из-за их агрессивности. Это комплексная и интенсивная программа специально разработана для психопати-

ческих личностей и направлена на то, чтобы снизить высокий риск совершения насильственных действий среди правонарушителей, чей уровень развития или сочетание психопатических черт препятствуют их способности воспринимать какое-либо психолого-педагогическое воздействие.

Психологи, работающие в службе пробации и тюремной службе, разрабатывают, совершенствуют и обеспечивают выполнение программ изменения преступного поведения. Сотрудники по-разному оценивают эффективность разработанных программ. Например, в Дартмуре (Англия) старший психолог, проводя программу, изучает и фиксирует поведение осужденного до и после групповых занятий, чтобы установить, «понимает ли человек то, что он должен и не должен делать по завершении курса. Это похоже на сдачу экзамена по вождению: вы должны гарантировать, что кто-то знает правила и исполнит их в определенный момент, который может оказаться очень важным» [4].

Исследования свидетельствуют о том, что правильно проведенная психотерапевтическая работа в отношении сексуальных преступников может уменьшить число повторных половых преступлений на 50 %. Психологи стараются информировать сотрудников, не работающих по этой программе, о ходе ее выполнения. Они подчеркивают, что невозможно исправить всех, но если хотя бы пять из десяти преступников смогут научиться контролировать свои эмоции в нужный момент – это важное достижение.

Сегодня среди психологического инструментария преобладают групповые методики, программы которых направлены на преодоление возникшего психологического барьера у заключенных (ART, CALM, SOTP и др.). С помощью этих программ психологи пытаются противостоять искаженным взглядам осужденных на отношения между людьми, научить их брать ответственность за свои действия и расширять их знания о последствиях преступления для потерпевших. Групповые занятия являются частью исправления и ресоциализации, так как осужденные могут конструктивно общаться не только с психологами, но и друг с другом. Для создания благоприятной и безопасной атмосферы в учреждении формируются «терапевтические группы», в которых преступники могут начать трудный процесс осознания того, что они совершили.

В тюрьме Грэндон (графство Бэкингемшир, Англия) насчитывается 5 разновидностей «терапевтических групп». В период нахождения в данном пениitenciарном учреждении (обычно в течение двух лет) заключенные активно участвуют в групповой терапии преимущественно по модифицированному методу психодрамы Дж. Морено. Этот метод играет

важную роль прежде всего в изменении эмоционального состояния заключенных, расширении их представлений о себе и коррекции неадекватных самооценок. В рамках других реализуемых психотерапевтических программ, например таких как CDVP, HRP, заключенными должны быть усвоены модели социальных ролей и отношений, не известные им ранее из-за асоциального прошлого. Наряду с психотерапевтической помощью в Грэндонской тюрьме созданы условия для участия заключенных в деятельности рабочих групп и учебных классов [4].

Таким образом, в современной исправительной политике Великобритании при работе с осужденными наиболее эффективными являются исправительные программы, направленные на изменение преступного поведения. Большинство программ разработаны на основе когнитивно-поведенческого подхода, его эффективность подтверждается многолетним опытом применения программно-целевого подхода к исправлению и ресоциализации осужденных.

В процессе усвоения и использования зарубежного опыта в отечественной пенитенциарной психопрактике целесообразно выделить несколько этапов: изучение, оценка, адаптация и применение. На этапе изучения очень важно правильно и точно выявить, отобрать и обобщить имеющийся опыт, осмыслить его и сопоставить с имеющимися отечественными достижениями психологической науки. Оценивая полученную информацию, следует критически подойти к зарубежному опыту и на основе тщательного отбора и синтеза всего лучшего сделать правильные выводы. Адаптация положительного зарубежного опыта должна проводиться на основе двух предыдущих этапов с последующей разработкой соответствующих рекомендаций. Применение зарубежного опыта должно строиться на основе трех направлений использования пенитенциарно-психологического опыта англоязычных стран в развитии теории и психопрактики, развитии психологической службы и подготовке кадров психологов: информационного, сравнительно-аналитического и рекомендационного.

Список литературы

1. Сысоев А. М. Реализация стратегии «нулевой терпимости» в США: плюсы и минусы // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 32–35.
2. Тюгаева Н. А. Исправление осужденных женщин: проблемы и перспективы решения в условиях развития уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 148–151.
3. Пастушеня А. Н. Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 17–25.
4. Cullen J. E., Jones L., Woodward R. (Eds) Therapeutic Communities for Offenders. Chichester : John Willey and Sons, 2007. P. 87.

INNA VALERIYEVNA LAVRENTYEVA,

Phd in psychology, associate professor,
deputy head of the department of psychology of professional activity in penal system
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: innalavr@mail.ru

FOREIGN PSYCHOCORRECTIONAL PROGRAMS IN RESOCIALIZATION OF THE PRISONERS (GREAT BRITAIN EXAMPLE)

Annotaion: the article substantiates the necessity of studying foreign prison psychological experience in the light of the Concept of development of criminal-Executive system of the Russian Federation until 2020. The author analyzes the psycho-correction work with prisoners in the UK. It is noted that in the framework of the repair and the rehabilitation of convicted persons apply result-oriented approach. The author made an attempt to divide everything carried out with condemned psychocorrectional programs on some groups:

- 1) the programs directed on work with the emotional and strong-willed sphere of the condemned. They are aimed at acceptance condemned responsibility for the behavior, development of abilities to control the emotions and to make decisions;
- 2) the programs directed on correction of the cognitive sphere of the condemned. They help to develop thinking, skills of communication, a goal-setting, planning and achievement of result without resorting to illegal actions;
- 3) programs for condemned for sexual crimes. They are directed on helping the criminal with formation of the constructive vital purposes, adequate thinking, empathy and behavioural skills which will help to avoid recurrence;

4) programs for condemned, inclined to addictive behavior. The author carried out the analysis of some programs and is noted that the majority of them is directed on increase of motivation to changes, self-checking strengthening, elaboration of strategy of avoiding of recurrence of the use of psychoactive agents, alcohol and commission of crimes;

5) programs designed for the correction of family relationships. They focus on decreasing the recurrence of violent crimes in relation to women and help male convicts, change their behaviour and reduce the risk of criminal behavior in the home environment;

6) programs for juvenile offenders. They are elaborated to the thinking and needs of convicted persons from 14 to 18 years of age;

7) includes programs for the condemned women which are developed taking into account psychological features of this category of the condemned;

8) the programs based on model of the «therapeutic community». According to this model life in correctional facility reminds very much accommodation in free society, and efficiency of therapy depends personal features of the condemned.

In separate category the comprehensive program of intensive therapy which is specially developed for the psychopathic persons serving sentence in prisons is allocated.

In the course of assimilation and use of foreign experience in domestic penitentiary psychopractice the author suggests allocating some stages: studying, assessment, adaptation and application.

Key words: correction of the condemned, resocialization, program and target approach, cognitive and behavioural approach, programs of correction of the condemned, foreign experience, English-speaking countries, correction, behavior, skills.

References

1. Sysoev A. M. Realizacija strategii «nulevoj terpimosti» v SShA: pljusy i minusy [Strategy realization of «zero tolerance» in the USA: pluses and minuses]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2012, no. 2, pp. 32–35.

2. Tjugaeva N. A. Ispravlenie osuzhdennyh zhenshhin: problemy i perspektivy reshenija v uslovijah razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Correction of female prisoners, problems and ways to solve them in the context of development of penal system]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment*, 2013, no. 3, pp. 148–151.

3. Pastushenja A. N. Gotovnost' lichnosti k pravomernomu povedeniju: strukturno-soderzhatel'naja harakteristika [Readiness of the personality for lawful behavior: structural and substantial characteristic]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology*, 2010, no. 3, pp. 17–25.

4. Cullen J. E., Jones L., Woodward R. (Eds) *Therapeutic Communities for Offenders*. Chichester: John Willey and Sons, 2007, p. 87.

УДК 343.9
ББК 67.518.2
Ю17

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России),
e-mail: yuzanin@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МНОГОКРАТНЫЙ РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Реферат: в статье рассматривается многократный рецидив преступлений как обстоятельство, существенно усиливающее наказание преступника, отмечается, что впервые словосочетание «повторение преступлений» упоминалось в 1397 г. в Псковской судной грамоте (ст. 8) и Двинской уставной грамоте (ст. 5). По этим грамотам за воровство в третий раз после осуждения за два предыдущих воровства применялось наказание в виде смертной казни. Таким образом, впервые на Руси устанавливалась повышенная ответственность за многократное (рецидивное) совершение преступлений. Данная тенденция сохранилась и в последующие периоды законодательного регулирования ответственности за многократный рецидив преступлений.

Так, Судебник 1497 г. и Уставная книга Разбойного приказа предусматривали усиление ответственности за совершение преступления ведомым лихим человеком в качестве своего основного занятия и лица, участвующего в трех и более разбоях. Избные, земские грамоты и наказы устанавливали смертную казнь за третью и последующие казни (татьбы). Соборное уложение 1649 г. также определяло смертную казнь за квалифицированную кражу (совершенную в третий раз). Новоуказанные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г. хотя и отменяют пытку, смягчают членовредительские наказания, предусматривают замену лишения свободы ссылкой, но оставляют по-прежнему смертную казнь за систематическое совершение кражи и разбоя. Не изменился подход к усилению ответственности за многократное совершение преступлений и в эпоху Петра I. Законодательство этого периода формулировало устрашение как одну из целей применения наказания, что особенно последовательно отражалось на рецидивистах.

С середины XIX в. правительство вынуждено было усиливать уголовную ответственность в связи с обострением классовой борьбы в России. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые более общественно опасным признавалось специальное повторение преступлений, чем общее, а за последнее наказание усиливалось лишь в случаях, когда преступление совершено в третий раз. По Уложению 1903 г. за преступления, совершенные в виде промысла, суд мог определить дополнительные наказания в виде каторги, поселения или ареста.

Усиливалась ответственность за трехкратное совершение преступлений и в годы советской власти. В качестве основания этого законодатель определял рецидив такими терминами, как «промысел», «упорный рецидив», «профессиональный преступник», «особо социально опасный». Порой он даже приравнивал их к классовым врагам.

УК РСФСР 1960 г. закрепил понятие «особо опасный рецидивист», уделяя главное внимание личности рецидивиста, но при этом предусмотрел как объективное основание признания его таковым систематическое совершение преступлений определенной тяжести. Для особо опасных рецидивистов определялись колонии особого режима. Признать их таковыми мог только суд на основе учета всех данных о преступлении и личности рецидивиста.

По действующему УК РФ лицо, совершившее преступления определенной категории, указанные в пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ, однозначно признается совершившим преступления при особо опасном рецидиве и должен быть направлен для отбывания наказания в колонию особого режима или тюрьму. С позиции экономии карательных средств делается вывод не в пользу действующего законодательства. К тому же законодатель отступил от традиции российского законодательства существенно усилить уголовную ответственность за особо опасный рецидив, установив для них в ст. 68 УК РФ правила назначения наказания, ничем не отличающиеся от правил, предусмотренных для иных видов рецидива и за впервые совершенные преступления.

Ключевые слова: многократный рецидив, усиленная ответственность, смертная казнь, лишение свободы, дополнительные наказания, судимость, особо опасный рецидивист, рецидив, уголовное законодательство, промысел, опасное состояние, воровство, колонии особого режима, профессиональный преступник.

Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства не различало собственно рецидив преступлений и повторение преступлений. Последнее включало в себя совершение более одного преступления до осуждения и после осуждения. При этом законодатель обращает внимание на многократное (три и более раза) повторение преступлений как на особое обстоятельство, влекущее за собой усиление ответственности. Это обстоятельство свидетельствовало об упорстве лица в достижении преступных целей, его неисправимости и профессионализме.

Впервые словосочетание «повторение преступлений» упоминалось в 1397 г. в Псковской судной грамоте (ст. 8) и Двинской уставной грамоте (ст. 5). В этих грамотах в качестве повторных преступлений выделялось лишь воровство (татьба), под которым понималась группа имущественных преступлений. Усиление ответственности предусматривалось за рецидив воровства, то есть его повторение после осуждения за предыдущее воровство. Примечательно еще и то, что за воровство в третий раз после осуждения за два предыдущих воровства применялось наказание в виде смертной казни. Так, ст. 8 Псковской судной грамоты гласит: «Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды (вора) милуя, не лишая жизни, а уличив в третий раз, то в живых его не оставлять (так же), как вора, обокравшего Кремль» [3, с. 303]. То же самое предусматривалось и по Двинской уставной грамоте: «А уличат в третьие, ино повесити...» [4, с. 192].

Таким образом, впервые на Руси указанные грамоты устанавливали повышенную ответственность за многократное (рецидивное) совершение преступлений. Различались простой и сложный рецидив воровства и предусматривалась дифференциация ответственности за них. По всей видимости, существовало представление о неисправимости преступника, о чем свидетельствовало применение смертной казни за совершение третьего воровства после наказания за два предыдущих.

Следующими нормативными актами, в которых получило развитие многократное повторение преступлений, являются Судебник 1497 г. и Уставная книга Разбойного приказа. Это время экономического подъема Руси, усиления политического влияния дворянства, начала закрепощения крестьян, завершения централизации государства.

Судебник 1497 г. впервые ввел понятие лихого человека, которым могло быть признано лицо не по составу преступления, а по опасности личности. «Применение смертной казни в зависимости от личности преступника, а не от состава преступления явилось ярким отражением усиления классово-

вого террора в период создания Судебника и феодально-сословного характера права» [8, с. 69]. Судебник выделял «квалифицированный» вид лихого человека – ведомого лихого человека. Им могло быть лицо, совершившее по злой воле особо опасное преступление (например, поджог) и совершающее преступление в качестве своего основного занятия. Помимо кражи (татьбы), Судебник 1497 г. уже знал усиление наказания за разбой, совершенный ведомым лихим человеком (ст. 8).

Более конкретно ответственность за разбой регламентировалась ст. 10 Уставной книги Разбойного приказа. «По боярскому приговору, данному в Разбойный приказ Борисом Годуновым, смертная казнь применялась к тем разбойникам, которые участвовали в одном разбое, но в нем было совершено убийство или поджог, или к лицам, участвовавшим в трех и более разбоях, хотя бы без убийства и поджога, заключались в тюрьму и до государева указа» [5, с. 414].

Таким образом, согласно Судебнику 1497 г. и Уставной книге Разбойного приказа предусматривалось усиление ответственности соответственно за совершение преступления ведомым лихим человеком в качестве своего основного занятия и лица, участвовавшего в трех и более разбоях.

Хотя по Судебнику 1497 г. и последующему Судебнику 1550 г. смертная казнь предусматривалась за вторую татьбу, однако акты местного управления (избные и земские грамоты, наказы) – только за третью и последующие татьбы. Так, в соответствии со ст. 11 Медынского наказа «за первую кражу вора били кнутом и сажали в тюрьму, если не было людей, которые могли бы за него поручиться. За вторую татьбу после бития кнутом отсекали руку, а третья и последующие кражи влекли за собой смертную казнь» [4, с. 226].

Особого внимания заслуживает Соборное уложение 1649 г., которое знало квалифицированные виды кражи, одним из которых являлось совершенные кражи в третий раз. Так, ст. 12 определяла: «А приведут татя, а доведут до него татьбы три или четыре или больши: и того татя пытав казнити смертью, хотя он и убийства не учинил, а животы его отдать истцам в выт». Как видно, за подобную кражу виновный подвергался смертной казни.

С 1649 г. до начала самостоятельного правления Петра I (1696 г.) появляется большое количество различных законодательных актов, выраженных в формах царских указов, боярских приговоров, соборных определений и др. Одним из таких актов были Новоуказанные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 г., являющиеся крупнейшим памятником истории русского уголовного права. Новоуказанные статьи в ряде слу-

чаев отменяют пытку, смягчают членовредительские наказания, стремятся по мере возможности заменить тюремное заключение ссылкой в Сибирь или окраинные города и т. д. Судебная практика также допускала отступления в сторону смягчения наказания. Однако ст. 10 Новоуказанных статей устанавливает правило усиления ответственности за повторность преступлений, согласно которому предусматривалась смертная казнь за троекратное и более (систематическое) совершение кражи. «А будет приведут татя, и заведут на него татьбы три, или четыре, или больше, и того татя пытав, казнить смертью, хотя он убивства не учинял, а животы его отдать истцам в выти». Причем послаблений в отношении многократных воров ни при каких условиях не допускалось. По другим случаям смертная казнь, предусмотренная в законе, могла быть фактически и не применена.

В Новоуказанных статьях отдельно устанавливается ответственность по предмету кражи. Так, ст. 15 предусматривает: «А будет кто из кого из пруда или саду рыбу покрадет, и того татя мзымают с поличным, а сыщется про то в правду, что он покрад впервые, и такого бить батоги; а будет в другие также с поличным изыман будет, и такого за такую вину бить кнутом; а будет в третие тот же изыман с поличным, и тому отсечь рука, и дав ему против осьмой статьи письмо, отпустить на старину, а покраденное отдать истцу, или из животов его цену заплатить» [6, с. 401]. Как вытекает из приведенной нормы, ответственность дифференцируется в зависимости от того, украл виновный в первый, во второй или в третий раз.

Новоуказанные статьи вынуждены были обобщить и систематизировать, а в отдельных случаях и уточнить положения множества нормативных актов о разбое. Так, например, они предусмотрели, что объектом усиленной ответственности в разбойном процессе мог быть лишь «ведомый лихой человек», сделавший разбой своим основным занятием, в связи с чем главной задачей в этом процессе было выявление преступного прошлого лица [6, с. 458].

Государственные преобразования в эпоху Петра I потребовали принятия новых законодательных актов, регулирующих уголовную ответственность. Они формулировали устрашение как одну из основных целей применения наказания, что отразилось и на ответственности за рецидив преступлений, в том числе за многократный. Так, Указ от 10 ноября 1721 г. признавал рецидивом лишь третье воровство, а второе подпадало под понятие «повторение» и не влекло за собой усиления наказания.

Наибольший интерес из уголовно-правовых документов петровского времени представляет Артикулы воинский 1715 г. с кратким толкованием.

По нему предусматривалось усиление карательной политики, несоответствие между тяжестью преступления и характером наказания. Чаще предусматривалась смертная казнь различных видов: простая (расстрел, повешение, отсечение головы) и квалифицированная (четвертование, колесование, заливание горла металлом, сожжение и др.). Применялись также телесные наказания: болезненные (битие кнутом, шпицрутенами) и членовредительские (отсечение руки, пальцев, носа, ушей и т. д.).

Глава первая Артикула посвящена преступлениям против веры. Артикулы 6 и 15 касаются ответственности за рецидив подобных преступлений, которая предусматривалась лишь за учинение третьего. «А ежели слова одного ручателя никакова богохуления в себе не содержит, и токмо из легкомыслия произошли, а учинителя то единожды или дважды, тогда имеет преступитель четырнадцать дней в железа заключен быть и жалование его на месяц в шпигель вычтено, или гонянием шпицрутен наказан, а в третие аркибузирова (разстрелен) быть» (арт. 6) [9, с. 329]. Таким образом, за причинение третьего подобного деяния виновный подлежал расстрелу. Согласно артикулу 15 предусматривалась ответственность священников за отправление службы в пьяном виде: за первый и второй раз полагалось «от начальника священника при войске жесткого за то наказан», а за третий «к духовному суду отослан, а потом своего чина и достоинства лишен будет» [9, с. 361]. Как видно, наиболее строгое наказание опять следовало за третье нарушение. Практически то же самое наблюдается и при определении ответственности за имущественные воинские преступления, когда, например, «есть ли кто свой мундир, ружье проигрывает, продаст или в заклад отдаст, оный имеет в первые и в другорядь жестоко шпицрутенами, и заплатою утраченного наказан, а в третие розтрелян быть» [6, с. 361]. Расстрел за подобное деяние, совершенное в третий раз, – очень суровая мера.

Артикулы 189 и 191 предусматривали усиление ответственности за квалифицированную кражу, причем она впервые в русском законодательстве дифференцировалась в зависимости и от суммы похищенного, и от количества совершенных краж. Так, артикул 189 устанавливал наказание за первую и вторую кражи на сумму, не превышающую 20 рублей, соответственно «шестью сквозь полк прогнать шпицрутен», а «в другорядь двенадцатью», а за третью – «отрезав нос и уши, сослать на каторгу, а украденное всегда от него отобрать». Согласно же артикулу 191 за кражу ценою более 20 рублей, а также совершенную в четвертый раз, преступник подвергался смертной казни через повешение.

Таким образом, по Артикулу воинскому 1715 г. усиление наказания предусматривалось за третий и последующие рецидивы преступлений – от членовредительства и каторги до расстрела или повешения.

Как известно, в середине XIX в. обострилась классовая борьба и правительство вынуждено было усилить уголовную репрессию. Так, согласно ст. 113 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. усиливается ответственность за заранее непреднамеренное преступление, совершенное в третий раз, – она приравнивается к ответственности за заранее обдуманное умышленное преступление, совершенное в первый раз. Дословно текст этой статьи выглядит следующим образом: «Учинивший какое-либо преступление, хотя и без обдуманного заранее намерения или умысла, но в третий раз, наказывается столь же строго, как учиненное в первый раз с обдуманным заранее намерением или умыслом» [10, с. 196].

По Уложению впервые специальное повторение преступлений признавалось более общественно опасным, чем общее. Однако за общее повторение усиливалось наказание лишь в случаях, когда преступление совершено в третий раз. Так, ст. 138 определяет, что «в случае, когда закон не назначает именно наказание за повторение того же преступления, или же за учинение оного в третий и ли четвертый раз и т. д., суд назначает всегда самую высшую меру наказания за то преступление, или за повторение оного, или же за учинение в третий раз определенного» [10, с. 200].

Особое место среди правовых актов проводимой в стране судебной реформы занимает Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., так как в нем впервые был определен срок, по истечении которого повторное преступление не могло быть признано рецидивным (1 год, 2 года, 3 года и т. д. – в зависимости от опасности преступления).

Однако ни в Уложении 1845 г., ни в указанном Уставе, ни в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. не было специальных норм, предусматривающих усиление ответственности за многократный рецидив преступлений. Лишь в Уложении 1903 г. были предусмотрены обстоятельства, усиливающие ответственность многократных рецидивистов. Так, согласно ст. 64 лицу, учинившему до провозглашения приговора два и более тождественных или однородных преступных деяний, по привычке к преступной деятельности или вследствие обращения такой деятельности в промысел ему определяется ответственность по правилам о совокупности, если закон не предусматривал за это особого наказания. Далее статья определяет, что «сверх того суд может, назначая как тягчайшее наказание:

1) каторгу без срока, – воспретить перевод на поселение ранее истечения двадцати лет;

2) срочное лишение свободы, – продлить, если в законе назначен предельный высший срок – до высшего размера такого рода наказания, а если предельный высший срок не назначен, то каторгу – до двух лет и арест до одного года;

3) денежную пеню, – определить, кроме того, арест на срок не выше одного месяца» [11, с. 290–291].

Таким образом, в этой статье за совершение преступной деятельности в виде привычки (или промысла) лицо, помимо основного наказания подвергалось дополнительному воздействию в виде или воспрепятствования перевода на поселение, или продления срока лишения свободы, или определения дополнительного, более строгого наказания (ареста). Это новое явление в уголовном законодательстве начала XX века.

Можно сделать и другой вывод – законодатель предусматривал усиление борьбы с профессиональными преступниками, которые набирали силу в начале XX века.

Будучи министром юстиции того времени, И. Г. Щегловитов относительно подобных нововведений Уголовного уложения писал, что «касается собственно индивидуализации карательных мер в соответствии с подразделением преступников на случайных и профессиональных, то в этом отношении Уголовное уложение ограничивается усилением репрессии для преступников обычных и рецидивистов...» [1, с. 19].

Таким образом, дореволюционная история развития законодательства о рецидиве преступлений свидетельствует о том, что законодатель всегда стремился усиливать ответственность за многократный рецидив на порядок выше, чем за простой рецидив и повторение преступлений. За совершение трех и более преступлений, как правило, следовала смертная казнь.

Первые годы советской власти, связанные с гражданской войной, привели к падению экономики, разрухе, голоду населения. К тому же армию преступников пополняли деклассированные элементы, превратившие преступную деятельность в постоянное средство существования. В стране процветала профессиональная преступность. На это реагировали законы, в которых можно было встретить такие термины: «совершение преступления в виде промысла», «упорный рецидив», «систематически», «профессиональный преступник», «особо социально опасный» [7, с. 72–110] и пр. Усиливались меры в отношении лиц, систематически совершающих преступления, занимающихся профессиональной преступной деятельностью. Так, в соответствии со ст. 29 Временной инструк-

ции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы и о порядке отбывания такового». Распределительная комиссия наделялась правом представлять в местный революционный трибунал лиц, причисляемых к типу хулиганов, погромщиков или упорных рецидивистов, для решения вопроса о дальнейшей их изоляции после отбытия наказания. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. предполагали учитывать при назначении наказания, «совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным» (ст. 11). По смыслу ст. 11 профессиональным преступником (рецидивистом) могло быть признано судом лицо, преступная деятельность которого свидетельствовала о стойкости преступных устремлений.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал как тождественные термины «профессиональный» и «промысел» и впервые разделял понятия «рецидивист» и «профессиональный преступник». Так, ст. 25 требовала при назначении наказания учитывать, совершено ли преступление «профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз» [2, с. 110]. Профессионального преступника могли признать социально опасным и назначить дополнительное наказание в виде лишения права заниматься профессией или промыслом, если они привели к преступному образу жизни.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. также использовал для обозначения множественности преступлений такие термины, как «в виде промысла», «систематически», «неоднократно» и др. Этот кодекс стремился к расширению сферы уголовной репрессии за систематическое повторение не только тождественных и однородных преступлений, составляющих основу профессиональной преступности, но и, что характерно, неоднородных преступлений. Эта тенденция сохранилась и в последующих законодательных актах.

Известным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» профессиональные преступники и рецидивисты по степени социальной опасности были приравнены к классовым врагам и к ним предполагалось применение суровых мер репрессии.

В дальнейшем в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. в ст. 23 было закреплено понятие «особо опасный рецидивист». В последующих законах это понятие получает дальнейшее развитие в плане придания все большего значения личности особо опасного рецидивиста. Так, в УК РСФСР 1960 г. не только были указаны формальные признаки особо опасного рецидивиста (осуждение за предыдущее преступление,

наличие судимости за него, определенное состояние многократности опасных преступлений), но и закрепилось положение о том, что виновный представляет значительную опасность для общества. Таким образом, этот закон уделил серьезное внимание особенностям личности преступника.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. впервые в истории уголовного законодательства дает определение понятия «рецидив преступлений», а также устанавливает признаки опасного и особо опасного рецидива преступлений на основании систематичности (многократности) совершения преступлений определенной категории тяжести и осуждения за них к реальному лишению свободы. Вначале законодатель определил совершение преступления при опасном и особо опасном рецидиве в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков некоторых составов преступлений, а затем Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ исключил их в качестве таковых, оставив только в виде отягчающих наказание обстоятельств (ст. 63). Этим же законом были значительно гуманизированы правила назначения наказания рецидивистам, что идет в разрез с традициями российского законодательства, устанавливающими более строгие правила. На страницах юридической печати учеными и практиками отмечено, что подобное отношение законодателя к оценке общественной опасности рецидива выглядит чересчур либеральным и неоправданным [12, с. 124–126].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- с первых нормативных актов Русского государства законодатель, обращая внимание на многократный рецидив преступлений, усиливал за него ответственность по сравнению с простым рецидивом;

- в начальный период развития государственности на Руси усиление ответственности за многократный рецидив преступлений определялось, как правило, в виде смертной казни, связывалось с понятием «неисправимость» преступника, а затем, в XVIII–XIX вв., постепенно стали применяться лишение свободы и каторжные работы с назначением дополнительных наказаний;

- в первые годы советской власти законодатель не в состоянии был строго классифицировать преступления и личности преступников при формировании карательной политики, в результате чего допускались разные формулировки многократного рецидива, порой не отличающие его от простого рецидива. Но непременно законодатель стремился к расширению сферы уголовной репрессии в отношении многократных рецидивистов;

– постепенно законодатель выделил особо опасного рецидивиста (по УК РФ 1960 г.), а затем опасный и особо опасный рецидив (по УК РФ 1996 г.), предусмотрев их в качестве особо квалифицирующих признаков многих составов преступлений и отягчающего наказание обстоятельства; были предусмотрены специальные правила назначения наказания при всех видах рецидива преступлений, в

соответствии с которыми могло быть назначено более строгое наказание;

– в новейшей истории развития ответственности за рецидив преступлений (после 2003 г.) в рамках гуманизации уголовной политики, вопреки традициям российского законодательства, законодатель либерализовал ответственность за многократный рецидив, приравняв ее, по сути, к ответственности несудимых лиц.

Список литературы

1. Журнал Министерства юстиции 1903 г. // Право. 1903. № 1. С. 19–26.
2. Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров / под ред. О. И. Чистякова. М., 2000. Ч. 2. XX в. 352 с.
3. Памятники русского права. М., 1953. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. 442 с.
4. Памятники русского права. М., 1957. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. 527 с.
5. Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. 529 с.
6. Памятники русского права. 1649. М., 1957. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича. 512 с.
7. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. Период образования и развития централизованного государства. 520 с.
8. Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. 544 с.
9. Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. 432 с.
10. Российское законодательство X–XX веков. М., 1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. 513 с.
11. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М., 1997. 592 с.
12. Южанин В. Е., Армашова А. В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России. М., 2007. 192 с.

VYACHESLAV EFIMOVICH YUZANIN,

doctor of law, professor, honored worker of higher education,
professor of the department of the penal law
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: yuzanin@mail.ru

RESPONSIBILITY FOR REPEATED RECIDIVISM ACCORDING TO THE LAW OF RUSSIA (HISTORICAL ASPECT)

Annotation: the article discusses the multiple recidivism, as a circumstance substantially strengthen the punishment of the offender. It is noted that for the first time «the repetition of crimes» mentioned in 1397 in the Pskov Judicial Charter (Art. 8) and Dvina charter deed (v. 5). For these charters for theft for the third time after two previous convictions of theft applied imposition of the death penalty. Thus, for the first time in Russia was placed increased responsibility for multiple (recurrent) crimes. This trend continued in all subsequent periods of legislative regulation of responsibility for multiple recidivism.

So of Law in 1497 and statutory order book Rogue included the strengthening of responsibility for a crime driven dashing man as their main occupation and those involved in three or more robberies. Izbnye, Zemsky letters and mandates established the death penalty for the third and subsequent executions (tatba). Conciliar Code of 1649 also defines the death penalty for qualified theft (perfect for the third time). In new articles about tatebnyh, armed and murderous deeds in 1669, although abolish torture, soften humanized punishment, the replacement of imprisonment link, but leave on – still the death penalty for the systematic practice of theft and robbery did not change the approach to strengthen the responsibility for multiple offenses and in the era of Peter I. Legislation of this period to formulate deterrence as one of the goals of punishment, which is particularly reflected in consistently repeat offenders.

From the middle of the XIX century. the government was forced to strengthen criminal liability in connection with the intensification of the class struggle in Russia. According to the Penal Code and Criminal Corrections 1845

for the first time a socially dangerous accept special repetition of crimes than the general, and in the last sentence was enhanced only in cases where the offense is committed for the third time. By Ulozhenie 1903 for crimes committed in the form of fishing, the court may determine the additional penalty of prison, settlements or arrest.

Increasing penalties for crimes and three times during the Soviet era. As the base of the legislator defined relapse terms such as «fishing», «stubborn relapse», «career criminal», «particularly socially dangerous» Sometimes he even likened them to the class enemy.

Of the Criminal Code in 1960 introduced the concept of a «particularly dangerous recidivist», focusing on the personality of the recidivist. But it is provided as an objective basis recognized as such systematic crimes specific gravity. For dangerous offenders determined the special regime colony. At the same time recognize them as such could only court, by taking into account all the data about the crime and the personality of the recidivist.

Under the current Criminal Code offender specific category listed pp «A» and «b» h. 3 tbsp. 18 of the Criminal Code, clearly deemed to have committed crimes at especially dangerous relapse and should be sent to serve his sentence in a colony of special regime or prison. From the standpoint of saving funds punitive author concludes not in favor of the legislation. In addition, the legislator departed from the tradition of the Russian legislation significantly strengthen criminal liability for especially dangerous recidivism, setting them in the article. 68 of the Criminal Code sentencing rules, no different from the rules provided for other types of recurrence and for the first time the crimes committed

Key words: repeated recurrence, the strengthened responsibility, death penalty, imprisonment, additional punishments, criminal record, especially dangerous recidivist, recurrence, criminal legislation, trade, dangerous state, theft, colonies of a particular treatment, professional criminal.

References

1. Zhurnal Ministerstva justicii 1903 g. [Magazine of the Ministry of Justice of 1903]. Pravo – Law, 1903, no. 1, p. 19–26.
2. Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI–XX vekov [Domestic legislation of the XI–XX centuries]. Under the editorship of O. I. Chistyakov. Moscow, 2000, part 2: XX century, 352 p.
3. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 1: Pamjatniki prava Kievskogo gosudarstva X–XII vv. [Monuments of Russian law. Issue 1. Monuments rights of the Kievan state X–XII centuries]. Moscow, 1953, 442 p.
4. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 2: Pamjatniki prava feodal'no-razdroblennoj Rusi XII–XV vv. [Monuments of Russian law. Issue 2. Monuments rights fragmented feudal Russia XII–XV centuries]. Moscow, 1957, 527 p.
5. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 3: Pamjatniki prava perioda obrazovanija Russkogo centralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. [Monuments of Russian law. Issue 3. Monuments rights education period centralized Russian state XIV–XV centuries]. Moscow, 1955, 529 p.
6. Pamjatniki russkogo prava. Vyp.6: Sobornoe ulozhenie carja Alekseja Mihajlovicha [Monuments of Russian law. Issue 6. Council Code of Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, 1957, 512 p.
7. Hrestomatija po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. 1917–1991 gg. [Readings on the history of the Russian state and law. 1917–1991]. Moscow, 1997, 592 p.
8. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 2: Period obrazovanija i razvitija centralizovannogo gosudarstva [Russian legislation X–XX centuries. Vol. 2. The period of formation and development of a centralized state]. Moscow, 1985, 520 p.
9. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6: Zakonoda-tel'stvo pervoj poloviny XIX veka [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century]. Moscow, 1986, 544 p.
10. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6: Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka [Russian legislation X–XX centuries. Vol. 6. The legislation of the first half of the XIX century]. Moscow, 1988, 432 p.
11. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T.: 9. Zakonodatel'stvo jepohi burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij [Russian legislation X–XX centuries. Vol. 9. Legislation epoch of bourgeois-democratic revolutions]. Moscow, 1994, 513 p.
12. Juzhanin V. E., Armashova A V. Problemy recidiva prestuplenij i otvetstvennosti za nego po ugolovnomu pravu Rossii [The problem of recidivism and responsibility for the criminal law of Russia]. Moscow, 2007, 192 p.

УДК 343.83
ББК 67.409.022
Д64

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности УИС,
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru;
ДЕНИС АНАТОЛЬЕВИЧ БРЫКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: tornaden@rambler.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОКРАЩЕНИЯ ШТАТА И ЧИСЛЕННОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Реферат: предмет статьи составляют организационные и правовые проблемы сокращения штата и численности персонала уголовно-исполнительной системы, цель – предложить направления повышения эффективности осуществления организационно-штатных мероприятий в учреждениях и органах, исполняющих наказания.

Проведение организационно-штатных мероприятий по оптимизации и сокращению персонала уголовно-исполнительной системы является объективным процессом, важность совершенствования которого связана с имеющимися проблемами в его реализации (возможность потери квалифицированных специалистов, попытки использовать эту кадровую процедуру для избавления от «неудобных» работников; нарушения процедуры увольнения, которые могут привести к судебным разбирательствам; увеличение служебной нагрузки работников; снижение эффективности управления исправительными учреждениями и др.).

Совершенствование организационно-штатной деятельности может рассматриваться в качестве одного из резервов сохранения кадрового потенциала УИС за счет оставления на службе профессионально компетентных, обладающих организаторскими способностями, инициативных, высоконравственных сотрудников УИС.

Минимизации негативных последствий организационно-штатных мероприятий по сокращению штата и численности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы можно достичь в результате применения кадровыми аппаратами научно обоснованных методик, подтвержденных практикой и основанных на строгом соблюдении действующего законодательства.

С организационных и правовых позиций обосновывается оптимальный алгоритм проведения организационно-штатных мероприятий, включающий в себя следующие действия:

- установление работников, подлежащих сокращению;
- установление работников, которых нельзя уволить;
- оценка и сравнение производительности труда и квалификации работников, подлежащих увольнению;
- выявление среди работников с равной производительностью труда и квалификацией лиц, имеющих приоритетное право оставления на работе;
- уведомление работников о предстоящем увольнении;
- перевод работников с их согласия на другие должности в соответствии с их профессиональными качествами, квалификацией, состоянием здоровья;
- организация процедуры увольнения работников по сокращению штатов.

В статье приводятся социально-правовые гарантии, предоставляемые работникам уголовно-исполнительной системы, увольняемых по сокращению штатов, а также перечень обязательных требований и подтвержденных практикой правил, которыми следует руководствоваться при увольнении работников по данному основанию, соблюдение которых позволит грамотно осуществлять организационно-штатные мероприятия.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, штатная численность, организационно-штатные мероприятия, оптимизация, сокращение штатов, увольнение.

В результате осуществления кадровых направлений первого этапа реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в 2012–2013 гг. проведена плановая поэтапная оптимизация штатной численности сотрудников УИС, в результате которой значительное их число было уволено по сокращению штатов. В 2015 г. предполагается проведение дальнейшей штатной оптимизации, обусловленной с одной стороны, снижением численности осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, с другой – сложной экономической ситуацией в стране. В связи с этим неизбежно проведение организационно-штатных мероприятий по сокращению персонала УИС, что актуализирует рассмотрение заявленной проблематики.

Основные проблемы, возникающие при проведении организационно-штатных мероприятий, связаны со следующими обстоятельствами.

Во-первых, сам процесс увольнения по данному основанию очень болезненный как для учреждений и органов УИС, руководство которых вынуждено отобрать подлежащих увольнению работников и проводить соответствующие мероприятия, так и для самих работников, которые теряют свои рабочие места.

Во-вторых, итогом проведения организационно-штатных мероприятий может стать потеря квалифицированных специалистов, имеющих одновременно большой опыт и право на пенсию.

В-третьих, попытки ряда руководителей использовать эту кадровую процедуру для избавления от «неудобных» работников, а также иные ситуации, связанные с нарушением процедуры увольнения, отсутствием правовой защищенности и несоблюдением социальных гарантий увольняемых работников, могут привести к судебным разбирательствам.

В-четвертых, оптимизация численности влечет за собой увеличение служебной нагрузки работников УИС и может сопровождаться снижением эффективности управления исправительными учреждениями, прежде всего ростом риска пенитенциарных рецидивов.

Минимизации негативных последствий организационно-штатных мероприятий по сокращению штата и численности учреждений и органов УИС можно достичь в результате применения кадровыми аппаратами УИС научно обоснованных методик, подтвержденных практикой и основанных на строгом соблюдении действующего законодательства [3, с. 47].

Как правило, о предстоящем сокращении руководство органов и учреждений УИС знает заранее,

поэтому процесс проведения организационно-штатных мероприятий может и должен быть спрогнозирован и спланирован. В связи с этим целесообразно прогнозировать число должностей, подлежащих сокращению, возможный на момент проведения оптимизационных мероприятий комплект персонала, а также уровень естественного оттока кадров, связанного с увольнением на пенсию и по другим основаниям. Как правило, заблаговременно прекращается прием работников на вакантные должности, а работники с их согласия переводятся на должности, которые не подлежат будущему сокращению.

Комплексный подход к анализу складывающейся организационно-кадровой ситуации и заблаговременному планированию организационно-штатных мероприятий в идеальном случае позволяет свести к минимуму случаи увольнения работников по сокращению штатов и не допустить снижения эффективности функционирования учреждений УИС.

При проведении организационно-штатных мероприятий по ликвидации учреждения или органа УИС, сокращению численности или штата работники, должности которых сокращены, могут быть уволены. При этом необходимо учитывать:

- увольнение работников при реорганизации учреждения или органа УИС возможно только при реальном сокращении численности или штата;

- при изменении наименования учреждения или органа УИС, структурного подразделения либо штатной должности зачисление сотрудника в распоряжение не производится, если не меняются должностные обязанности и (или) оклад по занимаемой должности сотрудника, следовательно, сотрудники УИС не подлежат увольнению по сокращению штатов.

При проведении мероприятий по сокращению штата и численности целесообразно руководствоваться оперативно-служебными потребностями и спецификой деятельности конкретного учреждения или органа УИС. Представляется, что в первую очередь подлежат сокращению должности, не предусмотренные в новой структуре управления или не выполняющие существенных функций, а также должности, работа на которых дублирует функции других исполнителей.

Судебная практика показывает, что целесообразность сокращения штата и численности под сомнение, как правило, не ставится, оспаривается процедура увольнения, поскольку перечень сокращаемых должностей известен, не представляется сложным правильно определить сотрудников, подлежащих сокращению.

Алгоритм проведения организационно-штатных мероприятий включает в себя следующие действия:

- установление работников, подлежащих сокращению;
- установление работников, которых нельзя уволить по организационно-штатным основаниям (за исключением случаев ликвидации учреждения УИС);
- оценка и сравнение производительности труда и квалификации работников, подлежащих увольнению;
- выявление среди работников с равной производительностью труда и квалификацией лиц, имеющих приоритетное право оставления на работе;
- уведомление работников о предстоящем увольнении не позднее чем за два месяца;
- перевод работников с их согласия на другие должности в соответствии с их профессиональными качествами, квалификацией, состоянием здоровья;
- организация процедуры увольнения работников по сокращению штатов.

При определении работников, подлежащих увольнению по сокращению штатов, необходимо учитывать ограничения, определенные ст. 261 Трудового кодекса РФ.

Следующая важная задача – среди работников, подлежащих увольнению, определить тех, которые обладают более высокой производительностью труда и квалификацией. Эти работники в соответствии со ст. 179 Трудового кодекса РФ имеют преимущественное право остаться на работе после проведения организационно-штатных мероприятий.

Однако до настоящего времени эта проблема в деятельности подразделений ФСИН России не решена. Несмотря на то что государственная штатная дисциплина в УИС предписывает назначение работников на должности в учреждениях и органах УИС согласно квалификационным и иным требованиям, соответствующим этим должностям, на практике эта норма часто игнорируется как по объективным, так и по субъективным причинам. В частности, при назначении работников УИС иногда не учитываются их образование, квалификация и опыт работы, сложно определить тех из них, которые обладают большей производительностью труда и квалификацией.

Главные трудности при решении этого вопроса связаны с отсутствием правового инструментария измерения производительности труда многих категорий работников УИС, в силу чего она может считаться одинаковой, поэтому на практике проще сравнить квалификацию работников, включающую в себя три элемента: знания, умения, навыки. Знания можно определить на основе федеральных государственных образовательных стандартов. Для оценки умений и навыков рабочих и служащих

применимы квалификационные характеристики должностей, утвержденные Минтруда России. Определенные проблемы возникают при оценке уровня квалификации сотрудников УИС, квалификационные требования к должностям которых до настоящего времени не утверждены.

Оценку и сравнение уровня квалификации сотрудников УИС можно провести на основе широкого спектра кадровых данных и документов, свидетельствующих об их профессионализме: данные о трудовом стаже, стаже службы в УИС, стаже службы в конкретной должности; документы об образовании, повышении квалификации, профессиональной подготовке и переподготовке; аттестационные материалы; материалы дисциплинарной практики и т. п.

В любом случае работоспособность и квалификация работника, его профессиональная состоятельность определяются неукоснительным и полным исполнением должностных обязанностей, результаты которого отражаются в его личном деле.

При равной производительности труда и квалификации предпочтение в оставлении на работе отдается лицам, указанным в ст. 179 Трудового кодекса РФ: семейным – при наличии двух или более иждивенцев (нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию); лицам, в семье которых нет других работников с самостоятельным заработком; работникам, получившим в период работы у данного работодателя трудовое увечье или профессиональное заболевание; инвалидам Великой Отечественной войны и инвалидам боевых действий по защите Отечества; работникам, повышающим свою квалификацию по направлению работодателя без отрыва от работы.

В коллективных договорах учреждений и органов УИС могут быть предусмотрены дополнительные категории работников, которые имеют преимущественное право при равной квалификации и производительности труда.

Трудовое законодательство и ведомственные нормативные акты предписывают руководству учреждения или органа УИС соблюдать следующие обязательные требования к проведению организационно-штатных мероприятий, единые в отношении всех категорий работников УИС.

1. Работники УИС уведомляются о предстоящем увольнении по организационно-штатным основаниям персонально под роспись не менее чем за два месяца до увольнения.

В соответствии со ст. 82 Трудового кодекса РФ руководство учреждения или органа УИС обязано

в письменной форме сообщить о принятом решении о сокращении численности или штата и возможном расторжении трудовых договоров с рабочими и служащими выборному профсоюзному органу данной организации не позднее чем за два месяца до начала проведения соответствующих мероприятий, а в случае если решение о сокращении численности или штата работников может привести к массовому увольнению работников, не позднее чем за три месяца до начала проведения соответствующих мероприятий.

При проведении организационно-штатных мероприятий по сокращению численности сотрудники УИС могут быть зачислены в распоряжение учреждения или органа УИС, а также в распоряжение иного учреждения или органа УИС при наличии вакантных должностей по согласованию с его руководителем, а в случае ликвидации учреждения или органа УИС – в распоряжение вышестоящего или иного учреждения или органа УИС, на который возложено проведение организационно-штатных мероприятий.

Одновременно с ознакомлением сотрудника с приказом о зачислении в распоряжение он в установленном порядке уведомляется о возможном увольнении со службы под роспись. Время нахождения в распоряжении не может превышать двух месяцев или срока действия контракта, заключенного с сотрудником по сокращенной должности. На сотрудника, находящегося в распоряжении, распространяются все права, обязанности и гарантии социальной защиты, предусмотренные законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами Министерства юстиции Российской Федерации, регламентирующими прохождение службы в учреждениях и органах УИС.

2. Увольнение допустимо, если нельзя перевести работника с его согласия на другую работу; при отказе сотрудника от перемещения по службе либо перемещения на службу в другую местность. В связи с этим необходимо предложить ему имеющуюся вакантную должность, соответствующую его квалификации.

Сотруднику должны предлагаться штатные вакантные должности при их наличии в данном или ином учреждении или органе УИС, обязанности по которым он может выполнять с учетом его квалификации и ранее занимаемой должности.

Предложение штатной вакантной должности, а также отказ от нее должны быть зафиксированы в письменной форме. Вакантные должности необходимо предлагать работнику не менее двух раз (в день предупреждения о предстоящем увольнении и в день увольнения).

3. В случае несогласия работника занять иную должность и отказа от письменного ознакомления с уведомлением об увольнении необходимо составить соответствующий акт.

4. Приказ об увольнении должен быть подписан по истечении двух месяцев после уведомления об увольнении. Сотрудники могут быть уволены ранее этого срока при наличии их рапорта, а рабочие и служащие с их письменного согласия с выплатой им дополнительной компенсации в размере среднего заработка работника, исчисленного пропорционально времени, оставшемуся до истечения срока предупреждения об увольнении.

5. В соответствии со ст. 62 и 80 Трудового кодекса РФ в день увольнения работник должен получить окончательный расчет, трудовую книжку, а также по его письменному заявлению другие документы, связанные с работой.

При увольнении в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников учреждения (органа) УИС увольняемому работнику выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за уволенным работником в течение третьего месяца со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в двухнедельный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен.

Выходное пособие рабочим и служащим выплачивается в размере среднего месячного заработка, а сотрудникам – в размерах, предусмотренных Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Сотрудникам, общая продолжительность службы в учреждениях и органах УИС которых составляет 20 лет и более, при увольнении со службы выплачивается единовременное пособие в размере семи окладов денежного содержания, а сотрудникам, общая продолжительность службы в учреждениях и органах УИС которых составляет менее 20 лет, – в размере двух окладов денежного содержания исходя из должностного оклада и оклада по специальному званию, установленных сотруднику на день увольнения.

Сотрудники, кроме перечисленных пособий, имеют право на дополнительные социальные гарантии. Так, в соответствии с п. 10 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ сотрудникам, уволенным по сокращению штатов без права на пенсию и имеющим общую продолжительность службы в учреждениях и органах УИС менее 20 лет, ежемесячно в течение одного года после увольнения выплачивается оклад по специальному званию в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

В соответствии с п. 18.1 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации» сотрудникам УИС, уволенным с правом на пенсию по сокращению штатов и имеющим выслугу 20 лет и более (в календарном исчислении), выплачивается денежная компенсация в размере фактически уплаченных ими земельного налога и налога на имущество физических лиц.

При осуществлении процедуры увольнения работников УИС по организационно-штатным основаниям целесообразно применять следующие правила:

– увольнение должно носить максимально справедливый характер и проводиться в точном соответствии с требованиями законодательства;

– сокращение должностей должно осуществляться с учетом его функциональной целесообразности, а увольнение работников быть оправданным с нравственной точки зрения;

– решение об увольнении должно выноситься только в отношении тех работников, должности которых сокращены;

– увольнение должно быть экономичным, не потребовать дополнительных выплат, кроме предусмотренных законодательством, включая возможные судебные издержки;

– к увольняемым работникам следует относиться с вниманием, оказывая необходимую помощь; нельзя относиться к ним высокомерно, унижать их достоинство;

– правилом должно стать чествование работников, увольняемых с правом на пенсию.

Грамотная реализация организационно-штатных мероприятий по сокращению штата и численности персонала УИС возможна при условии полного обеспечения социально-правовых гарантий увольняемых работников. Совершенствование организационно-штатной деятельности может рассматриваться в качестве одного из резервов сохранения кадрового потенциала УИС за счет оставления на службе профессионально компетентных, обладающих организаторскими способностями, инициативных, высоконравственных сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Список литературы

1. Гришин Д. А., Чудакова С. Н. Организационные и административно-правовые проблемы текущей кадровой (прекращения службы) в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2014. № 14. С. 71–76.

2. Долинин А. Ю., Огородников В. И., Шорников В. П. Кадровый менеджмент и социальная защита персонала уголовно-исполнительной системы: современность и перспектива : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Огородникова. Рязань, 2009. 474 с.

3. Огородников В. И., Долинин А. Ю. Понятие, сущность, принципы организационно-штатной работы в УИС и ее место в реализации государственной кадровой политики // Человек: преступление и наказание. 2006. № 1. С. 46–50.

ALEXANDER YURYEVICH DOLININ,

phd in law, associate professor,
head of the management and organization of penal system department,
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru;

DENIS ANATOLYEVICH BRYKOV,

phd in law, associate professor,
associate professor of the management and organization of penal system department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: tornaden@rambler.ru

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF STAFF REDUCTION
AND THE NUMBER IN THE PENAL SYSTEM**

Annotation: the article is devoted to the organizational and legal problems of staff reduction of the penal system. The aim is to propose ways of improvement the implementation of organizational and staff activities in the penal facilities.

The carrying out of organizational measures of the penal system staff reduction is an objective process, the importance of which is connected with the improvement of the existing problems in its implementation (the possibility of losing qualified, attempts to use the personnel procedures to get rid of "undesirable" workers, violation of dismissal procedures that could lead to litigation, increase overhead workers, decrease the effectiveness of management of correctional institutions, and others).

Improving of organizational and staff activities can be considered as one of the conservation reserve of human resources of the penal system due to leaving the service of professionally competent, have organizational skills, initiative, highly moral staff of penal system.

Minimize the negative effects of organizational and staff measures to reduce the number of staff and institutions and bodies of the correctional system can be achieved by the use of personnel offices of scientifically based methods, evidence-based and based on strict compliance with current legislation.

Authors with organizational and legal positions justify the optimal algorithm of organizational and staff measures, including the following:

- the establishment of workers be subject to reduce;
- the establishment of workers who can not be dismissed;
- evaluation and comparison of the productivity and skills of workers to be dismissed;
- identification among employees with equal productivity and skills of persons who have a priority right to the abandonment of work;
- notification of the impending dismissal of employees;
- transfer of employees with their consent to other positions in accordance with their professional skills, qualifications, state of health;
- the organization of the procedure of dismissal of employees for redundancy.

The article presents the social and legal guarantees provided to employees of the penal system, dismissed on grounds of redundancy, as well as a list of mandatory requirements and evidence-based rules that govern the dismissal of workers on the ground, the observance of which will competently perform organizational and staffing measures.

Key words: penal system, work with the staff, penal system staff, staff size, organizational and staffing measures, optimization, staff reduction, dismissal.

References.

1. Grishin D. A., Chudakova S. N. Organizacionnye i administrativno-pravovye problemy tekuchesti kadrov (prekrashhenija sluzhby) v uchrezhdenijah i organah Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij [Organizational, administrative and legal problems of staff turnover(separation) in the institutions and agencies of the federal penal service of Russia]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014. no 4, pp. 71–76.
2. Dolinin A. Ju., Ogorodnikov V. I., Shornikov V. P. Kadrovij menedzhment i social'naja zashhita personala ugovovno-ispolnitel'noj sistemy: sovremennost' i perspektiva: ucheb. posobie [Personnel management and social protection of personnel of the penal system: present and prospects]. Rjazan, 2009. 474 p.
3. Ogorodnikov V. I., Dolinin A. Ju. Ponjatie, sushhnost', principy organizacionno-shtatnoj raboty v UIS i ee mesto v realizacii gosudarstvennoj kadrovoj politiki [Definition, nature, principles of organization and staff working in prisons and its place in the implementation of personnel policy]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2006. no 1, pp. 46–50.

УДК 343.13
ББК 67.409
К95

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУТУКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности,
e-mail: ser.kutukov@yandex.ru;

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СМИРНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
(Академия ФСИН России),
e-mail: smirnov_sergey77@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Реферат: в статье рассматриваются актуальные вопросы и проблемы взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения для обеспечения правопорядка, а также наиболее эффективные пути их решения.

Для подготовки статьи и выявления существующих проблем в рассматриваемой сфере был использован метод сравнительного анализа, проведено социологическое исследование среди сотрудников различных структурных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Анализ научных источников, статистических данных и результатов практической деятельности позволяет сделать следующие выводы:

- 1) взаимодействие в исправительном учреждении является объективным и целенаправленным процессом и заключается в совместных или согласованных действиях всех структурных подразделений;
- 2) взаимодействие отделов и служб исправительного учреждения по обеспечению правопорядка реализуется путем исполнения таких управленческих функций, как организация и координация;
- 3) цель организации взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения состоит в объединении всех имеющихся сил и средств для осуществления комплексных мер, направленных на создание, совершенствование, укрепление и развитие системы обеспечения правопорядка.

Последняя задача выполняется структурными подразделениями исправительного учреждения постоянно, каждый сотрудник решает ее в своей повседневной деятельности, в ночное время ее решение осуществляет дежурная смена, караул, сотрудники, входящие в состав оперативной группы. Следовательно, организация взаимодействия в исправительном учреждении – непрерывный процесс.

При реализации структурными подразделениями непосредственных функций деятельности они решают общую задачу по обеспечению правопорядка в исправительном учреждении, и при этом степень их взаимодействия определяется потребностями складывающейся оперативной обстановки. Таким образом, какова бы ни была степень взаимодействия между структурными подразделениями исправительного учреждения по обеспечению правопорядка, в целом этот процесс непрерывен.

Выявленные и исследованные в статье проблемы и предложенные пути их решения могут быть использованы как в научной деятельности студентов, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава, так и для повышения эффективности управленческой деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: взаимодействие, структурные подразделения, координация, правопорядок, профилактика, организационная структура, предупреждение преступлений, управленческие функции, исполнение наказания, согласованные действия.

Основная цель функционирования исправительного учреждения – исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы, что закреплено в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ и ст. 2 Закона РФ от 21 июня 1999 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде ли-

шения свободы». Для реализации этой цели структурные подразделения исправительного учреждения решают множество задач, одной из наиболее важных как в общесоциальном плане, так и для эффективного функционирования самого учреждения является задача по обеспечению правопорядка. Данная задача стоит перед всеми правоохранитель-

ными органами, в том числе перед исправительными учреждениями. Их вклад в обеспечение правопорядка в нашей стране заключается в исполнении наказания. Посредством выполнения данной функции исправительные учреждения охраняют личность, государство, общество и иные общественные ценности от преступных посягательств со стороны преступника путем его изоляции.

Результаты проведенного нами исследования показали (в качестве респондентов выступили 300 сотрудников исправительных учреждений из 17 регионов, в их числе руководители исправительных учреждений, сотрудники оперативных аппаратов, отделов безопасности, охраны, воспитательных, производственно-технических служб), что эффективность процесса исполнения наказания в исправительных учреждениях в значительной мере зависит от обеспечения в них правопорядка и организации взаимодействия структурных подразделений, на что указывают и 95 % респондентов.

Под словом «правопорядок» в исправительном учреждении мы подразумеваем часть общего правопорядка в стране.

По нашему мнению, основными элементами правопорядка в исправительном учреждении являются:

1) нормативно-правовая основа его обеспечения, позволяющая соблюдать принцип законности, использовать четко установленные силы, средства и методы, определяющая правомерное поведение субъектов в пределах правовых отношений, которое составляет содержание правопорядка;

2) участники правовых отношений – администрация исправительного учреждения, осужденные, иные лица (судьи, прокуроры, родственники осужденных и т. д.), наделенные субъективными правами и обязанностями;

3) система предупреждения преступлений, которая должна включать в себя: источники информации о правонарушениях; анализ динамики и структуры правонарушений, методику их обнаружения и выявления; анализ причин и условий, способствующих их совершению; разработку и совершенствование мер профилактики, направленных на предупреждение правонарушений, выявление, устранение причин и условий, способствующих их совершению, а также ликвидацию негативных факторов и криминогенных процессов, которые ведут к ним; совершенствование служебной подготовки, управленческой деятельности; включение в перспективные и текущие планы работы исправительного учреждения комплексных мер по обеспечению правопорядка; формирование практических навыков и умений обеспечения и защиты правопорядка при выполнении служебных обязанностей.

Основными средствами обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях, по нашему мнению, являются:

– закрепленные в ст. 9 УИК РФ основные средства исправления осужденных: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие;

– силы, средства и методы, применяемые структурными подразделениями исправительного учреждения при реализации ими основных функций и должностных обязанностей сотрудников (оперативно-розыскные мероприятия, специальные технические средства, психологическая и социальная работа и т. д.).

С управленческих позиций организация системы обеспечения правопорядка прежде всего выражается в планировании, принятии решений, организации взаимодействия, координации, контроле, выработке единых критериев оценки состояния правопорядка, а также системы показателей для ее определения применительно к деятельности исправительного учреждения.

Задачи исправительных учреждений по обеспечению правопорядка, на наш взгляд, следующие:

1) предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Эффективное решение данной задачи тесно связано с недопущением в исправительном учреждении правонарушений. Правовой порядок часто увязывается с конкретным уровнем преступности в исправительном учреждении, а его состояние определяется динамикой, структурой и характером совершаемых в учреждении преступлений и иных противоправных деяний [2, с. 61], то есть правопорядок в исправительном учреждении зависит прежде всего от возможностей предупреждения правонарушений и преступлений;

2) регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний. Одним из основных средств регулирования порядка отбывания наказания в исправительном учреждении является режим, поэтому очевидно, что только посредством надлежащего обеспечения режимных требований удастся поддерживать правопорядок. Влияние условий исполнения наказания на правопорядок не вызывает сомнений, так как для эффективного функционирования исправительного учреждения необходимо надлежащее материально-техническое, коммунально-бытовое, информационное и иное обеспечение;

3) исправление осужденных, оказание им помощи в социальной адаптации. Основными средствами исправления осужденных согласно ст. 9 УИК РФ являются: установленный порядок исполнения

и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие. Структурные подразделения используют данные средства лишь в пределах своей компетенции и в разном объеме. Именно исправление и социальная адаптация – средства обеспечения общей и специальной профилактики;

4) охрана прав, свобод и интересов, обеспечение безопасности осужденных, сотрудников и иных лиц. Посредством обеспечения правопорядка в исправительном учреждении охраняются и защищаются права граждан в лице как осужденных, так и иных лиц, а также обеспечивается безопасность путем выполнения комплекса профилактических мероприятий.

Правильно организовать систему обеспечения правопорядка в исправительном учреждении нельзя без учета взаимодействия его структурных подразделений. Правопорядок в исправительном учреждении – явление многогранное и включает в себя несколько направлений деятельности, следовательно, не может быть обеспечен лишь деятельностью одного или нескольких структурных подразделений. По нашим данным, 60 % сотрудников считают, что силы и средства их структурного подразделения не обеспечивают или обеспечивают не в полном объеме соблюдение правопорядка, 49 % опрошенных взаимодействуют с другими структурными подразделениями по обеспечению правопорядка, 36 – при осуществлении воспитательного воздействия, 32 – при проведении индивидуальных профилактических мероприятий, 42 % – для решения вопросов ресурсного обеспечения.

Исследование деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, позволяет сделать вывод о том, что система организации взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения по обеспечению правопорядка в большинстве случаев строится лишь на негативных фактах: в 33 % случаев – при осложнении оперативной обстановки, в 26 – при нарушении установленного порядка отбывания наказания, в 10 % – при совершении преступления.

По мнению большинства авторов, взаимодействие в управлении исправительными учреждениями необходимо для того, чтобы добиться согласованности действий структурных подразделений в интересах достижения общей цели [1, с. 4].

Учитывая все системные признаки, присущие исправительному учреждению, специфику и объективные закономерности взаимодействия в исправительных учреждениях, можно сказать, что

под воздействием структурных подразделений исправительного учреждения надо понимать нормативно установленную структурно и функционально закреплённую систему совместных или согласованных по задачам, направлениям и времени действий, выполняемых для решения оперативных и служебных задач и осуществления возложенных на данные подразделения функций в целях эффективного исполнения наказания в виде лишения свободы.

Обеспечение правопорядка в исправительном учреждении является комплексной функцией деятельности. Она требует ряда взаимосвязанных мер оперативно-розыскного, режимного, воспитательного, психолого-медицинского характера, а также выполнения обеспечивающих функций по информационному, материально-техническому, коммунально-бытовому обеспечению, поэтому организация взаимодействия должна строиться на принципе комплексности, то есть все сотрудники исправительного учреждения обязаны реализовывать функцию обеспечения правопорядка в исправительном учреждении.

Комплексность в организации взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения заключается в следующем: 1) не упускать из виду ни одну задачу, особенно требующую комплексного подхода, без решения которой реализация цели обеспечения правопорядка окажется неполной; 2) выявлять и согласовывать применительно к указанным задачам систему функций, прав и ответственности как по вертикали (от начальника учреждения до рядового сотрудника), так и по горизонтали, то есть исследовать и организовывать все связи и отношения, существующие в учреждении, для выполнения общих текущих задач и реализации перспективных планов; 3) осуществлять организацию взаимодействия по всем направлениям (обмен информацией, совместное планирование, осуществление совместных мероприятий, обмен опытом, совместное инспектирование и контроль) с целью максимально задействовать весь комплекс имеющихся сил, средств и методов, создать альтернативные пути решения поставленных задач.

Взаимодействие предусматривает определенную систему организации, которая не должна носить эпизодический характер, а осуществляться непрерывно. Степень взаимодействия структурных подразделений может быть различной, например, при осложнении оперативной обстановки или возникновении чрезвычайной ситуации взаимодействие становится более плотным, связи между службами усиливаются, организация взаимодействия

требует жесткого, властного, строго централизованного воздействия [3, с. 43].

Таким образом, обеспечение правопорядка в исправительном учреждении – это организация и осуществление деятельности всех структурных подразделений по защите и ох-

ране прав, свобод и интересов осужденных, сотрудников и иных лиц, обеспечению их безопасности, а также по недопущению совершения с их стороны противоправных деяний в целях эффективного исполнения наказания.

Список литературы

1. Дедюхин В. В., Канцарин Ф. Г. Взаимодействие частей и служб исправительно-трудовых учреждений в борьбе с правонарушениями : учеб. пособие. М., 1978. 40 с.
2. Казак И. Б. Система факторов, оказывающих влияние на эффективность деятельности по обеспечению правопорядка в пенитенциарных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 58–65.
3. Киселев А. М. О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 42–45.

SERGEY ALEKSANDROVICH KUTUKOV,

phd in law, associate professor,
associate professor of the organization operational search activity,
e-mail: ser.kutukov@yandex.ru;

SERGEY NIKOLAYEVICH SMIRNOV,

phd in law, associate professor,
associate professor of the organization operational search activity
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: smirnov_sergey77@mail.ru

INTERACTION OF STRUCTURAL DIVISIONS OF CORRECTIONAL FACILITY AS ONE OF MEANS OF LAW AND ORDER: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Annotation: this article describes issues and problems of interaction of structural divisions of correctional facility for providing law and order, and also the most effective ways of their decision.

For preparation of this article and identification of the existing problems in the considered sphere the method of the comparative analysis was used, sociological research among the staff of various structural divisions of establishments and bodies of criminal and executive system was conducted.

The analysis of scientific sources, statistical data and results of the practical activity allows to make the following conclusions:

1) interaction in correctional facility is objective and purposeful process that consists of coordinated actions of all structural divisions;

2) interaction of departments and services of correctional facility of providing law and order is realized by execution of such administrative functions such as the organization and coordination;

3) the purpose of the organization of interaction of structural divisions of correctional facility consists in association of all available forces and funds for implementation of complex measures allocated for creation, improvement, strengthening and development of system of providing law and order.

This task is carried out by structural divisions of correctional facility constantly; each employee solves it in their daily activity, at night this task is carried out by a duty shift, guard and the employees who are a part of task force. Therefore, and the organization of interaction in correctional facility is a long process.

At realization of direct functions of activity by structural divisions they solve the general problem of providing law and order in correctional facility, and thus extent of their interaction is defined by requirements of the developing operational situation. Therefore, what was extent of interaction between structural divisions of correctional facility on providing a law and order, in general this process is long.

The problems and ways of their solution revealed in the article can be used in scientific activity of students, graduates from military academy, the faculty, and for increase of administrative activity efficiency in penal system.

Key words: interaction, structural divisions, coordination, law and order, prevention, organizational structure, prevention of crimes, administrative functions, execution of the punishment, coordinated actions.

References

1. Dedyukhin V. V., Kantsarin F. G. Vzaimodejstvie chastej i sluzhb ispravitelno-trudovykh uchrezhdenij v borbe s pravonarusheniyami [Interaction of parts and services of correctional institutions in fight against offenses] Moscow, 1978, 40 p.
2. Kazak I. B. Sistema faktorov, okazyvayushhikh vliyanie na ehffektivnost deyatelnosti po obespecheniyu pravoporyadka v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh [System of the factors having impact on efficiency of activities for providing a law and order in penal institutions]. Uголовно-исполнительное право – Penal law, 2014, no. 2, pp. 58–65.
3. Kiselev A. M. O psikhologicheskoy gotovnosti sotrudnikov i podraz-deleniy uголовно-исполнительной sistemy k deystviyam v ekstremalnykh situatsiyakh [Psychological readiness of employees and departments of the penitentiary system to act in extreme situations]. Prikladnaya juridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology, 2014, no. 1, pp. 42–45.

УДК 343.2
ББК 67.408.022.15
Ш28

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры судебной власти и организации правосудия
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»),
e-mail: asshatalov@mail.ru;
АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ АНТИПОВ,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: antipovandrey89@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ОСУЖДЕННЫМИ К ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Реферат: в статье рассматриваются особенности процесса доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам.

Исправительные работы – не новый и довольно распространенный вид уголовного наказания. Его карательный потенциал характеризуется определенным ограничением имущественных, трудовых и иных личных прав осужденного. Это проявляется в том, что работы такого рода предполагают принудительный общественно полезный труд, характер и результаты которого лишь отчасти совпадают с собственными интересами виновного лица. Они оказывают неоднозначное психологическое воздействие на осужденного, порождают в отношении его отрицательные материальные последствия через фиксированное уменьшение заработка, ограничивают его право на перемену места работы и полностью исключают отказ от выполнения предложенной ему работы. Исполнение этого наказания возложено на уголовно-исполнительные инспекции. От эффективности осуществляемого ими контроля и надзора напрямую зависит соблюдение порядка и условий отбывания исправительных работ осужденными, а определяемые им обязанности и запреты, помимо всего прочего, нацелены на предупреждение совершения ими новых правонарушений. Однако добиться положительных результатов в этом направлении удастся далеко не всегда.

Понимание особенностей процесса доказывания по уголовным делам данной категории позволит дознавателю, следователю и суду правильно, без ущемления прав и законных интересов граждан, пребывающих в статусе осужденных к исправительным работам, расследовать и разрешать конкретные уголовные дела, последовательно и целенаправленно осуществлять борьбу с преступностью в их среде уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами, вести действенную профилактическую работу.

На основе собранных эмпирических материалов делается вывод о том, что по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам, не существует какого-либо особого предмета доказывания. Их полное, объективное, всестороннее расследование и судебное рассмотрение должны достигаться за счет индивидуализации и детализации обстоятельств, указанных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, источники доказательств, исправительные работы, осужденные, пределы доказывания, предмет доказывания, свойства доказательств, уголовный процесс, преступление.

По действующему законодательству исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. В первом случае он их отбывает там, где работал до осуждения, во втором – в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе своего места жительства. Исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет. Из заработка осужденного производятся

удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда. Они варьируются в пределах от 5 до 20 % (ст. 50 УК РФ).

Исправительные работы – не новый и довольно распространенный вид уголовного наказания. Его карательный потенциал характеризуется определенным ограничением имущественных, трудовых и иных личных прав осужденного. Это проявляется в том, что работы такого рода предполагают принудительный общественно полезный труд, характер и результаты которого лишь отчасти совпа-

дают с собственными интересами виновного лица. Они оказывают неоднозначное психологическое воздействие на осужденного, порождают в отношении его отрицательные материальные последствия через фиксированное уменьшение заработка, ограничивают его право на перемену места работы и полностью исключают отказ от выполнения предложенной ему работы [1, с. 136]. Исполнение этого наказания возложено на уголовно-исполнительные инспекции (УИИ). От эффективности осуществляемого ими контроля и надзора напрямую зависит соблюдение порядка и условий отбывания исправительных работ осужденными, а определяемые им обязанности и запреты, помимо всего прочего, нацелены на предупреждение совершения ими новых правонарушений. Однако добиться положительных результатов в этом направлении удастся далеко не всегда.

Данные судебной статистики за период с 2009 по 2014 год позволяют заключить, что рассматриваемый вид уголовного наказания был применен к довольно большому числу осужденных. Их абсолютные количественные показатели не отличаются стабильностью. В рамках указанного периода они возрастали ежегодно, в пределах от 5 до 18 %. Так, в 2009 г. к исправительным работам было осуждено 46 487 человек, что составило 5,2 % от общего количества осужденных; в 2010 г. – 74 754 (8,8 %), в отношении 1276 человек из них (1,7 %) после постановки на учет в УИИ возбуждались уголовные дела по фактам совершенных ими новых преступлений; в 2011 – 74 389 (9,5 %), в отношении 1235 человек из них (1,7 %) после постановки на учет в УИИ были возбуждены уголовные дела по фактам совершенных ими новых преступлений; в 2012 – 103 206 (14 %), в отношении 1558 человек из них (1,5 %) после постановки на учет в УИИ были возбуждены уголовные дела по фактам совершенных ими новых преступлений; 2013 – 133 057 (18,1 %), из них 1866 человека (1,4 %) вскоре после осуждения были уличены в совершении новых преступлений; за первое полугодие 2014 г. – 94 956, 1403 человека из которых (1,5 %) в период отбывания наказания вновь совершили преступления [2]. Таким образом, за неполные пять лет в масштабах Российской Федерации общее количество осужденных к исправительным работам, в отношении которых после постановки на учет в УИИ возбуждались уголовные дела по фактам вновь совершенных ими преступлений, составило 7338 человек (1,5 % от всех осужденных к этой мере наказания).

С учетом того что уголовная политика нашего государства предполагает дальнейшую и последовательную гуманизацию мер, применяемых к ви-

новным лицам, за счет более широкого применения наказаний без изоляции от общества логично предположить, что в обозримом будущем количество осужденных к исправительным работам будет неуклонно возрастать. Соответственно увеличится и число тех, кто будет совершать новые преступления во время отбывания данного вида уголовного наказания. Субъективными предпосылками будут служить криминогенная (преимущественно корыстно-насильственная) направленность личности осужденного, его эмоциональная неустойчивость, игнорирование семейных ценностей и родственных связей, пристрастие к табаку, алкоголю, наркотическим средствам и психотропным веществам. Объективно этому будут способствовать длительное нахождение осужденных из этой группы без должного контроля, надзора и адекватного исправительного воздействия со стороны сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, иных государственных органов, не изменившаяся после осуждения социальная среда, располагающая к подготовке и совершению новых преступлений.

К таким выводам мы смогли прийти в результате анализа данных, полученных в ходе изучения практики исполнения уголовного наказания данной разновидности в Республике Мордовия, Рязанской и Липецкой областях. За основу при их формулировании был взят предельно широкий диапазон обстоятельств, характеризующих личность осужденных к исправительным работам в названных регионах Российской Федерации, которые были привлечены к уголовной ответственности в течение указанного выше пятилетнего периода. Большинство из них оказались ранее несудимыми мужчинами (79,2 %) в возрасте от 20 до 50 лет (90,4 %), имеющими несовершеннолетних детей (62,6 %), но фактически не состоящими в брачных отношениях (66,8 %). Около половины из них на момент осуждения не имели постоянного места работы (46,5 %) и регулярно употребляли спиртные напитки (57,1 %). Почти все они к моменту осуждения получили среднее образование (87,2 %), имели постоянное или временное место жительства (98,4 %) и в несовершеннолетнем возрасте пристрастились к курению табака (97,9 %). Похожая ситуация наблюдается и среди женщин, осужденных к исправительным работам (9,6 %).

Как правило, к этой мере наказания осуждаются лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, безотягчающих обстоятельств. В их числе: преступления против собственности (31,2 %), против личности (28,8 %), злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей (18,4 %), преступления против здоровья населения, общест-

венной нравственности (11,6 %) и против общественной безопасности (6,9 %). В последних двух случаях преобладают незаконный сбыт наркотических средств и хулиганство. Иные виды преступлений (3,1 %) совершались осужденными к исправительным работам в единичных случаях.

Практически все повторные преступления этих лиц были совершены в состоянии алкогольного опьянения (98,6 %), отличались более высокой степенью общественной опасности (72,2 %) и наличием отягчающих вину обстоятельств (76,4 %). Почти половина из них – преступления против собственности (47,2 %). Примерно такое же количество составили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (27,8 %), преступления против личности (11,5 %), хулиганские действия (7,6 %) и прочие преступные действия (5,9 %). Все они (как и каждое в отдельности) являлись убедительным подтверждением нежелания осужденного встать на путь исправления, препятствовали дальнейшему исполнению (отбыванию) наказания в виде исправительных работ и влекли за собой назначение судом наказания в виде лишения свободы (85,9 %).

Установление лиц, причастных к совершению этих преступлений, для дознавателей и следователей, как правило, не представляло сложности. Однако в ходе собирания и проверки доказательств они практически всегда сталкивались с активным или пассивным противодействием со стороны осужденных к исправительным работам (88,2 %). Интервьюирование дознавателей и следователей на предмет особенностей предварительного расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных этой категорией лиц, позволило нам убедиться в том, что оперирование в таких случаях одними лишь традиционными способами познания подлежащих доказыванию обстоятельств (осмотр, допрос, очная ставка и т. д.) может привести к безвозвратной утрате или существенному искажению данных о личности осужденного и совершенном им преступлении (преступлениях). Чтобы исключить такие случаи, при привлечении к уголовной ответственности осужденных к исправительным работам особую важность приобретает налаживание и поддержание взаимодействия между дознавателями, следователями и сотрудниками УИИ. Важно отметить, что его ход и результаты всегда должны оставаться в рамках процессуальных отношений. Иначе говоря, налаженное между ними взаимодействие обязано быть эффективным. Оно должно не только активно способствовать установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, но и преследовать цель

уменьшения общего количества преступлений, не получивших по разным причинам отражения в официальной уголовной статистике.

К уголовным делам о преступлениях лиц, осужденных к исправительным работам, помимо протоколов следственных действий, постановлений дознавателя или следователя, некоторых других материалов, как правило, приобщались следующие документы из УИИ, в том числе со сведениями, имеющими доказательственное значение:

- копия письменного сообщения прокурору о совершении преступления осужденным к исправительным работам (74,2 %);

- справка о дате и времени постановки осужденного к исправительным работам на учет в УИИ (98,6 %);

- копия подписанного осужденным документа о разъяснении ему порядка и условий отбывания наказания в виде исправительных работ (48,4 %);

- данные об осуществлении контроля за соблюдением условий отбывания наказания осужденным к исправительным работам и исполнением требований приговора администрацией организации (организаций), в которой он работает (62,6 %);

- справка о проведении воспитательной работы с осужденным и результатах контроля за его поведением (32,8 %);

- копия решения о приводе осужденного к исправительным работам, не явившегося по вызову или на регистрацию без уважительных причин (24,3 %);

- справка о проведении первоначальных мероприятий по розыску осужденного к исправительным работам (18,8 %);

- копии переданных в соответствующую службу материалов об осужденном к исправительным работам, местонахождение которого было неизвестно (16,8 %);

- справка об установленных обязанностях и запретах, предусмотренных для осужденного к исправительным работам (36,2 %);

- справка о выдаче разрешения на увольнение осужденного с работы по собственному желанию (8,4 %);

- справка об остаточном сроке осужденного к исправительным работам (96,4 %);

- заключение по итогам проведенной в УИИ служебной проверки (14,8 %);

- характеристика осужденного (98,4 %).

Основными направлениями совершенствования процесса доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам, опрошенные нами дознаватели и следователи признали необходимость расширения

доказательственной базы (74,2 %), а также разработку и внедрение научных рекомендаций по использованию сведений, полученных из УИИ, в качестве доказательств (86,4 %).

Действительно, повышение качества доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам, обусловлено потребностью полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств, составляющих его предмет. Знание и понимание особенностей предмета доказывания позволит дознавателю, следователю и суду правильно, без ущемления прав и законных интересов граждан, пребывающих в статусе осужденных к исправительным работам, расследовать и разрешать конкретные уголовные дела, последовательно и целенаправленно осуществлять борьбу с преступностью в их среде уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами, вести действенную профилактическую работу. Однако осмысление этого процесса пока не подвергалось целенаправленному исследованию. Соответственно особенности процесса доказывания по данной категории уголовных дел были и остаются в работах соответствующей тематики, без должного научного анализа [3, 4, 5, 6, 7]. В результате сохраняют свой дискуссионный характер многие положения, непосредственно касающиеся соотношения обстоятельств, подлежащих установлению по делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам, и обязательных в силу закона компонентов предмета доказывания, круга доказательственных фактов, на которые следует обращать особое внимание по данной категории уголовных дел, наиболее оптимальных способов их установления и др. Необходимость их осмысления с научных позиций обуславливается потребностями не только научно-исследовательской, но и правоприменительной деятельности. Положение усугубляется тем, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, в которых оговаривались бы особенности досудебного и судебного производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными вообще и осужденными к исправительным работам в частности. В руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ особенностям предмета доказывания по данной категории уголовных дел уделяется минимальное внимание. В следственной и судебной практике к доказыванию образующих его обстоятельств единый подход пока не сформировался. Все это отрицательно сказывается на осуществлении процесса доказывания, препятствует повышению его эффективности,

а в итоге – вынесению законных и справедливых итоговых процессуальных решений по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам.

Совокупность названных обстоятельств предопределяет не только теоретическую, но и практическую значимость решения проблем, возникающих в этом сегменте правоохранительной деятельности. У нас не вызывает сомнений, что их рассмотрение в комплексе с организационными, правовыми и наиболее важными социально-психологическими вопросами позволит сформулировать некоторые выводы о соотношении предмета процессуального доказывания вообще с обстоятельствами, предопределяющими его особенности по данной категории уголовных дел, об их социально-правовой обусловленности, а также обосновать их значимость в правильном оценивании данных о личности осужденных к исправительным работам, определении степени общественной опасности совершенных ими деяний в период отбывания этого наказания, осуществления уголовного преследования за их совершение и осуждения.

В своих дальнейших рассуждениях мы будем исходить из того, что оговоренный в ч. 1 ст. 73 УПК РФ предмет доказывания общий для всех без исключения уголовных дел. В силу своего родового (фундаментального) характера он является единым и для предварительного расследования, и для судебного разбирательства. Стремление к его модификации в зависимости от специфики уголовных дел, а также той или иной стадии уголовного судопроизводства представляется нам бесперспективным занятием, поскольку каждое обстоятельство, фигурирующее в законодательной трактовке предмета доказывания, само по себе предстает в нем общей категорией, способной к охвату широкого спектра однотипных явлений. При производстве по отдельным категориям уголовных дел и по конкретным уголовным делам индивидуализация обстоятельств, входящих в общий предмет доказывания, должна происходить в установленных законом рамках, без каких-либо его сущностных изменений. Исходя из этого оптимальным представляется не конструирование особого предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам, а последовательная и целенаправленная индивидуализация каждого указанного в законе его компонента. В результате общий предмет доказывания сможет наполниться оригинальным (неповторимым) содержанием, однозначно учитывающим особенности собирания, проверки, оценки и использования доказательств по уголовным де-

лам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам. Особенности предмета доказывания по таким уголовным делам в значительной мере обусловлены принадлежностью субъекта преступления именно к этой группе лиц, поскольку рецидив как форма множественности преступлений должен учитываться при определении вида ответственности и меры наказания.

В своей совокупности названные аргументы позволяют нам заключить, что по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам, не существует специального (то есть особого) предмета доказывания. Их полное, объективное, всестороннее расследование и судебное рассмотрение должно достигаться за счет индивидуализации и детализации обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, в качестве которых значатся:

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате

совершения преступления, или является доходом от этого имущества, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Помимо доказывания этих обстоятельств, закон обязывает дознавателя, следователя и суд выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Выполнение этого требования применительно к рассматриваемой категории уголовных дел связывается нами с необходимостью выявления тех обстоятельств, в силу которых исправительное воздействие, примененное к осужденному к исправительным работам, не принесло ожидаемого эффекта, то есть оказалось недостаточным. Полученные в процессе доказывания сведения на этот счет закон обязывает учитывать при назначении наказания за вновь совершенные преступления (ст. 68 УК РФ). В само же уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации необходимо ввести понятие «пенитенциарный рецидив» и указать возможные неблагоприятные последствия для виновных лиц, напрямую связанные с его установлением. Отсутствие должного внимания со стороны дознавателя, следователя и суда к выявлению, исследованию и оценке обстоятельств, предопределяющих особенности предмета доказывания по уголовным делам данной категории, должно, в свою очередь, служить основанием к отмене или изменению принятых ими решений.

Список литературы

1. Аммосова В. И. К вопросу совершенствования правового регулирования отбывания осужденными наказания в виде исправительных работ // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 136–140.
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>.
3. Кыдыяков И. Г. Применение уголовного наказания в виде исправительных работ : дис. ... канд. юрид. наук. Чита, 2002. 196 с.
4. Ложкина Л. В. Задержание осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 26 с.
5. Хохряков М. А. Пределы судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: законодательство, теория, практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 187 с.
6. Овчинникова О. В., Сергеев А. Б. Возможность доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2009. № 20. С. 15–17.
7. Легостаев С. В. Проблемы предупреждения рецидивной преступности: оперативно-розыскной аспект // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 111–112.

ALEXANDER SEMENOVICH SHATALOV,

doctor of jurisprudence, professor,
professor of chair of judicial authority and organization of justice)
(National research university «Higher school of economics»),
e-mail: ass hatalov@mail.ru;

ANDREY YURYEVICH ANTIPOV,

adjunct of the teacher training and science faculty
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: antipovandrey89@mail.ru

SPECIFIC FEATURES OF PROVING CRIMINAL CASES ON CRIMES COMMITTED BY INDIVIDUALS SENTENCED TO CORRECTIONAL LABOR

Annotation: the article is devoted to apprehension of specific features in the process of proving criminal cases on crimes committed by individuals sentenced to correctional labor.

Correctional labor cannot be called new and it is a fairly wide-spread type of a criminal sentence. Its penal potential is characterized by a certain limitation of property possession, labor and some other personal rights of a convict. This feature is vividly reflected in the fact that the works of this kind involve compulsory labor valuable to the community and their character and outcome only partly coincide with the personal interests of a convict. Such works impose ambivalent influence on a sentenced individual, cause negative material consequences through an established decrease of income, limit an individual's rights to change the place of work and completely exclude the possibility to refuse fulfilling suggested work. Execution of this punishment is appointed to the probation department. Maintenance of order and terms of servicing correctional labor by convicts directly depends on the effectiveness of the probation department's monitoring and control, as the goal of responsibilities and prohibitions defined by the department is, apart from other things, to prevent the convicts from committing new crimes. However, it is not always possible to succeed and achieve positive results in this direction.

According to the authors of the article, apprehension of specific features in the process of proving criminal cases in the mentioned category will allow the investigator, the interrogating officer and the court to investigate and solve specific criminal cases in a right way, without impairment of rights and legal interests of citizens sentenced to correctional labor, and to purposefully fight against crime within their environment by legal, penal and criminally-remedial means, to conduct effective preventative work.

On the basis of the analysis of the assembled empirical material the authors come to a conclusion that there cannot be a typical subject of proving in criminal cases on crimes committed by individuals sentenced to correctional labor. And the full, objective, comprehensive investigation and judicial examination can be only reached by personalization and circumstantiation in accordance with Article 73 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure.

Key words: evidence; proving; sources of evidence; correctional labor; convicts; limits of proving; subject of proving; features of proving; criminal procedure; crime.

References:

1. Ammosova V. I. K voprosu sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya otbyvaniya osuzhdennymi nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot [On the question of improvement of the legal regulation concerning convicted individuals servicing punishment in the form of correctional labor]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 3, pp. 136–140.
2. Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [Official website of Judicial department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>.
3. Kydyjakov I. G. Primenenie ugolovnogogo nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot. Dis. kand. jurid. nauk [Implementation of penal punishment in the form of correctional labor. Cand. legal sci. diss.]. Chita, 2002. 196 p.
4. Lozhkina L. V. Zaderzhanie osuzhdennyh, zlostno ukлонjajushhihsja ot otbyvaniya nakazaniya v vide shtrafa, objazatel'nyh rabot, ispravitel'nyh rabot ili ogranichenija svobody. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Ar-

resting convicts willfully evading servicing their punishment appointed in the form of a fine, compulsive works, correctional labor or limitation of freedom. Cand. jurid. sci. diss. abstract]. Izhevsk, 2007, 26 p.

5. Hohrjakov M. A. Predely sudebnogo razbiratel'stva ugovolnyh del v sude pervoj instancii: zakonodatel'stvo, teorija, praktika. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Borders of judicial procedure while hearing criminal cases in the court of original jurisdiction: legislation, theory, practice. Cand. jurid. sci. diss. abstract]. Moscow, 2013, 187 p.

6. Ovchinnikova O. V., Sergeev A. B. Vozmozhnost' dokazyvanija v stadii vzbuzhdenija ugovolnogo dela [Possibility of proving on the stage of initiation of a criminal case]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator, 2009, no. 20, pp. 15–17.

7. Legostaev S. V. Problemy preduprezhdenija recidivnoj prestupnosti: operativno-rozysknoj aspekt [Problems of prevention of recurrent criminal activity: operational investigations aspect]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 4, pp. 111–112.

УДК 343.2
ББК 67.408.032
Е92

РОМАН СТАНИСЛАВОВИЧ ЕФРЕМОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника
(Академия ФСИН России),
e-mail: efremov35@yandex.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Реферат: наиболее популярным видом освобождения от уголовного наказания, предусмотренным современным законодательством, является условно-досрочное освобождение. Оно распространяется только на осужденных, отбывающих уголовное наказание в условиях изоляции от общества. Основанием для его применения является достижение осужденным той степени исправления, при которой его содержание в условиях пенитенциарного учреждения становится нецелесообразным. В то же время в уголовном законодательстве четко не обозначены критерии, на основании которых суд мог бы сделать вывод об исправлении осужденного. Это иногда приводит к принятию решений об освобождении тех осужденных, полнота исправления которых была весьма условной.

В мае 2014 г. ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) была дополнена обязательным условием для принятия положительного решения об условно-досрочном освобождении – возмещение ущерба, который был причинен в результате совершения преступления. Данное решение законодателя заслуживает только одобрения, поскольку обеспечит защиту имущественных интересов потерпевшего, будет стимулировать осужденного к трудовой деятельности. Однако положения нормы-новеллы об обязательности возмещения ущерба не лишены технико-юридических ошибок. Они, во-первых, не определяют минимального размера частичного возмещения вреда, во-вторых, не учитывают ситуации, при которых осужденный по объективным причинам не может осуществить возмещение данного вреда. Это может негативно сказаться на практическом применении института условно-досрочного освобождения.

В целях устранения законодательной ошибки, допущенной при описании основания условно-досрочного освобождения и условий, которые его формируют, считаем целесообразным исключить из ч. 1 ст. 79 УК РФ указание на возмещение вреда (полное или частичное), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда. Это связано с тем, что все условия, образующие в совокупности основание для принятия решения об условно-досрочном освобождении, уже сформулированы в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ. В связи с этим повторное указание в ч. 1 данной статьи на обязательность возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления, создает возможность для двусмысленного толкования положений этой нормы.

Ключевые слова: уголовная политика, либерализация уголовной ответственности, условно-досрочное освобождение от уголовного наказания, возмещение ущерба, исправление осужденного, цели уголовного наказания.

Современная уголовная и уголовно-исполнительная политика России направлена на либерализацию уголовной ответственности и наказания. В Советском государстве долгое время господствовала идеология, что труд в процессе исполнения уголовного наказания – лишения свободы – является наиболее эффективным средством исправления и перевоспитания осужденного. Вследствие этого лишение свободы было наиболее популярным видом наказания, благодаря которому многие отрасли советской промышленности обеспечивались на значительный период бесплатной рабочей силой в лице осужденных граждан. Результат подобной

уголовно-исполнительной политики для осужденного фактически выражался в следующих последствиях: 1) ослабление, вплоть до полной утраты, социальных связей на свободе; 2) подрыв здоровья, так как осужденные часто направлялись на тяжелые и (или) вредные производства; 3) приобщение к правилам и обычаям, составляющим такое социально негативное явление, как тюремная субкультура; 4) безразличие к новому сроку уголовного наказания. Все это не только не способствовало исправлению и перевоспитанию осужденного, но и в какой-то степени стимулировало его к совершению новых преступлений.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, основным средством исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений является воспитательная работа. Следовательно, лишение свободы на длительный срок не может рассматриваться в качестве эффективного средства достижения целей уголовного наказания. Наоборот, ресоциализация осужденного в местах лишения свободы, недопустимость утраты им социально полезных связей, получение образования и профессии, позволяющих найти работу после освобождения из исправительного учреждения, – все это является составляющими исправительного процесса в современном пенитенциарном учреждении.

В то же время нарушение баланса между общественной опасностью преступления и лица, его совершившего, с одной стороны, и строгостью назначаемого уголовного наказания – с другой, влечет за собой только негативные последствия. Чрезмерная мягкость назначенного наказания может восприниматься осужденным как безнаказанность, что во всех случаях является мощным стимулом для совершения нового, как правило, более тяжкого преступления. В сложившихся условиях перед законодателем ставится непростая задача по обеспечению справедливости назначения и эффективности исполнения уголовного наказания с одновременным созданием условий для сокращения срока пребывания осужденного в местах лишения свободы.

Примером попытки решения данной достаточно сложной задачи является законодательное изменение перечня обязательных условий для принятия положительного решения о досрочном освобождении лица из мест лишения свободы, предусмотренных ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Условно-досрочное освобождение (УДО) от уголовного наказания является наиболее популярным по применению в современной судебной практике. Так, в соответствии со статистическими данными Научно-исследовательского института информационных технологий ФСИН России за период с 2009 по 2014 год включительно количество лиц, условно-досрочно освобожденных из исправительных учреждений, ежегодно составляло более 40 % от общего числа всех освобожденных [2, с. 35–36].

Федеральными законами от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ и от 5 мая 2014 г. № 104-ФЗ в ч. 1 ст. 79 УК РФ внесены изменения, которые расширили перечень обязательных условий для принятия решения об УДО осужденного от отбывания таких видов уголовных наказаний, как содержание в дис-

циплинарной воинской части, принудительные работы и лишение свободы. В частности, одним из обязательных условий для досрочного освобождения теперь признается возмещение вреда, причиненного в результате совершения преступления. В то же время данная норма страдает некоторой неопределенностью в вопросе обозначения видов вреда, компенсация которого возможна в процессе исполнения уголовного наказания, размера и условий его возмещения, а также роли судебного решения по поводу минимально необходимой суммы компенсации.

Включение в содержание ст. 79 УК РФ условия об обязательности возмещения причиненного вреда при принятии положительного решения об УДО является вполне оправданным. До внесения соответствующих изменений и дополнений в ст. 79 УК РФ в судебной практике имели место случаи, когда УДО реализовывалось в отношении лиц, которые по различным причинам не возмещали причиненный в результате совершения преступления ущерб потерпевшему, хотя имели реальную возможность полного или частичного возмещения имущественного и иного вреда. Например, 17 июня 2010 г. судьей Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея вынесено постановление об УДО Л., ранее осужденного за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ, – причинение средней тяжести вреда здоровью, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В ходе судебного заседания были установлены следующие положительные характеристики осужденного Л.:

- зарекомендовал себя в период пребывания в колонии-поселении с положительной стороны;
- соблюдает правила внутреннего трудового распорядка;
- не допускает нарушений режима исправительного учреждения;
- имеет поощрения со стороны администрации колонии-поселения за добросовестное отношение к труду и примерное поведение;
- признал вину в совершенном преступлении и раскаялся в содеянном;
- трудоустроен рабочим по ремонту зданий и сооружений на территории исправительного учреждения;
- встал на путь исправления, поскольку после отбытия наказания имеет намерение устроиться на работу.

Все перечисленные обстоятельства в совокупности с отбыванием одной трети срока назначенного уголовного наказания в виде лишения свободы дали суду основание для признания осужденного

Л. лицом, которое своим поведением доказало свое исправление, а потому не нуждается в отбытии назначенного наказания в полном объеме. На этом основании Л. по решению суда был условно-досрочно освобожден от неотбытого срока наказания (постановление об условно-досрочном освобождении от 17 июня 2010 г. // Архив Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея).

Анализ приведенного судебного решения позволяет усомниться в его правильности и объективности. В соответствии со ст. 112 УК РФ уголовная ответственность наступает за причинение средней тяжести вреда здоровью. Это означает, что причиненный потерпевшему физический вред вызвал стойкую утрату общей трудоспособности, которая в соответствии с действующими нормативными актами определяется периодом от 21 до 120 дней пребывания на стационарном или амбулаторном лечении. Исходя из этого можно предположить, что Л. своими действиями причинил потерпевшему и физический, и материальный, и моральный вред. Материальный вред может в данном случае выражаться в затратах на приобретение медикаментов, потере заработка, а возможно, и в его утрате в связи с увольнением. Все это, как представляется, должно было быть учтено судом, принимавшим решение об УДО в отношении Л.

По нашему мнению, если бы возмещение материального и морального вреда имело место, то оно обязательно было бы отражено в приведенном судебном решении. Однако отсутствие указания на факты возмещения потерпевшему материального и морального ущерба свидетельствует о том, что осужденный не предпринимал никаких действий, направленных хотя бы на частичную компенсацию причиненного преступлением вреда. Однако данное обстоятельство не было учтено в судебном процессе и не повлияло на принятие положительного решения об УДО.

Применяя положения ст. 79 УК РФ, суд, безусловно, следует общегосударственной политике либерализации уголовной ответственности. Однако принятие решений о смягчении наказания, равно как и об ином другом улучшении положения осужденного, может иметь место в условиях, исключаящих уменьшение прав и законных интересов потерпевшего от совершения преступления. В современной научной литературе небезосновательно подчеркивается, что либерализация и гуманизация применения к осужденным уголовного законодательства в настоящее время превалируют над интересами потерпевших, а предшествующие изменения уголовного законодательства создают в какой-то мере дисбаланс между правами осужденных и законными интересами потерпевших [3, с. 8–12; 5, с. 76–77]. Именно поэтому

существовавшая в отдельных случаях судебная практика по предоставлению осужденным УДО вступала в противоречие с положениями уголовного законодательства о равенстве граждан перед законом и справедливости уголовного наказания (ст. 4, 6 УК РФ).

В настоящее время можно спрогнозировать возникновение проблемы определения того размера материальной компенсации, которую должен осуществить осужденный для положительного решения об УДО. Безусловно, УДО при прочих равных условиях будет предоставляться, если причиненный в результате совершения преступления вред полностью возмещается и потерпевший сообщает в рамках судебного разбирательства об отсутствии каких-либо претензий к осужденному. Однако вряд ли полное возмещение ущерба будет присутствовать в каждом случае обращения осужденного в суд с ходатайством об УДО. Например, вред не может быть возмещен осужденным по объективным причинам: в связи с заболеванием, отсутствием возможности трудоустройства в местах лишения свободы для получения стабильного заработка и пр.

Можно согласиться с мнением о том, что если осужденному в рамках исправительного учреждения администрация не в состоянии предоставить место работы или иную возможность получения заработка, то суд не может отказывать осужденному в УДО по формальному основанию – отсутствию возмещения вреда, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления. В то же время факты умышленного уклонения осужденного от возмещения причиненного преступлением вреда (путем сокрытия доходов, уклонения от работы и т. д.) наряду с другими обстоятельствами могут служить препятствием к УДО [6, с. 68].

Следует отметить, что ч. 1 ст. 79 УК РФ формально позволяет признать условие о возмещении вреда выполненным, даже если вред возмещен частично, поэтому не исключаются случаи, когда осужденный перед направлением ходатайства об УДО перечислит в пользу потерпевшего незначительную сумму в счет погашения долговых обязательств, обозначенных в соответствующем судебном решении, формально выполнив требования закона о возмещении. В этой части показательно еще одно дело по вопросу предоставления УДО осужденному, полностью не возместившему причиненный вред [4, с. 89–90]. Так, К. был осужден за преступление, в результате совершения которого потерпевшему причинен имущественный ущерб на общую сумму свыше 230 000 рублей. В процессе рассмотрения ходатайства К. об УДО судом установлено, что он трудоустроен и в течение двух лет стабильно получает доход от осуществляемой

в исправительном учреждении трудовой деятельности. Однако к моменту рассмотрения ходатайства об УДО К. лишь частично погасил предъявленную ему сумму задолженности в размере 347 рублей. Учитывая все обстоятельства дела, суд вынес обоснованное решение об отказе в удовлетворении ходатайства К. в УДО (Кассационное определение от 9 сентября 2010 г. по делу № 222056 // Архив Ивановского областного суда).

Кроме того, отрицательно должен решаться вопрос об УДО в тех случаях, когда осужденный, имея реальную возможность возмещения причиненного им ущерба потерпевшему, скрывает свои доходы и имущество, за счет которых может быть осуществлено хотя бы частичное погашение задолженности перед потерпевшим. Трудно не согласиться с Т. Бутенко и М. Петровым, которые указывают на то, что не имеет юридического значения время совершения осужденным сокрытия имущества или доходов – до вступления приговора суда в законную силу или во время отбытия назначенного уголовного наказания. Установление факта сокрытия осужденным средств, за счет которых мог быть компенсирован причиненный потерпевшему вред, подтверждает вывод о намеренном уклонении от возложенных на осужденного обязанностей по возмещению причиненного вреда и на стадии исполнения приговора. Это обосновывается еще и тем, что осужденный располагает информацией о реальном наличии у него доходов или фактическом месте нахождения сокрытого имущества и способе его сокрытия, но продолжает сохранять такую информацию в тайне. Если действия, направленные на сокрытие имущества или доходов, совершены осужденным после вступления приговора суда в законную силу, характер таких действий также свидетельствует о стремлении уклониться от вышеперечисленных обязанностей [1, с. 7].

Таким образом, относительно возмещения вреда как одного из обязательных условий для принятия положительного решения об УДО можно констатировать, что анализируемые уголовно-правовые новеллы являются обоснованными и направлены на повышение степени защищенности прав и законных интересов потерпевшего. В свою очередь, условие о возмещении вреда сформулировано некорректно, поскольку, во-первых, не определяет минимального размера частичного возмещения, во-вторых, не учитывает ситуации, при которых осужденный по объективным причинам не может осуществить возмещение данного вреда. В связи с этим можно предложить рассмотреть следующий вариант конкретизации соответствующих положений ст. 79 УК РФ: 1) исключить указание на возмож-

ность УДО при частичном возмещении причиненного преступлением вреда; 2) применить прием законодательной техники: «оговорка в праве» [7, с. 39], указав на то, что суд вправе не учитывать условие о полном возмещении причиненного вреда только в тех случаях, когда осужденный по не зависящим от него причинам объективно не может компенсировать причиненный потерпевшему вред в полном объеме.

В целях устранения законодательной ошибки, допущенной при описании основания для УДО и условий, которые его формируют, считаем целесообразным исключить из ч. 1 ст. 79 УК РФ указание на возмещение вреда (полное или частичное), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда. Это связано с тем, что основанием для УДО является только факт исправления осужденного, что делает нецелесообразным дальнейшее исполнение назначенного уголовного наказания. Данный факт образует совокупность условий, установление которых подтверждает исправление осужденного. Такими условиями, характеризующими прежде всего личность осужденного, в соответствии со ст. 79 УК РФ являются:

- отбытие минимальной части срока наказания, определяемой в зависимости от категории совершенного преступления и иных юридически значимых обстоятельств;
- поведение во время отбытия уголовного наказания;
- отношение к труду и учебе;
- наличие поощрений от администрации исправительного учреждения;
- раскаяние в совершенном преступлении;
- возмещение причиненного ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного в результате совершения преступления;
- положительное заключение администрации исправительного учреждения, в соответствии с которым исполнение назначенного уголовного наказания в полном объеме является нецелесообразным.

Таким образом, все условия, образующие в совокупности основание для принятия решения об УДО, уже сформулированы в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ. В связи с этим повторное указание в ч. 1 данной статьи на обязательность возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления, создает возможность для двусмысленного толкования положений данной нормы, что в принципе не исключает признания факта полного или частичного возмещения вреда в качестве самостоятельного основания для УДО, что, разумеется, является ошибочным суждением.

Список литературы

1. Бутенко Т., Петров М. Некоторые вопросы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы // Уголовное право. 2012. № 1. С. 4–8.
2. Крымов А. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из исправительных учреждений, как институт уголовно-исполнительного и полицейского права // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 35–37.
3. Лапшин В. Ф. Совершенствование уголовного законодательства в условиях либерализации уголовной политики России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 8–12.
4. Лапшин В. Ф. Юридическая и законодательная техника: вопросы соотношения и применения в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 89–91.
5. Макарова О. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 72–78.
6. Соколова О. Основания применения условно-досрочного освобождения: анализ правоприменительной практики // Уголовное право. 2013. № 1. С. 66–70.
7. Шутак И. Д. Оговорки в праве (теоретический и историко-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 320 с.

ROMAN STANISLAVOVICH EFREMOV,

phd, associate professor, first deputy head of the academy
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: efremov35@yandex.ru

**COMPENSATION FOR HARM AS A COMPULSORY CONDITION
FOR THE RELEASE ON PAROLE**

Annotation: the most popular type of release allowed by the current legislation is the release on parole. It extends only to convicts who serve sentence in prisons. The basis for application is achievement of convicts that extent of correction at which its contents in the conditions of penal institution becomes inexpedient. At the same time in the criminal legislation criteria on the basis of which the court could draw a conclusion on correction of the convicted person accurately aren't designated. It sometimes leads to making decisions on release of those convicted completeness of correction of which was suspended.

In May, 2014 Art. 79 of the Criminal code of the Russian Federation was added with an indispensable condition for adoption of the positive decision on a conditional early release – compensation of damage which was caused as a result of commission of crime. This decision of the legislator meets only with approval as it will provide protection of property interests of the victim, will stimulate convicted to work. At the same time provision of norm short story on obligation of compensation of damage aren't deprived of technical and legal mistakes. First, they don't determine the minimum amount of partial compensation for harm; secondly, they don't consider situations in which a convicted person for the objective reasons can't carry out compensation of this harm. It can negatively affect practical application of institute of a release on parole.

To eliminate a legislative mistake made at the description of the basis of a release on parole and conditions which form it, we consider expedient to exclude from p.1 Art. 79 of the Criminal code of the Russian Federation the instruction on indemnification (full or partial) caused by a crime in the amount determined by a court. It is connected with the following conditions forming the basis for making decision on a release on parole are already formulated in p. 4¹ Art. 79 of the Criminal code of the Russian Federation. For this reason the repeated instruction in p.1 of this article on obligation of the indemnification caused as a result of commission of crime offers the opportunity for ambiguous interpretation of provisions of this norm.

Key words: criminal policy, liberalization of criminal responsibility, release on parole, compensation for harm, reformation of the convict, the purpose of criminal punishment.

References

1. Butenko T., Petrov M. Nekotorye voprosy primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbывaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [Some questions of application of a release on parole in the form of imprisonment]. Uголовное право – Criminal law, 2012, no. 1, p. 4–8.

2. Krymov A. A. Administrativnyy nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz ispravitelnykh uchrezhdeniy, kak institut ugovolno-ispolnitelnogo i politseyskogo prava [Administrative supervision of the persons released from correctional facilities as institute of the penal and police law]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 1, p. 35–37.

3. Lapshin V. F. Sovershenstvovanie ugovolnogo zakonodatelstva v usloviyakh liberalizatsii ugovolnoy politiki Rossii [Improvement of the criminal legislation in the conditions of liberalization of criminal policy of Russia]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of institute: crime, punishment, correction, 2010, no. 10, p. 8–12.

4. Lapshin V. F. Yuridicheskaya i zakonodatelnaya tekhnika: voprosy sootnosheniya i primeneniya v ugovolnom prave [Legal and legislative equipment: questions of a ratio and application in criminal law]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2009, no. 1, p. 89–91.

5. Makarova O. V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya i ego primeneniya [A release on parole and its application]. Zhurnal rossiyskogo prava – Magazine of Russian law, 2014, no. 10, p. 72–78.

6. Sokolova O. Osnovaniya primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: analiz pravorimennitnoy praktiki [Bases of application of a release on parole: analysis of law enforcement practice]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2013, no.1, p. 66–70.

7. Shutak I. D. Ogovorki v prave (teoreticheskiy i istoriko-pravovoy analiz. Dis. d-ra jurid. nauk [Conditions in law (the theoretical and historical and legal analysis). Dr. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 1999. 320 p.

УДК 67.515
ББК 343.85
ЛЗ8

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЛЕГОСТАЕВ,

кандидат юридических наук,
прокурор Рязанской области
(Прокуратура Рязанской области),
e-mail: prokuratura62@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат: в статье рассматриваются особенности исследования предупреждения преступности в регионе, актуальность которого вызывается рядом специфических криминогенных факторов, характеризующих такую преступность. Эта проблема изучается многими авторами, в современной науке сформирован одинаковый подход к ее исследованию, который способствует разработке общих рекомендаций, относящихся к региональной стратегии организации предупреждения преступности, выработке управленческих решений.

В статье в наиболее обобщенном виде сформулированы направления исследований в указанной сфере, а также дано определение понятию «предупреждение». Совершенствование работы становится необходимым условием повышения эффективности управления организацией данного вида деятельности. Современное состояние отечественной и зарубежной науки управления характеризуется тем, что возникшие кризисные явления достигли критической массы и стали серьезно затруднять дальнейшее движение науки и, как следствие, практики. Отмечено, что это относится к любому виду деятельности, в том числе к организации предупреждения преступлений. В связи с этим предлагаются возможные и целесообразные варианты разрешения указанных кризисных явлений.

Существующая система предупреждения преступности в том виде, в котором она существует (структура, правовая база, материальные ресурсы, кадры и т. д.), неспособна обеспечивать в полном объеме выполнение поставленных перед ней задач. В обоснование данного вывода приводится ряд причин, устранение которых позволит разработать и реализовать новую, соответствующую современным требованиям концепцию предупреждения преступности не только в масштабах страны, но и на региональном уровне.

Ключевые слова: предупреждение региональной преступности, региональная стратегия предупреждения, эффективность управления предупреждением, система и концепция предупреждения преступности в регионе.

Изучение преступности на региональном уровне имеет свои особенности, связанные с неравномерностью развития экономики, социальных, демографических, культурных, географических и других аспектов функционирования регионов, и играет важную роль в организации ее предупреждения. Как подчеркивается в ряде научных работ, актуальность исследования преступности на региональном уровне вызывается рядом специфических криминогенных факторов, характеризующих региональную преступность [1, с. 16]. На взаимосвязь особенностей регионов и криминогенной обстановки в них указывает также Г. М. Миньковский, который отмечает, что при планировании организации борьбы с преступностью и иными правонарушениями надо как можно более детально отрабатывать типологию населенных пунктов и районов и на их основе изучать особенности конкретной криминогенной обстановки [2, с. 50].

Большое значение анализу региональной преступности придают В. В. Сосновский, по мнению которого региональный анализ представляет собой

традиционное и вместе с тем одно из значительных по своей важности направлений изучения преступности [3, с. 28], и другие авторы [4, с. 12]. Поддерживаем точку зрения А. И. Долговой, которая подчеркивает, что не менее ценны и теоретические результаты, так как исследования позволяют глубже проникать в механизм детерминации преступности и ее изменений, устанавливать закономерности порождения и функционирования преступности в разных по своим социально-культурным и иным характеристикам регионах, выделять в этих закономерностях общее и специфическое [5, с. 5].

В современной науке сформирован одинаковый подход к изучению данной проблемы, который способствует разработке общих рекомендаций, относящихся к региональной стратегии организации предупреждения преступности, выработке управленческих решений. В связи с этим, а также исходя из анализа практики в наиболее обобщенном виде можно сформулировать направления исследований в указанной сфере:

– выявление различий в криминологической характеристике регионов, которые отражают существенную региональную специфику преступности и связанную с ней криминологическую ситуацию;

– выработка дифференцированного подхода к организации борьбы с преступностью в регионе, а также к корректировке региональной политики в этой сфере;

– разработка рекомендаций, содержащих региональную стратегию борьбы с преступностью силами и средствами местных органов законодательной и исполнительной власти, а также правоохранительных органов, и формирование управленческих решений, связанных с правовым, организационным и иным обеспечением борьбы с преступностью в регионе.

Предупреждение преступности – это комплексная система, включающая в себя объект предупреждения, его основные уровни и формы, меры предупредительного профилактического воздействия, субъектов, осуществляющих предупредительную работу. В юридической литературе предупреждение определяется как «целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения в преступную деятельность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [6, с. 63].

Такое понимание предупреждения в полной мере относится и к региональной преступности. Оно подразумевает процесс управления преступностью. Совершенствование работы становится необходимым условием повышения эффективности управления организацией данного вида деятельности.

Современное состояние отечественной и зарубежной науки управления характеризуется тем, что возникшие кризисные явления достигли критической массы и стали серьезно затруднять дальнейшее движение науки и, как следствие, практики. В результате теория и практика развиваются преимущественно не на научно обоснованной, а на авторегуляционной, во многом стихийно формирующейся основе. Именно это демонстрирует хронические для управленческой теории и практики противоречия, несогласованность между принципиальными выводами и положениями, школами, теориями и направлениями, резкие столкновения кратких суждений и концепций и постоянные колебания между ними (например, между известной управленческой эйфорией и пессимизмом), гипертрофированной централизацией управления и такой же его децентрализацией, чрезвычайно жесткими методами и формами организации социальной жизни и чрезмерной ее либерализацией, граничащей с полной дезорганизацией. Непосредст-

венно в науке управления кризисные явления отражаются в потере смысла и содержания многих ее базовых положений и категорий, неспособности осмыслить и актуально адаптировать огромный практический материал. Первыми на наличие кризисных явлений в управленческой теории и практике обратили внимание представители эмпирической школы американского менеджмента, но дальше констатации этого факта дело не пошло [7, с. 53–54].

Возможными и целесообразными вариантами разрешения указанных кризисных явлений представляются следующие:

1) выделение и разграничение разнородных явлений, охватываемых управлением;

2) вычленение и исключение из них тех, которые не имеют управленческого содержания;

3) объединение явлений, имеющих хотя и разнородное, но управленческое организационное содержание в рамках обобщенной категории – организационный фактор;

4) их классификация на основе научно обоснованных критериев с последующим разделением на отдельные понятия (категории), каждое из которых отражало бы достаточно однородное явление – организационный механизм.

Предполагаемый подход способствует выделению из содержания управления (управленческой деятельности) элементов, не относящихся к нему, и разграничению разнородных организационных явлений. Это создает условия для лучшего понимания и, как следствие, более эффективного практического использования указанных явлений и категорий [8, с. 12].

Интересы эффективного функционирования системы правоохранительных органов регионов обуславливают необходимость формирования самостоятельной по ее целевой направленности теории организации управления в сфере правоохранительной деятельности. Ее органической частью становится теория научной организации управления в сфере общественных отношений, складывающихся при реализации правоохранительными органами своих основных задач по борьбе с преступностью. Упрощая суть проблемы и ее формирование, эту теорию уже называют научной организацией. В ее рамках должны найти свое решение проблемы организации работы правоохранительных органов по предупреждению преступности. Понятие организации наиболее просто характеризуется словами «думай перед тем, как надо действовать» [9, с. 165].

Очевидно, это относится к любому виду деятельности, в том числе к организации предупреждения преступлений. Понятия «организация» и «управление» недопустимо отрывать друг от друга

в области предупреждения преступлений. Здесь, как и в других сферах, управление и организация связаны между собой, находятся в прямой зависимости друг от друга, и чем теснее связь между ними, тем эффективнее их результаты. Организация – одна из функций управления в сфере предупреждения преступлений. Управление – это нить всего процесса организации предупредительной деятельности. Организационные средства (принципы, методы), необходимые для осуществления указанного процесса, концентрируются в системе соответствующего управления, поэтому иногда вопросы организации предупредительной деятельности полностью относятся к сфере управления этой деятельностью.

Концепция организации предупреждения рациональной преступности исходит из того, что управление пронизывает всю организационную деятельность наряду с централизованным плановым руководством этой областью работы. Организация характеризуется активным влиянием соответствующего органа управления на все стороны предупредительной деятельности или на все звенья системы предупреждения и механизмы ее функционирования в регионе. Следует учитывать и мероприятия, проводимые: во-первых, в масштабе всего предупредительного комплекса в регионе (высокий уровень организации); во-вторых, в пределах отдельных предупредительных программ (организация предупреждения преступности несовершеннолетних; организация предупреждения коррупции; организация предупреждения рецидивной преступности и т. д.).

Управление предупредительной деятельностью, по нашему мнению, состоит из следующих элементов: определение целей управления, прогнозирование преступности, анализ информации о состоянии преступности, планирование мероприятий, обеспечивающих достижение установленных целей; учет выполнения управленческих решений, корректировки заданий при изменении условий, выявление новых потребностей управляющей системы, неиспользованных резервов, изучение и внедрение положительного опыта.

На наш взгляд, существующая система предупреждения региональной преступности в том виде, в котором она существует (структура, правовая база, материальные ресурсы, кадры и т. д.), не способна обеспечивать в полном объеме выполнение

поставленных перед ней задач. Это происходит по ряду причин:

– данная система слишком громоздка, ее субъекты разобщены по своей ведомственной принадлежности. Только на уровне городов, районов действует множество государственных органов, общественных организаций, фондов, имеющих прямое или косвенное отношение к предупреждению преступности;

– элементы системы часто дублируют друг друга по своим целям, задачам, формам работы. Компетенция и полномочия четко не разграничены. Все это приводит к распылению сил и средств, материальных ресурсов, кадров и в конечном счете к безответственности за состояние работы по данному направлению;

– действующая система потеряла восприимчивость к новым формам и методам работы. Она тяготеет к запретительной тактике решения острых проблем, основной акцент делается на полицейские формы деятельности;

– выработаны критерии эффективности работы правоохранительных органов по предупреждению региональной преступности.

Существующий механизм противодействия криминалу ориентирован преимущественно на уголовно-репрессивные средства и методы. Однако, как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт, ориентация на силовые меры борьбы с преступностью непродуктивна. Такой подход еще более продуцирует антисоциальное и преступное поведение, приводит к сбоям и неэффективности функционирования судебной и других правовых систем. Важно преодоление односторонности антикриминальной стратегии, перекоса в механизме противодействия криминалу. Любому расширению возможностей правонарушителей совершать преступления государство должно противопоставить аналогичное расширение возможностей и способностей правоохранительных и других органов.

Все это свидетельствует о необходимости разработки и реализации новой, соответствующей современным требованиям концепции предупреждения преступности не только в масштабах страны, но и на региональном уровне, так как в регионах в конечном счете решаются основные вопросы предупреждения преступности. Этому должна предшествовать тщательная научная разработка проблемы.

Список литературы

1. Шульга В. И. Основные тенденции преступности и ее предупреждение в Дальневосточном регионе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 29 с.

2. Миньковский Г. М. Об учете крупного и особо крупного города при изучении правонарушений среды несовершеннолетних и молодежи // *Методология и методические вопросы изучения и профилактики преступности в крупных городах*. М., 1979. С. 50.
3. Сосновский В. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в регионе (на материалах Московской области) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 178 с.
4. Корниенко А. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (по материалам Брянской области) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 206 с.
5. Долгова А. И. Теоретические посылы и общие итоги изучения территориальных различий преступности и их причин // *Территориальные различия преступности и их причины* : сб. науч. тр. М., 1987. С. 5.
6. Фортунич М. В. Особенности изучения региональной насильственной преступности // *Насилие. Личность. Общество* : тез. науч.-практ. конф. М., 2000. С. 63–64.
7. Горошанин А. В., Артемьев Н. С., Некрасов А. П. Роль исправительных учреждений в борьбе с рецидивной преступностью. Самара, 2005. 234 с.
8. Аксенов А. А. Проблемы управления в уголовно-исполнительной системе России: состояние и перспективы (организационно-правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 43 с.
9. Гвишиани Д. М. Организация управления. М., 1972. 536 с.

SERGEY VALENTINOVICH LEGOSTAYEV,
phd in law, prosecutor of the Ryazan region
(Prosecutor's office of the Ryazan region),
e-mail: prokuratura62@yandex.ru

THE THEORETICAL BASIS FOR THE ORGANIZATION OF PREVENTION OF REGIONAL CRIME

Annotation: the article considers the peculiarities of the investigation of crime prevention in the region, the relevance of which is caused by a number of specific criminogenic factors that characterize such a crime. This problem is studied by many authors, in modern science there is the same approach to the study this problem, which contributes to the development of General recommendations related to the regional strategy of the organization of crime prevention, to inform management decisions.

The article describes the whole issue, as well as the definition of «prevention». Improvement of the work becomes a necessary condition of efficiency increase of management of the organization of this activity. It is noted that the current state of the domestic and foreign science of management is characterized by the fact that the resulting crisis has reached critical mass and became seriously hamper the further movement of science and, as a consequence, practice. It is noted that this applies to any type of activity and the organization of crime prevention as well.

In this regard, it suggests possible options and appropriate resolution of these crises.

The article concludes that the existing system of crime prevention and its form (structure, legal framework, financial resources, personnel, etc.) is unable to fully perform its tasks. The author provides a number of reasons, the removal of which will allow to develop and implement new, relevant the concept of crime prevention, not only nationally, but also at the regional level.

Key words: prevention regional crime, regional prevention strategy, efficiency management warning system and the concept of crime prevention in the region.

References

1. Shul'ga V. I. Osnovnye tendencii i ee preduprezdenie v Dal'nevostochnom regione : avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Major trends in crime and its prevention in the far east. Cand legal sci. diss. abstrakt]. Moscow, 1994. 29 p.
2. Min'kovskij G. M. Ob ushete krupnogo I osobo krupnogo goroda pri izuchenii provonarushenij sredy nesovershennoletnih I molodezhi [On account of the large and very large city in the study of juveniledelinquency and youth]. Metodologija i metodicheskie voprosy izuchenija i profilaktiki prestupnosti v krupnyh gorodah [Methodology and methodjlogical issues of the study and prevention of crime in major cities]. Moscow, 1979, p. 50.
3. Sosnovskij V. V. Kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij v regione (na materialah Mosrjvskoj oblasti). Dis. kand. jurid. nauk [Criminological characteristics and prevention of crimes in the region (on materials of the Moscow region)]. Cand legal sci. diss. Moscow, 1999. 178 p.

4. Kornienko A. V. Kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij v regione (na materialah Brjanskoi oblasti). Dis. kand. jurid. nauk [Criminological characteristics and prevention of crimes in the region (on materials of the Brjansk region)]. Cand. legal sci. diss. Ryazan, 2005. 206 p.

5. Dolgova A. I. Teoreticheskie posylki i obshij itogi izuchenij territorial'nyh razlichij prestupnosti i ih prichin [Theoretical assumptions and the General results of the exploring territorial differences in crime and their causes]. Sbornik nauchnyh trudov «Territorial'nye razlichij prestupnosti i ih prichiny» [Proc. the scientific papers «Territorial differences and their causes of crime»]. Moscow, 2001, p. 5.

6. Fortunich M. V. Osobennosti izuchenij regional'noi nasil'stvennoi prestupnosti [Features of studying regional violent crime]. Tezisy naucno-prakticheskoi konferencii «Nasilie. Lichnost'. Obshestvo» [Proc. the scientific practical conference «Violence. Personality. Society»]. Moscow, 2000, pp. 63–64.

7. Gorochanin A. V., Artem'ev N. S., Nekrasov A. P. Rol' ispravitel'nyh uchreždenij v bor'be s recidivnij prestupnost'ju [The role of correctional institutions in the fight against recidivism]. Samara, 2005, 234 p.

8. Aksenov A. A. Problemy upravlenija v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossii: sostojanie i perspektivy (organizacionno-pravovoi aspekt). Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Management problems in the penal system of Russia: status and prospects (the legal aspect): Dr. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1995. 43 p.

9. Gvichiani D. M. Organizacija upravlenija [organization of management]. Moscow, 1972. 536 p.

УДК 159.9:343.8
ББК 88.473
М61

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА МИНКОВА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: biriukova.lena2010@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ,
ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЕ ОСУЖДЕННЫМИ
НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Реферат: в статье рассматривается проблема влияния социально-психологических факторов на детерминацию пенитенциарной преступности, выявляется детерминация пенитенциарной преступности от социально-психологических факторов, в частности психологического состояния осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Влияние социально-психологических факторов на личность преступника в исправительных колониях весьма существенно, поскольку сам факт изоляции осужденного от общества, утрата широких социальных связей, среда осужденных с присущими ей специфическими нормами и традициями являются благодатной почвой для насилия, а следовательно, для преступных посягательств в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы.

Осужденные в местах лишения свободы постоянно находятся в состоянии сильного психологического прессинга, испытывают состояние повышенной тревожности, подавленности, постоянного стресса, разочарования, угнетенности, что, безусловно, очень часто оказывает отрицательное воздействие на поведение осужденных, делая их более конфликтными, а в ряде случаев вызывает агрессивный срыв, способный привести к совершению насильственных преступлений в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы.

Нельзя не отметить, что именно специфика микросреды осужденных, состояние постоянного психологического прессинга вырабатывают у них стойкий насильственный стереотип поведения, выливающийся в дальнейшем в посягательство на жизнь и здоровье в условиях лишения свободы.

К сожалению, следует констатировать, что персонал исправительных колоний недостаточно обучен применению адекватных психологических методов, позволяющих своевременно выявлять и регулировать сложные в психологическом плане ситуации, предшествующие совершению насильственных преступлений в исправительных учреждениях. В связи с этим назрела необходимость повышения эффективности работы в этом направлении путем совершенствования коммуникативной компетенции сотрудников исправительных учреждений в разрешении конфликтов, развитии у них способности своевременно выявлять конфликтные ситуации, локализовывать действие конфликтогенных факторов, с тем чтобы не допускать перерастания конфликтов в противоправную деятельность.

Ключевые слова: социально-психологические факторы преступности, детерминация преступности, пенитенциарная преступность, предупреждение преступности, рецидивная преступность, криминогенная ситуация, уголовно-исполнительная система, осужденный, исправительное учреждение.

Анализ социально-психологических факторов, детерминирующих совершение осужденными насильственных преступлений в условиях отбывания наказания, показал, что влияние последних на личность преступника в исправительных колониях весьма существенно и не учитывать их нельзя, поскольку та неблагоприятная социальная ситуация, в которой оказывается человек, лишенный свободы, угнетающе воздействует на его психику.

Осужденные, независимо от того, отбывали они ранее наказание или нет, постоянно находятся в

состоянии сильного психологического прессинга. Большая часть осужденных, особенно в первое время нахождения в местах лишения свободы, психологически отчуждена от окружающего мира, не «вписана» в него, испытывает трудности в общении, нередко уходит в себя [11, с. 98–102]. Такое состояние повышенной тревожности, подавленности, постоянного стресса, разочарования, угнетенности часто оказывает отрицательное воздействие на поведение осужденных, делая их более конфликтными, а в ряде случаев вызывает агрессивный срыв.

Нельзя не согласиться с мнением Г. Ф. Хохрякова и Г. С. Саркисова, в соответствии с которым нежелательные психические состояния наиболее сильны в первые дни и месяцы нахождения в местах лишения свободы, затем они ослабевают, но всегда бывают выше, чем у лиц, живущих на свободе [16, с. 70]. Кроме того, попав в исправительную колонию, осужденный должен адаптироваться к новым условиям жизни, причем очень специфической, имеющей свои обычаи и традиции, ему необходимо научиться строить отношения не только с представителями администрации исправительного учреждения, но и с другими осужденными, что нередко для определенной категории осужденных является весьма сложной психологической задачей.

Более того, изоляция человека от широкой социальной среды, невозможность свободного выбора круга общения во время пребывания в местах лишения свободы активно способствуют дальнейшей дезадаптации личности, еще большей дистанцированности ее от общества и поэтому выступают мощным криминогенным стимулом [1, с. 5]. Так, ряд авторов, занимающихся изучением вопросов насилия среди осужденных, справедливо отмечают, что условия изоляции от общества, выраженные принудительным помещением в замкнутую социальную среду, ограничения в удовлетворении потребностей посредством тотальной регламентации поведения способствуют возникновению у осужденных особой психологической предрасположенности к насилию [3, с. 31; 9, с. 115; 12, с. 56]. Постоянное нахождение в конфликтной среде (а среда осужденных, безусловно, таковой и является), ожидание агрессии со стороны других осужденных, опасение быть избитым или оскорбленным формируют у человека ответную агрессивную установку по отношению к окружающим, постоянную готовность дать отпор, даже в тех случаях, когда в действительности никакой угрозы нет.

Кроме того, такие характерные для осужденных свойства, как интровертированность, то есть погружение в свои мысли, в свое «Я», необщительность, пессимизм, скрытность при отсутствии длительной разрядки в условиях изоляции часто приводят к эмоциональным взрывам и в итоге выливаются в преступное посягательство, связанное с насилием против личности.

Таким образом, лишение свободы, сам факт изоляции осужденного от общества, утрата широких социальных связей, среда осужденных с присущими ей специфическими нормами и традициями являются благодатной почвой для насилия и соответственно для преступных посягательств во-

преки истинным целям исполнения наказания в виде лишения свободы. Нельзя не согласиться с авторами, отмечающими, что причины пенальной преступности заключаются в основном в противоречиях сферы уголовного наказания, преступной субкультуре [7, с. 36] и связаны прежде всего с природой такого уголовного наказания, как лишение свободы [3, с. 29; 4, с. 19].

К сожалению, приходится констатировать, что насилие заложено в самой сути мест лишения свободы, российская тюремная система продолжает оставаться «местом подавления личности, формирования профессиональной преступности, воспитания жестокости» [6, с. 283]. Физическая изоляция осужденного от общества – вот все, что может предложить сегодня наша пенитенциарная система. Об исправлении осужденного, его возвращении полноценным человеком в общество на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы говорить еще рано, поэтому отчуждение человека от общества и его ценностей посредством лишения свободы и помещения в исправительное учреждение может рассматриваться в качестве одного из ведущих криминогенных факторов [3, с. 35]. Иными словами, именно специфика микро-среды осужденных, состояние постоянного психологического прессинга вырабатывают у них стойкий насильственный стереотип поведения, выливающийся в дальнейшем в посягательство на жизнь и здоровье в условиях лишения свободы.

Характеризуя социально-психологические факторы, влияющие на совершение осужденными насильственных преступлений во время отбывания наказания, нельзя не отметить и такой, как повышенная конфликтность осужденных [3, с. 8]. Как справедливо отмечено рядом авторов, непосредственно занимающихся проблемой конфликтов в среде осужденных, что подтверждается результатами проведенного нами исследования, в основе абсолютного большинства насильственных преступлений, совершаемых в исправительных колониях, лежат именно конфликтные ситуации [14, с. 25; 15, с. 3–4]. Возникновение конфликтов в среде осужденных обусловливается самим фактом лишения свободы, социально-психологическим климатом, существующим в исправительных колониях, поскольку, как справедливо отметил А. Н. Сухов, «конфликты – проявления изоляционной, нравственной и криминальной деформации общения осужденных» [14, с. 25].

Результаты проведенного нами исследования позволили выявить наиболее распространенные сферы возникновения конфликтов, приведшие впоследствии к посягательству на жизнь. Так, по-

давяющее большинство конфликтов в среде осужденных возникало в сфере лично-бытовых отношений (69,2 %), а также производственной деятельности (17,4 %). В иных сферах общественной жизни этот показатель оказался незначительным и составил чуть более 13 %. Такое соотношение со значительным превышением конфликтов в лично-бытовой сфере, на наш взгляд, не случайно. О. В. Старков, например, отмечает, что «в местах лишения свободы совершаемые преступления носят в большинстве своем насильственный характер и являются, как это ни странно, на первый взгляд, преимущественно бытовыми» [13, с. 18]. Осужденные одного отряда не только проживают в одном помещении, но и в большинстве случаев работают вместе, а также совместно проводят основную часть свободного времени. Невозможность свободного выбора круга общения, стадный образ жизни, постоянное нахождение в среде самых запущенных в нравственном плане членов общества, плохие бытовые условия, создают гнетущую атмосферу и, безусловно, являются постоянной почвой для конфликтов. Кроме того, ряд авторов отмечают, что бытовые условия осужденных в местах лишения свободы сами по себе становятся причинами высокой эмоциональной, межличностной и межгрупповой напряженности, а также повышенной тревожности и раздражительности осужденных [3, с. 31].

По данным проведенного нами исследования, конфликты в быту между осужденными, переросшие в посягательство на жизнь, в большинстве случаев возникали на почве краж друг у друга продуктов питания и предметов первой необходимости, долговых отношений, притеснений, понуждения к гомосексуализму, а также привычной грубости в общении, сопровождающейся клеветой, распространением слухов, оскорблениями и унижениями.

Таким образом, низкая культура и сознательность общности осужденных, влекущие за собой многочисленные конфликтные ситуации, подавление одними лицами других, нередко создают состояние нервных перегрузок, приводят к росту раздражительности, мнительности, вселяют чувство тревоги, опасности и готовности осужденных в любой момент к насильственному способу разрешения конфликта, в том числе путем лишения жизни.

В плане выработки мер профилактики насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях, весьма интересным является тот факт, что в достаточно значительном количестве случаев конфликты возникали задолго до совершения преступлений и носили длительный, затяжной характер. Однако администрация исправительных колоний нередко об этих негативных процессах в среде осужденных не знала, а если знала, то

либо никаких мер для разрешения конфликтной ситуации не предпринимала, либо меры, предпринятые ею, оказывались недейственными, что и приводило к противоправной деятельности, выражавшейся в насилие в отношении осужденного.

По данным исследования, проведенного А. Мокрецовым, в большинстве случаев (от 60 до 75 %) сотрудники исправительных учреждений узнают лишь о последствиях конфликтов и предпочитают вмешиваться в ход событий только тогда, когда ситуация принимает серьезный оборот, а исход конфликта представляет непосредственную угрозу для жизни или здоровья осужденных [8, с. 35–36]. К аналогичным выводам пришел и С. А. Дьячковский, отмечающий, что одним из серьезных недостатков в организации и тактике борьбы с преступностью является позднее реагирование на события, когда кризисная ситуация приобрела необратимый характер, достигла высшей, конфликтной стадии развития и приходится иметь дело не с самим конфликтом, а с его тяжелыми криминальными последствиями [5, с. 57].

Изложенное объективно свидетельствует о том, что персонал исправительных колоний недостаточно обучен применению адекватных психологических методов, позволяющих своевременно выявлять и регулировать конфликты. Совершенно справедливо в связи с этим высказывание Ю. М. Антоняна о том, что «в правоохранительных органах мало специалистов, которые могли бы выявить бессознательные, но чрезвычайно важные мотивы преступного поведения и оказать психотерапевтическое воздействие на тех, кто уже совершил преступление и отбывает за это наказание, так и на находящихся, образно говоря, в предпреступном состоянии» [2, с. 24].

В то же время процесс выявления конфликтов в условиях исправительного учреждения сопряжен с повышенными трудностями, одна из которых заключается в том, что осужденные иногда даже в тех случаях, когда столкновение несет реальную угрозу их жизни либо здоровью, предпочитают не ставить в известность администрацию. Причины тому различны: от боязни, что обращение к администрации повлечет за собой отрицательные оценки и преследования со стороны других осужденных, до сомнения в том, что администрация колонии сможет разрешить конфликт.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости повышения эффективности работы в этом направлении путем совершенствования коммуникативной компетенции сотрудников исправительных учреждений в разрешении конфликтов, развитии у них способности своевременно выявлять конфликтные ситуации, локализовывать действие конфликтных

факторов, с тем чтобы не допускать перерастания конфликтов в противоправную деятельность. Необходимо также более широко использовать возможности оперативных аппаратов, имеющих в своем распоря-

жении эффективные средства получения информации, в том числе о конфликтах в среде осужденных, собрать которую иными способами иногда чрезвычайно трудно.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Личность преступника – индивидуальная профилактика преступлений: сопоставление и выводы // Личность преступников и индивидуальное воздействие на них. М., 1989. С. 3–8.
2. Антонян Ю. М. Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 21–29.
3. Антонян Ю. М., Бойко И. Б., Верещагин В. А. Насилие среди осужденных : учеб. пособие / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 1994. 116 с.
4. Дунаев С. А. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивных преступлений, связанных с насилием против личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 24 с.
5. Дьячковский С. А. Проблемы организации и тактики борьбы с преступностью на современном этапе. Рязань, 1999. 54 с.
6. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. 348 с.
7. Кутякин С. А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России : монография. Рязань, 2008. 268 с.
8. Мокрецов А. Профилактика конфликтов в среде осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 6. С. 32–39.
9. Мошков Т. А. Криминологическая характеристика насилия в местах лишения свободы : монография. Рязань, 2011. 245 с.
10. Наумов Е. В. Предупреждение рецидива преступлений средствами контроля и надзора по законодательству стран дальнего зарубежья // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 79–80.
11. Скрипка Л. В. Эмоциональные состояния впервые осужденных в процессе отбывания наказания // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 98–102.
12. Слепов А. П. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях : монография. Рязань, 2010. 156 с.
13. Старков О. В. Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 29 с.
14. Сухов А. Н. Психология криминогенного общения в среде осужденных : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1991. 29 с.
15. Усс А. В. Конфликты между осужденными, сопровождающиеся насильственными посягательствами (по материалам исправительно-трудовых колоний строгого режима). Красноярск, 1984. 48 с.
16. Хохряков Г. Ф., Саркисов Г. С. Преступления осужденных: причины и предупреждение (основные проблемы пенитенциарной криминологии). Ереван, 1988. 124 с.

ELENA ANATOL'EVNA MINKOVA,

PhD in law, associate professor of management and organization of activity of penal system
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: biriukova.lena2010@yandex.ru

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS DETERMINING THE COMMISSION CONVICTED OF VIOLENT CRIMES IN TERMS OF SERVING THE SENTENCE OF IMPRISONMENT

Annotation: the article deals with the influence of social and psychological factors in the determination of penal crime.

The purpose is to identify determination of penal crime of socio-psychological factors, in particular psychological state of prisoners in correctional institutions of the penal system.

The influence of social and psychological factors on the identity of the offender in the correctional colonies is very important, because the fact of the isolation of the convicted person from society, loss of broad social relations among prisoners, with its specific norms and traditions is fertile ground for violence and, respectively, for criminal assault in a penitentiary imprisonment.

Convicts in prisons are constantly in a state of extreme psychological pressure, experiencing a heightened state of anxiety, depression, constant stress, frustration, depression, that is certainly very often has a negative impact on the behavior of the convicts, making them more conflict, and in some cases causes aggressive failure that could lead to violent crimes in terms of serving the sentence of imprisonment.

We must also note that it was the specificity of the micro-convicts, a state of constant psychological pressure they generate persistent violent behavior stereotype, resulting in further in the attempt on the life and health in prison.

Unfortunately, it should be stated that the staff of correctional facilities is not enough trained in the use of adequate psychological methods to promptly identify and manage complex psychologically situation prior to the commission of crimes of violence in prisons.

In this regard, there is need to improve the work in this direction by improving the communicative competence of correctional institutions in the resolution of conflicts, developing their ability to timely detect conflicts, in time to localize the effect of conflict-factors in order to prevent the escalation of conflicts in illegal activities.

Key words: social and psychological factors of crime, determination of crime, prison crime, crime prevention, recidivism, crime situation, the correctional system, convicted, the Federal Penal service.

References

1. Antonian Y. M. Lichnost' prestupnika – individual'naya profilaktika prestupleniy: sopostavlenie i vyvody [Identity of the perpetrator – the individual crime prevention: comparison and conclusions]. Lichnost' prestupnikov i individual'noe vozdeystvie na nikh [Identity of the perpetrators and the individual effect on them]. Moscow, 1989, pp. 3–8.
2. Antonian Y. M. Obshchaya kontseptsiya preduprezhdeniya prestupnosti [The general concept of crime prevention]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie –Man: crime and punishment, 2013, no. 3, pp. 21–29.
3. Antonian Y. M., Boiko I. B., Vereshchagin V. A. Nasilie sredi osuzhdennykh [Violence among prisoners]. Under the editorship of Yu. M. Antonyan. Moscow, 1994, 116 p.
4. Dounaev S. A. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie retsidivnykh prestupleniy, svyazannykh s nasiliem protiv lichnosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Criminological characteristics and prevention of recidivism of violence against the person. Diss. cand. jurid. sci. abstract]. Moscow, 1998, 24 p.
5. D'yachkovskiy S. A. Problemy organizatsii i taktiki bor'by s prestupnost'yu na sovremennom etape [Problems of organization and tactics to combat crime at the present stage]. Ryazan, 1999, 54 p.
6. Karpets I. I. Prestupnost': illyuzii i real'nost' [Crime: illusions and reality]. Moscow, 1992, 432 p.
7. Kut'yakin S. A. Organizatsiya kriminal'noy oppozitsii v ugovovno-ispolnitel'noy sisteme Rossii [Organization of criminal opposition in the penal system of Russia]. Ryazan, 2008, 268 p.
8. Mokretsov A. Profilaktika konfliktov v srede osuzhdennykh [Prevention of conflicts among the convicts]. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noy sistemy – Bulletin of the penitentiary system, 2004, no. 6, pp. 32–39.
9. Moshkov T. A. Kriminologicheskaya kharakteristika nasiliya v mestakh lisheniya svobody [Criminological characteristics of violence in prisons]. Ryazan, 2011, 245 p.
10. Naumov E. V. Preduprezhdenie retsidiva prestupleniy sredstvami kontrolya i nadzora po zakonodatel'stvu stran dal'nego zarubezh'ya [Warning recidivism means of control and supervision under the laws of foreign countries]. Ugovovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2013, no. 2, pp. 79–80.
11. Skripka L. V. Emotsional'nye sostoyaniya v pervye osuzhdennykh v protsesse otbyvaniya nakazaniya [Emotional states during the first offenders serving a sentence]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology, 2014, no. 3, pp. 98–102.
12. Slepov A. P. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie nasil'stvennykh prestupleniy, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'nykh koloniyakh [Criminological characteristics and prevention of violent crimes committed by inmates in correctional colonies]. Ryazan, 2010, 156 p.
13. Starkov O. V. Kriminologicheskie problemy ispolneniya ugovovnogo nakazaniya. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Criminological problems of execution of criminal punishment. Dr. legal sci. dis. abstract]. Moscow, 1998, 29 p.
14. Sukhov A. N. Psikhologiya kriminogenno obshcheniya v srede osuzhdennykh. Avtoref. dis. d-ra psychol. nauk. [Psychology of criminal communication among prisoners. Dr. psychol. sci. dis. abstract]. Leningrad, 1991. 29 p.
15. Uss A. V. Konflikty mezhdru osuzhdennymi, soprovozhdayushchiesya nasil'stvennymi posyagatel'stvami (po materialam ispravitel'no-trudovykh koloniy strogogo rezhima) [Conflicts between inmates, accompanied by violent assault (based on a correctional labor colony of strict regime)]. Krasnoyarsk, 1984, 48 p.
16. Khokhryakov G. F., Sarkisov G. S. Prestupleniya osuzhdennykh: prichiny i preduprezhdenie (osnovnye problemy penitentsiarnoy kriminologii) [Crimes convicted: causes and prevention of (basic problems of the prison criminology)]. Erevan, 1988. 124 p.

УДК 343.2
ББК 67.408.0
Г37

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРАСИМОВА,
соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
(Саратовская государственная юридическая академия),
e-mail: sashg1981@yandex.ru

МЕХАНИЗМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ

Реферат: в статье обосновывается механизм уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, рассматривается комплекс теоретических и практических проблем уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, анализируются нормы уголовного законодательства и теоретические работы, касающиеся заявленной тематики, предлагается теоретическая модель механизма уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, адаптированная к созданию правоисполнителя и способствующая унификации правоприменительной практики в рассматриваемых аспектах.

На основе положений уголовного законодательства и теоретических изысканий ученых сформулировано понятие указанного механизма и раскрыты его элементы. Механизм уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции определен в качестве системы взаимообусловленных стадий, отражающих процессы формулирования и реализации уголовно-правовой нормы, устанавливающей обязанность воздерживаться от розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. Выделены три элемента уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции: направление уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции; границы и инструменты уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции; реализация уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Первый элемент предполагает закрепление в уголовном законе нормы о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции исходя из социальных требований, которые к ней обращены. Оптимальное закрепление норм уголовно-правового поведения лиц, осуществляющих продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, в УК РФ отражается на качестве систематизации норм уголовного законодательства и позволяет определить характер общественной опасности продажи алкоголя лицу, не достигшему восемнадцати лет. Второй элемент включает в себя содержание уголовно-правовой нормы о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Речь идет о диспозиции и санкции нормы, устанавливающей запрет на продажу алкоголя детям и подросткам. Третий элемент характеризуется практическим исполнением уголовно-правовой обязанности воздерживаться от розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. Непосредственное поведение правоисполнителей выступает итогом уголовно-правового вмешательства в социальные связи, воплощающим в жизнь содержание анализируемой нормы уголовного законодательства. Действия и бездействие продавцов алкоголя в отношении с детьми и подростками позволяет судить об эффективности нормы о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции в решении задач, стоящих перед уголовным законодательством.

Ключевые слова: механизм уголовно-правового противодействия, несовершеннолетний, алкогольная продукция, продажа.

Основание сущности механизма уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции требует определения и анализа каждого из его элементов. Семантически категория «элемент» характеризуется как составная часть сложного целого [9, с. 1559]. В философской литературе утверждается, что «критериальное свойство элемента – его необходимое непосред-

венное участие в создании системы: без него, то есть без какого-либо одного элемента, система не существует. Элемент есть далее неразложимый компонент системы при данном способе ее рассмотрения» [1, с. 462]. Соответственно элементы уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции как некоего системообразующего комплекса представляют собой взаимосвязанные части од-

ной уголовно-правовой конструкции. Выявление качественной специфики каждого из такого рода элементов позволяет не только глубоко познать механизм уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, но и обосновать предложения по его совершенствованию.

На роль элементов уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции могут претендовать такие составляющие уголовно-правовой материи, содержание которых обуславливает эффективность влияния уголовного законодательства на недобросовестных продавцов и индивидуальных предпринимателей, готовых реализовывать спиртное детям и подросткам. Научная логика подсказывает, что неотъемлемые компоненты процесса уголовно-правового удержания правоисполнителей от совершения общественно опасных деяний отражают комплекс инструментария, необходимого для решения задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства. В связи с этим для решения обозначенной научной проблемы следует конкретизировать средства обеспечения охранительной и предупредительной задач уголовного права.

Арсенал средств, обеспечивающих охрану личности, общества и государства от преступных посягательств и предупреждение преступлений, закреплён законодательно. В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ для решения уголовно-правовых задач уголовный закон устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Содержание и последовательность изложения обозначенных уголовно-правовых категорий позволяет сделать вполне логичный вывод о том, что задачи уголовного права обеспечиваются всей отраслью уголовного законодательства. Каждая норма Общей и Особенной частей уголовного законодательства ориентирована на охрану соответствующих объектов от преступных посягательств и предупреждение преступлений. В то же время подобное умозаключение не обладает высокой теоретической ценностью, поскольку даёт размытое представление относительно элементов уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Во многом это связано с тем, что в ч. 2 ст. 2 УК РФ законодатель ведёт речь обо всех без исключения инструментах уголовно-правового обеспечения интересов личности, общества и государства. Сам механизм взятия под охрану непосредственных

интересов личности, общества и государства и предупреждения преступных посягательств на них в уголовном законодательстве не определяется. В связи с этим установление элементов уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции возможно только на основе теорий, обосновывающих уголовно-правовой механизм решения конкретной социальной проблемы.

Проблема механизма реализации уголовного права всегда привлекала внимание научной общественности. Уголовно-правовая наука располагает результатами многих фундаментальных работ, отражающих своеобразные подходы к пониманию компонентов позитивного воздействия на преступность [4–7, 10–11]. Так, одним из первых ученых, наполнившим указанную категорию конкретным содержанием, стал Л. И. Спиридонов, по мнению которого она включает в себя следующие основные элементы: 1) норма уголовного закона, отражающая уголовно-правовой запрет и санкцию за возможное его нарушение; 2) правоисполнитель, отношение которого к норме уголовного права обуславливается его социальными свойствами и одновременно всей совокупностью социально значимых факторов [10, с. 7]. Исходя из этого можно сделать заключение, что Л. И. Спиридонов определяет механизм реализации уголовного права в качестве исполнения физическим лицом уголовно-правовой нормы с осознанием ее социального предназначения.

Весьма близко характеризует сущность уголовно-правового механизма П. А. Фефелов: «В качестве основных элементов (звеньев) уголовно-правовой системы следует рассматривать нормы уголовного права как нормативную основу механизма, ответственность (наказание) как средство, при помощи которого решается задача уголовно-правовой охраны, а также уголовное правоотношение как способ реализации уголовно-правовых норм и уголовный процесс как процессуальную форму реализации уголовно-правовых норм» [11, с. 66]. Таким образом, в основу анализируемого механизма автор закладывает уголовно-правовую норму, находящуюся в динамике, то есть в процессе решения задач, стоящих перед уголовным правом. Юридической формой реализации уголовно-правового механизма П. А. Фефелов называет уголовный процесс. Данное заключение представляется спорным, поскольку перед уголовно-процессуальным законом стоят свои собственные задачи. Однако принципиально этот аспект позицию П. А. Фефелова не ослабляет.

Аналогичное по смыслу определение механизма реализации уголовного права даёт Н. М. Кропачев. По его мнению, в рассматриваемом механизме об-

наруживаются два звена. Первое звено образует уголовно-правовая норма, второе – охватывает возникающие на основе норм уголовного права регулятивные и охранительные отношения [5, с. 61]. Исследователь при определении уголовно-правового механизма опирается на норму уголовного закона, находящую воплощение в юридических отношениях, направленных на обеспечение задач уголовного права.

Наиболее подробно сущность механизма уголовного права сквозь призму стоящих перед ним задач разъясняет Б. Т. Разгильдиев. Он пишет: «Уголовно-правовой механизм – это регламентированные уголовным законодательством субъекты и их уголовно-правовые статусы, обеспечивающие охрану личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств, а также их предупреждение. Элементами содержания механизма выступают: субъекты (правоисполнитель и правоприменитель), их уголовно-правовые статусы (обязанности и права), задачи уголовного законодательства России (охрана соответствующих отношений от преступных посягательств, их предупреждение). Реализация механизма осуществляется в форме правоотношений. При этом формы реализации положений и норм уголовного законодательства не меняют содержания уголовно-правового механизма» [8, с. 200]. Очевидно, что Б. Т. Разгильдиев при определении компонентов уголовно-правового механизма делает акцент на реализации в правоисполнительной и правоприменительной деятельности норм уголовного права, принятых законодателем исходя из современных потребностей в охране соответствующих объектов.

Близкое по содержанию понимание уголовно-правового механизма формулирует А. Г. Блинов [2, с. 103].

Таким образом, в основе уголовно-правового механизма лежит норма уголовно-правового поведения, включенная в уголовный закон исходя из требований сложившейся действительности, наполненная необходимым уголовно-правовым содержанием и обеспечивающая определенный социально значимый результат. При этом в качестве неотъемлемых компонентов механизма реализации уголовного права высвечиваются этапы становления и реализации уголовно-правовой нормы. В одном из современных монографических исследований, обобщивших накопленные изыскания по обозначенной проблеме, уголовно-правовой механизм определяется как «система необходимых и достаточных стадий правовой регламентации и упорядочения общественных отношений, позволяющая посредством реализации уголовно-правовых за-

претов, предписаний и дозволений обеспечивать эффективную охрану этих самых отношений от общественно опасных и противоправных посягательств» [3, с. 96].

Аналогичное умозаключение о стадийном характере механизма реализации уголовного права позволило в свое время В. М. Когану утверждать, что «обеспечение эффективности уголовно-правовой нормы и уголовного права в целом проходит три этапа: обусловливание, формулирование, реализация... Выделение уровня обусловливания вызвано тем, что и отдельная уголовно-правовая норма, и уголовное право в целом представляют собой лишь средство для достижения цели. При проектировании, изменении либо отмене той или иной нормы решается вопрос о том, соответствует она данной цели или нет и если соответствует, то насколько... Выделение уровня формулирования вызвано тем, что отдельная уголовно-правовая норма, не говоря уже об уголовном праве в целом, представляет собой специфическое выражение господствующего интереса. Обнаружение этой специфики, производной от собственных закономерностей юридической формы, которая усиливает господствующий интерес и в то же время ставит ему некоторые границы... Выделение уровня реализации вызвано тем, что, получив уголовно-правовое выражение, господствующий интерес не уходит за кулисы, оставив сцену правовой пропаганде и профессиональной деятельности юристов. Господствующий интерес продолжает заявлять о себе посредством уголовно-процессуального права, организации уголовной юстиции и в других формах, вступая, таким образом, во взаимодействие не только с противостоящими интересами, но и со своим собственным выражением в уголовном законе» [4, с. 9–10].

Сопоставление смысла представленных суждений со спецификой рассматриваемой проблемы позволяет дать следующее определение понятия механизма уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции: это система взаимообусловленных стадий, отражающих процессы обусловливания, формулирования и реализации уголовно-правовой нормы, устанавливающей обязанность воздерживаться от розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.

На основе сформулированной дефиниции можно выделить три элемента уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Первый элемент предполагает закрепление в уголовном законе нормы о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции исходя из социальных

требований, которые к ней обращены. Данный элемент можно назвать направлением уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Во многом это объясняется тем, что результативность рассматриваемой нормы зависит от правильности определения социально значимого объекта, нуждающегося в охране от розничной продажи алкоголя. Верное установление объекта розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции имеет огромное значение в формальных и материальных аспектах. Формально объект розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции обуславливает оптимальное закрепление норм уголовно-правового поведения лиц, осуществляющих продажу алкогольной продукции, с несовершеннолетними в УК РФ, что отражается на качестве систематизации норм уголовного законодательства. В материальном контексте объект анализируемого деяния позволяет определить характер общественной опасности продажи алкоголя лицу, не достигшему восемнадцати лет.

Второй из анализируемых элементов отражает содержание уголовно-правовой нормы о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции. Речь идет о диспозиции и санкции нормы, устанавливающей запрет на продажу алкоголя детям и подросткам. Диспозиция включает в себя криминообразующие признаки состава розничной продажи несовершеннолетним алкоголь-

ной продукции. Санкция содержит наказания, грозящие правоисполнителям в случае совершения деяния, содержащего все признаки состава розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. Закрепляя диспозицию и санкцию анализируемой нормы, законодатель устанавливает пределы уголовно-правовой обязанности правоисполнителя и стимулы ее исполнения. На основании этого данный элемент целесообразно именовать границами и инструментами уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции.

Третий элемент характеризуется практическим исполнением уголовно-правовой обязанности воздерживаться от розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. Непосредственное поведение правоисполнителей выступает итогом уголовно-правового вмешательства в социальные связи, воплощающим в жизнь содержание анализируемой нормы уголовного законодательства. Действия и бездействие продавцов алкоголя в отношениях с детьми и подростками позволяет судить об эффективности нормы о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции в решении задач, стоящих перед уголовным законодательством. В связи с этим данный элемент следует назвать реализацией уголовно-правового противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции.

Список литературы

1. Алексеев П. В., Панин А. В. *Философия* : учебник. М., 2003. 608 с.
2. Блинов А. Г. Понятие уголовно-правового механизма и его назначение // *Современное право*. 2012. № 11. С. 98–103.
3. Жариков Ю. С. *Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации*. М., 2009. 216 с.
4. Коган В. М. *Социальный механизм уголовно-правового воздействия*. М., 1983. 183 с.
5. Кропачев Н. М. *Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система*. СПб., 1999. 262 с.
6. Кудрявцев В. Н. Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики // *Основные направления борьбы с преступностью*. М., 1975. С. 29–46.
7. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. *Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность*. Красноярск, 1989. 205 с.
8. Разгильдиев Б. Т. *Основы правового статуса личности в России и механизм его уголовно-правовой охраны // 20 лет Конституции Российской Федерации: становление, проблемы и тенденции развития / под ред. В. Т. Кабышева*. Саратов, 2013. 248 с.
9. *Советский энциклопедический словарь*. М., 1980. 1600 с.
10. Спиридонов Л. И. *Понятие, предмет и метод уголовно-правовой социологии*. М., 1975. 28 с.
11. Фефелов П. А. *Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы*. М., 1992. 230 с.

EKATERINA ALEKSANDROVNA GERASIMOVA,

applicant for a degree of the criminal and penal law department
(Saratov state legal academy),
e-mail: sashg1981@yandex.ru

MECHANISM OF PENAL COUNTERACTION TO RETAIL SALE TO MINORS OF ALCOHOLIC PRODUCTION AND ITS ELEMENTS

Annotation: the article reflects the mechanism of penal counteraction to retail sale to minors of alcoholic production. The object of research is the complex of theoretical and practical problems of penal counteraction to retail sale to minors of alcoholic production. Standards of the criminal legislation and theoretical works in this field are the subject of research. The study purpose is formation of the theoretical model of the mechanism of criminal and legal counteraction to retail by the minor of the alcoholic production adapted for consciousness of the right performer and promoting unification of law-enforcement practice.

The concept of the specified mechanism is formulated and its elements are opened on the basis of criminal legislation and theoretical researches of scientists. The mechanism of criminal and legal counteraction to retail by the minor of alcoholic production is defined as system of the interdependent stages reflecting processes of a stipulation, formulation and implementation of the legal norms of law establishing a duty to abstain from retail by the minor of alcoholic production. Three elements of criminal and legal counteraction to retail by the minor of alcoholic products are allocated: direction of criminal and legal counteraction to retail to minors of alcoholic production; its borders and instruments; its realization. The first element assumes the fixing in the criminal law of norm on retail by the minor of alcoholic production proceeding from social requirements which are turned to it. The right choice of a place of fixing of the rule of criminal and legal behavior of sellers of alcohol with minors in contents of the criminal code of Russian Federation directly affects the quality of systematization of standards of the criminal legislation and allows to decide the nature of public danger of sale of alcohol to the person under eighteen years old. The second element reflects the contents of the criminal precept of law about retail by the minor of alcoholic production. According to the logic of creation of criminal precepts of law it is about a disposition and the sanction of the norm establishing a prohibition on alcohol sale to children and teenagers. The third element is characterized by practical execution of a criminal and legal duty to abstain from retail by the minor of alcoholic products. The behavior of right performers stands as the result of criminal and legal intervention in social communications realizing the content of the analyzed standard of the criminal legislation. Action and inaction of sellers of alcohol to children and teenagers allow to judge about efficiency of norm on retail by the minor of alcoholic products in the solution of the tasks facing the criminal legislation.

Key words: mechanism, counteraction, element, minor, alcohol, sale.

References

1. Alekseev P. V., Panin A. V. *Filosofija* [Philosophy]. Moscow, 2003, 608 p.
2. Blinov A. G. *Ponjatie ugovolno-pravovogo mehanizma i ego na-znachenie* [The concept of criminal legal framework and its purpose]. *Sovremennoe pravo – Modern law*, 2012, no. 11, p. 98–103.
3. Zharikov Ju. S. *Ugovolno-pravovoe regulirovanie i mehanizm ego realizacii* [Criminal and legal regulation and mechanism of its realization]. Moscow, 2009, 216 p.
4. Kogan V. M. *Social'nyj mehanizm ugovolno-pravovogo vozdejstvija* [Social mechanism of criminal and legal influence]. Moscow, 1983, 183 p.
5. Kropachev N. M. *Ugovolno-pravovoe regulirovanie. Mehanizm i sistema* [Criminal and legal regulation. Mechanism and system]. St. Petersburg, 1999, 262 p.
6. Kudrjavcev V. N. *Jeffektivnost' zakona kak sredstva osushhestvlenija ugovolnoj politiki* [The effectiveness of the law as a means of implementing the criminal policy]. *Osnovnye napravlenija bor'by s prestupnost'ju* [Main directions of fight against crime]. Moscow, 1975, p. 29–46.
7. Prohorov V. S., Kropachev N. M., Tarbagaev A. N. *Mehanizm ugovolno-pravovogo regulirovanija: norma, pravootnoshenie, otvetstvennost'* [Mechanism of criminal and legal regulation: norm, legal relationship, responsibility]. Krasnojarsk, 1989, 205 p.
8. Razgil'diev B. T. *Osnovy pravovogo statusa lichnosti v Rossi i mehanizm ego ugovolno-pravovoj ohrany* [Bases of legal status of the personality in Russia and the mechanism of its criminal legal protection]. 20 let

Konstitucii Rossijskoj Federacii: stanovlenie, problemy i tendencii razvitija [20 years of the Constitution of the Russian Federation: formation, problems and tendencies of development]. Under editorship of V. T. Kabyshev. Saratov, 2013, 248 p.

9. Sovetskij jenciklopedicheskij slovar' [Soviet encyclopedic dictionary]. Moscow, 1980, 1600 p.

10. Spiridonov L. I. Ponjatie, predmet i metod ugovovno-pravovoj sociologii [Concept, subject and method of criminal law sociology]. Moscow, 1975, 28 p.

11. Fefelov P. A. Mehanizm ugovovno-pravovoj ohrany. Osnovnye metodologicheskie problem [The mechanism of criminal law protection. The main methodological problems]. Moscow, 1992, 230 p.

УДК 343.8
ББК 67.409
3-63

НЕЛЛИ АЛЕКСАНДРОВНА ЗИНИНА,
главный специалист отделения нормотворческой работы
отдела правового обеспечения
(Главный центр инженерно-технического обеспечения
и связи ФСИН России),
e-mail: mity123@mail.ru

РАССОГЛАСОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ ИХ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Реферат: отечественное уголовно-исполнительное законодательство содержит ряд норм, которые направлены непосредственно на профилактику преступлений как во время отбывания наказания, так и после освобождения от его дальнейшего отбывания. В статье анализируется фактор рассогласования в нормах уголовно-исполнительного права и его влияние на предупредительную функцию при исполнении наказаний. Декларативность ряда уголовно-исполнительных норм обусловливается сугубо административным подходом к их применению. К сожалению, на практике часто отсутствуют установленные процедуры реализации таких норм, которые в максимальной степени объективности позволяли бы их применять. Это в полной мере касается и норм, направленных на профилактику преступлений и иных правонарушений со стороны осужденных. Декларативный характер отдельных норм уголовно-исполнительного права, снижающий их криминологическую роль, обусловливается в том числе тем, что работе по информированию осужденных об их правовом положении не уделяется должного внимания администрацией учреждений, исполняющих уголовные наказания. В статье приводятся научно обоснованные критерии, снижающие предупредительную функцию уголовно-исполнительного законодательства, аргументируется необходимость согласования данных норм внутри и на межотраслевом уровне. Особое внимание уделяется институту административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, поскольку закон об административном надзоре не согласован с положениями смежных нормативных актов. Проблема данного института в том, что в исходном виде он является исключительно регрессивной мерой, а его сущность заключается в закреплении упрощенной модели наблюдения за ранее судимыми, при которых действия государственных органов ограничены установлением запретов и возложением обязанностей в отношении поднадзорных.

Главное, что отсутствует в законе об административном надзоре, – это идея ресоциализации. Эффективность института должна быть обусловлена деятельностью исполнителя надзора, который должен оказывать помощь в получении общего и профессионального образования, жилья, а также в трудоустройстве, организации лечения, общении с другими государствами и муниципальными структурами и т. п.

Анализ отечественного законодательства приводит нас к выводу о том, что постпенитенциарное предупреждение преступлений не является предметом какой-либо конкретной одной отрасли права.

Ключевые слова: криминологическая обоснованность, предупреждение преступлений, ресоциализация отбывших уголовное наказание, уголовная ответственность, исправительные учреждения.

В число факторов, влияющих на эффективность наказания, его предупредительную составляющую, входят отсутствие внутреннего единства уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, социальных отраслей права, рассогласование с конституционными нормами, декларативность норм уголовно-исполнительного права.

В современном законодательстве существует множество примеров рассогласования, декларативности, в том числе:

1) внутреннее рассогласование норм УИК РФ:
– определение целей и задач уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК

РФ) и их отсутствие относительно исполнения наказания;

– определение случаев учета личности осужденного наряду с другими показателями, которые по своей сути характеризуют ее (ч. 3 ст. 9, ч. 1 ст. 117 УИК РФ);

2) внешнее рассогласование норм УИК РФ и УК РФ:
– наличие принципов вины и справедливости в УК РФ и их отсутствие в УИК РФ; раскрытие содержания принципов уголовной ответственности в УК РФ и отсутствие раскрытия содержания принципов исполнения наказаний в УИК РФ (действующий УИК РФ устанавливает принципы уголовно-исполнительного законодательства) [2, с. 8].

Действующее уголовно-исполнительное законодательство содержит немало норм, направленных непосредственно на профилактику преступлений как во время отбывания наказания, так и после освобождения от его дальнейшего отбывания. Однако в значительной части они не «работают». Так, согласно ч. 3 ст. 120 УИК РФ осужденные, отбывающие наказания в облегченных условиях исправительных колоний общего режима, в целях успешной социальной адаптации по постановлению начальника исправительной колонии за шесть месяцев до окончания срока наказания могут быть освобождены из-под стражи. В этом случае им разрешается проживать и работать под надзором администрации исправительного учреждения за пределами исправительной колонии. Осужденным женщинам может быть разрешено проживание за пределами исправительной колонии совместно с семьей или детьми на арендованной или собственной жилой площади. В 2014 г. такое разрешение было получено всего 24 осужденными.

В данном случае возникает вопрос о соответствии данной нормы положениям ч. 3 ст. 19 Конституции РФ: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Непонятно, по каким причинам законодатель норму относительно разрешения осужденным женщинам проживать за пределами исправительной колонии совместно с семьей или детьми на арендованной или собственной жилой площади выделил в качестве особенной по отношению к осужденным мужчинам.

В соответствии с ч. 2 ст. 120 УИК РФ осужденные мужчины тоже имеют возможность арендовать или иметь собственное жилье. При этом они должны положительно характеризоваться (не иметь взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания, добросовестно относиться к труду).

Декларативность ряда уголовно-исполнительных норм обуславливается сугубо административным подходом к их применению. На практике часто отсутствуют установленные процедуры реализации таких норм, которые в максимальной степени объективности позволяли бы их применять. Это в полной мере касается и норм, направленных на профилактику преступлений и иных правонарушений со стороны осужденных.

В качестве примера можно привести норму, содержащуюся в ч. 1 ст. 89 УИК РФ, согласно которой осужденным могут предоставлять длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток. Порядок и место проведения такого свидания определя-

ет начальник исправительного учреждения. Трудно переоценить роль данного вида свидания в укреплении связей с семьей, которые, в свою очередь способствуют решению задачи исправления осужденных. Однако, как показало наше исследование, данная норма на практике реализуется в единичных случаях. Причиной тому является то, что свидания могут предоставляться «в предусмотренных настоящим Кодексом случаях». К сожалению, УИК РФ таких случаев не определяет.

Н. С. Емельянов в качестве аналогичного примера приводит норму, содержащуюся в ч. 1 ст. 113 и ч. 3 ст. 121 УИК РФ. Согласно им к осужденным, отбывающим наказания в колониях-поселениях, могут применяться меры поощрения в виде разрешения на проведение за пределами колонии-поселения выходных и праздничных дней и разрешения проживать и работать под надзором администрации исправительного учреждения за пределами исправительной колонии осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях исправительной колонии общего режима. Во многих субъектах РФ руководители различных уровней уголовно-исполнительной системы наложили соответствующее табу на применение данной нормы. В 2013 г. только 32 осужденным было разрешено проживать за пределами исправительной колонии.

Таким образом, практика идет по упрощенному варианту в решении указанных вопросов. Вместо того чтобы проводить работу по предупреждению и выявлению незаконного применения приведенных и других норм, руководители уголовно-исполнительной системы просто негласно запретили или в лучшем случае ограничили их применение [3, с. 67].

Декларативный характер отдельных норм уголовно-исполнительного права, снижающий их криминологическую роль, обуславливается тем, что, «к сожалению, работа по информированию осужденных об их правовом положении практически не проводится администрацией учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Во многом этому способствует провозгласительный характер рассматриваемой нормы уголовно-исполнительного права. В учреждениях и органах УИС ознакомление субъекта отбывания наказания с его правовым положением осуществляется неверно. Не приводится работа по толкованию отдельных правовых вопросов, представляющих определенный интерес для осужденных» [1, с. 112].

Н. Б. Хуторская отмечает: «Наличие в правовом статусе осужденных в РФ такого элемента, как законный интерес, который удовлетворяется в зависимости от усмотрения администрации, не позво-

ляет в полной мере реализовать обязательный принцип максимального расширения контактов с внешним миром всеми возможными способами. Европейские специалисты полагают, что ограничение этого права может быть связано только с интересами безопасности учреждения и устанавливается только судом» [10, с. 815].

Приведенные и другие частные примеры наличия норм в УИК РФ, регламентирующие права и законные интересы осужденных в определенной степени в декларативной форме, конкретные предложения по совершенствованию тех или иных его норм приводят к выводу о том, что требуется не его «латание», а создание совершенно нового кодекса. Нормы такого кодекса должны быть согласованными внутри и на межотраслевом уровне. В последнем случае речь идет прежде всего об их согласованности с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Внимание должны получить соответствующие установления административного и публичного права.

Можно привести нормы, направленные на социализацию после освобождения из мест лишения свободы отдельных категорий граждан. Речь, в частности, идет о приказе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 ноября 2014 г. № 870н, которым утвержден порядок направления граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным обслуживанием. Согласно данному порядку в стационарные организации социального обслуживания со специальным обслуживанием направляются граждане из числа лиц, освобождаемых или освобожденных из мест лишения свободы, за которыми установлен административный надзор, которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию (п. 2).

Криминологическая предупредительная составляющая данной нормы однозначна. Вместе с тем возникает вопрос о стационарных организациях социального обслуживания: учреждений такого рода в большинстве регионов вообще не существует. Их наличие предусмотрено Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «О социальном обслуживании граждан в Российской Федерации» [9, ст. 1325] (в последующих редакциях). Согласно п. 5 ст. 19 данного Закона граждане из числа лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, за которыми в соответствии с действующим законодательством установлен административный надзор и которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию, при отсутствии медицинских противопоказаний и по личному желанию принимаются в стационарные

организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации. О наличии такого рода стационарных организаций в субъектах Российской Федерации неизвестно. Логично предложить, что примерное (типовое) положение (основы) о специальных стационарных учреждениях для указанных лиц должно быть разработано на федеральном уровне. Такая необходимость обуславливается прежде всего необходимостью единообразного подхода к вопросу обеспечения их прав, свобод и законных интересов во всех субъектах Российской Федерации.

Примерно аналогичная ситуация в отношении лиц, освобожденных условно-досрочно. «Контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным органом» (ч. 6 ст. 79 УК РФ). Однако, как известно, со времени принятия УК РФ в 1996 г. такой орган не образован. Так стоит ли удивляться высокому уровню рецидива преступлений со стороны этих лиц? В указанном аспекте вызывает вопросы и институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Закон об административном надзоре не согласован с положениями смежных нормативных актов (УК РФ, УИК РФ, КоАП РФ). Закон закрепил упрощенную модель наблюдения за ранее судимыми, при которой действия государственных органов ограничены лишь установлением запретов и возложением обязанностей в отношении поднадзорных.

Главное, что отсутствует в законе об административном надзоре, – это идея ресоциализации. Необходимо сделать так, чтобы административный надзор не являлся исключительно регрессивной, «полицейской мерой» [4, с. 45]. Субъект надзора должен оказывать помощь в получении общего и профессионального образования, жилья, трудоустройстве, организации лечения, общении с другими государствами и муниципальными структурами и т. п. [5, с. 126; 6, с. 67; 8, с. 218]. «К сожалению, приходится констатировать, что решению данных вопросов Закон об административном надзоре не уделяет внимания» – замечает Т. М. Калинина [4, с. 45].

Практически получается, что постпенитенциарное предупреждение преступлений не является предметом какой-либо конкретной одной отрасли права. Хотя из содержания Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года следует, что этот период в жизни бывшего осужденного является предметом уголовно-исполнительной политики. Однако эта

политика не получает своего материального воплощения, позиции ее в значительной степени остаются декларативными. Таким образом, «ни исполнительные органы местной администрации, ни ОВД, ни руководители предприятий или организаций не отвечают за неоказание помощи гражданам, нуждающимся в социальной адаптации. Отсюда многие негативные последствия как для граждан, вынужденных добывать средства к существованию, нередко неправомерным путем, так и для всего общества в целом, страдающего антиобщественным образом жизни» [7, с. 45].

Рассмотрение уголовно-исполнительных норм с точки зрения их криминологической обоснованности позволяет сделать вывод о том, что реализация некоторых из них в полной мере или частично зависит от субъективного усмотрения администрации исправительного учреждения.

Они не обеспечены каким-либо процедурами, позволяющими более активно применять такие нормы. В решении вопроса об их применении не принимают участия независимые эксперты из числа членов общественной наблюдательной политики, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, членов комиссий по вопросам помилования, образованных на территории регионов, и др. Это в полной мере касается норм, направленных на профилактику и предупреждение преступлений со стороны осужденных и иных лиц, профилактику нарушений осужденных во время отбывания наказания, постпенитенциарную адаптацию (административный надзор), а также норм, регламентирующих судимость, предоставляющих возможность отбывать наказания на его последней стадии вне исправительного учреждений, и др.

Список литературы

1. Головастова Ю. А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений : монография. Рязань, 2010. 156 с.
2. Гришко А. Я. Уголовно-исполнительный закон: декларации и реалии, необходимость в обновлении // Омбудсмен. 2014. № 2. С. 6–9.
3. Емельянов Н. С. Криминологическое исследование конфликтов с участием осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2015. 217 с.
4. Калинина Т. М. Понятие и юридическая природа административного надзора // Административное право и процесс. 2013. № 8. С. 44–47.
5. Клипов С. А. Контроль за лицами, освобожденными из исправительных учреждений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 234 с.
6. Радько Н. Л. Персонифицированный полицейский надзор : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 194 с.
7. Ракицкий А. П. Система социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы: состояние, проблемы, перспективы // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности в современных условиях : материалы Междунар. конф. (Минск, 28 марта 2013 г.). Минск, 2014. С. 42–46.
8. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 431 с.
9. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52. Ч. 1. Ст. 7007.
10. Хуторская Н. Б. Содержание осужденных к лишению свободы с учетом европейских стандартов // Осужденные, содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 июля 2012 г. / под общ. ред. Ю. И. Калинина; под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2012. С. 814–818.

NELLI ALEKSANDROVNA ZININA,

chief specialist of the normative work of the legal support department
(The main center of the engineering and communications of the FPS of Russia),
e-mail: mity123@mail.ru

MISALIGNMENT OF THE NORMS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE LAW, AS A FACTOR THAT REDUCES THEIR PREVENTIVE MAINTENANCE

Annotation: domestic penal legislation contains a number of provisions that are directly aimed at the prevention of crimes, both during incarceration, and after release from further serving. This article analyzes the factor of the error in the norms of the criminal-Executive and its impact on precautionary function in the enforcement

of sentences. The declarative nature of some of the penal regulations due purely administrative approach in their application. Unfortunately, in practice, often there was no established procedure for the implementation of such standards to the maximum extent objectivity allowed to use them. This fully applies to regulations aimed at preventing crimes and other offences by prisoners. The declarative nature of certain norms of penal law, reducing their role of criminological ensues, including the fact that efforts to inform prisoners about their legal position is not given due attention by the administration of the establishments executing criminal penalties. The author provides research-based criteria reduces preventive function of the criminal-Executive legislation, the article argues for the need to harmonize data standards within and on inter-sectoral level. Special attention is paid to the Institute of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty, since the law on administrative supervision is inconsistent with the provisions of related regulations. The problem of this institution that in its original form it is purely regressive measure, and its essence is to consolidate a simplified model of surveillance for early judged under which the actions of public authorities limited only by establishing prohibitions and the imposition of duties in a supervised.

The main thing that is missing in the act administrative supervision is the idea of resocialization, the effectiveness of the Institute must be induced by an oversight, which should assist in obtaining General and vocational education, housing, employment, treatment, communication with other States and municipal structures and etc.

Analysis of national legislation leads us to the conclusion that ex-offenders crime prevention is not the subject of any one specific branch of law.

Key words: criminological relevance, crime prevention, resocialization who has completed a criminal sentence, criminal responsibility, correctional institutions.

References

1. Golovastova Ju.A. Osuzhdennyj kak sub'ekt ugovovno-ispolnitel'nyh pravootnoshenij [Convicted person as a subject of criminal-txecutive relations]. Ryazan, 2010, 156 p.
2. Grishko A. Ja. Ugolovno-ispolnitel'nyj zakon: deklaracii i realii, neobhodimost' v obnovlenii [Penal law: declarations and realities, the need to update]. Ombudsmen – Ombudsman, 2014, no. 2, pp. 6–9.
3. Emel'janov N. S. Kriminologicheskoe issledovanie konfliktov s uchastiem osuzhdennyh. Dis. kand. jurid. nauk [Criminological research conflicts involving prisoners. Cand. legal sci. diss.]. Ryazan, 2015, 217 p.
4. Kalinina T. M. Ponjatie i juridicheskaja priroda administrativnogo nadzora [Concept and the legal nature of administrative supervision]. Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Procedure, 2013, no. 8, pp. 44–47.
5. Klipov S. A. Kontrol' za licami, osvoboždennymi iz ispravitel'nyh uchrezhdenij. Dis. kand. jurid. nauk [Control of persons released from correctional institutions. Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2012, 234 p.
6. Rad'ko N. L. Personificirovannyj policejskij nadzor. Dis. kand. jurid. nauk [Personalized police surveillance. Cand. legal sci. diss.]. Omsk, 2009, 194 p.
7. Rakickij A. P. Sistema social'noj adaptacii lic, osvoboždajushhihsja iz mest lishenija svobody: sostojanie, problemy, perspektivy [The system of social adaptation of persons released from places of deprivation of liberty: state, problems, prospects]. Materialy mezhdunar. konf. «Ispolnenie ugovovnyh nakazanij i inyh mer ugovovnoj otvetstvennosti v sovremennyh uslovijah» [Proc. the International Conference «Enforcement of criminal penalties and other measures of criminal liability in modern conditions»]. Minsk, 28 March 2014, pp. 42–46.
8. Rybak M. S. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody: problemy teorii i praktiki. Dis. d-ra jurid. nauk [Resocialization of convicts to imprisonment: theory and practice. Dr. legal sci. diss.]. Saratov, 2001, 431 p.
9. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 442-FZ «Ob osnovah social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» [The Federal Law of the Russian Federation from December, 28th, 2013, № 442-FZ «On social services to the citizens of the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Collection of Laws of the Russian Federation, 2013, no. 52, art. 7007.
10. Hutorskaja N. B. Soderzhanie osuzhdennyh k lisheniju svobody s uchetom evropejskih standartov [Contents sentenced to deprivation of liberty according to European standards]. Osuzhdennye, soderzhashhiesja pod strazhej v Rossii. Po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, soderzhashhihsja pod strazhej 12–18 ijulja 2012 g. [Convicted persons detained in Russia. Based on materials from the special census of prisoners and persons detained 12–18 July 2012]. Under the editorship of Ju. I. Kalinin, V. I. Seliverstov. Moscow, 2012, pp. 814–818.

УДК 343.2
ББК 67.409.09
К19

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ КАНКИШЕВ,
заместитель начальника 19 отдела
(ГУМВД России по г. Москве),
e-mail: editor62@yandex.ru

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Реферат: проблемы противодействия преступности несовершеннолетних постоянно находятся в центре внимания правовой науки. Уголовная статистика в последнее время свидетельствует о крайне неблагоприятных тенденциях преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. К сожалению, кризисные явления в жизни нашего общества дают основания прогнозировать их сохранение на протяжении достаточно длительного периода, что обязывает юридическую науку, законодателя и правоприменительную практику искать пути повышения эффективности противодействия преступности несовершеннолетних. В качестве одного из основных направлений этой деятельности следует рассматривать совершенствование уголовно-правовых мер, применяемых к несовершеннолетним, виновным в совершении преступлений.

В статье содержится анализ ст. 90–92 УК РФ, предусматривающих освобождение несовершеннолетнего от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Кроме того, с учетом выявленных пробелов и противоречий законодательного регулирования специальных видов освобождения от наказания несовершеннолетних высказываются предложения по их устранению.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, несовершеннолетний, принудительные меры воспитательного воздействия, уголовный закон, освобождение от наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 87 УК РФ прежде чем назначать несовершеннолетнему уголовное наказание необходимо рассмотреть возможность применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Вместе с тем судебная статистика свидетельствует о незначительном применении к несовершеннолетним лицам принудительных мер воспитательного воздействия.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, принудительные меры воспитательного воздействия в качестве основания освобождения несовершеннолетнего от наказания применялись в 2010 г. – 1397 раз; 2011 – 1023; 2012 – 961; 2013 – 707 и в 2014 г. – 453 раза. Такая ситуация, конечно, не соответствует принципам гуманизма и экономии мер уголовно-правовой репрессии.

Эпизодическое применение рассматриваемых мер указывает на существование факторов, сдерживающих их применение. По нашему убеждению, сложившееся положение в судебной практике обусловлено, прежде всего, наличием большого количества пробелов в законодательной регламентации рассматриваемого института уголовного права. Это подтверждается и другими критическими замечаниями, систематически появляющимися в юридической литературе по данному вопросу [1–4].

Необходимо отметить, что по сравнению с УК РСФСР действующий Уголовный кодекс РФ содержит более узкий перечень видов принудительных мер воспитательного воздействия, порядок расположения которых четко выдержан в системе – от менее строгих мер воспитательного воздействия к более строгим и включает в себя: предупреждение; передачу под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 90 УК РФ). В этот перечень не вошли такие меры, как возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему; объявление выговора или строгого выговора; передача несовершеннолетнего под наблюдение трудового коллективу, общественной организации с их согласия, а также отдельным гражданам по их просьбе, указанные в УК РСФСР (ст. 63).

Содержание упомянутых видов принудительных мер воспитательного воздействия раскрывается в ст. 91 УК РФ. В соответствии с ч. 1 данной статьи предупреждение состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступления.

Мы не поддерживаем такую позицию законодателя. Дело в том, что согласно действующему уголовному законодательству применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему не влечет за собой судимости, поэтому указанная формулировка о повторном совершении преступления выглядит не вполне корректной.

К числу наиболее часто применяемых принудительных мер воспитательного воздействия в России относится передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Часть 2 ст. 90 УК РФ устанавливает, что передача под надзор заключается в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо не специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением.

Тем не менее к применению данной принудительной меры следует относиться весьма осторожно. Как показывает судебная практика, такая передача возможна только в том случае, если родители или лица, их заменяющие, способны обеспечить не только надзор за поведением несовершеннолетнего, но и положительное воспитательное влияние на него. Для этого необходимо истребовать характеризующий материал, проверить условия жизни родителей, возможность материального обеспечения подростка, атмосферу взаимоотношений в семье, отношения с несовершеннолетним и т. д. Более того, несмотря на то что закон не требует согласия родителей или лиц, их заменяющих, на передачу им несовершеннолетнего под надзор, желательно, чтобы такое согласие судом было получено.

По понятным причинам нецелесообразно передавать под надзор несовершеннолетних лицам, которые ранее привлекались к уголовной ответственности по ст. 150, 151, 156, 157 УК РФ.

Закон предусматривает двух субъектов, которым может быть поручен надзор за несовершеннолетним:

- 1) родители (лица, их заменяющие);
- 2) специализированный государственный орган (предпочтение ему отдается тогда, когда родители или лица, их заменяющие, не способны или не согласны исполнять обязанность по надзору за несовершеннолетним).

К сожалению, законодатель при регламентации рассматриваемого института не раскрывал понятие «специализированный государственный орган», что следует отнести к числу недостатков.

Статья 92 УК РФ предусматривает возможность освобождения от наказания несовершеннолетнего

путем назначения ему принудительной меры воспитательного воздействия в виде возложения обязанности загладить причиненный вред.

Обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков (ч. 3 ст. 91 УК РФ).

Однако изучение конкретных уголовных дел показало, что материальный ущерб, причиненный вследствие преступления, как правило, возмещался в ходе предварительного следствия законными представителями, либо путем возврата похищенного имущества.

Кроме того, очевидным пробелом является отсутствие в уголовном законодательстве указания на сроки возложения обязанности загладить причиненный вред. Данное обстоятельство фактически лишает специализированный государственный орган возможности контролировать исполнение налагаемой на подростка обязанности.

Одна из наиболее строгих принудительных мер воспитательного воздействия – ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Указанная мера предусматривает запрет на посещение определенных мест, использование определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, пребывание вне дома после определенного времени суток, выезд в другие местности без разрешения специализированного государственного органа, а также требование возвратиться в образовательное учреждение либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа (ч. 4 ст. 91 УК РФ).

Перечень требований, предъявляемых к досугу несовершеннолетнего и его поведению в случае применения к нему этой меры воспитательного воздействия, не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию, что может привести к нарушению конституционных прав и свобод несовершеннолетнего.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, законодатель не учел, что расширительному толкованию в уголовном праве могут подвергаться лишь обстоятельства, смягчающие ответственность. Здесь же имеются в виду ограничения, которые способны существенно нарушить, урезать права и свободы несовершеннолетнего [5–7].

Следовательно, открытый круг правоограничений способен перевести ограничение досуга из ранга воспитательных мер в меру наказания, что недопустимо. Указанный перечень следует прямо и однозначно очертить на законодательном уровне.

Таким образом, содержательная сторона почти всех принудительных мер воспитательного воздействия требует нового, более качественного исполнения.

Определенные трудности, по нашему мнению, может вызвать процедура их назначения в порядке, определенном ч. 1 ст. 92 УК РФ.

В первую очередь настораживает неопределенность относительно оснований применения принудительных мер воспитательного воздействия. Если исходить из формулировки ч. 1 ст. 92 УК РФ, то принудительные меры воспитательного характера выступают в качестве основания освобождения от наказания несовершеннолетних при условии совершения преступления небольшой или средней тяжести.

Однако мы считаем, что в основе выбора той или иной меры воздействия должны лежать прежде всего индивидуальные особенности личности несовершеннолетнего преступника (нравственно-психологические, физиологические, социально-ролевые), а не объективные обстоятельства (категория преступления).

Вывод суда о возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия должен быть основан на совокупности объективных и субъективных данных, характеризующих не только общественно опасное деяние, но и личность подростка как не представляющую большой общественной опасности, а также на внешних по отношению к деянию и личности подростка факторах. О возможности исправления без применения уголовного наказания могут свидетельствовать такие обстоятельства, как положительное поведение подростка до совершения преступления, возмещение ущерба, активная помощь при раскрытии преступления, надлежащие условия для воспитания подростка в семье, учебном заведении, на работе и др.

Еще один вопрос, требующий своего законодательного разрешения, – это вопрос о том, носит ли освобождение от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия обратимый характер или нет?

В ч. 4 ст. 90 УК РФ имеется оговорка о том, что при систематическом неисполнении несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются в суд для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Однако в данном случае речь ведется о применении принудительных мер воспитательного воздействия в порядке, определенном ч. 1 ст. 90 УК РФ, то есть при освобождении от уголовной ответственности. Статья 92 УК РФ, регламентирующая порядок освобождения от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, никаких ссылок на указанное законодательное положение не содержит.

Порядок исполнения мер, перечисленных в ч. 2 ст. 90 УК РФ, фактически отдан на усмотрение лиц, которых суд должен определить в качестве осуществляющих надзор за исполнением. Вряд ли такое положение в отношении такой особой категории, как подростки, можно считать приемлемым.

Действующая редакция ст. 90–92 УК РФ не позволяет однозначно решить вопрос о правовой природе помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием. Помимо того, что эта мера назначается крайне редко, суды, даже при наличии достаточных оснований для ее применения, в большинстве случаев отдают предпочтение условному осуждению. Подобная практика, видимо, объясняется отсутствием у суда реальной возможности отменить принудительные меры воспитательного воздействия и прибегнуть к наказанию в случае, если несовершеннолетний систематически их не исполняет, так как данный вид освобождения от наказания является безусловным.

Итак, анализ нормативно-правовой базы и практики применения принудительных мер воспитательного воздействия свидетельствует о необходимости скорейшей их перестройки. В противном случае заложенный в них огромный потенциал принудительно-воспитательного воздействия так и останется невостребованным.

Список литературы

1. Яковлева Л. Новый порядок освобождения несовершеннолетних от наказания // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 29.
2. Щепельков В. Ф. Конструирование и применение норм об уголовной ответственности несовершеннолетних // Правоведение. 2003. № 4. С. 135.
3. Иванов В., Иванов П. Понятие и правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2004. № 3. С. 32–34.
4. Зарипов З. С., Дементьева И. В. К вопросу создания ювенальной юстиции в России и Узбекистане // Человек: преступление и наказание. 2009. № 3. С. 139.

5. Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М., 1968. С. 42.
6. Жалинский А. Э. О методологических основаниях уголовного права // Уголовное право. 2007. № 3. С. 20.
7. Невский В. В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. Домодедово, 1998. С. 42.

EVGENY DMITRIYEVICH KANKISHEV,

deputy chief of the 19th department,

(General directorate of ministry of internal affairs of Russia in Moscow),

e-mail: editor62@yandex.ru

SPECIAL RELEASE FROM PUNISHMENT OF MINORS: LEGAL REGULATION PROBLEMS AND ENFORCEMENT

Annotation: the problems of counteraction of juvenile delinquency are constantly in the focus of legal science. Criminal statistics in recent years indicates an extremely unfavorable trends in juvenile crime in the Russian Federation. Unfortunately, the crisis in our society give reason to predict their preservation for a sufficiently long period of time, it requires jurisprudence, lawmakers and law enforcement to seek ways to improve the effectiveness of counter juvenile delinquency. As one of the main directions of this activity should be considered improving criminal-law measures applied to juveniles convicted of crimes.

The article contains an analysis of Art. 90, 91 and 92 of the Criminal Code of the Russian Federation, providing for exemption from punishment of a minor in connection with the application of compulsory educational measures. Identify gaps and contradictions in the legislative regulation of specific types of exemption from punishment of minors, makes suggestions for their elimination.

Key words: criminal liability, punishment, minor compulsory educational measures, a criminal law, exemption from punishment.

References

1. Jakovleva L. Novyj porjadok osvobozhdenija nesovershennoletnih ot nakazanija [A new procedure for the release of minors from punishment]. Rossijskaja justicija – Russian justice, 2002, no. 5, p. 29.
2. Shhepel'kov V. F. Konstruirovanie i primenenie norm ob ugovolnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih [The design and application of the rules on criminal liability of minors]. Pravovedenie – Jurisprudence, 2003, no. 4, p. 135.
3. Ivanov V., Ivanov P. Ponjatie i pravovaja priroda prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstvija [The concept and the legal nature of compulsory educational measures]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2004, no. 3, pp. 32–34.
4. Zaripov Z. S., Dement'eva I. V. K voprosu sozdanija juvenil'noj justicii v Rossii i Uzbekistane [On the development of the juvenile justice system in Russia and Uzbekistan]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2009, no 3, p. 139.
5. Babaev M. M. Individualizacija nakazanija nesovershennoletnih [Customization punishment of minors]. Moscow, 1968, p. 42.
6. Zhalinskij A. Je. O metodologicheskikh osnovanijah ugovolnogo prava [Methodological foundations of criminal law]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2007, no 3, p. 20.
7. Nevskij V. V. Teorija i praktika ispolnenija ugovolnyh nakazanij v otnoshenii nesovershennoletnih [The theory and practice of penal juvenile]. Domodedovo, 1998, p. 42.

УДК 343.36
ББК 67.408.143
К31

ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ КАШИН,
помощник судьи
(Солнечногорский городской суд Московской области),
e-mail: oleg_vk@mail.ru

ПОДКУП КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СКЛОНЕНИЯ, ВОВЛЕЧЕНИЯ И ВЕРБОВКИ В СТАТЬЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реферат: в статье рассматриваются такие термины, используемые в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), имеющие по своей сути сходство с подстрекательством, как «склонение», «вовлечение», «вербовка», анализируются соответствующие составы преступлений. Способы анализируемых криминальных деяний в уголовном законе практически не раскрываются, подкуп в их числе не указывается. Правоприменительная практика на этот счет не имеет однозначной позиции. В юридической литературе вопрос о подкупе как о проявлении склонения, вовлечения и вербовки в статьях Особенной части УК РФ не изучен. При этом его разрешение имеет существенное теоретико-прикладное значение, поскольку позволяет дать научную оценку определению «подкуп» как многоаспектному понятию и правильную юридическую оценку содеянному.

Автор обосновывает положение о том, что жесткое разделение терминов «склонение», «вовлечение», «вербовка» нецелесообразно. Склонение, являющееся подстрекательством к совершению преступления, в Общей и Особенной частях УК РФ имеет одинаковую суть. Вовлечение и склонение в уголовно-правовом смысле не различаются и могут включать в себя вербовку. Склонение, вербовка и вовлечение по своей сущности не исключают их совершение посредством подкупа. Подкуп может выступать проявлением данных деяний, входящих в объективную сторону составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, в качестве способа их совершения. Анализ статей Особенной части УК РФ показал, что подкуп возможен в отношении как преступных, так и не преступных деяний.

В статье отмечается, что обособление в ч. 1 ст. 184 УК РФ подкупа и склонения некорректно. Закрепление совместно в диспозициях норм Особенной части УК РФ при описании объективной стороны состава преступления терминов «склонение», «вербовка» и «вовлечение» (ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2) излишне.

Ключевые слова: подкуп, склонение, вовлечение, вербовка, подстрекательство к совершению преступления, способ совершения преступления.

В статьях Особенной части УК РФ законодатель использует ряд терминов, имеющих по своей сути сходство с подстрекательством: «склонение», «вовлечение», «вербовка», которые не исключают использование такого способа, как подкуп.

Термин «склонение» употребляется в пяти статьях Особенной части УК РФ: ст. 184 «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации».

Данный термин наиболее близок определению «подстрекатель к преступлению», которое дается в ч. 4 ст. 33 УК РФ (подстрекателем признается ли-

цо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем...). В соответствии с толковым словарем склонить – значит убедить в необходимости какого-либо поступка, решения [1, с. 712].

Следует обратить внимание на то, что в четырех из пяти составов речь идет о склонении к совершению преступных деяний: ч. 1 ст. 184, в ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2. При этом способы склонения в уголовном законе не раскрываются. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» в качестве примера приводятся такие способы, как уговоры, убеждение, просьба, предложение (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применение физического воздействия, поиск лиц [2].

Очевидно то, что подкуп как способ склонения лица к совершению указанных преступных деяний может иметь место, поскольку склонение, являющееся подстрекательством к совершению преступления, в Общей и Особенной частях УК РФ обладает одинаковой сущностью. Есть отличия лишь в квалификации. Исключением является ч. 1 ст. 184 УК РФ, так как законодатель в данной норме обособил подкуп и склонение, что, на наш взгляд, некорректно.

В ст. 230 УК РФ законодатель криминализировал склонение к действиям, которые сами по себе не являются преступлением, – потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. За указанные действия предусмотрена административная ответственность в ст. 6.9, 20.20, 20.22 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» определяется, что склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ лицом, на которое оказывается воздействие [3]. Иными словами, перечень способов склонения в данном случае может быть достаточно широким. Сам правоприменитель не указывает его исчерпывающе. При этом возможны ситуации, когда лицо склоняется к потреблению указанных средств и веществ посредством предоставления денег, иных материальных ценностей. Данное склонение содержит элементы подкупа к совершению действий, содержащих признаки административного правонарушения (ст. 6.9 КоАП РФ).

Термин «вовлечение» среди рассматриваемых терминов является самым распространенным. Он используется в восьми статьях Особенной части УК РФ: ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией», ст. 242 «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», ст. 242.2 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порногра-

фических материалов или предметов», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества», ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации».

При этом в пяти из восьми составов речь идет о вовлечении лица в преступную деятельность: ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 205.1, ч. 2 ст. 242, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, в трех составах – в действия, не содержащие признаков преступления. Так, в ч. 1 ст. 151 УК РФ говорится о вовлечении несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в ч. 1 ст. 240 – о вовлечении лица в занятие проституцией, в ч. 1 ст. 242.2 – о привлечении несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера, совершенном лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Несмотря на то что законодатель использует здесь несколько иной термин, в данной статье речь идет о вовлечении. Термин «вовлечь» и «привлечь» являются синонимичными. Это следует, в том числе из их толкования: вовлечь – побудить, привлечь к участию в чем-нибудь [1, с. 85], привлечь – побудить принять участие в чем-нибудь [1, с. 587].

Следует отметить, что способы вовлечения раскрываются только в ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления». В ч. 1 данной статьи в качестве таковых указываются обещания, обман, угрозы или иные способы. Перечень не является исчерпывающим. В ч. 3 ст. 150 говорится о вовлечении с применением насилия или с угрозой его применения. В п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» поясняется, что под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Такие действия могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий [4]. Ни законодатель, ни правоприменитель прямо не указывают в перечне действий, образующих вовлечение, подкуп. Возможен ли он при вовлечении? По нашему представлению, на этот вопрос вполне можно дать утвердительный

ответ, так как вовлечение и склонение по своей сути в уголовно-правовом смысле не различаются.

В юридической литературе имеется и другое мнение на этот счет. Например, В. Л. Кудрявцев считает, что склонение является разновидностью вовлечения [5]. На наш взгляд, использование того или иного термина определяется законодательной техникой, удобством конструкции, так как склонить можно к чему-либо (к совершению преступления и т. д.), а вовлечь – куда-либо (к участию в преступлении, деятельности преступной группы и т. д.).

Как и в случае со склонением, при вовлечении в действия, которые сами по себе не являются преступными, вполне может использоваться подкуп.

Термин «вербовка» нашел отражение в пяти статьях УК РФ: ст. 127.1 «Торговля людьми», ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества», ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации», ст. 359 «Наемничество». Сущность данного деяния в указанных уголовно-правовых нормах не раскрывается. На страницах юридических изданий указывается, что под вербовкой следует понимать действие, направленное на то, чтобы потерпевший дал добровольное согласие наняться на работу, склонение к определенной деятельности путем уговора, обмана или другого способа [6], действия, направленные на достижение соглашения о трудоустройстве, выполнении каких-либо работ или оказании услуг [7]. О подкупе как способе вербовки практически не говорится.

В п. «а» ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, указывается, что термин «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа, в виде платежей или выгод для по-

лучения согласия лица, контролирующего другое лицо [8]. В данном определении в числе иных действий указывается вербовка, с которой увязывается и один из способов – подкуп.

Вполне очевидно, что подкуп в качестве способа вербовки нисколько не противоречит сущности этого деяния, а напротив, как правило, предполагается. В пользу этого говорит и примечание к ст. 359 УК РФ, устанавливающей ответственность за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях, в котором раскрывается понятие наемника как лица, действующего в целях получения материального вознаграждения.

Мы не сторонники жесткого разделения терминов «склонение», «вовлечение», «вербовка», поскольку они являются близкими по своей сущности. В пользу этого свидетельствует несколько фактов. Во-первых, любой из этих терминов допускает возможность подкупа. Во-вторых, правоприменитель совершенно четко исходит из обобщенного (единого) понимания данных терминов [9]. В-третьих, законодатель в диспозициях трех норм Особенной части УК РФ при описании объективной стороны состава преступления совместно закрепляет данные термины: ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2. Термин «иное вовлечение» используется как обобщающий, но, как уже мы уже отмечали, между склонением и вовлечением условная разница. При этом и тот и другой могут включать в себя вербовку. В связи с этим их закрепление в одной норме является излишним.

Таким образом, склонение, вербовка и вовлечение по своей сущности не исключают их совершение посредством подкупа. Подкуп может выступать проявлением данных деяний, входящих в объективную сторону составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, в качестве способа их совершения. Анализ статей Особенной части УК РФ показал, что подкуп возможен в отношении преступных, так и не преступных деяний.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 712.
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февр. 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.
4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

5. Кудрявцев В. Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21–25.

6. Долголенко Т. В. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 127.1 УК РФ, – торговлю людьми – и соотношение состава этого преступления с другими преступлениями // Современное право. 2010. № 1. С. 95–99.

7. Чупрова А. Ю. Вербовка как способ торговли людьми // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2. С. 182–184.

8. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 4. Ст. 3884.

9. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февр. 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

OLEG VALER'EVICH KASHIN,

assistant to the judge,

(Solnechnogorsky city court of the Moscow region),

e-mail: oleg_vk@mail.ru

BRIBING AS DISPLAY DECLINE, INVOLVEMENT AND RECRUITMENT ARTICLE OF THE CRIMINAL CODE

Annotation: the article considers such terms used in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, have essentially similar incitement as «decline», «engagement», «recruitment», analyzes the relevant offenses. Methods analyzed criminal acts in the criminal law hardly disclosed, bribery among them is not specified. Law enforcement practice in this regard has no clear position. In legal literature, the question of bribery as a manifestation of decline, involvement and recruitment in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation has not been studied. Moreover, its resolution is of great theoretical and practical importance because it allows you to give a scientific assessment of bribery as a multidimensional concept and correct legal assessment of the offense.

The author substantiates the position that the rigid division of the terms «decline», «engagement», «recruitment» is inappropriate. Declination, which incitement to commit a crime in general and specific parts of the Criminal Code has the same essence. Involvement and the decline in the criminal law sense do not differ, and may include recruitment. Declination, the recruitment and involvement in its essence does not exclude their commission through bribery. Bribery may be a manifestation of these acts within the objective side of the crimes provided for by the Special Part of the Criminal Code as a way in which they occurred. Analysis of articles of the Criminal Code of the Russian Federation indicated that bribery is possible as a relatively crime, and non-criminal acts.

The article notes that the separation of Art. 184 of the Criminal Code of bribery and inducement correctly. In the description of the objective side of the crime in a disposition by a special section of the Criminal Code (part 1 Art. 205.1, part 1.1, Art. 282.1, part 1.1 art. 282.2) together properly secured, the terms «decline», «recruitment» and «engagement» .

Key words: bribery, inducement, involving recruitment, incitement to commit a crime, modus operandi.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian language]. Moscow, 1994, p. 712.

2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 fevralja 2012 g. № 1 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugovolnym delam o prestuplenijah terroristicheskoj napravlenosti» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from February, 9th, 2012, № 1 «On some issues of judicial practice in criminal cases involving crimes of a terrorist nature»]. Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2012, no. 4.

3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 ijunja 2006 g. № 14 «O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svjazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi,

sil'nodejstvujushhimi i jadovitymi veshhestvami» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from February, 9th, 2012, № 1 «On some issues of judicial practice in criminal cases involving crimes of a terrorist nature»]. Bjul'teten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2006, no. 8.

4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 fevralja 2011 g. № 1 «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentirujushhego osobennosti ugovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from February, 1st, 2011, № 1 «On judicial practice of application of legislation regulating features of criminal responsibility and punishment of minors»]. Bjul'teten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2011, no. 4.

5. Kudrjavcev V. L. Sklonenie, verbovka ili inoe vovlechenie lica kak al'ternativnye dejstviya ob'ektivnoj storony sodejstvija terroristicheskoj dejatel'nosti [The decline, recruitment or other involvement of a person as an alternative actions the objective side of facilitating terrorist activities]. Advokat – Lawyer, 2012, no. 5, pp. 21–25.

6. Dolgolenko T. V. Ugolovnaja otvetstvennost' za prestuplenie, predusmotrennoe stat'ej 127.1 UK RF, – trgovlju ljud'mi – i sootnoshenie sostava jetogo prestuplenija s drugimi prestuplenijami [Criminal liability for an offense under Article 127.1 of the Criminal Code – trafficking in human beings – and the composition ratio of the crime to other crimes]. Sovremennoe pravo – Modern law, 2010, no. 1, pp. 95–99.

7. Chuprova A. Ju. Verbovka kak sposob trgovli ljud'mi [The recruitment as a way of human trafficking]. «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve – «Black holes» in Russian legislation, 2007, no. 2, pp. 182–184.

8. Protokol o preduprezhdenii i presechenii trgovli ljud'mi, osobenno zhenshhinami i det'mi, i nakazanii za nee, dopolnjajushhij Konvenciju Organizacii Ob'edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti [Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, especially Women and Children, and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Collection of Laws of the Russian Federation, 2004, no. 4, Art. 3884.

9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 fevralja 2012 g. № 1 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugovnym delam o prestuplenijah terroristicheskoj napravlenosti» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on February 9, 2012 № 1 «On some issues of judicial practice in criminal cases involving crimes of a terrorist nature»]. Bjul'teten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2012, no. 4.

УДК 343.85
ББК 67.51
МЗ1

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА МАСЛЕННИКОВА,
документовед учебного отдела
(Академия ФСИН России),
e-mail: caterina.maslennickova@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦ, БОЛЬНЫХ ХРОНИЧЕСКИМ АЛКОГОЛИЗМОМ

Реферат: в статье рассматриваются меры, применяемые к лицам, которые в состоянии алкогольного опьянения совершают преступления. Выделяются четыре группы таких мер, их основная цель – предупреждение преступлений и излечение таких лиц от алкоголизма. Первая группа предусматривает предоставление социального обслуживания лицам с алкогольной зависимостью; участие органов полиции совместно с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, больными алкоголизмом; доставление граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, в медицинские организации; участие участковых уполномоченных полиции в выявлении лиц, вовлекающих несовершеннолетних в употребление спиртных напитков; ограничение дееспособности граждан, которые вследствие злоупотребления спиртными напитками ставят свою семью в тяжелое положение; профессиональные запреты. Вторая группа мер относится к лицам, совершившим преступления, но освобожденным на определенных условиях: условное осуждение к лишению свободы с возложением обязанности пройти курс лечения от алкоголизма; продление испытательного срока; отмена условного осуждения. В третью группу входят меры, применяемые к осужденным, отбывающим следующие виды наказания: обязательное лечение; постановка на профилактический учет; установление административного надзора в отношении осужденного, освобождаемого из мест лишения свободы; признание злостными нарушителями осужденных, уклоняющихся от обязательного лечения; нераспространение применения условно-досрочного освобождения, перевода в колонию-поселение, амнистии, помилования к осужденным, признанным злостными нарушителями; изменение условий отбывания наказания. В четвертую группу мер входят продолжение антиалкогольного лечения лиц, не закончивших обязательное лечение; установление административного надзора в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы; обязательное лечение в учреждениях органов здравоохранения; предоставление различных социальных услуг. Таким образом, вопросы исполнения наказаний в отношении осужденных, больных алкоголизмом; предупреждения преступлений, совершаемых указанной категорией лиц, необходимо рассматривать сквозь призму единой системы профилактических мер. По действующему уголовно-исполнительному законодательству осужденные, больные алкоголизмом, могут находиться не в равных правовых реалиях. По нашему мнению, следует разработать в инструкции о порядке исправления осужденных к лишению свободы четкое определение категорий осужденных, больных алкоголизмом, которые направляются в лечебные исправительные учреждения (ЛИУ). Считаем, что недостаточно изучен вопрос о предназначении ЛИУ, его статусе и что на ЛИУ должны возлагаться функции методических центров.

Ключевые слова: меры, лица, больные алкоголизмом, предупреждение преступлений, обязательное лечение, лечебное исправительное учреждение, уголовно-исполнительное законодательство.

Системное изучение уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, истории развития мер медицинского характера, применяемых к осужденным, больным алкоголизмом, анализ научных точек зрения, сопоставление национального законодательства с соответствующим законодательством и практикой его применения в государствах ближнего и дальнего зарубежья, анализ личностных особенностей осужденных изучаемой категории приводят к выводу о необходимости систематизации средств и мер, применяемых к осужденным, больным алкоголизмом. При этом такие средства и меры должны быть сопоставимы с мерами предупреждения преступлений, совершаемых

лицами на почве алкогольного опьянения, и с мерами по реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, к которым применялось обязательное лечение от алкоголизма.

Такая система, по нашему мнению, должна предусматривать четыре группы мер, направленных, с одной стороны, на предупреждение преступлений со стороны указанных лиц, с другой – на излечение их от алкоголизма.

К первой группе следует отнести следующие меры, предусмотренные действующим законодательством:

– предоставление возможности социального обслуживания лиц с алкогольной зависимостью, то

есть социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-трудовых, социально-правовых услуг в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»;

– участие органов полиции совместно с органами здравоохранения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами, больными алкоголизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений (п. 35 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»);

– доставка граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации; доставка по письменному заявлению граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции находящихся совместно с ними в жилище граждан в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу (п. 14 ст. 13 Федерального закона «О полиции»);

– участие участковых уполномоченных полиции в выявлении лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков, пресечение их деятельности в пределах компетенции, а также информирование об указанных лицах представителей соответствующих подразделений полиции (п. 37.24 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденного приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166);

– ограничение дееспособности граждан, которые вследствие злоупотребления спиртными напитками ставят свою семью в тяжелое материальное положение (ч. 1 ст. 30 СК РФ), и другие гражданско-правовые меры (ст. 31, 35, 39 ГК РФ);

– профессиональные запреты, предусмотренные административным, трудовым, семейным и иным законодательством.

Считаем, что данная группа должна быть дополнена такой мерой, направленной на профилактику преступлений и иных правонарушений, совершаемых лицами на почве алкоголизма, уклоняющимися

от добровольного противоалкогольного лечения, как направление их на принудительное лечение, осуществляемое в административном порядке.

Вторую группу составляют меры, применяемые к лицам, совершившим преступления, но освобожденным на определенных условиях от отбывания наказания:

– условное осуждение к лишению свободы с возложением обязанности пройти курс лечения от алкоголизма (ч. 5 ст. 73 УК РФ) [1, с. 143–144];

– продление испытательного срока при условном осуждении (ч. 2 ст. 74 УК РФ) в случае уклонения от выполнения обязанности пройти курс лечения от алкоголизма;

– отмена условного осуждения в случае систематического невыполнения обязанности пройти курс лечения от алкоголизма (ч. 3 ст. 74 УК РФ).

Данная система, на наш взгляд, должна быть дополнена такой мерой, как отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденному, признанному больным алкоголизмом, совершившему впервые преступление небольшой или средней тяжести (за исключением преступлений против личности) на почве алкоголизма и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от алкоголизма, а также медико-социальную реабилитацию (по аналогии с отсрочкой отбывания наказания больным наркоманией – ст. 82.1 УК РФ).

К сожалению, законодатель не распространил данную меру на исследуемую категорию осужденных [2, с. 36]. «Наркомания и алкоголизм имеют единые патогенетические механизмы формирования, единый стереотип развития. Их профилактика, в том числе медико-социальная реабилитация на недобровольной основе, строятся по единым стратегиям, осуществляются одними и теми же специалистами и одними и теми же организационными структурами, поэтому и организационно, и экономически, и методологически более целесообразно создавать единую (общую) нормативно-правовую базу и организационные формы и методологические подходы к реализации альтернативного лечения правонарушителей с алкогольной и наркотической зависимостью» [3].

Действительно, с медицинской точки зрения и согласно Международной классификации болезней МКБ-10 и алкоголизм, и наркомания относятся к группе психических и поведенческих расстройств вследствие злоупотребления психоактивными средствами [4]. Справедливо в связи с этим замечание О. А. Буркиной и А. И. Кузнецова: «Ставя приоритетной задачей борьбу с наркоманией, законодатель «забыл» о не менее серьезной проблеме – пьянстве в Российской Федерации» [5]. Это проявилось в том числе в Федеральном законе

от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данным Законом были внесены дополнения в Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». В нем, в частности, закреплены определения понятий «лечение больных наркоманией»; «реабилитация больных наркоманией» (ст. 1).

Направления государственной политики в сфере оборота наркотических средств, а также в области противодействия ему дополнено направлением: «побуждение больных наркоманией к лечению от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации, а также побуждение лиц, эпизодически потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, к прохождению профилактических мероприятий» (п. 2 ст. 4).

То, что необходимость адаптации приведенных новелл имеет самое непосредственное отношение к лицам, больным алкоголизмом, не вызывает сомнения. Это относится и к другой новелле, установленной Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Речь идет о дополнении УК РФ новой статьей следующего содержания: «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией. 1. При назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных колоний или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию» (ст. 72).

Законодательный опыт зарубежных стран также свидетельствует о том, что в них нет разделения на больных алкоголизмом и больных наркоманией при применении отсрочки отбывания наказания (УК ФРГ и др.).

В третью группу включаются меры, применяемые к осужденным, отбывающим следующие виды наказаний:

- применение обязательного лечения к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, лечебных исправительных учреждениях (по нашему мнению, в последних должны отбывать наказание в первую очередь осужденные, уклоняющиеся от обязательного лечения в исправительных учреждениях);

- постановка на профилактический учет склонных к употреблению спиртных напитков; признанных нуждающимися в лечении от алкоголизма

(п. 24 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72);

- установление административного надзора в отношении осужденного, освобождаемого из мест лишения свободы, уклоняющегося от обязательного лечения от алкоголизма (ст. 173.1 УИК РФ);

- признание уклонения от обязательного лечения от алкоголизма злостным нарушением осужденным установленного порядка отбывания наказания (п. 1 ст. 116 УИК РФ);

- нераспространение применения условно-досрочного освобождения, перевода в колонию-поселение, амнистии, помилования к осужденным, признанным злостными нарушителями режима отбывания наказания, в случае уклонения от обязательного лечения от алкоголизма;

- изменение условий отбывания наказания [6, с. 24].

В четвертую классификационную группу входят следующие меры постпенитенциарного характера:

- продолжение антиалкогольного лечения лиц, не закончивших обязательное лечение во время отбывания наказания, в наркологических учреждениях органов здравоохранения;

- установление административного надзора в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, в случае признания их злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания; в отношении лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, уклоняющихся от обязательного лечения;

- обязательное лечение в учреждениях органов здравоохранения после двукратного письменного предупреждения в течение одного года о недопустимости такого поведения;

- предоставление различных социальных услуг (социально-бытовых, социально-медицинских, социально-наркологических, социально-трудовых) в первую очередь лицам, больным алкоголизмом, освободившимся из мест лишения свободы.

Таким образом, повышение эффективности исполнения обязательного лечения, применяемого к осужденным, больным алкоголизмом, в местах лишения свободы возможно, с одной стороны, посредством действия системы социальных лифтов, с другой – четким определением сути данного уголовно-исполнительного института, его места в структуре основных средств исправления осужденных и в системе учреждений и органов, оказывающих наркологическую помощь населению. Все это должно быть закреплено на законодательном и нормативно-правовом уровне. Правовое и организационное со-

вершенствование данного института будет способствовать улучшению его реализации.

Вопросы исполнения наказаний в отношении осужденных, больных алкоголизмом, предупреждения преступлений, совершаемых указанной категорией лиц, должны рассматриваться через призму единой системы профилактических мер. Такая система должна охватывать все категории лиц, больных алкоголизмом: правопослушных, которым наркологическая помощь оказывается на добровольной основе; совершивших административные проступки; совершивших преступление и осужденных к лишению свободы; осужденных к наказаниям без изоляции от общества; освобожденных от дальнейшего отбывания наказания и отказывающихся от добровольного лечения от алкоголизма.

Важным с точки зрения обеспечения прав осужденных, больных алкоголизмом, является концептуально-законодательное закрепление места лечебных исправительных учреждений в системе учреждений, исполняющих наказания. По действующему уголовно-исполнительному законодательству осужденные, больные алкоголизмом, могут находиться не в равных правовых реалиях. Если такой осужденный отбывает наказание в исправительной колонии, то на него распространяется норма жилой площади не менее 2 м², в тюрьмах – 2,5 м², в лечебных исправительных учреждениях – 3 м² (ч. 1 ст. 99 УИК РФ). «Четкое предназначение ЛИУ... в законе не прописано, хотя упоминание, что меры медицинского характера в отношении осужденных должны осуществляться в этих учреждениях, подчеркнуло бы специфику их деятельности и показало реальное отличие от исправительных колоний», – отмечает С. Н. Латынин. «В настоящее

время в системе УИС действует «размытая» система лечебных учреждений (подразделений):

- 1) ЛИУ, действующие как самостоятельные учреждения;
- 2) ЛПУ, функционирующие как самостоятельные учреждения;
- 3) ЛПУ, функционирующие при ЛИУ;
- 4) ЛПУ, действующие при иных ИУ;
- 5) медицинские части, функционирующие как структурные подразделения ЛИУ;
- 6) медицинские части, действующие как структурные подразделения ЛИУ;
- 7) медицинские части, функционирующие как филиалы ЛПУ.

Таким образом, актуальным остается вопрос о месте лечебных учреждений... среди других учреждений УИС, а также об определении их статуса» [7, с. 15]. В этом отношении инструкция о порядке исправления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их перевода из одного исправительного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения должна более конкретно определить категории осужденных, больных алкоголизмом, которые направляются в лечебные учреждения.

На наш взгляд, на лечебные исправительные учреждения должны быть возложены также функции методических центров, которые разрабатывали бы рекомендации для различных служб исправительных учреждений по проведению индивидуальной воспитательно-профилактической работы с осужденными.

Список литературы

1. Чернышов В. В. Исполнение наказаний в виде лишения свободы в отношении осужденных, больных наркоманией : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008. 214 с.
2. Перемолотова Л. Ю. Преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 149 с.
3. Шишков С., Клименко Т. Замечания к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части, касающейся ст. 82 прим. УК РФ и ст. 178 прим. УИК РФ). URL : <http://www.narcom.ru/publ/info/923/>.
4. Международная классификация болезней МКБ-10. URL : <http://www.mkb10.ru/?class=5&bloc=65>.
5. Буркина О. А., Кузнецов А. И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения // Наркоконтроль. 2013. № 4. С. 7.
6. Гришко А. Я. Принципы гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 24.
7. Латынин С. Н. К вопросу о месте лечебных учреждений среди других учреждений уголовно-исполнительной системы // Юрист юга России и Закавказья. 2013. № 1. С. 15.

EKATERINA ALEKSANDROVNA MASLENNIKOVA,
document specialist of educational department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: caterina.maslennickova@yandex.ru

**CLASSIFICATION OF MEASURES OF THE PREVENTION OF CRIMES
OF THE PERSONS SICK WITH CHRONIC ALCOHOLISM**

Annotation: the article describes the measures applied to persons in a state of alcoholic intoxication commit crimes. The author distinguishes four groups of such measures, whose main aim is the prevention of crime and the cure of such persons from alcoholism. The article reveals each group of measures. The first group involves the presentation of social care to persons with alcohol dependence; the involvement of the police in conjunction with health authorities in monitoring those patients with alcoholism; the conveyance of citizens in public places in an alcohol intoxication, in a medical organization; the involvement of local police officers in identifying individuals who involve minors in the use of alcoholic beverages; limitation of legal capacity who, due to alcohol abuse I put my family in a difficult position; professional bans. The second group of measures relates to the perpetrators of the crime, but released under certain conditions: probation to imprisonment with an obligation to undergo treatment for alcoholism; extension of the probationary period; cancellation of conditional condemnation. The third group includes measures applied to prisoners serving sentences: mandatory treatment; statement on the preventive account; establishing administrative supervision of the convicted, released from places of deprivation of liberty; the recognition of malignant violators of the convicts who evade compulsory treatment; the proliferation of the use of parole, transfer to a colony-settlement, Amnesty, pardon to convicted recognized worst offenders; changing the conditions of serving the sentence. The fourth group of measures includes: the continuation of anti-alcohol treatment of persons who have not completed compulsory treatment; the establishment of administrative supervision of persons released from places of imprisonment; mandatory treatment in the institutions of the health authorities; the provision of various social services. Thus, the author believes that the study of issues: the enforcement of penalties against convicted persons, patients with alcoholism; prevention of crimes committed by the specified category of persons, must be viewed through the prism of a single, integrated system of preventive measures. Under current penal law convicts, alcoholics may not be equal in legal education. According to the author, it is necessary to develop in the instruction about the procedure for correction of convicts to imprisonment a clear definition of the categories of convicts, alcoholics, which are sent to medical institutions. A clear purpose LIU the law does not stipulate. Thus, the author believes that not enough is known about the purpose of LIU, his status. In the author's opinion on LIU must devolve the functions of the resource centers.

Key words: measures, persons suffering from alcoholism, crime prevention, mandatory treatment, medical correctional facility, the criminal-executive legislation.

References

1. Chernyshov V. V. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh, bol'nykh narkomaniej. Dis. kand. jurid. nauk [The execution of a sentence of imprisonment in respect of convicts, drug addicts. Cand. legal sci. diss.]. Ryazan, 2008. 214 p.
2. Peremolotova L. Yu. Prestupleniya sovershaemye v sostoyanii alkogol'nogo op'yaniya (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty). Dis. kand. jurid. nauk [Crimes committed in a state of drunkenness (criminal law and criminological aspects). Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2002. 149 p.
3. Shishkov S., Klimenko T. Zamechaniya k projektu Federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii» (v chaste, kassyusheysya st. 82 prim UK RF I st. 178 prim UIK RF) [Comments on the draft federal law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and on-sensible acts of the Russian Federation» (as regards Art. 82 note. The Criminal Code and Art. 178 note. Criminal executive Code of the Russian Federation)]. Available at: <http://www.narcom.ru/publ/info/923/>.
4. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya bolezney MKB-10 [International classification of diseases ICD-10]. Available at: <http://www.mkb10.ru/?class=5&bloc=65>.
5. Burkina O. A., Kuznetsov A.I. . Otsrochka otbyvaniya nakazaniya bolnym narkomanieya: problem primeneniya [Postponement of punishment to drug addicts: problems of application]. Narkokontrol' – Drug control, 2013, no. 4, p. 7.
6. Grishko A. Ya. Printsipy gumanizma i demokratizma v ugolovno-ispolnitel'noy prave [The principles of humanism and democracy in the penal law]. Ugolovno-ispolnitel'noye pravo – Penal law. 2014, no. 2, p. 24.
7. Latynin S. N. K voprosu o meste lechebnykh uchrezhdeniy sredi drugikh uchrezhdeniy ugolovno – ispolnitel'noy sistemy. [To the question about the place of medical institutions other institutions of the penal system]. Yurist yuga Rossii i Zakavkazya – Lawyer southern Russia and the Caucasus, 2013, no. 1, p. 15.

УДК 343.8
ББК 67.409.01
О-88

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Вологодский институт права и экономики ФСИН России),
e-mail: onishchirina@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, ИМЕЮЩИХ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Реферат: осужденные женщины, имеющие детей, сталкиваются с рядом проблем при осуществлении родительских прав. Это выражается прежде всего в ограничении или лишении возможности лично заниматься воспитанием детей, не только проживающих с родственниками, но и находящихся в доме ребенка при исправительном учреждении, так как им не предоставляется право совместного проживания с детьми. Кроме того, дома ребенка имеются далеко не при каждом женском исправительном учреждении.

Необходимо в интересах ребенка пересмотреть концепцию раздельного содержания детей и матерей в местах лишения свободы. Для этого необходимо создавать специальные помещения. Желательно, чтобы данные общежития находились вне территории исправительного учреждения, а женщинам предоставлялось право передвижения без конвоя. В связи с этим требует корректировки ст. 96 УИК РФ.

Для осужденных женщин можно также практиковать выходы за пределы колонии для посещения вместе с ребенком театров, парков, магазинов и т. д. С этой целью необходимо внести изменения в ст. 97 УИК РФ.

Длительное пребывание женщины в местах лишения свободы приводит к наступлению психологического кризиса, что негативным образом отражается на ребенке, поэтому считаем необходимым отменить строгие условия отбывания наказания для женщин, осужденных к лишению свободы, и внести соответствующие изменения в ст. 87 и 120 УИК РФ.

Необходимо сделать все для того, чтобы создать благоприятную для ребенка обстановку в исправительных учреждениях, обеспечить должный уход за женщинами, имеющими там малолетних детей. Следует также применять особые меры по оказанию поддержки матери и ребенку, когда наступает момент освобождения.

Важно обеспечить осужденным женщинам возможность поддерживать контакты с детьми, оставленными на свободе. Таким женщинам должно быть разрешено на короткий срок покинуть исправительное учреждение для общения с их семьями.

К вопросу лишения осужденных женщин родительских прав суды нередко подходят формально, в связи с чем материнские права осужденных женщин практически не учитываются.

Ключевые слова: осужденные женщины, дети, охрана здоровья, интересы ребенка, развитие ребенка, осуществление родительских прав, дом ребенка при исправительном учреждении, совместное проживание матери с ребенком, свидания, лишение родительских прав.

Женщина, осужденная к лишению свободы, вне зависимости от условий изоляции в соответствии с российским законодательством имеет родительские права в отношении ребенка, проживающего отдельно от нее. Такой родитель имеет право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решение вопросов получения ребенком образования (ст. 66 Семейного кодекса РФ).

Согласно статистическим данным, полученным в ходе нашего исследования, осужденные женщины, имеющие 1 ребенка, составляют 34 %, от 2 до 5 детей – 32, более 5 детей – 5 и не имеющие детей – 29 % от общего числа осужденных женщин.

Между тем у женщин, находящихся в местах лишения свободы, возникают трудности в реализа-

ции своих прав и обязанностей по воспитанию ребенка. Так, они лишены возможности лично заниматься воспитанием детей и обеспечивать контроль за их учебной, поведенческой, организовывать их досуг, принимать активное участие в формировании характера, интересов, хотя наиболее действенным средством осуществления родительских прав и обязанностей является их собственное положительное поведение, свидетельствующее об их исправлении [2, с. 24]. Общение с детьми таким женщинам возможно преимущественно через письма, телефонные переговоры, краткосрочные и длительные свидания. В соответствии со ст. 89 УИК РФ им также могут предоставляться длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток.

Результаты статистических данных, полученных в ходе анкетирования осужденных к лишению свободы женщин, имеющих малолетних детей, свидетельствуют о том, что осужденные женщины поддерживают отношения со своими детьми следующим образом: перепиской – 58 %, посылками, бандеролями, подарками – 8, свиданиями – 27, а не общаются с детьми – 7 %.

В то же время длительное пребывание женщины в местах лишения свободы приводит к наступлению психологического кризиса, в результате которого женщина совершает немотивированные поступки, резко меняет свое поведение в худшую сторону или впадает в состояние апатии. Многие женщины за годы нахождения в исправительном учреждении теряют связи с близкими, утрачивают жилье, вследствие чего возникает психоэмоциональная нагрузка [4, с. 59].

Нельзя забывать и того, что в местах лишения свободы часто нарушаются права женщин на личную неприкосновенность, унижается их человеческое достоинство, нарушаются репродуктивные и материнские права. От жестокости, грубости и бесправия страдают все заключенные, но особенно пагубно такие условия влияют на женщин, у которых в период нахождения в условиях изоляции нередко случаются нервные и психические расстройства здоровья, заметно огрубляются нравы, деформируются психика и сознание, теряется чувство социальной значимости, что приводит к постепенной деградации личности. От содержания в исправительных учреждениях женщины получают душевно-психическую травму, и оправиться от нее им очень сложно. Все это негативным образом отражается на ребенке как во время беременности, так и после его рождения.

Мы согласны с мнением С. А. Кацубы, что беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, следует в большей степени назначать обязательные и исправительные работы, так как в период отбывания данных видов наказания женщина обычно сохраняет привычные для себя условия жизнедеятельности (дом, семейно-родственные связи и т. п.) и имеет возможность для ухода за своим ребенком и общения с ним [6, с. 24]. Считаем, что необходимо отменить строгие условия отбывания наказания для женщин, осужденных к лишению свободы, и внести соответствующие изменения в ст. 87 и 120 УИК РФ.

При осуществлении исправительного воздействия в отношении осужденных женщин следует также учитывать интересы и благополучие ребенка. Это подразумевает, в частности, что уход за беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей в исправительном учреж-

дении, должен быть обеспечен на таком же уровне, что и в обществе в целом. В настоящее время нередко должного ухода за указанными категориями осужденных женщин в исправительных учреждениях не осуществляется. Конституционное право на охрану здоровья осужденных женщин не всегда реализуется в местах лишения свободы по ряду причин, в том числе из-за отсутствия необходимых для оказания медицинской помощи лекарственных препаратов и медицинских работников с соответствующей специализацией. Централизованных поставок медикаментов в женские исправительные колонии недостаточно, поэтому не все требования закона, направленные на охрану здоровья осужденных женщин, реализуются в полной мере на практике. Медицинские части исправительных учреждений нередко недостаточно оснащены технически и материально, а также не в полной мере укомплектованы специалистами. Кроме того, в женских исправительных учреждениях необходимо учитывать пол потенциальных пациентов медицинских служб [7, с. 123].

Представляется, что следует сделать все для того, чтобы создать благоприятную для ребенка обстановку в исправительных учреждениях, ориентируясь на его интересы, а также чтобы они не сталкивались с явными признаками условий изоляции.

Одновременно необходимо заботиться о нормальном развитии двигательных и познавательных навыков детей в исправительных учреждениях. В частности, они должны иметь достаточные условия для игр и физических занятий в учреждении, а также, если это возможно, выходить за пределы учреждения, чтобы побывать в привычной обстановке на свободе [3, с. 84].

Осужденные женщины могут помещать в дома ребенка исправительных учреждений своих детей, общаться с ними в свободное от работы время. Однако в исправительной колонии общего режима в отношении осужденных женщин имеется проблема организации домов ребенка. Число женских исправительных колоний с функционирующими при них детскими домами недостаточно, в связи с чем женщины, имеющие детей, направляются для отбывания наказания далеко от постоянного места жительства. Данное обстоятельство играет дополнительную негативную роль, разрушая семейные и социальные связи осужденных, осложняя процесс их ресоциализации. Это способствует разрыву психологической связи матери и ребенка, а также снижает у женщин чувство ответственности за уход и воспитание ребенка. В связи с этим нередко после отбывания наказания мать оставляет своего ребенка в детском доме.

Осужденным женщинам может быть разрешено совместное проживание с детьми. В соответствии с ч. 1 ст. 100 УИК РФ начальники исправительных учреждений имеют право разрешить женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, совместно проживать с ними в домах ребенка. Однако, как правило, бытовые условия в домах ребенка не дают возможности реализовать данное право, несмотря на то что совместное проживание матерей с детьми способствует развитию материнских чувств, повышает ответственность осужденной за свою судьбу и судьбу ребенка, создает предпосылки для более успешной ресоциализации [1, с. 47].

Необходимо в контексте социальной справедливости и в интересах прав ребенка пересмотреть концепцию раздельного содержания детей и матерей в местах лишения свободы. Считаем, что следует обеспечивать совместное содержание матери и ребенка при любых условиях. Необходимо создавать специальные помещения для совместного проживания в них женщин и детей. Желательно, чтобы данные общежития находились вне территории исправительного учреждения, а женщинам предоставлялось право передвижения без конвоя или сопровождения. В связи с этим требует корректировки ст. 96 УИК РФ. Организуя совместное проживание женщин и их детей, можно влиять на формирование и развитие материнских чувств у женщин, отбывающих наказание, и создавать предпосылки для того, чтобы после окончания срока наказания матери ребенок остался с ней. Полагаем, что совместное проживание с матерями позитивно скажется на развитии малышей и будет способствовать профилактике сиротства.

В Германии, например, решение о совместном проживании ребенка с осужденной матерью принимается в интересах ребенка и позволяет не разлучать с матерью ребенка, даже достигшего школьного возраста.

Для женщин, отбывающих лишение свободы и имеющих детей в домах ребенка при исправительном учреждении, можно практиковать выходы за пределы колонии для посещения вместе с ребенком детских театров, аттракционов, магазинов и т. д. С этой целью необходимо внести изменения в ст. 97 УИК РФ.

Участие родственников в общении с ребенком за пределами учреждения также может способствовать его воспитанию, например, со стороны отца. Если это невозможно, следует рассмотреть вопрос о направлении ребенка в ясли, что позволит осужденной матери более активно заниматься трудовой и иной деятельностью в исправительном учреждении.

Развитие ребенка не должно ограничиваться лишь потому, что его мать находится в исправительном учреждении. Кроме того, следует применять особые меры по оказанию поддержки матери и ребенку, когда наступает момент освобождения. Необходимо осуществлять контроль не только за освободившейся женщиной, но и за развитием и здоровьем ребенка, оказывать помощь в жилищном обустройстве, устройстве ее на работу и помещении ребенка в ясли или детсад.

Особенно важно обеспечить осужденным женщинам, имеющим детей, возможность поддерживать контакты с детьми, оставленными на свободе. При каждой возможности таким женщинам должно быть разрешено на короткий срок покинуть исправительное учреждение для общения с их семьями. Срок таких свиданий должен быть не менее трех дней, не считая времени, потраченного на дорогу. Если дети приходят на свидание в исправительное учреждение, то должны быть предоставлены максимальные возможности для контактов и уединения. Во время свиданий матерей с детьми всегда должна быть возможность для их физических контактов. Нежелательно делать такие свидания закрытыми или не допускающими контактов, используя какие-либо экраны или барьеры, отделяющие детей от матерей. Особенно важное значение для осужденных женщин имеют длительные свидания с семьей, поэтому по возможности следует разрешить свидание на целый день. Любые меры безопасности, связанные с обыском посетителей, должны осуществляться с максимальным учетом интересов ребенка.

«Осуществление материнства в исправительном учреждении – это парадокс отношений женщин в обществе и в местах лишения свободы. Женщина, не будучи лишена материнских прав, не имеет возможности жить со своим ребенком. Считается, что женщины, родившие в исправительном учреждении или уже попавшие туда с ребенком, – это потерянные для общества люди, детей они рожают только для того, чтобы улучшить свои условия, и поэтому они не стоят внимания. Поэтому детей нужно держать отдельно от них, в связи с чем материнские права осужденных женщин практически не учитываются» [5, с. 139].

Примерно так же обстоит дело и с лишением родительских прав, поскольку суды нередко подходят к решению этого вопроса формально, основываясь на том, что если человек осужден, то он не склонен к исправлению и положительным поступкам.

В процессе судебного заседания выясняется, имеются ли основания, предусмотренные ст. 69 Семейного кодекса РФ, для лишения родительских

прав; нет ли оснований для возбуждения в отношении родителей уголовного дела; взысканы ли ранее на ребенка алименты; имеется ли вина родителей; не страдают ли они психическим заболеванием; можно ли надеяться на изменение поведения родителей и улучшение их отношения к детям.

Проанкетированные женщины, осужденные к лишению свободы и имеющие малолетних детей, указывают, что 10 % из них лишены родительских прав, 26 – ограничены в родительских правах, а 64 % – обладают родительскими правами в полном объеме.

Удовлетворяя требование о лишении родительских прав обоих родителей, суд должен передать детей на попечение органам опеки и попечительства, которые обязаны определить, кто будет заботиться об их дальнейшей судьбе. Если родительских прав лишен один из родителей, дети остаются у другого.

Согласно полученным нами данным, дети осужденных женщин находятся: с родственниками – 33 %, в детском доме – 10, с мужем – 12, под опекой (попечительством) – 13, усыновлены – 5, имеют иное местонахождение – 27 %.

Семейный кодекс РФ допускает возможность восстановления родительских прав, возвращения ребенка родителям, у которых он был отобран, если их образ жизни и отношение к воспитанию ребенка существенно изменились в лучшую сторону. Предоставляя такую возможность, законодатель-

ство поощряет исправление правонарушителей, выполняя тем самым стимулирующую функцию семейно-правовой ответственности. Осужденные женщины в процессе отбывания наказания могут своим поведением доказать, что они изменились. Это в основном выражается в переписке, посылке подарков ребенку и других подобных действиях.

Однако, по полученным нами результатам, большинство осужденных женщин финансово не поддерживают своих детей (84 %), финансово поддерживают в размере 25 % дохода – 8 %, в размере 33 % и 50 % – по 3 %, в ином размере – 2 % осужденных женщин.

Таким образом, осужденные женщины, имеющие детей, сталкиваются с рядом проблем при осуществлении родительских прав. Это выражается прежде всего в ограничении или лишении их возможности лично заниматься воспитанием детей, не только проживающих с родственниками, но и находящихся в доме ребенка при исправительном учреждении, так как им не предоставляется право совместного проживания с детьми. Кроме того, дома ребенка имеются далеко не при каждом женском исправительном учреждении.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии ряда направлений совершенствования регулирования и реализации прав женщин, осужденных к лишению свободы, имеющих малолетних детей.

Список литературы:

1. Батищева Е. В. Роль и основные направления социальной работы с женщинами, находящимися в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4. С. 47.
2. Водолазский Б. Ф. Психологические особенности личности осужденного : монография. Омск, 1982. 32 с.
3. Волкова Т. Н. Проблемы отбывания наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 130 с.
4. Гадаева И. Р. Особенности работы с осужденными женщинами в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Женские исправительные учреждения: время реформ : сб. материалов Всерос. семинара «Реформа системы через реформу сознания» руководителей женских исправительных и воспитательных колоний (Краснодар, 2–3 апр. 2001 г.). М., 2001. С. 59.
5. Кадушкин С. А. Особенности правового положения при исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин // Право и образование. 2001. № 4. С. 139.
6. Кацуба С. А. Особенности назначения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, по Уголовному кодексу РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4. С. 24.
7. Минстер М. В. Проблемы охраны здоровья женщин, содержащихся в местах лишения свободы // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 3. С. 123.

IRINA SERGEEVNA ONISHCHENKO,
lecturer of the civil disciplines department
(Vologda institute of law and economics of the FPS of Russia),
e-mail: onishchirina@mail.ru

SOME ISSUES OF REGULATION AND REALIZATION OF RIGHTS OF WOMEN SENTENCED TO IMPRISONMENT WHO HAVE UNDERAGE CHILDREN

Annotation: convicted women who have children face a number of problems while realizing their parental rights. It becomes apparent, first of all, that mothers are often restricted or deprived of opportunity to bring up

their children personally, not only those who live with relatives, but also those who are at the child house of the correctional facility, as they are not given the right to live with their children together. Besides, not all correctional facilities for women have a child house.

In the child's interests it is necessary to review the concept of separate living of convicted mothers and their children. To achieve this goal it is necessary to build up special apartments. It is desirable that these apartments would be situated outside the correctional facility and that these women could go outside without guard. That's why it is necessary to correct article 96 of the Penal code of Russia.

We can also let convicted women go outside the colony to visit with their children theatres, parks, shops, etc. That's why it is necessary to correct article 97 of the Penal code of Russia.

Long imprisonment of women leads to a psychological crisis that has a negative effect on the child. That's why we think it is necessary to abrogate strict conditions of serving a sentence for convicted women and to correct articles 87 and 120 of the Penal code of Russia.

It is necessary to do our best to create favourable conditions for a child at correctional facilities, convicted women who have underage children there, should be taken due care of. It is also necessary to take special measures to support a mother and a child when a mother is being released.

It is also important to provide convicted women an opportunity to keep in touch with their children who are at liberty. These women should be allowed to leave the correctional facility for a short time to meet their families.

Courts often treat the issue of parental rights of convicted women termination formally, thus parental rights of convicted women are practically not taken into account.

Key words: convicted women, children, health protection, child interests, child development, realization of parental rights, child house at the correctional facility, joint living of a mother and a child, meetings, termination of parental rights.

References

1. Batischeva E.V. Rol i osnovnye napravleniya sotsialnoy raboty s zhenshinami, nakhodyaschimisya v mestakh lisheniya svobody [Role and main directions of social work with women sentenced to imprisonment]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute, 2007, no. 4, p. 47.
2. Vodolazskiy B. F. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti osuzhdennogo [Psychological features of criminal's personality]. Omsk, 1982, 32 p.
3. Volkova T.N. Problemy otbyvaniya nakazaniya i resotsializatsii zhenshin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody. Diss. kand. jurid. nauk [Problems of serving a sentence and resocialization of women sentenced to imprisonment. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1995, 130 p.
4. Gadaeva I.R. Osobennosti raboty s osuzhdennymi zhenshinami v usloviyakh reformirovaniya ugolovno-ispolnitelnoy sistemy [Distinctive features of work with convicted women under the penal system reforming conditions]. Sbornik materialov Vserossiyskogo seminara «Reforma sistemy cherez reformu soznaniya» rukovoditeley zhenskikh ispravitelnykh i vospitatel'nykh koloniy «Zhenskie ispravitelnye uchrezhdeniya: vremya reform» [Proc. the materials of the All-Russian workshop «Reform of the system through reform of conscience» of penal and juvenile correctional colonies for women directors «Correctional facilities for women: the time of reforms» (Krasnodar, 2–3 April, 2001)]. Moscow, 2001, p. 59.
5. Kadushkin S.A. Osobennosti pravovogo polozheniya pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh zhenshin [Distinctive features of legal position while women sentenced to imprisonment are serving sentences]. Pravo i obrazovanie – Law and education, 2001, no. 4, p. 139.
6. Katsuba S.A. Osobennosti naznacheniya nakazaniya beremennym zhenshinam i zhenshinam, imeyushim maloletnikh detey, po Ugolovnomu kodeksu RF [Distinctive features of imposition of penalty to expectant mothers and women who have underage children according to the Criminal code of the Russian Federation]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute, 2007, no. 4, p. 24.
7. Minster M.V. Problemy okhrany zdorovya zhenshin, soderzhaschikhsya v mestakh lisheniya svobody [Problems of health protection of women kept in prisons]. Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chita State University, 2009, no. 3, p. 123.

УДК 343.9
ББК 67.409.021
Ф33

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ФЕДОРОВ,
начальник юридической службы
(Академия ФСИН России),
e-mail: fvel@ya.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Реферат: эффективность деятельности государственных органов и учреждений зависит от их нормального функционирования, то есть от осуществления ими своих функций и полномочий в точном соответствии с нормативными актами и руководящими документами, строгом соблюдении требований законности на всех этапах такой деятельности. Однако довольно часто порядок их деятельности нарушается в связи с совершением в процессе его реализации различных преступных посягательств, что влечет за собой широкий спектр негативных последствий.

От нормального функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, зависит реализация целей и задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в связи с чем существует необходимость изучения их деятельности в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

Совокупность общественных отношений, возникающих в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, наделяет исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы как общими, так и специфическими признаками объекта уголовно-правовой охраны. Деятельность таких учреждений может выступать в качестве самостоятельного объекта преступного посягательства, совершаемого со стороны лиц, отбывающих наказание, а также работников уголовно-исполнительной системы и иных лиц. Во всех случаях негативные последствия преступных посягательств или угроза таких последствий будут распространяться на деятельность как уголовно-исполнительной системы в целом, так и конкретного исправительного учреждения, в котором исполняется (отбывается) уголовное наказание, работников УИС, осужденных, а также иных субъектов общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Общественные отношения, возникающие в процессе исполнения уголовного наказания, включают в себя взаимосвязанные между собой элементы: субъекты (исправительные учреждения, работники уголовно-исполнительной системы, осужденные и др.) и соответствующие предметы материального мира, в отношении которых и возникают эти отношения в процессе исполнения наказания (порядок исполнения наказания; жизнь, здоровье, личные права и свободы работников УИС и осужденных и др.).

По результатам рассмотрения признаков общественных отношений, возникающих в процессе реализации уголовного наказания в виде лишения свободы, приводится формулировка понятия нормальной деятельности исправительных учреждений, исполняющих данный вид наказания, как объекта уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны, общественные отношения, уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, лишение свободы, деятельность учреждений, уголовно-правовые средства.

В условиях экономического кризиса одним из направлений стабилизации функционирования государственных органов является обеспечение снижения финансовых затрат в процессе осуществления ими своей деятельности и одновременное повышение ее эффективности.

Повышение эффективности деятельности государственных учреждений возможно только при их нормальном функционировании, то есть осуществлении ими своих функций и полномочий в точном соответствии с нормативными актами и руководя-

щими документами, строгом соблюдении требований законности на всех этапах такой деятельности.

Однако реалии действительности таковы, что довольно часто порядок деятельности государственных органов и учреждений нарушается в связи с совершением в процессе его реализации различных преступных посягательств, что влечет за собой широкий спектр негативных последствий например, таких как физический, моральный и материальный вред, дополнительные затраты человеческих и временных ресурсов, нарушение ритма

работы государственных учреждений и снижение авторитета их деятельности.

Для обеспечения нормального функционирования государственных органов и реализации стоящих перед ними целей и задач государство на законодательном уровне закрепило систему специальных правовых средств и механизмов. Одним из видов таких средств являются уголовно-правовые средства, содержащиеся в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

В ст. 2 УК РФ законодатель определил задачи уголовного законодательства:

– охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств;

– обеспечение мира и безопасности человечества;

– предупреждение преступлений.

Однако, несмотря на закрепление в вышеуказанной статье УК РФ основных объектов уголовно-правовой охраны, назвать данный перечень исчерпывающим было бы ошибочным. Из содержания Особенной части УК РФ мы видим, что в ст. 2 Кодекса перечислены не все объекты, охрана которых является задачей уголовного права [1, с. 44]. Многогранность жизненных отношений формирует гораздо более широкий перечень объектов, находящихся под уголовно-правовой охраной государства, и только результаты детального анализа всей совокупности уголовно-правовых норм позволяют сформировать наиболее полное представление о нем.

Общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (УИС), ввиду своей особой специфичности и государственной значимости образуют сложную и многогранную структуру.

От нормального функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, зависит реализация целей и задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в связи с чем, по нашему мнению, необходимо рассмотреть уголовно-исполнительную систему в целом и исправительные учреждения в частности в качестве самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны.

В теории уголовной науки под объектом уголовно-правовой охраны понимаются общественные отношения, составляющие социальную ткань бытия людей, их любого сообщества, в том числе государства [2, с. 19; 3, с. 61]. В структуре любого

общественного отношения можно выделить несколько обязательных элементов:

1) его участники;

2) предметы (блага), по поводу которых оно возникло и существует;

3) взаимосвязь между его участниками и предметами [3, с. 61].

Совокупность общественных отношений, возникающих в процессе исполнения уголовных наказаний, наделяет уголовно-исполнительную систему, ее учреждения и органы как общими, так и специфическими признаками объекта уголовно-правовой охраны. В рамках реализации деятельности по достижению целей наказания в УИС возникают отношения между государством в лице органов, исполняющих наказание, лицами, отбывающими наказание, и иными лицами по поводу применения наказания как меры государственного принуждения в отношении лица, совершившего преступление [4, с. 14–15].

Специфичность общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, особенности совершаемых в отношении их преступных посягательств, причин и условий таких посягательств, личности преступников и потерпевших, а также особый характер профилактической работы, направленной на пенитенциарный рецидив, сформировали в отечественной науке самостоятельное учение – криминопенологию, выделенную из общей криминологии [5, 6, 7], что еще раз свидетельствует о самостоятельности рассматриваемых нами общественных отношений в качестве объекта защиты уголовно-правовыми средствами.

Особенности УИС как объекта уголовно-правовой охраны определяются спецификой правового статуса как самой системы, так и ее учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, которая определена в виде поставленных перед уголовно-исполнительным законодательством целей и задач.

В соответствии со ст. 1 УИК РФ основными целями российского уголовно-исполнительного законодательства являются:

– исправление осужденных;

– предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Указанные цели, в свою очередь, соотносятся с положениями ч. 2 ст. 43 УК РФ, которая определяет в качестве целей применения уголовного наказания восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Подобное совпадение вполне объяснимо, поскольку уголовный

закон является базовой и материальной основой уголовно-исполнительного закона [8, с. 9].

В качестве задач уголовно-исполнительного законодательства в УИК РФ закреплены:

- регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний;
- определение средств исправления осужденных;
- охрана их прав, свобод и законных интересов;
- оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

Наряду с вышеуказанными особенностями правовой статус УИС характеризуется также тем, что УИС и деятельность входящих в нее исправительных учреждений могут выступать в качестве самостоятельных объектов преступного посягательства, совершаемого как со стороны лиц, отбывающих наказание, так и со стороны работников уголовно-исполнительной системы, а также иных лиц. Во всех случаях негативные последствия преступных посягательств (или угроза таких последствий) будут распространяться на деятельность УИС в целом, деятельность конкретного учреждения, в котором исполняется (отбывается) уголовное наказание, работников УИС, осужденных, а также иных субъектов общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Еще одним немаловажным признаком общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения уголовного наказания как объекта уголовно-правовой охраны, является их строгая регламентация на уровнях федерального и ведомственного законодательства, вследствие чего деятельность исправительных учреждений по исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы осуществляется в соответствии с нормативными требованиями, имеет определенный порядок, структуру и алгоритм действий конкретных должностных лиц, определенных на основании целей и задач соответствующих структурных подразделений учреждения.

Деятельность учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны неразрывно связана с комплексом уголовно-правовых средств, направленных на обеспечение нормального функционирования таких учреждений, реализацию процесса исполнения наказания в виде лишения свободы в строгом соответствии с целями и задачами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В качестве уголовно-правовых средств, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, выступают нормы Общей (ст. 32, 37, 38, 56, 57, 79, 80

и др.) и Особенной (ст. 313, 314, 321 и др.) частей УК РФ, от надлежащего применения которых зависит эффективность деятельности как конкретных исправительных учреждений, так и уголовно-исполнительной системы в целом, а также достижение целей и выполнения задач уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

По результатам проведенного нами анализа общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения уголовного наказания исправительными учреждениями уголовно-исполнительной системы, можно сделать вывод о наличии у них признаков объекта уголовно-правовой охраны. Такие общественные отношения включают в себя взаимосвязанные между собой субъекты (исправительные учреждения, работники уголовно-исполнительной системы, осужденные и др.) и соответствующие предметы материального мира, в отношении которых и возникают эти отношения в процессе исполнения наказания (порядок исполнения наказания; жизнь, здоровье, личные права и свободы работников УИС и осужденных и др.).

На основании рассмотренных нами признаков общественных отношений, возникающих в процессе реализации уголовного наказания в виде лишения свободы, представляется возможным сформулировать понятие нормальной деятельности исправительных учреждений, исполняющих данный вид наказания, в качестве объекта уголовно-правовой охраны в следующем виде:

1) общее понятие. Общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности исправительных учреждений по исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы, направленные на достижение целей и реализацию задач в соответствии с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством;

2) детализированное понятие. Общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности исправительных учреждений, направленные на неукоснительное, основанное на нормах федерального и ведомственного законодательства выполнение всеми должностными лицами таких учреждений своих служебных обязанностей, связанных с реализацией установленного законом порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, обеспечивающего охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, привлечение к труду, обеспечение возможности получения общего и профессионального образования, реализацию их прав и законных интересов, обеспечение порядка и законности в учреждениях, обеспечение охраны здоровья и личной безопасности осужденных и персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории учреждения.

Сформулированные нами варианты понятия общественных отношений, составляющих основу деятельности учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, как объекта уголовно-правовой охраны, свидетельствуют о его самостоятельности, многогранности и общегосударственной значимости, в силу того что от эффективности реализации данного вида наказания во многом зависит результативность деятельности правоохранительных органов государства в вопросах борьбы с преступностью.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2006. 553 с.
2. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. 248 с.
3. Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для вузов / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 2005. 567 с.
4. Леликова Ю. В. Уголовно-правовая охрана уголовно-исполнительной системы (теоретико-прикладной аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 248 с.
5. Старков О. В. Введение в криминологию. Уфа, 1997. 71 с.
6. Старков О. В. Некоторые проблемы предмета, метода и системы криминологии // Человек: преступление и наказание. 1996. № 1. С. 25–31.
7. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань, 2009. 567 с.
8. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / науч. ред. А. С. Михлин. М., 2008.

VITALIY YEVGEN'YEVICH FEDOROV,
head of the law service
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: fve1@ya.ru

ACTIVITY OF THE ESTABLISHMENTS EXECUTING CRIMINAL PENALTY IN THE FORM OF IMPRISONMENT AS OBJECT OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION

Annotation: effectiveness of state bodies and institutions depends on their normal functioning, that is the exercise of their functions and powers in strict accordance with the regulations and guidelines, strict compliance with the requirements of the rule of law at all stages of such activities. However, quite often the normal order of their activities violated in connection with the commission in the process of implementing various criminal attacks, which entails a wide range of negative consequences.

The normal functioning of institutions and bodies executing criminal penalties of imprisonment depends on the realization of the goals and objectives of criminal and criminal-executive legislation, and therefore, there is a need to study their activity as an independent object of criminal law protection.

Set of social relations that arise during the execution of criminal penalties of imprisonment, gives correctional institutions of the penal system both general and specific features of the object of criminal law protection. Normal activities of such institutions can act as an independent object of a criminal assault perpetrated both by convicted, and by employees of the penal system, as well as other persons. In all cases, the negative consequences of criminal assault, or the threat of such consequences will apply to the normal activities of the penal system as a whole, the specific activity of the correctional institution in which the executed (be served) criminal penalties, penal system workers, convicted, as well as other subjects of public relations emerging in the process of execution of criminal penalties of imprisonment.

Social relations that arise during the execution of criminal penalties include interconnected subjects (correctional institutions, employees the penal system, convicted and others.) And the corresponding objects of the material world, and in relation to which these relationships occur during the execution of punishment (order of execution of penalties; life, health, personal rights and freedoms of employees the penal system, convicted et al.).

Upon review of the evidence of social relations that arise during the implementation of criminal penalties of imprisonment, the author provides a definition of the concept of normal activities of correctional institutions executing this type of penalties, as an object of criminal law protection.

Key words: penal system, correctional institutions, the object of criminal law protection, social relations, criminal-legal means, activities of the penal institutions, imprisonment.

References

1. Ugolovnoye pravo Rossiyskoi Federatsii. Obshchaya chast' [Criminal Law of the Russian Federation. General part]. Under the editorship of L. V. Inogamova-Khegay, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev. Moscow, 2006. 553 p.
2. Korzhanskiy N. I. Ob'yekt i predmet ugolovno-pravovoy okhrany [Object and subject of criminal law protection]. Moscow, 1980. 248 p.
3. Ugolovnoye pravo Rossii. Chast' Obshchaya [Criminal Law of the Russian Federation. General part]. Under the editorship of L. L. Kruglikov. Moscow, 2005. 567 p.
4. Lelikova Ju. V. Ugolovno-pravovaya okhrana ugolovno-ispolnitel'noy sistemy (teoretiko-prikladnoy aspekt). Dis. kand. jurid. nauk [Criminal-law protection of the penal system (theoretical and applied aspects). Cand. legal sci. dis.]. Nizhniy Novgorod, 2009. 248 p.
5. Starkov O. V. Vvedeniye v kriminopenologiyu [Introduction to kriminopenology.]. Ufa, 1997. 71 p.
6. Starkov O. V. Nekotoryye problemy predmeta, metoda i sistemy kriminopenologii [Some problems of the subject, the method and system kriminopenology]. Chelovek: prestupleniye i nakazaniye – Man: crime and punishment, 1996, no. 1, p. 25–31.
7. Penitentsiarnaya kriminologiya [The penitentiary Criminology]. Under the editorship of Ju. M. Antonyan, A. Ya. Grishko, A. P. Fil'chenko Ryazan, 2009. 567 p.
8. Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoi Federatsii [Commentary to the Criminal and executive code of the Russian Federation]. Under the editorship of A. S. Mikhlin. Moscow, 2008.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Реферат: в настоящее время преступность несовершеннолетних, в соответствии с данными официальной статистики, имеет устойчивую тенденцию к снижению. В местах лишения свободы для несовершеннолетних регистрация фактов совершения преступлений является крайне редким случаем. В то же время многочисленные криминологические исследования, проводимые в данной сфере, свидетельствуют о высочайшей степени латентности преступности несовершеннолетних в местах лишения свободы. По этим причинам вопросы разработки и внедрения в практическую деятельность комплекса специальных мер, направленных на предупреждение и профилактику пенитенциарной преступности несовершеннолетних, не утратили своей актуальности. Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что в условиях постсоветской России требуются новые формы и методы индивидуальной и групповой профилактической работы с несовершеннолетними, отбывающими лишение свободы.

Исследование показало, что современная специально-криминологическая профилактика групповых преступлений в воспитательных колониях представляет собой регламентируемую действующим уголовно-исполнительным законодательством деятельность сотрудников УИС, которая заключается в совокупном использовании всех гласных и негласных сил, средств и методов в целях выявления и устранения причин преступности и условий, способствующих им, а также установления лиц, которые могли бы совершать преступления, и оказания на них воздействия в целях недопущения совершения ими новых преступлений.

При специальной профилактике групповых преступлений несовершеннолетних особое внимание должно уделяться нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений в воспитательных колониях, поскольку это недостатки в организации режима отбывания наказания, надзора за воспитанниками, воспитательной работы, использования труда, оперативно-розыскной деятельности и т. д.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, воспитательная колония, детерминанты пенитенциарной преступности несовершеннолетних, предупреждение преступности, профилактическая работа, уголовно-исполнительная система.

Традиционно пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних призваны выполнять двойную функцию: во-первых, обеспечение безопасности правопослушных граждан, а во-вторых, исправление и перевоспитание содержащихся в них осужденных. К сожалению, современные криминологические исследования пенального преступного поведения показывают, что осужденными к лишению свободы создано значительное количество криминальных объединений, участники которых совершают, по различным данным, до 70 % всех насильственных преступлений в местах лишения свободы [4, с. 6].

Наибольшую тревогу вызывает групповая пенитенциарная преступность несовершеннолетних, латентность которой в силу различных обстоятельств в настоящее время крайне велика. Среди ученых-криминологов нет единого подхода к вопросу основ профилактики преступности данного вида. На практике профилактическая деятельность администрации исправительных учреждений, воспитательных

колоний часто ограничивается устранением последствий преступного поведения осужденных, привлечением к ответственности виновных.

Как справедливо отметили О. В. Старков, С. Ф. Милуков и другие ученые, важным течением в сфере пенитенциарного предупреждения является личностно-микросредовый уровень [6, с. 117–130], который можно разделить на три подуровня:

а) микросредовый, традиционно называемый общицей, направлен на устранение внешних условий – недостатков микросреды, способствующих развитию криминогенной ситуации (управленческие недостатки, заброшенность и др.) и принужденному совершению преступления (аномально-сексуального, жестокого, эгоистичного и др.), и на их компенсацию;

б) ориентированный на внешние причины мотивации преступления и образование криминогенного побуждения (жизненного обстоятельства), эволюцию криминогенной ситуации (сфера, скованность, коммуникабельность, взаимоотношения

групп при исполнении наказаний) и преступления (сама криминогенная ситуация, появившаяся между участниками), то есть направленная саморегуляция и взаимосвязь в группах;

в) подуровень индивидуальной профилактики, объектом которой являются внутренние причины и условия появления криминогенной мотивации (это усваиваемые, криминологически значимые данные, их совокупность и реалистический опыт осужденных, в основном криминальный), образование криминогенной ситуации (это взаимодействующие мотивации и целенаправленность субъектов ситуации во время исполнения наказаний, их психическая и психофизиологическая или внутригрупповая социально-психологическая атмосфера), а также преступления (преступная мотивация осужденного, его психические и психофизиологические характеристики) [1, с. 123].

Методы микросредового предупреждения групповых преступлений подростков можно разделить: на средства выявления внешних условий преступлений, криминализации мотиваций и ситуаций; способы ослабления, ликвидации, компенсации (восстановления) внешних условий, недостатков микросреды исполнения уголовных наказаний.

Профилактика групповых преступлений – это относительно многолетнее нацеленное и взаимообусловленное, гипнотизированное и самогипнотизированное воспитание и самовоспитание в специально созданной или спонтанно образовавшейся и даже неформальной группе людей с целью управления внешними причинами криминогенной мотивации, ситуации и преступления. Это понятие подразумевает самые разнообразные виды деятельности сотрудников воспитательных колоний.

В зависимости от объекта воздействия выделяют:

– разоблачение предкриминогенных и криминогенных ситуаций, возникающих при исполнении наказаний, и их учет, профилактика криминальных ситуаций и пресечение криминогенных детерминант;

– регулирование развития реалистической ситуации, формирующей в первую очередь криминальный жизненный опыт (развенчание лидеров и «авторитетов» преступного мира; обычаев и традиций преступного социума, разоблачение изнанки уголовной «романтики», раскрытие смысла человеческого существования);

– изучение несовместимых осужденных и их разъединение; регулирование негативных эмоциональных эффектов, возникающих между осужденными и персоналом; сплочение сотрудников или создание педагогически целесообразного коллектива колонии, разобщение группировок осужденных отрицательной направленности; поддержка и развитие стихийно возникающих групп («семей»)

осужденных нейтральной и социально позитивной ориентации; реализация делового микроклимата в исправительных учреждениях с эмоционально-позитивным настроем [7, с. 35–37].

Структуру групповой профилактики преступлений при исполнении наказаний формируют субъекты, типы, тенденции, методы и приемы деятельности. Субъекты групповой профилактики определяются в зависимости от типа ситуации, складывающейся при исполнении наказания. С группой, созданной из субъектов конфликтных криминогенных ситуаций в учреждении при исполнении ограничения свободы, должны работать в первую очередь психологи.

Безусловно, организационно-управленческие аспекты играют важную роль в предотвращении создания преступной группы, но ничто не может заменить работу индивидуального характера с каждым осужденным, продуманное целенаправленное психолого-педагогическое воздействие на коллектив осужденных, отдельные его группы.

Меры индивидуального предупреждения направлены на профилактику правонарушающего поведения подростков. Они должны учитывать характеристики личности несовершеннолетних, специфику их жизненных обстоятельств. В исправительных учреждениях специально-криминологические и индивидуальные меры сильно взаимосвязаны. На протяжении многих лет развития пенитенциарной системы ведущая роль в индивидуально-воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными отводилась воспитательному отделу колоний (воспитателю, начальнику отряда и психологу). Именно начальник отряда является ведущей фигурой, к кому прежде всего подростки обращаются для решения своих задач. Нередко он обладает информацией, которая может способствовать проведению успешных оперативно-режимных мероприятий. Начальник отряда реализует следующие основные задачи: перевоспитание и исправление подростков, обучение, развитие их системы ценностей и т. д. Вместе с психологом он занимается коррекцией личностных свойств, профилактикой конфликтов, регуляцией межличностных отношений в коллективе осужденных. В условиях пенитенциарной системы традиционно выделяют следующие структурные компоненты психолого-педагогической, воспитательной деятельности: исследовательский, конструктивный, организаторский, коммуникативный [8, с. 110].

Исследовательский компонент связан с систематическим поиском необходимой информации и тщательным анализом как своего, так и чужого опыта воспитательной работы, а также увеличением собственных знаний, навыков, умений. Без ус-

пешного осуществления этой важнейшей функции невозможно достичь свободного, уверенного и всестороннего владения информацией об осужденном, обеспечить идеальное воздействие на его личность.

Конструктивный компонент связан с планированием воспитателем своей деятельности и прогнозированием ее результатов. Следующему очередному рабочему дню, любой беседе с конкретным осужденным должна предшествовать тщательная и трудоемкая подготовка. Не менее скрупулезно должны быть учтены наиболее вероятная реакция воспитанников на педагогическое воздействие, их очевидное поведение. Пусть даже первоначально критическое мнение начальника отряда, умышленное отрицание диалога ни в коей мере не исключает возможности, а иной раз и необходимости использовать на фоне четко спланированной системы воспитательных воздействий элементов импровизации.

Организаторский компонент. Начальник отряда – главный организатор воспитательного процесса. Его высокоинтенсивная научно-исследовательская жизнедеятельность, основательно обдуманная тактика, учебно-педагогические мероприятия оказываются лишены смысла, если воспитатель идеально не формирует психолого-педагогический процесс.

Коммуникативный компонент. Этот аспект психолого-педагогической деятельности во многом определяет ее общую эффективность. В большей мере его содержанием является установление и налаживание взаимоотношений начальника отряда с воспитанниками, их родственниками, руководством колонии, сотрудниками других служб и отделов. Коммуникативный компонент всегда включен в исследовательскую, конструктивную и организаторскую деятельность защитника-воспитателя. Характер взаимодействия начальника отряда со всеми, с кем он связан в своей профессиональной жизнедеятельности, наиболее серьезным образом влияет на ее успешность.

Мероприятия по предупреждению преступности – длительный, трудоемкий, каждодневный процесс, успех которого является результатом активной совместной деятельности как сотрудников, так и осужденных [3, с. 37–40; 5, с. 8–12]. Ценностно-ориентированное единство – это сближение оценок и позиций в вопросах, значимых для жизни коллектива, нравственной и деловой сфере, в подходе к целям и задачам деятельности. Так, в социально-психологическом эксперименте, проведенном нами совместно с психологами учреждений ФСИН России, были сопоставлены степень согласованности у воспитателей субъективных представлений о деловых и морально-нравственных качествах конкретного осуж-

денного (злостного нарушителя режима содержания) и действительных критериев оценки ими других осужденных (то есть общечеловеческие качества, на которые реально ориентируется воспитатель).

Эксперимент показал, что согласованность, общность тех критериев, которыми пользуются сотрудники воспитательного аппарата и которые они объективно реализуют в своей воспитательной деятельности, выше, чем согласованность субъективных представлений об «эталоне» осужденного (хотя в некоторых случаях были отмечены исключения).

Между начальниками отрядов и осужденными постоянно происходит обмен результатами деятельности, возникают отношения ответственной зависимости; успех или провал деятельности начальника отряда отражается на успешности или неуспешности деятельности осужденного, его социальной адаптации, и, наоборот, активное участие в общественной жизни колонии является критерием эффективности труда воспитателя. Мощный пласт объективных отношений, возникающий в процессе работы с нарушителями режима содержания, обеспечивает согласованность оценок осужденных со стороны воспитательного отдела колонии и, следовательно, его ценностно-ориентационное единство.

Погоня за высокими показателями производительности, сокрытие истинного положения вещей разрушают сплоченность служебного коллектива сотрудников, генерируют межличностные конфликты, способствуют укреплению двойной морали, иногда приводят к сделкам между сотрудниками разных отделов и лидерами среди осужденных, готовыми исправить неудовлетворительные результаты в обмен на встречные услуги.

Таким образом, реализация целевых и социально-психологических функций руководства коллективом воспитателей как обязательное условие предполагает выполнение определенных оперативных функций управления, то есть осуществление задач, возникающих на различных этапах принятия решения и его воплощения в действительную жизнь. При этом, как правило, есть три условно-самостоятельных этапа – планирование (принятие) решения, инструктаж (передача решения исполнителям), контроль над тем, как это решение выполняется.

Подобная схема в определенной степени универсальна для любой управленческой деятельности, в том числе для управления коллективом осужденных, особенно в целях предупреждения преступлений, дезорганизующих деятельность пенитенциарных учреждений. Указанные стадии необходимы вне зависимости от содержания проводимого в жизнь управленческого (психолого-педагогического) реше-

ния. Это в первую очередь обусловлено с тем, что фазы планирования, инструктажа и контроля, будучи этапами воспитательного цикла, одновременно связаны с основными компонентами (гностический, конструктивный, коммуникативный, организаторский) психолого-педагогического процесса в условиях современной пенитенциарной системы. Одновременно на этапах планирования, инструктажа и контроля необходимо принимать во внимание предыдущий опыт с поправкой на проблему и предложить наиболее эффективные и, по мере возможности, бесконфликтные способы для предотвращения преступлений [2, с. 9].

В контексте реформирования пенитенциарной системы Российской Федерации руководство ФСИН России обязывает своих сотрудников принять необходимые меры по усилению борьбы против любых негативных явлений в местах лишения свободы, с групповой преступностью несовершеннолетних, по повышению уровня готовности всех служб и подразделений к совместным действиям с другими правоохранительными органами, общественными организациями. Рост агрессивности осужденных, преступное поведение в воспитательной колонии, а также наличие ряда нерешенных проблем требуют принятия дополнительных мер по улучшению указанного взаимодействия.

Происшедшие в последние годы изменения отечественного законодательства вызывают необходимость разработки новой концепции взаимодействия социальных работников, психологов с оперативными

службами, органами внутренних дел, различными субъектами охраны общественного порядка, религиозными и правозащитными организациями. Все это должно стать основой для совершенствования законодательной базы, принятия федеральных и региональных программ по различным линиям деятельности Министерства юстиции Российской Федерации (прежде всего в ювенальной сфере).

Таким образом, современная специально-криминологическая профилактика групповых преступлений в воспитательных колониях представляет собой регламентируемую действующим уголовно-исполнительным законодательством деятельность сотрудников УИС, которая заключается в совокупном использовании всех гласных и негласных сил, средств и методов в целях выявления и устранения причин преступности и условий, способствующих им, а также установления лиц, которые могли бы совершать преступления, и оказания на них воздействия в целях недопущения совершения ими новых преступлений.

При специальной профилактике групповых преступлений несовершеннолетних особое внимание должно уделяться нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений в воспитательных колониях, поскольку это недостатки в организации режима отбывания наказания, надзора за воспитанниками, воспитательной работы, использования труда, оперативно-розыскной деятельности и т. д.

Список литературы

1. Барабанов Н. П. Исправительные учреждения России в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и наркоманией (криминологические, пенитенциарные, правовые и организационные аспекты предупреждения) : монография. Рязань, 2000. 238 с.
2. Богданов В. На коротком поводке // Рос. газ. 2010. 17 авг. С. 9.
3. Карелин Д. В. Использование специальных знаний при установлении обстоятельств по делам о преступлениях несовершеннолетних // Судья. 2014. № 10. С. 37–40.
4. Куликов В. Кулачная профилактика // Рос. газ. 2010. 6 авг. С. 2.
5. Лапшин В. Ф. Совершенствование уголовного законодательства в условиях либерализации уголовной политики России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 8–12.
6. Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминально-пенологический анализ. СПб., 2001. 461 с.
7. Строева Г. Вопросы нравственной переориентации осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 7. С. 35–37.
8. Фридман Л. М. Педагогический опыт глазами психолога. М., 1987. 224 с.

MAHRAMALI FIRUDIN OGLU FEYZULLAYEV,

applicant for a degree
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: firudin25@mail.ru

SPECIAL MEASURES OF PREVENTING JUVENILE DELINQUENCY IN A PENITENTIARY

Annotation: according to official statistics juvenile delinquency has been currently decreasing. In prison for juveniles facts of committing crimes are extremely rare. At the same time many criminological studies reveal a high degree of latency as far as juvenile delinquency in prisons is concerned. For these reason the problem of development and introduction into practice a set of special measures aimed at juvenile delinquency prevention is still urgent. The problem under discussion is complicated by the fact that under circumstances of post-Soviet Russia period we need new forms and methods of individual and group preventive work with juveniles serving imprisonment.

Studies showed that modern specially-criminological prevention of gang offenses in juvenile correctional facilities is regulated by the existing penal legislation of prison staff work, which is comprehensive use of all overt and covert forces, means and methods aimed at identifying and eliminating causes of crime and conditions promoting them, identifying those who might commit crimes, and working on them to prevent further crimes.

Elimination of causes and conditions encouraging crimes in juvenile correctional facilities should be paid special attention to, as it is obvious to be a shortcoming in the regime of punishment, supervision, educational work, labor, detective activities, etc.

Key words: juvenile delinquency, juvenile correctional facility, determinants of penal juvenile delinquency, preventive work, penal system.

References

1. Barabanov N. P. *Ispravitel'nye uchrezhdenija Rossii v bor'be s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i narkomaniej (kriminologicheskie, penitenciarne, pravovye i organizacionnye aspekty preduprezhdenija)* [Correctional facilities of Russia in fight against illicit trafficking in drugs and drug addiction (criminological, penitentiary, legal and organizational aspects of the prevention)]. Ryazan, 2000.
2. Bogdanov V. *Na korotkom povodke* [On a short lead]. Rossijskaja gazeta – Russian newspaper, 2010, 17 August.
3. Karelin D.V. *Ispol'zovanie special'nyh znanij pri ustanovlenii obstojatel'stv po delam o prestuplenijah nesovershennoletnih* [Using expertise in establishing circumstances in cases of offenses committed by juveniles]. *Sud'ja – Judge*, 2014, no. 10, pp. 37–40.
4. Kulikov V. *Kulachnaja profilaktika* [Fist prevention]. Rossijskaja gazeta – Russian newspaper, 2010, 6 August.
5. Lapshin V.F. *Sovershenstvovanie ugovnogo zakonodatel'stva v uslovijah liberalizacii ugovnoy politiki Rossii* [Improvement of the criminal legislation in the conditions of liberalization of criminal policy of Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of institute: crime, punishment, correction*, 2010, no. 10, pp. 8–12.
6. Starkov O. V., Miljukov S. F. *Nakazanie: ugovno-pravovoj i kriminal'no-penologicheskij analiz* [Punishment: criminal and legal and criminal-penological analysis]. St. Petersburg, 2001.
7. Stroeveva G. *Voprosy npravstvennoj pereorientacii osuzhdennyh* [Questions of moral reorientation of the condemned]. *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of criminal and executive system*, 2003, no. 7, pp. 35–37.
8. Fridman L. M. *Pedagogicheskij opyt glazami psihologa* [Pedagogical experience from a psychologist's point of view]. Moscow, 1987.

УДК 331:343.8
ББК 65.292.9
П43

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ ПОГУДИН,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и менеджмента
(Академия ФСИН России),
e-mail: pogudinoa@mail.ru

**ПРИНУЖДЕНИЕ К ТРУДУ – НЕ СРЕДСТВО ЕГО УДЕШЕВЛЕНИЯ:
НАСКОЛЬКО ЭТО ВОЗМОЖНО
В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ?**

Реферат: современная российская действительность характеризуется весьма последовательным возвращением в общество немалого числа примет из недавнего советского прошлого. В уголовно-исполнительной системе это находит отражение в получающих все большее распространение среди ученых и специалистов представлениях о социально-экономической обоснованности сталинского ГУЛАГа и дешевизне рабочей силы из числа осужденных. Последнее – едва ли не важнейшее условие, определяющее экономическую эффективность производственно-хозяйственной деятельности мест лишения свободы не только в советский, но и в постсоветский период.

В контексте актуальной для уголовно-исполнительной системы страны проблемы привлечения осужденных к труду в статье представлена полемика по поводу часто встречающейся в научно-публицистической и информационно-аналитической литературе точки зрения об объективной обусловленности (в силу общественно-политических, экономических, оборонных и других причин) и потенциальной эффективности трудоустройства осужденных в бывшем СССР. Высказывается позиция о невозможности в современных условиях абсолютизации подобных представлений, нередко генерируемых, в том числе сторонниками так называемого особого российского пути, равно как и ошибочности иного положения, согласно которому сложившееся за годы рыночных реформ состояние данного направления деятельности уголовно-исполнительной системы есть окончательный и благоприятный итог его развития. Исключительно с позитивным изменением экономических отношений в стране в сторону преодоления ею экспортно-сырьевой ориентации и нацеленности преимущественно на неоиндустриальные источники экономического роста, что, безусловно, находится в русле общих мирохозяйственных закономерностей экономического прогресса, увязываются возможные перспективы не только совершенствования производственно-хозяйственной деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, но и социально-экономического развития постсоветской России в целом. Это важнейшее условие того, чтобы в будущем принуждение осужденных преступников к общественно полезному продуктивному труду не стало, как наблюдается во многом сейчас, средством его удешевления.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, труд осужденных к лишению свободы, ГУЛАГ, принуждение осужденных к труду, удешевление труда осужденных, «особый» российский путь, концепция развития уголовно-исполнительной системы, модернизация экономики, неоиндустриализация.

Название статьи заимствовано из работы известного отечественного интеллектуала А. Вассермана «Творить можно даже в клетке. Принуждение к труду – не средство его удешевления», впервые, судя по словам автора, опубликованной в «Бизнес-журнале» 10 июня 2013 г., но прочитанной нами на страницах его книги «Чем социализм лучше капитализма» [2, с. 292–298]. Кроме того, приведенная ниже часть текста является фрагментом упомянутого произведения, что позволяет отнести к числу наших заслуг лишь необходимые (в рамках актуальной для мест исполнения наказаний проблемы трудоустройства осужденных) к ней комментарии и отдельные, лежащие на поверхности выводы, а также саму идею

заочного изложения мыслей А. Вассермана, неоднократных и требующих осмысления, на страницах ведомственного научного издания.

Непосредственным импульсом к подобному с нашей стороны обращению к незаурядному мыслителю и неординарному человеку послужили сохранившиеся в общественном сознании со времен ГУЛАГа (данная аббревиатура часто используется не в буквальном смысле – Главное управление лагерей, а в нарицательном, обозначая систему содержания и эксплуатации заключенных, утвердившуюся в годы правления И. В. Сталина) представления о дешевизне рабочей силы из числа осужденных (такая точка зрения разделяется многими специалистами [17, с. 37–39]) не только как о

ключевом факторе, обеспечивающем вхождение МВД СССР в пятерку крупнейших промышленных министерств, но и как о важнейшем конкурентоспособном преимуществе современной уголовно-исполнительной системы России (УИС).

Во второй части статьи – небольшой фрагмент книги Б. Земцова «Зона путинской эпохи» [6]. Ее автор, по воле случая оказавшийся за решеткой и через три года освободившийся из-за пересмотра приговора, вынес на суд читателя литературно-художественное повествование о далеко не приукрашенной жизни современной российской тюрьмы в разнообразных ее проявлениях и характеристиках, в том числе о широко распространенных на практике способах удешевления труда осужденных, о наличии которых в конкретном исправительном учреждении не так давно сообщали средства массовой информации [16]. То, что такие способы удешевления рабочей силы опираются и на вполне конкретное мировоззрение «тюремного» персонала, нетрудно понять из приведенного Б. Земцовым следующего примера. Ясно понимая, что начисленные в качестве зарплаты деньги не имеют ничего общего ни с реальным объемом выполненных работ, ни с элементарным здравым смыслом, герой данного произведения обращается за соответствующим разъяснением к сменному мастеру. «Но он то отводил глаза, то бормотал что-то совершенно невразумительное об ошибках бухгалтерии, перепутанных данных, неправильных нарядах... Старший же мастер вообще понес какую-то несуразицу... а затем сформулировал вполне четкий встречный вопрос: “А ты что, сюда зарабатывать приехал?”» [6, с. 52–53].

Выбранные нами примеры объединяет одно важное обстоятельство, связанное с отрицанием (именно отрицанием) заведомо нерационального и экономически неэффективного использования трудовых ресурсов заключенных в бывшем СССР. Административно-плановая экономическая модель, возвеличившая человека труда – создателя общественных материальных благ, сформировала едва ли не идеальные условия для привлечения исправительно-трудовой системы страны к решению многих производственно-хозяйственных и социальных задач государства. Ударный производительный труд на благо всего общества, ради достижения светлого будущего по праву стал в условиях форсированной индустриализации творцом жизненной среды человека (включая осужденного), существенно преобразуя и его самого.

В настоящее время такого рода утверждения могут звучать, как минимум, непривычно, а для молодого поколения, не жившего в эпоху «горбачевского» и, тем более, «сталинского социализма», –

странно. Массовые репрессии и Беломорканал безоговорочно отнесены к преступлениям советского режима, а ориентация в 1970–1980-е годы исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) на безусловное выполнение народнохозяйственного плана за годы либерально-демократических преобразований признана деструктивной и в силу приоритета экономических целей над целями исполнения наказаний – еще и изначально несостоятельной. Однако объективное сравнение того, чем в экономическом и производственном отношении располагают места лишения свободы, с тем, что они за годы реформ безвозвратно потеряли, необходимо. Примечательно, что «сальдо» подобного сопоставления (от валового продукта и его структуры до производительности труда и профессионально-квалификационного уровня осужденных), особенно на фоне правового нигилизма, коррупционного засилья, всеобщей деиндустриализации отечественной промышленности, приведших к теперь уже постсоветскому социально-экономическому застою российского общества, представляется отнюдь не положительным, но, бесспорно, очевидным. Перефразируя ровно наоборот когда-то справедливые слова профессора Г. А. Туманова, можно утверждать, что «производственная функция реально не существует и самым решительным образом не влияет как на организацию всей системы исправительно-трудовых учреждений и аппаратов управления ими, так и на управленческие процессы, осуществляемые в каждом ИТУ» [22, с. 116].

Помимо основного материала, в статье присутствует сопутствующая ему информация, дополнительные пояснения, выделенные нами курсивным шрифтом.

По мнению А. Вассермана, «любому знакомому с основами экономической и исторической науки известно: принудительный труд невыгоден. Дело не только в том, что на охрану приходится тратить в конечном счете даже больше, чем можно сэкономить на содержании самих трудящихся. Важно еще, что из-под палки всегда работают спустя рукава. Вот почему рабовладение уступило место феодализму, тот проиграл соревнование капитализму, а тот, в свою очередь, отстал по многим значимым показателям от социализма, где к труду не столько принуждают угрозой голода, сколько привлекают агитацией и осознанием отдаленных перспектив текущей деятельности (как только трудности управления породили сомнение в этих перспективах, сильнейшее в мире социалистическое государство – наше – рассыпалось, и только наглядная демонстрация бессодержательности большей части деятельности в капиталистическом мире постепенно склоняет общественное мнение в пользу возрождения социализма).

А вот американцам принудительный труд кажется выгодным. Не только по опыту рабовладения... но еще и потому, что в США (Соединенные государства Америки, или обыденно США. – *О. П.*) заключенных с незапамятных времен сдают в аренду коммерческим фирмам (подобная практика имеет место и в наши дни. «Крупнейшим работодателем заключенных в США является Исправительная корпорация Америки (Corrections Corporation of America). В отличие от России там трудом в тюрьмах управляют частные фирмы. Их несколько, но больше половины рынка занимают две – Исправительная корпорация и GEO Group, чьи показатели по выручке на человека очень близки. Российские же осужденные по производительности проигрывают всем без исключения: каждый из них выпускает товаров на 229 тыс. руб. в год (или на 19 тыс. руб. в месяц). Это заметно меньше, чем на российских швейных и мебельных фабриках. Американские эскизы тоже уступают вольным труженикам американского производителя одежды VF Corporation (владеет брендами Wrangler, Lee, Timberland и др.) и шведской IKEA, но их производительность в 14 раз выше, чем у российских коллег. Причин у такого отставания несколько. Российские публичные компании не хотят вкладывать средства в производство на зоне, опасаясь ухудшения имиджа из-за использования принудительного труда, – поясняют специалисты Института экономики и финансов ВШЭ. В результате оборудование на таких площадках почти не обновляют, а сами «тюремные» производства сильно удалены от центров экономического развития. Кроме того, российские учреждения УИС почти не компетентны в маркетинге и торговле. У американских частных исправительных фирм такой проблемы, как правило, нет» [1]).

Правда, это – всего лишь один из множества придуманных творчески мыслящими американцами способ перекачки общих денег в частный карман путем приватизации прибылей и национализации убытков: охрану оплачивает государство, доход от работы заключенных идет арендатору.

США... оказались одним из крупнейших в мире потребителей принудительного труда. Пребывание в трудовых лагерях, основанных в рамках новой сделки... президента Франклина Д. Д. Рузвельта, формально было добровольным, но уйти оттуда было некуда. Первая великая депрессия лишила работы чуть ли не половину трудоспособных граждан. Правила внутреннего распорядка мало отличались от принятых в Главном управлении исправительно-трудовых лагерей Народного комиссариата внутренних дел СССР. За работу платили доллар в день, причем львиную долю оплаты вы-

читали в счет содержания, так что на руки выдавали \$5 в месяц – даже чуть меньше, чем получал заключенный ГУЛАГа, если не пытался откровенно отлынивать от труда. Именно трудовые лагеря Рузвельта исполнили множество громадных проектов – от гидроэлектростанций и оросительных каналов до сети автомагистралей. ГУЛАГ тоже вносил немалый вклад в советское хозяйство: в нем в разные годы содержалось 1–2 % трудоспособного населения СССР (хотя до трудовых лагерей США ему было далеко).

Вопреки расхожей легенде ГУЛАГ разросся не ради удешевления рабочей силы (*напротив, подразумевается, что производственные рекорды первых советских пятилеток всецело основывались на массовом применении неквалифицированного физического труда осужденных нередко по политическим статьям, то есть, по-другому, не по-сталински, без жертв и репрессий той эпохи Россия никогда бы не решила задачи индустриализации. Придерживаются такой позиции не только историки, но и экономисты правoliberalного крыла, утверждающие, что «конфронтационная идеология в период индустриализации выражалась в изоляции «вредных» элементов посредством их уничтожения, заключения или ссылки. Эти меры служили важным фактором индустриализации, поскольку обеспечивали экономике дешевый труд заключенных и позволяли занижать зарплату другим трудящимся без риска каких-либо социальных протестов» [12, с. 144]. Более радикально об этом пишут политические журналисты: «Ради чего был уничтожен цвет нации? Ради чего Россию превратили в ГУЛАГ? В обмен на создание военной машины, которая должна была покорить весь мир» [14, с. 26]. Схожая точка зрения высказывалась и специалистами по уголовно-исполнительному праву. В частности, как полагают М. Детков, «одной из основных причин бурного развития системы исправительно-трудовых лагерей... являлась настоятельная потребность в рабочей силе, обеспечивающей развитие всего народнохозяйственного комплекса страны и в первую очередь интересы ее обороны» [5, с. 37]. Между тем, по свидетельству авторитетных историков, «реальная логика развития экономики Гулага... была прямо противоположной. Появление огромного количества в стране спецконтингента являлось прямым следствием политики массовых репрессий, что в дальнейшем толкало государство на поиск вариантов их трудового использования [7, с. 47]. «Ни в одном документе не зафиксированы предложения руководства ОГПУ – НКВД – МВД о проведении дополнительных репрессий с целью восполнения дефицита заключен-*

ных» [7, с. 47]. «Первое время перспективы развития Гулага и его экономики не были ясны даже для его руководителей... а также для высшего советского руководства» [7, с. 27]. «Периодически сталкиваясь с проблемой избытка лагерной рабочей силы... НКВД неоднократно обращался к хозяйственным ведомствам с просьбой о выделении нового большого строительства» [7, с. 47]. И американские, и советские трудовые лагеря – лишь следствие громадного числа неприкаянных граждан (курсив наш. – О. П.) Почему в СССР время от времени заметно росла доля заключенных – тема отдельного исследования (здесь уместно сослаться и на содержание предыдущего пояснения, и на позицию известного журналиста и телеведущего В. Соловьева, полагающего, что «в нашей стране до сих пор нет устоявшегося мнения по поводу той исторической эпохи... Одно из главных преступлений советской власти – колоссальная ненависть к людям, которая проявилась и в репрессиях по отношению к гражданам России и Советского Союза» [20, с. 13–14; 212–213]. В этом смысле следует обратиться к точке зрения А. Ципко, критикующего взгляды тех, кто призывает «судить о деяниях Сталина не с позиций нынешней «гуманистической эпохи», а исходя из тех представлений о добре и зле, которые были характерны для его эпохи, для эпохи социалистического строительства» [23, с. 12]. «Впрочем, – как пишет тот же исследователь, – позитивное отношение к советской системе в целом становится доминирующим... воспроизводятся стереотипы советского сознания, марксистско-ленинского восприятия русского XX века, как чего-то изначально предопределенного... где не было никакой альтернативы... ни красному и белому террору, ни ужасам сталинской коллективизации, ни репрессиям конца 30-х...» [23, с. 11]).

Были в СССР и заведения, не имеющие прямого американского соответствия, – знаменитые шарашки (так назывались «особые конструкторские бюро, в которых использовались арестованные специалисты и ученые. Их появление связано с массовыми репрессиями против «буржуазных специалистов», начавшимися после 1928 г... Учитывая острый дефицит квалифицированных инженерно-технических кадров, власти относились к этой категории заключенных с определенным вниманием и старались использовать их по специальности... Заключенные инженеры добились больших успехов в модернизации пулеметов... несколько групп арестованных специалистов занимались... разработкой бездымного пороха, отравляющих веществ, модернизацией процесса производства артиллерийских орудий... В черной и

цветной металлургии... в результате рацпредложений бывших «вредителей» удалось получить значительную экономию» [7, с. 27–28]. Молодому читателю узнать о «шарашках» и судьбах людей, их «населяющих», можно, обратившись к известному роману А. И. Солженицына «В круге первом» – прим. авт.). Тогда инженеры и ученые оплачивались на порядок выше рядовых рабочих. Казалось бы, их арест обеспечивал заметную экономию. Тем более что творческая личность – в отличие от новомодного креативного класса – творит в любых обстоятельствах, ибо всегда стремится к новому. Да и дополнительный стимул есть: сдал готовый проект – выходишь на волю для его осуществления (наличие такого стимула говорит о том, что подневольный труд осужденных был своего рода формой их обязательной трудовой повинности, устанавливаемой действующей в лагерях системой зачета рабочих дней по принципу: 2 дня работы за 3 дня срока, 3 дня работы за 4 дня срока и т. п. Появившийся в 2013 г. законопроект о введении в современной УИС похожего льготного исчисления срока отбывания наказания, видимо, из того же «возрождающегося позитивного отношения к советской системе», по нашему убеждению, вряд ли в случае его принятия окажется уместным. Впрочем, из-за бесполезности «обращения центрального органа УИС к «хозяйственным ведомствам» с просьбой о выделении нового большого строительства». Во-вторых, из-за некорректности сопоставления современных условий для «трудовых успехов» осужденных с теми, которые обеспечивали результаты труда «сталинских» заключенных [18]). Тем не менее рассекречено достаточно архивных данных и накоплено свидетельских показаний, чтобы уверенно сказать: шарашки появились по той же причине, что и обычные трудовые лагеря – для использования возможностей тех, кто уже арестован (курсив наш. – О. П.). Скажем, несомненно, великие А. Н. Туполев и С. П. Королев осуждены за совершенно реальное нецелевое (не на себя, но на заведомо – что в данном случае важно – бросовые проекты) использование средств (хотя и квалифицированное как политическое преступление: средства были из оборонного бюджета), за что и сейчас не похвалят (вот именно, всего лишь «не похвалят»). Впрочем, дело не столько в том, насколько виновны или, наоборот, невиновны были в тот период выдающиеся советские конструкторы А. Н. Туполев, С. П. Королев и многие другие. В российском обществе больше известна иная, озвученная Б. Земцовым точка зрения, согласно которой выдвинутые им обвинения «нелепы, надуманны, а то и откровенно сфабрикованы» [6, с. 9]. Важнее понять иное. «В те годы, – как от-

мечают известные юристы Д. Корецкий и С. Милуков, – и лица, использующие средства нецелевым образом, и лица, покушающиеся на общественную социалистическую собственность, признавались (по Конституции 1936 г.) врагами народа». «Врагами народа», – напоминают они, – изначально назывались достаточно безобидные с позиций сегодняшнего дня воры, мошенники, грабители и расхитители из числа материально ответственных и должностных лиц. Священными и неприкосновенными объявлялись не Советская власть и ее вожди... а материальные ценности» [11, с. 86]. Естественно, «в периоды сталинских чисток пострадало, в том числе, немало коррупционеров, имевших дорогую недвижимость, часто оформленную на близких родственников или подставных лиц, а также огромные сбережения» [13, с. 103]. К сожалению, многочисленные примеры из практики современного избирательного правосудия ярко свидетельствуют о том, что данная категория преступников, особенно из числа власть имущих, в либерально-демократической России «врагами» народа никак не является. «А многие школяры, по констатации Н. Кричевского, в размышлениях о собственной будущности все чаще задумываются о госслужбе как наиболее быстром способе безнаказанного обогащения» [13, с. 104]. Не поэтому ли все отчетливей призывы либеральных экономистов «...сократить роль проверяющих органов, налоговой и финансовой полиции, Следственный комитет лишит права заниматься экономическими преступлениями, вернуть «медведевские» поправки в уголовный кодекс, смягчающие ответственность за правонарушения в хозяйственной сфере» [8]. Да и бессмысленно экономить на творце. Туполев получал в десятки раз больше рядового рабочего, зато каждым своим правильным решением экономил (а ошибочным – выбрасывал на ветер) еще в тысячи раз больше. Прибыль от творчества несопоставимо выше расходов на содержание творца...».

Прочитываем Б. Земцова. «Библиотекарь в колонии старик, давно переваливший за семьдесят, но он бодр и энергичен, выглядит лет на пятнадцать моложе. Глаза ясные, живые, умные. Инженер-конструктор, электронщик, признанный международный авторитет в области перехвата, локации и прочих оборонных заумных электронных «штучек». Его имя и перечень открытий, разработок, изобретений включены в военные энциклопедии и оружейные справочники. Сюда попал за контрабанду военной техники, свое обвинение отрицает, считает свое дело «заказным», уверен, что его «засадил» конкуренты, которым он мешал своей деятельностью зарабатывать на российском

рынке вооружения. Прав ли он, судить не берусь, но сам факт «посадки» государственного, по сути, человека, а главное, лишение его возможности заниматься своими делами поражает. И дело даже не в его более чем почтенном возрасте, не в заслугах перед государством (а их перечень более чем внушительный). Даже если он виновен, неужели было нельзя ограничиться условным наказанием? На худой конец, в заключении создать ему условия для продолжения работы, имеющей, без преувеличения, стратегическое государственное значение? Как тут не вспомнить сталинско-бериевские шарашки, в которых некогда и формировалась инженерная мысль Королева, Туполева и многих прочих светил советской науки. Да, их сажали чаще всего по нелепым, надуманным, а то и откровенно сфабрикованным обвинениям, но там, по ту сторону «колодки», им создавались все необходимые условия. Им давали усиленный паек, для них выписывали порой даже из-за рубежа соответствующую литературу, им предоставляли штат помощников, целые лаборатории, словом, делалось все, чтобы их потенциал не «ржавел», не простаивал, а работал на Державу. Выходит, сталинским ГУЛАГом руководили истинные государственники, люди умные и дальновидные, в отличие от ГУЛАГа нынешнего, демократического. Вот и сидит... Игорь Владимирович Н., лауреат различных премий, кавалер многих наград в лагерной библиотеке (хорошо, не угодил еще на «промку» ворочать мешки и дышать полипропиленом). Вот и думай! Вот и сравнивай!» [6, с. 8–9].

Вывод из приведенных нами тезисов А. Вассермана и Б. Земцова очевиден и однозначен. Российская УИС напрямую проигрывает советской системе ИТУ в использовании возможностей осужденных, в том, насколько государством востребованы результаты их труда и связанные с ними условия его реального, как отмечает А. Вассерман, «неудешевления». Если ранее трудовая деятельность, направленная на производство материальных ценностей (в том числе отбывающих наказание преступников), воспринималась в качестве проявления государственного строительства и нетрудовые люди оценивались как антигосударственные элементы, нуждающиеся в принуждении к труду (*принудительный труд в СССР, по мнению историков, существовал в трех основных формах: прямой принудительный труд, «назначаемый судом и административными органами за преступления и проступки»; скрытые виды применения принудительного труда в виде выполнения различного рода повинностей и трудовых обязательств» и «косвенное принуждение к труду посредством создания условий невозможности свободного вы-*

бора, перемены труда, отказа от определенного вида труда и т. д.» [7, с. 22]), то сегодня это не так. Хотя общественно полезный труд номинально и отнесен к одному из основных средств исправления, фактически его роль скромна. Смирившись с безработицей в местах лишения свободы, не только администрация ИУ, но и само государство признает невозможность достижения установленных, по сути, еще советским законом целей исполнения уголовного наказания через труд и максимально возможное вовлечение осужденных в сферу материального производства.

Конечно, неверно причислять «исцелившегося, – как он сам пишет, – от либертарианства» А. Вассермана и тем более побывавшего в «жерновах самого справедливого правосудия» Б. Земцова к сторонникам той части нашего общества, кто решительно отстаивает идею «о специфике российской цивилизации» (по мнению А. Ципко, она сводится к тому, что «Горбачев со своей перестройкой нанес «смертельный удар» не только по советской системе, но и по «русскости». Дискредитируя советский период 1985–1991 гг., «новые идеологи учения об особой русской цивилизации, выступают против попыток постсоветской России реставрировать те экономические рыночные отношения, которые на самом деле существовали в России до 1917 г.». Они «предпринимают попытку доказать, что, действительно, сталинская организация труда, возникшая в результате коллективизации и индустриализации, которая превращает работника... в винтик одной государственной машины, соответствовала русской национальной психологии и русскому национальному коду. Советская жизнь... имманентна русской традиции, выдвигающей в качестве этического идеала нестяжательский образ жизни, существование на минимуме удовлетворения материальных благ» [23, с. 20–21]. Кстати, о подобном повествует и известный российский режиссер Н. С. Михалков. На вопрос корреспондента газеты «Аргументы и Факты» по поводу возможных изменений в умонастроениях людей, он ответил: «Меняется очень многое. Главное – то, что вольно или невольно совершили Горбачев и Ельцин, со временем стало пониматься как преступление»). Однако их умозаключения, тесно перекликающиеся, например, с тезисами известного публициста и общественного деятеля С. Кара-Мурзы о «советском строе как о реализации цивилизованного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры» [10, с. 11], о строе, в котором «на хищников были надеты намордники» [10, с. 6], и создаваемом «на принципах сотрудничества и солидарности» [10, с. 6], отражают сегодня, как пишет А. Ципко,

«целое направление в современной российской общественной мысли. Так называемое позднее славянофильство – учение об особой русской цивилизации» [23, с. 25]. (Речь идет о возвеличивании русской цивилизационной особости, которая якобы состоит в исходном русском духовном превосходстве над другими европейскими народами, славянской коллективистской цивилизации, противоположной западной христианской цивилизации и т. п. Между тем критике подобных представлений о русских как выразителях «высшей правды и справедливости» посвящены работы выдающихся отечественных мыслителей: В. Соловьева, Н. Бердяева, И. Бунина, В. Короленко и даже «буревестника революции» А. Горького. В настоящее время из «идеи особой русской цивилизации» следуют призывы «возродить созданную Сталиным якобы единственно возможную в России «монастырскую организацию труда», когда каждый работает не на себя, а на общее благо, на общую цель»... «Сталиномания, соединяющая большевистскую мобилизационную экономику с русской идеей, живет сегодня не только ностальгией об утраченном сталинском рае, но и вполне прагматическими политическими интересами» [23, с. 26]. Как отмечает М. Калашиников, «СССР-2 остается единственной русской надеждой на спасение. Не копия того, первого СССР, а именно СССР-2 – вариант совмещения социализма и русского национализма» [9, с. 8]. Кстати, в связи с этим все отчетливее звучит критика со стороны национал-патриотов (в том числе С. Кара-Мурзы) классического марксизма, особенно «русофобской», по их мнению, позиции К. Маркса и Ф. Энгельса, которую они якобы высокомерно отстаивали с позиций западноевропейских наций, полагая их прогрессивными и противопоставляя им русских, в качестве противодействующей социальному прогрессу реакционной силы. Между тем объективная несостоятельность подобных к марксизму претензий весьма убедительно доказывается в авторитетной экономической литературе [15].)

Конечно, в России нет ни условий, ни субъекта, который бы всерьез стремился снова реализовать на практике мобилизационную экономику, воссоздать в стране заново жизнь и труд на минимуме материальных благ. Полностью реанимировать советскую систему, внедрив в сознание современных русских людей ценности и дух мобилизационной экономики (даже на фоне западных экономических санкций в отношении нашей страны), по всей видимости, не удастся. Между тем сведение на нет «реформ Реймера» (речь, напомним, идет о Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в

первоначальном ее варианте, правда, неоднократно критиковавшемся известными учеными, правозащитниками и даже его заместителем. Официально в бюджете государства не нашлось 1,8 трлн рублей на переделку почти 500 колоний в тюрьмы и для строительства нескольких десятков новых. А без серьезных денежных вливаний реформирование пенитенциарной системы невозможно. По свидетельству Ю. А. Реента, «мнения о Концепции не во всем совпадают, но... необходимость коренных преобразований в пенитенциарной системе назрела давно...» [19, с. 69]), направленных на «приближение системы исполнения наказаний к западному пониманию тюрьмы» и преодоление ею «рудиментов советского прошлого» (по словам А. А. Реймера, «в условиях развивающихся демократии и рыночной экономики в России до сих пор сохраняется советская исправительно-трудовая система» [21, с. 8]), объясняется не только скудностью федерального бюджета либо отнесением этих реформ к проектам, «исторически значимым», а потому не реализуемым. Речь в контексте вышеизложенного вполне может идти и «об особом российском пути», сторонники которого, например, активно сопротивлялись заявленному было переводу производства в местах лишения свободы из специализированных цехов в помещения камерного типа, доказав тем самым наличие у современного пенитенциарного ведомства изрядного с советских времен запаса прочности. В пользу сказанного свидетельствует, в частности, и то обстоятельство, что действующий Уголовно-исполнительный кодекс за последующие четыре-пять лет никак не отреагировал на провозглашенный в 2009 г. Минюстом России и ФСИН России курс на реализацию «тюремной модели» исполнения наказаний.

Таким образом, во-первых, при современной уголовной политике государства (нередко «закрывающей глаза» на деятельность «врагов народа» в первоначальном, а не скомпрометированном беззаконными репрессиями периода культа личности значении этого понятия) и сложившейся в стране экспортно-сырьевой экономической модели возврат к ГУЛАГу исключен, хотя бы из-за отсутствия у постсоветской России амбиций, желаний, воли, наконец, материальных ресурсов для героического возведения силами осужденных, например, очередного Волго – Дона или Печорского угольного бассейна с Байкало-Амурской магистралью. Да и второй раз в одну и ту же реку войти невозможно. Однако (и это самое существенное) современ-

ное состояние системы исполнения наказаний, излишне гуманной и в сущности экономически недееспособной (в настоящее время, как известно, трудится лишь четвертая часть всех осужденных в России преступников, а вклад УИС в ВВП страны около 0,05 %!), вряд ли является тем целевым ориентиром, к которому необходимо было стремиться. Если в прошлом принуждение к труду, по замечанию А. Вассермана, исключало его удешевление, то отсутствие такого принуждения в настоящем делает его дешевым по определению. В таком случае обращение сотрудника УИС к осужденному: «А ты что, сюда зарабатывать приехал?» – логически предопределено и вполне объяснимо.

Во-вторых, зависимость результатов производственно-хозяйственной деятельности УИС от состояния общественных и экономических отношений в стране – аксиома, поэтому прогноз на возможное их наращивание не может не связываться с перспективами совершенствования и развития данных отношений. В экономическом аспекте – это неперенный уход страны с «нефтяной иглы» и ее «переориентация на внутренние целиком неоиндустриальные источники и цепочки производства добавленной стоимости... соединение воедино промежуточного производства с конечным» [4, с. 8].

Подобное резюме исходит из классического положения о том, что частные вопросы неразрешимы без решения общего. А общим, системным (по-прежнему дискуссионным) вопросом выступает тот, который связан с модернизацией отечественной экономики и формированием сильной государственной промышленной политики. Разделяя развернутое концептуальное обоснование известными экономистами (не относящимися к сторонникам ни «особого российского пути», ни либеральной экономической модели) выстроенной ими парадигмы новой индустриализации, мы убеждены, что без формирования межотраслевых корпораций, объединяющих высокотехнологичную добычу и переработку сырья в готовую наукоемкую продукцию конечного спроса, социально-экономическое развитие России объективно невозможно [3, 4]. Однако именно в этих единых вертикально-интегрированных цепочках производства добавленной стоимости, на наш взгляд, еще способен получить подобающее место (изготовление продукции промежуточного спроса) производственный сектор УИС. Тогда принуждение осужденных к труду, возможно, и не станет средством его удешевления.

Список литературы

1. Алябьева Е. Российский зэк производит в 14 раз меньше американского. URL: http://slon.ru/economics/rossiyskiy_zek_proizvodit_v_14_raz_menshe_amerikanskogo-1058259.xhtml (дата обращения: 30.03.2014).
2. Вассерман А. Чем социализм лучше капитализма. М., 2014. 58 с.
3. Губанов С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М., 2012. 224 с.
4. Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014. № 4. С. 3–32.
5. Детков М. Производство и труд в свете реформ системы исполнения уголовных наказаний в российском государстве // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 6. С. 35–40.
6. Земцов Б. Зона путинской эпохи. М., 2012. 256 с.
7. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004. Т. 3: Экономика ГУЛАГа. 623 с.
8. Иноземцев В., Зубов В. Хотя бы не мешайте. Почему экономика буксует «около ноля»? // Аргументы и факты. 2014. № 43. С. 5.
9. Калашников М. СССР. Версия 2.0. М., 2014. 367 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. М., 2013. 448 с.
11. Корецкий Д., Милуков С. Экономические преступники – друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. № 3. С. 86–90.
12. Корнейчук Б. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 141–150.
13. Кричевский Н. А. Экономика во лжи. Прошлое, настоящее и будущее российской экономики. М., 2014. 320 с.
14. Латынина Ю. Русский булочник. Очерки либерал-прагматика. М., 2012. 272 с.
15. Любинин А. Не глядя в святцы... (О новейших проявлениях «патриотической критики» классического марксизма) // Российский экономический журнал. 2014. № 4. С. 25–56.
16. Маетная Е., Петелин Г. Зарплату осужденным поднимут, а нормы труда пересмотрят. URL : <http://izvestia.ru/news/558378> (дата обращения: 30.03.2014).
17. Макарова О. В., Климык Л. Я. К вопросу о развитии производственного комплекса уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 37–39.
18. Погудин О., Чернышов И. О льготном исчислении срока отбывания наказания осужденным к лишению свободы // Уголовное право. 2013. № 4. С. 54–62.
19. Реент Ю. А. Пенитенциарная система в составе Министерства юстиции России // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 65–69.
20. Соловьев В. Р. 1001 вопрос о прошлом, настоящем и будущем России. М., 2011. 286 с.
21. Тексты докладов участников научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 10. С. 8.
22. Туманов Г. А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972. 232 с.
23. Ципко А. С. Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М., 2014. 544 с.

OLEG ANATOL'EVICH POGUDIN,

phd in economics. associate professor,
department of the economy and management department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: pogudinoa@mail.ru

COERCION TO WORK IS NOT A MEAN TO REDUCE ITS COSTS: HOW FAR IS IT POSSIBLE IN RUSSIAN PENAL SYSTEM?

Annotation: modern Russian reality is characterized by a very consistent return to society a considerable number of signs from the recent Soviet past. In the penal system this is reflected in becoming more common among scientists and experts views on the socio-economic feasibility of the Stalin's «GULAG» and the cheapness of the convict's labor. The last is, perhaps, the most important condition, that determines the economic efficiency of production and economic activities of places of confinement not only in the Soviet, but also in the post-Soviet period.

In the article the polemical considerations about the frequently encountered in the scientific and journalistic and analytical literature position concerning the objective conditionality (due to social and political, economic, defense and other reasons) and the potential effectiveness of convict's labor in the former USSR are presented in the context of actual for the post-Soviet penal system problem of convict's employment. The author argues, on the one hand, about the absolute impossibility in modern conditions of the such position expressed by supporters of the so-called «special Russian way», and, on the other hand, about the incorrectness of other position under which the condition of convict's employment in the penal system, developed during the years of market reforms, is a final and favorable outcome of its development. Solely with positive changes in the economic relations in the country towards overcoming its raw material export orientation and focus mainly on neo-industrial sources of economic growth, which, of course, is in line with the general global patterns of economic progress, the author links not only possible prospects for improvement of production and economic activity of Penal system, but socio-economic development in post-Soviet Russia as a whole. In author's opinion, this is an important condition so that in future coercion of convicts for socially useful productive work will not become, as has been observed in many respects, as a mean of reduce costs.

Key words: penal system, convict's labor, GULAG, coercion of convicts to work, reduction of costs of the convict's labor, special Russian way, the Concept of development of penal system, modernization of economy, neo-industrialization.

References

1. Aljabeva E. Rossijskij zjek proizvodit v 14 raz menshe amerikanskogo [Russian prisoner produces 14 times less American]. Available at: URL: http://slon.ru/economics/rossiyskiy_zek_proizvodit_v_14_raz_menshe_amerikanskogo-1058259.xhtml (Accessed 30 March 2014).
2. Vasserman A. Chem sotsializm luchshe kapitalizma [What socialism is better than capitalism]. Moscow, 2014. 58 p.
3. Gubanov S. Derzhavnyi proryv. Neoindustrializatsiia Rossii i vertikalnaia integratsiia [Neo-industrialization of Russia and vertical integration]. Moscow, 2012. 224 p.
4. Gubanov S. Neoindustrializatsiia Rossiia i nishcheta ee sabotazhnoi kritiki [Neo-industrialization of Russia and poverty sabotage her critics]. Ekonomist – Economist, 2014, no. 4, pp. 3–32.
5. Detkov M. Proizvodstvo i trud s svete reform sistemy ispolnenija ugovolnyh nakazanij v rossijskom gosudarstve [Production and labour reforms of the system of execution of criminal punishment in Russia]. Vedomosti ugovolno-ispolnitelnoj sistemy – Bulletin of penal system, 2003, no. 6, pp. 35–40.
6. Zemtsov B. Zona putinskoj epokhi [The area of the Putin era]. Moscow, 2012. 256 p.
7. Istoriia stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaja polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov v 7-mi tomakh [The history of Stalin's GULAG. The end of the 1920 and the first half of the 1950: collection of documents in 7 volumes. Vol. 3. Economy of Gulag]. Moscow, 2004.
8. Inozemcev V., Zubov V. Hotja by ne meshajte. Pochemu jekonomika buksuet «okolo nolja» [At least not interfere. Why the economy is stalling «sub zero»]. Argumenty i fakty – Arguments and facts, 2014, no. 43. p. 5.
9. Kalashnikov M. SSSR. Versiia 2.0 [USSR. Version 2.0]. Moscow, 2014. 367 p.
10. Kara-Murza S. G. Krakh SSSR [The collapse of the USSR]. Moscow, 2013. 448 p.
11. Koretskii D., Miliukov S. Ekonomicheskie prestupniki – druzia ili vragi naroda? [Economic criminals are friends or enemies of the people?]. Uголовное право – Criminal law, 2013, no. 3, pp. 86–90.
12. Korneichuk B. Teoreticheskie i ideologicheskie osnovy doktriny «novoï industrializatsii» [The theoretical and ideological foundations of the doctrine of «new industrialization»]. Voprosy ekonomiki – Economic matters, 2014, no. 3, pp. 141–150.
13. Krichevskii N. A. Ekonomika vo lzhi. Proshloe, nastoiashchee i budushchee rossijskoï ekonomiki [Economy in a lie. Past, present and future of the Russian economy]. Moscow, 2014. 320 p.
14. Latynina Iu. Russkii bulochnik. Ocherki liberal-pragmatika [Russian baker. Essays on the liberal pragmatics]. Moscow, 2012. 272 p.
15. Ljubinin A. Ne gljadja v svjatcy... (O novejsihh projavlenijah «patrioticheskoi kritiki» klassicheskogo marksizma) [Without looking at the calendar... (About the latest manifestation of the «Patriotic critique of classical Marxism»). Rossijskij jekonomicheskij zhurnal – Russian economic journal, 2014, no. 10, p. 8.
16. Maetnaja E., Petelin G. Zarplatu osuzhdennym podnimut, a normy truda peresmotrjat [Convict's salary will raise and labour standards will review]. Available at: <http://izvestia.ru/news/558378> (Accessed 30 March 2014).

17. Makarova O. V., Klimiuk L. Ia. K voprosu o razvitiі proizvodstvennogo kompleksa ugodovno-ispolnitel'noi sistemy [To the question about the development of the industrial complex of the penal system]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2013, no. 4, pp. 37–39.

18. Pogudin O., Chernyshov I. O l'gotnom ischislenii sroka otbyvaniia nakazaniia osuzhdennym k lisheniiu svobody [About the possibility of preferential calculation of the terms of sentence]. *Ugodovnoe pravo – Criminal law*, 2013, no. 4, pp. 54–62.

19. Reent Iu. A. Penitentsiarnaia sistema v sostave Ministerstva iustitsii Rossii [Penal system in the Ministry of justice of Russia]. *Ugodovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2013, no. 2, pp. 65–69.

20. Solov'ev V. R. 1001 vopros o proshlom, nastoiashchem i budushchem Rossii [1001 question about the past, present and future of Russia]. Moscow, 2011. 286 p.

21. Teksty dokladov uchastnikov nauchno-prakticheskoi konferencii po voprosam reformirovaniia ugodovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii [The texts of the reports of the participants of the scientific-practical conference on the issues of reforming of penal system of Russia]. *Vedomosti ugodovno-ispolnitel'noi sistemy – Bulletin of penal system*, 2009, no. 10, p. 8.

22. Tumanov G. A. Organizatsiia upravleniia v sfere okhrany obshchestvennogo poriadka [Management in the sphere of protection of public order]. Moscow, 1972. 232 p.

23. Tsipko A. S. Perestroika kak russkii proekt. Otechestvennye mysliteli v izgnanii o sud'be sovetskogo stroia [Reconstruction as the Russian project. Domestic thinkers in exile about the fate of the Soviet system]. Moscow, 2014. 544 p.

УДК 331:343.9
ББК 65. 292.91-64
К70

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КОРЯКИН,
кандидат экономических наук,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: e.a.koryakin@yandex.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
ПРИ ВЕДЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО (ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОГО)
УЧЕТА СВЕДЕНИЙ О ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦАХ
ИЗ ЧИСЛА ТРУДОУСТРОЕННОГО СПЕЦКОНТИНГЕНТА
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ**

Реферат: осужденные, привлекаемые в исправительных учреждениях ФСИН России к оплачиваемому труду, подлежат обязательному государственному социальному страхованию и имеют право на государственное пенсионное обеспечение в старости, при инвалидности, потере кормильца на общих основаниях. В силу этого администрация исправительного учреждения обязана оформить либо восстановить трудоустроенным осужденным недостающие документы, в частности страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования. Работодателю также необходимо отчислять обязательные платежи (страховые взносы) в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования, федеральный и территориальный фонды обязательного медицинского страхования. Вместе с тем с 2011 г. у страхователей отсутствует обязанность представлять отчетность в Фонд обязательного медицинского страхования.

Акцентируется внимание на исполнителях, перечне документов и сроках оформления и получения страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования, по состоянию на 2014 г. приводятся отчетные периоды для представления в органы Пенсионного фонда Российской Федерации сведений индивидуального персонифицированного учета. Анализу подвергается проблема, возникающая в работе бухгалтерских служб исправительных учреждений ФСИН России, связанная с невозможностью зачисления суммы страховых взносов непосредственно на лицевой счет осужденного из-за отсутствия страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования. Приводится возможный способ формирования данных при неполной уплате взносов.

Ключевые слова: труд осужденных, социальное страхование осужденных, страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования.

Законодатель рассматривает труд как одно из основных средств исправления осужденных, средства содействия достижению целей наказания. Четвертый раздел распоряжения Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» направлен на повышение экономической эффективности труда осужденных.

Начиная с федерального бюджета на 2014–2016 годы, бюджетные ассигнования, предусмотренные на содержание федеральных органов исполнительной власти, утверждаются в разрезе государственных программ Российской Федерации.

В апреле 2014 г. была утверждена Государственная программа Российской Федерации «Юстиция». Федеральная служба исполнения наказаний является соисполнителем государственной программы «Юстиция» в части подпрограммы «Регулирование государственной политики в сфере ис-

полнения уголовных наказаний» и Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)».

Осужденные привлекаются к труду в центрах трудовой адаптации и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм [1, с. 104]. Во исполнение требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности, а также исходя из наличия рабочих мест [2, с. 31; 3, с. 43].

Привлеченные к труду осужденные подлежат обязательному государственному социальному страхованию, а осужденные женщины обеспечи-

ваются пособиями по беременности и родам [4]. Отметим, что осужденные имеют право на государственное пенсионное обеспечение в старости, при инвалидности, потере кормильца на общих основаниях. Осужденные, утратившие трудоспособность в период отбывания лишения свободы, имеют право на возмещение ущерба.

Первоочередному трудоустройству подлежат осужденные, не имеющие медицинских противопоказаний и имеющие судебные иски по возмещению материального ущерба. Приказом начальника исправительного учреждения осужденный назначается на должность с учетом имеющихся в личном деле документов (удостоверяющих личность, об образовании, о профессиях, страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования, полиса обязательного медицинского страхования, индивидуального номера налогоплательщика и др.). В случаях поступления осужденного в исправительную колонию без перечисленных документов администрация обязана принять меры по их оформлению либо восстановлению.

Страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования – это документ, который содержит страховой номер физического лица, дату его регистрации в Пенсионном фонде Российской Федерации (далее – Пенсионный фонд) и некоторые анкетные данные [5, с. 10]. Оно необходимо для оформления работодателем ежемесячных обязательных платежей (страховых взносов) в Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, а также федеральный и территориальный фонды обязательного медицинского страхования.

При привлечении осужденного к оплачиваемому труду для перечисления страховых взносов необходимо предъявить в бухгалтерию учреждения страховое свидетельство, однако в определенных ситуациях оформить его для осужденного следует работодателю:

- если осужденный к лишению свободы не зарегистрирован в Пенсионном фонде и не имеет страхового свидетельства;
- при утрате осужденным страхового свидетельства и необходимости его восстановления;
- при изменении данных осужденного и необходимости замены страхового свидетельства.

Трудовым кодексом Российской Федерации не установлены сроки для оформления страхового свидетельства работодателем. Этот срок указан только в п. 9 Инструкции о порядке ведения индивидуального (персонифицированного) учета сведений о застрахованных лицах для целей обязательного пенсионного страхования [6] и составляет две недели с момента трудоустройства.

В исправительном учреждении оформлением страхового свидетельства государственного пенсионного страхования (страхового номера индивидуального лицевого счета гражданина в системе обязательного пенсионного страхования) занимается группа социальной защиты и учета трудового стажа осужденных. Процедура регистрации и получения страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования установлена Инструкцией.

Чтобы впервые оформить страховое свидетельство для осужденного к лишению свободы, администрация исправительного учреждения должна подать в территориальное отделение Пенсионного фонда следующие документы [5]:

- заявление в произвольной форме от осужденного о выдаче свидетельства;
- анкету застрахованного лица (форма АДВ-1);
- опись передаваемых документов (форма АДВ-6-1).

Эти документы учреждение должно передать в Пенсионный фонд в течение двух недель с момента трудоустройства нового работника. В свою очередь, территориальное отделение Фонда в трехнедельный срок с момента их получения обязано открыть физическому лицу (осужденному) индивидуальный лицевой счет, оформить страховое свидетельство и направить его в исправительное учреждение вместе с сопроводительной ведомостью.

Об оформлении страхового свидетельства учреждение должно известить осужденного в течение недели после его получения. Причем он должен расписаться в сопроводительной ведомости, которую необходимо переслать обратно в свое отделение Пенсионного фонда в месячный срок [6].

Анкета застрахованного лица заполняется группой соцзащиты и учета трудового стажа осужденных на основании документа, удостоверяющего личность. Анкета застрахованного лица (форма АДВ-1) утверждена постановлением Правления Пенсионного фонда от 31 июля 2006 г. № 192п. Одновременно с анкетой администрация исправительного учреждения должна представить в территориальный орган Пенсионного фонда копию документа, удостоверяющего личность.

Таким образом, оформление страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования, следовательно, и внесение сведений в индивидуальный (персонифицированный) учет, а также зачисление страховых взносов Пенсионным фондом на индивидуальный лицевой счет осужденного напрямую зависит от наличия документа, удостоверяющего его личность.

Пенсионный фонд и его территориальные отделения ведут индивидуальный (персонифицированный) учет информации о каждом застрахованном физическом лице, [5] в частности, о страховом ста-

же, зарплате, размере уплаченных взносов на обязательное пенсионное страхование. Основной целью является обеспечение права на получение трудовой пенсии.

Отметим, что с 2011 г. персонифицированный учет организован также в системе обязательного медицинского страхования, а порядок его ведения утвержден приказом Минздравсоцразвития России от 25 января 2011 г. № 29н. Однако у страхователей никаких обязанностей в связи с этим не возникает. В частности, они не обязаны представлять в Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС) какую-либо отчетность для целей персонифицированного учета. Сведения о застрахованных лицах, необходимые для обязательного медицинского страхования, ФОМС получает от органов Пенсионного фонда.

В 2014 г. для представления сведений установлены четыре отчетных периода: I квартал, полугодие, 9 месяцев и календарный год. При этом сведения индивидуального персонифицированного учета представляются в органы Пенсионного фонда ежеквартально не позднее 15-го числа второго календарного месяца, следующего за отчетным периодом [5]. При этом информация об уплаченных взносах представляется согласно данным бухгалтерского учета, а о страховом стаже осужденных – на основании документов кадрового учета.

На основе полученных в ФКОУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России эмпирических данных можно сделать вывод о возникающих по причине отсутствия постоянного страхового номера индивидуального лицевого счета проблемах трудоустройства осужденных на должности вспомогательных рабочих производственных объектов и обслуживающего персонала хозяйственных объектов жилой зоны исправительного учреждения.

Практика складывается таким образом, что сначала осужденному готовят страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования, а затем оформляют приказом на должность. Попробуем разобраться, почему так происходит?

Администрация исправительного учреждения в установленных Пенсионным фондом в электронном виде обязана представить на работающих осужденных сведения о суммах начисленных страховых взносов обязательного пенсионного страхования. Пенсионный фонд осуществляет прием и учет сведений о застрахованных лицах в системе индивидуального (персонифицированного) учета, а также внесение указанных сведений в индивидуальные лицевые счета застрахованных лиц.

Страховые взносы администрацией учреждения начисляются и перечисляются в Пенсионный фонд, однако на период оформления страхового

свидетельства обязательного пенсионного страхования не зачисляются на лицевые счета тех, информация в отношении которых отсутствует.

Следует отметить, что Инструкция не дает разъяснений, как сформировать данные при неполной уплате взносов. Уплата взносов производится в целом по учреждению, а в формах персонифицированного учета она отражается по каждому застрахованному лицу отдельно. Полагаем, что в этом случае нужно из суммы начисленных страховых взносов в целом по учреждению выделять и учитывать сумму взносов по трудоустроенным работникам, в отношении которых осуществляется процедура оформления и выдачи страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования.

В случае получения спецконтингентом страхового свидетельства в следующем квартале администрации исправительного учреждения необходимо внести соответствующие корректировки в сведения индивидуального (персонифицированного) учета предыдущего отчетного периода.

Законодательством установлен порядок заполнения и представления форм персонифицированного учета в случае выявления ошибок в ранее представленных сведениях. Корректирующие сведения подаются по формам, действовавшим в корректируемом периоде. Корректирующие и изменяющие сведения необходимо подавать одновременно с представлением исходных документов за период, в котором выявлены ошибки.

Если исправительным учреждением доначислены страховые взносы за предшествующие отчетные периоды, в разделе «Сведения о корректирующих (отменяющих) сведениях» формы АДВ-6-2 нужно указать сумму доначислений, отраженной в Расчете по форме РСВ-1 (письмо Пенсионного фонда Российской Федерации от 18 мая 2011 г. № 08-26/5320).

Как только учреждение представит в орган Пенсионного фонда отчетность, отражающую внесенные корректировки, он проведет камеральную проверку. Только после завершения проверки учреждению следует составлять корректирующую форму СЗВ-6-1 или СЗВ-6-2. В форме АДВ-6-2 учреждение укажет сумму корректировки, которая будет учтена в прошедшей камеральной проверке форме РСВ-1 Пенсионного фонда (письмо Пенсионного фонда Российской Федерации от 19 мая 2011 г. № 08-26/5404).

Сумму начислений можно скорректировать как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения.

Бывает, что территориальное отделение Пенсионного фонда находит ошибки в представленных документах и возвращает документы страхователю. Фонд не вправе вносить в лицевые счета дан-

ные документов, которые оформлены с нарушениями. В таких случаях в течение двух недель после уведомления об ошибках учреждение должно представить в Пенсионный фонд уточненные сведения [6]. Фонд также вправе направить страхователю запрос с требованием представить сведения, подтверждающие, в частности, начисление и уплату взносов, стаж работников. Такие документы должны быть представлены в срок, указанный в запросе.

Несмотря на то что законодательно не установлена ответственность за нарушение работодателем сроков оформления свидетельства, несвоевременное оформление страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования может негативно сказаться на итогах сдачи такой отчетности. Если при подаче данных персонифицированного учета выяснится, что в сведениях о работнике отсутствует страховое свидетельство, то такая отчетность не будет принята органом Пенсионного фонда. За нарушение сроков сдачи персонифицированной отчетности предусмотрена ответственность по ст. 46 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, фонд социального страхования Российской Федерации, федеральный фонд обязательного медицинского страхования» в размере 5 % от суммы начисленных взносов за отчетный квартал, но не более 30 % от указанной суммы и не менее 1000 руб., поэтому

своевременное оформление страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования осужденному позволит администрации исправительных учреждений ФСИН России сдать отчетность вовремя и без штрафных санкций.

Кроме того, учитывая, что работодатель согласно Трудовому кодексу Российской Федерации обязательно оформляет страховое свидетельство, отсутствие такого документа у работника может быть расценено как нарушение законодательства о труде. Согласно ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за подобные нарушения может быть наложен административный штраф на должностных лиц в размере от 1000 до 5000 рублей; на юридических лиц – от 30 000 до 50 000 рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Таким образом, работодатель обязан оформить страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования своевременно, чтобы в срок представить отчетность в Пенсионный фонд и не нарушить требования законодательства Российской Федерации.

Действующее законодательство не запрещает администрации исправительного учреждения трудоустраивать осужденных, не имеющих необходимых документов, но вместе с тем присутствует риск наложения штрафов на страхователя за непредставление сведений персонифицированного учета.

Список литературы

1. Бармашов В. И. Использование интеллектуального потенциала осужденных к лишению свободы в целях совершенствования их трудовой адаптации // *Человек: преступление и наказание*. 2014. № 1. С. 103–105.
2. Епанешников В. С., Комбаров Р. В. Проблемы реализации права на труд осужденных к ограничению свободы // *Уголовно-исполнительное право*. 2014. № 1. С. 31–34.
3. Мухтарова Ю. Ш. Организация трудовой деятельности осужденных – основа воспитательной работы // *Уголовно-исполнительное право*. 2013. № 2. С. 43.
4. О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 окт. 2001 г. № 727 // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2001. № 43. Ст. 4106.
5. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования : федер. закон от 1 апр. 1996 г. № 27-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1996. № 14. Ст. 1401.
6. Об утверждении Инструкции о порядке ведения индивидуального (персонифицированного) учета сведений о застрахованных лицах для целей обязательного пенсионного страхования : приказ Минздравсоцразвития России от 14 дек. 2009 г. № 987н.

EVGENIY ANATOL'EVICH KORIAKIN,
phd in economic, applicant for a doctoral degree
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: e.a.koryakin@yandex.ru

**THE PROBLEM POINTS ARISING WITH MAINTAINING OF THE INDIVIDUAL
(PERSONIFIED) ACCOUNTING OF DATA ON THE INSURED PERSONS
FROM AMONG THE EMPLOYED SPECIAL SQUADS IN CORRECTIONAL FACILITIES
OF THE FPS OF RUSSIA**

Annotation: convicted, brought to a paid labour in correctional facilities of the FPS of Russia are subject to obligatory state social insurance and have the right for the state provision of pensions, at disability, loss of the breadwinner on a common basis. Thereby this fact the administration of correctional facility is obliged to issue or restore missing documents, in particular the insurance certificate of obligatory pension insurance. The employer is obliged also to deduct compulsory payment (insurance payment) in the Pension fund of the Russian Federation, Social insurance fund, federal and territorial funds of obligatory medical insurance. At the same time since 2011 insurers have no duty to present the accounts to Fund of obligatory medical insurance.

The author draws our attention to performers, the list of documents and terms of registration and obtaining the insurance certificate of obligatory pension insurance, as of 2014 he brings the reporting periods for presentation of data of the individual personified account to authorities of Pension Fund of the Russian Federation. In this article the author touches a problem arising in work of accounting services of correctional facilities of the FPS of Russia, connected with impossibility of transfer of the sum of insurance payment directly for personal account of the convicted due to the lack of the insurance certificate. The author brings the possible way of formation of data in case of incomplete payment of fees.

Key words: work of convicted, social insurance of convicted, the insurance certificate of obligatory pension insurance.

References

1. Barmashov V. I. Ispol'zovanie intellektual'nogo potenciala osuzhdennykh k lisheniju svobody v celjah sovershenstvovaniya ih trudovoj adaptacii [The use of the intellectual potential of the convicted persons to deprivation of liberty in order to improve their labour adaptation]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 1, p. 103–105.
2. Epaneshnikov V. S., Kombarov R. V. Problemy realizatsii prava na trud osuzhdennykh k ogranicheniiu svobody [Problems of the right to work for people sentenced to liberty restraint]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2014, no. 1, p. 31–34.
3. Mukhtarova Yu. Sh. Sovremennye problem privilecheniia osuzhdennykh k trudu v kontekste realizatsii prinzipa spravedlivosti v deiatel'nosti UIS [Organization of labour activity of convicted persons as a basis for educational work]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2013, no. 2, p. 43.
4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 oktjabrja 2001 g. № 727 «O porjadke obespechenija posobijami po objazatel'nomu gosudarstvennomu social'nomu strahovaniju osuzhdennykh k lisheniju svobody lic, privilechennykh k oplachivaemomu trudu» [The resolution of the Government of the Russian Federation from October 15th, 2001, № 727 «About an order of providing with grants on obligatory state social insurance of convicted persons brought to a paid labour in correctional facilities »]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Russian Federation Code, 2001, no. 43, art. 4106.
5. Federal'nyj zakon ot 1 aprelja 1996 g. № 27-FZ «Ob individual'nom (personificirovannom) uchete v sisteme objazatel'nogo pensionnogo strahovanija» [The federal law from April, 1st, 1996, № 27-FZ «About the individual (personified) account in system of obligatory pension insurance »]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Russian Federation Code, 1996, no. 14, art. 1401.
6. Prikaz Minzdravsocrazvitija Rossii ot 14 dekabrja 2009 g. № 987n «Ob utverzhdenii Instrukcii o porjadke vedenija individual'nogo (personificirovannogo) ucheta svedenij o zastrahovannykh licah dlja celej objazatel'nogo pensionnogo strahovanija» [The order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of 14th December, 2009, № 987n «About the approval of the Instruction about an order of maintaining the individual (personified) accounting of data on the insured persons for mandatory pension insurance]. Unpublished.

УДК 343.8
ББК 67.409.021к94
Н74

ЖАННА СЕРГЕЕВНА НОВОЖИЛОВА,
преподаватель кафедры управления тыловым обеспечением
УИС и коммерции
(Академия ФСИН России),
e-mail: latlas@yandex.ru

ОЦЕНКА ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА УИС

Реферат: основными факторами, влияющими на эффективное функционирование сельскохозяйственного производства в системе УИС, являются земля, труд и капитал.

Земля в аграрном секторе экономики – основное и незаменимое средство сельскохозяйственного производства. Статистические и аналитические материалы, связанные с землепользованием свидетельствуют о том, что в России по сравнению с дореформенным периодом (1990–1991 гг.) состав и структура земельных угодий, используемых в сельскохозяйственном производстве, ухудшаются. В результате этого значительное количество земель сельскохозяйственного назначения выходит из оборота. Становится очевидным, что в России земля является неиспользованным ресурсом для совершенствования сельскохозяйственного производства, одним из условий для увеличения сельскохозяйственных угодий, включая площадь пашни в УИС.

Другой важнейший ресурс производственного потенциала – это рабочая сила. В сельском хозяйстве России в целом не хватает рабочей силы, в особенности квалифицированных работников отраслей растениеводства и животноводства. Как свидетельствуют данные ежегодных сводных отчетов ФСИН России, проблем с количеством осужденных, потенциально используемых в сельском хозяйстве и агропромышленном производстве УИС, нет. Проблема кадрового потенциала в сельскохозяйственных подразделениях и подсобных хозяйствах заключается в квалификации осужденных и их текучести. В силу этого важна подготовка и переподготовка контингента, вновь прибывшего в места лишения свободы, и осужденных, используемых в отраслях растениеводства и животноводства. Та же проблема и на предприятиях перерабатывающей сферы агропромышленного комплекса (АПК) УИС. Передовой и зарубежный опыт использования рабочей силы в пенитенциарной системе свидетельствует о том, что перевод сельскохозяйственного производства на инновационный путь развития объективно требует постоянного улучшения кадрового состава осужденных. В связи с этим остро встает вопрос о совершенствовании и развитии системы начального образования и более углубленной профессиональной подготовки осужденных.

Анализ и обобщение литературных источников свидетельствуют о том, что в условиях рыночной экономики в системе УИС главной проблемой стала нехватка инвестиционно-финансовых средств для финансирования аграрного и агропромышленного производства. Следовательно, неудовлетворительное финансово-экономическое состояние отрасли в целом не позволяет повышать уровень материально-технического обеспечения сельскохозяйственных товаропроизводителей за счет собственных источников, сдерживает их инновационное развитие и освоение данной категорией хозяйств новых ресурсосберегающих и высокоэффективных технологий агропромышленного производства.

Ключевые слова: земля, труд, капитал, сельскохозяйственное производство, рабочая сила, инвестиционно-финансовые средства, агропромышленное производство.

В нашей стране с переходом на рынок коренным образом изменились социально-экономические условия функционирования предприятий и организаций, подчиненных Министерству сельского хозяйства Российской Федерации, а также хозяйствующих субъектов других министерств и ведомств, включая сельскохозяйственные подразделения, подведомственные ФСИН России.

Основными факторами, влияющими на эффективное функционирование сельскохозяйственного

производства в системе УИС, являются земля, труд и капитал.

Земля в аграрном секторе экономики является основным и незаменимым средством сельскохозяйственного производства. Статистические и аналитические материалы, связанные с землепользованием, свидетельствуют о том, что в Российской Федерации по сравнению с дореформенным периодом (1990–1991 гг.) состав и структура земельных угодий, используемых в сельскохозяйственном производстве, ухудшаются. В результате этого

значительное количество земель сельскохозяйственного назначения выходит из оборота. Так, в 2012 г. по сравнению с 1990 г. общее количество сельскохозяйственных угодий, используемых в сельскохозяйственном производстве России, снизилось на 22,7 млн га. За этот период площадь пашни сократилась на 16,3 млн га (12,4 %). Аналогичное положение сложилось и с другими категориями землепользования (кормовые угодья и многолетние насаждения). Вместе с тем доля залежных земель увеличилась с 1,3 млн га в 1995 г. до 3,6 млн га в 2012 г., или в 2,8 раза.

Таким образом, в России земля является неиспользованным ресурсом и резервом повышения сельскохозяйственного производства, одним из условий для увеличения сельскохозяйственных угодий, включая площадь пашни в УИС.

Другой важнейший ресурс производственного потенциала – это рабочая сила. В сельском хозяйстве России в целом не хватает рабочей силы, в особенности квалифицированных работников отраслей растениеводства и животноводства. Как свидетельствуют данные ежегодных сводных отчетов ФСИН России, проблем с количеством осужденных, потенциально используемых в сельском хозяйстве и агропромышленном производстве УИС, нет. Экономическое значение труда осужденных состоит в том, что позволяет в современных условиях нормально функционировать исправительному учреждению, обеспечивать потребности осужденных, помогать семьям накопить необходимые средства для обустройства после отбытия наказания. [1, с. 143]. Проблема кадрового потенциала в сельскохозяйственных подразделениях и подсобных хозяйствах заключается в квалификации осужденных и их текучести, поэтому необходима подготовка и переподготовка контингента, вновь прибывшего в места лишения свободы, и осужденных, используемых в отраслях растениеводства и животноводства. Та же проблема и на предприятиях перерабатывающей сферы АПК УИС.

Так, по данным Доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФСИН России, по состоянию на 1 января 2015 г. в учреждениях УИС содержалось 671,7 тыс. человек, в том числе: в 728 исправительных колониях отбывало наказание 558,8 тыс. человек, из которых в 129 колониях-поселениях – 40 тыс. человек. Эти осужденные представляют, на наш взгляд, потенциальную рабочую силу как для сельского хозяйства, так и для других предприятий агропромышленного производства УИС. При этом важно соблюдение материально-бытовых условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Передовой и зарубежный опыт использования рабочей силы в пенитенциарной системе свидетельствует о том, что перевод сельскохозяйственного производства на инновационный путь развития объективно требует постоянного улучшения кадрового состава осужденных. В связи с этим остро встает вопрос о совершенствовании и развитии системы начального образования и более углубленной профессиональной подготовке осужденных. В настоящее время в уголовно-исполнительной системе созданы и функционируют 333 профессиональных училища и 302 обособленных структурных подразделения, в которых ежегодно проходит обучение около 100 тыс. осужденных. В 2013–2014 учебном году количество учреждений, где отсутствуют школы и их филиалы, сократилось на 7,5 % (с 53 до 49). По состоянию на 1 января 2015 г. обязательному основному общему обучению подлежали 66 321 осужденный, из них обучалось 66 893 человека; обязательному начальному профессиональному обучению или профессиональной подготовке подлежали 119 486 осужденных, из них обучалось 80 400 человек. Остро стоит проблема создания новых образовательных учреждений для подготовки рабочих специальностей растениеводства и животноводства, а также перепрофилирования учреждений начального профессионального образования, в том числе с привлечением специалистов сельскохозяйственных колледжей и аграрных образовательных учреждений. Тем более что современные средства коммуникации позволяют осваивать краткие курсы знаний рабочих профессий посредством дистанционного обучения.

Анализ литературных источников свидетельствует о том, что в условиях рыночной экономики в системе УИС главной проблемой стала нехватка инвестиционно-финансовых средств для аграрного и агропромышленного производства.

Таким образом, неудовлетворительное финансово-экономическое состояние отрасли в целом не позволяет повышать уровень материально-технического обеспечения сельскохозяйственных товаропроизводителей за счет собственных источников, сдерживает их инновационное развитие и освоение данной категорией хозяйств новых ресурсосберегающих и высокоэффективных технологий агропромышленного производства.

В дореформенный период около 25 % национального дохода прямо и опосредованно направлялось на поддержку агропромышленного и продовольственного комплексов. В результате этого в нашей стране была обеспечена продовольственная безопасность, а граждане могли приобретать важ-

нейшие виды потребительских продовольственных товаров отечественного производства по приемлемым розничным ценам. Продовольственная безопасность была обеспечена также и в учреждениях пенитенциарной системы в соответствии с принятыми на тот период нормами питания осужденных и заключенных.

В современной России в изменившихся социально-экономических условиях поменялись приоритеты в регулировании и стимулировании различных отраслей и подотраслей народно-хозяйственного комплекса страны. При этом органы вла-

сти приоритетность в развитии отдают высокодоходным отраслям, предприятиям и компаниям. В начальный период рыночных преобразований сельское хозяйство, из-за его специфики и особенностей низкой доходности, потеряло свое приоритетное положение. В результате расходы федерального бюджета на развитие аграрной отрасли были сведены к минимуму. Так, в период с 2005 по 2013 год удельный вес в общем объеме расходов федерального бюджета на функционирование аграрного сектора экономики России варьировался в пределах от 0,7 до 1,6 % (табл. 1).

Таблица 1

Расходы федерального бюджета на развитие сельского хозяйства

Показатель	2005	2009	2010	2011	2012	2013
Расходы федерального бюджета на развитие сельского хозяйства, млрд руб. (в текущих ценах)	25,9	190,1	107,3	168,0	173,3	198,0
Удельный вес в общем объеме расходов федерального бюджета, %	0,7	2,1	1,1	1,6	1,4	1,5

Названный фактор не единственный, но, по крайней мере, основной, так как от уровня государственной поддержки зависит эффективность аграрного производства и конкурентоспособность сельскохозяйственных товаропроизводителей различных форм собственности и хозяйствования. Кроме того, о крайне тяжелом положении аграрной отрасли красноречиво свидетельствуют сопоставимые показатели валовой продукции сельского хозяйства. В частности, в 2000 г. по сравнению с базовым 1990 г. валовая продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в сопоставимой оценке снизилась на 39,3 %. В дальнейшем этот ключевой показатель постепенно увеличивался. Вместе с тем его уровень в 2013 г. ниже по сравнению с уровнем 1990 г. на 10,3 %.

В период начала рыночных преобразований в России произошло реформирование и уголовно-исполнительной системы. Прежде всего это коснулось системы управления, которое перешло

под юрисдикцию Министерства юстиции, тогда как раньше учреждения пенитенциарной системы находились в прямом подчинении Министерству внутренних дел Российской Федерации. После разрушения советской плановой системы распределения продовольственных фондов остро встал вопрос о дальнейшем развитии сельского хозяйства и агропромышленного производства, для того чтобы обеспечить заключенных продовольствием.

Исследования ряда авторов (О. В. Соболевой, О. А. Родченковой) свидетельствуют о том, что с началом рыночных преобразований учреждения пенитенциарной службы стали наращивать собственное агропродовольствие.

В частности, О. В. Соболева в своей кандидатской диссертации приводит убедительные данные, характеризующие развитие сельского хозяйства учреждений УИС в период с 1993 по 2002 год по сравнению с 1990 г. (табл. 2) [2, с. 26].

**Базисные коэффициенты роста удельного веса УИС
в основных показателях сельского хозяйства России (1990 г.)**

Показатели	Годы				
	1993	1996	2000	2001	2002
Площадь сельскохозяйственных угодий	1,5	1,7	2,4	2,4	2,7
Посевная площадь:	1,6	1,5	2,4	2,3	2,6
зерновых культур	1,6	1,2	1,8	2,0	2,0
картофеля и овощебахчевых культур	1,1	1,9	4,1	4,0	4,2
кормовых культур	1,4	1,9	3,4	3,6	3,7
Энергетические мощности	1,4	1,4	1,8	1,8	1,8
Поголовье скота и птицы (на конец года):	1,2	1,6	2,1	2,0	2,2
крупного рогатого скота	1,6	2,2	2,7	2,8	2,9
коров	1,7	2,0	2,3	2,5	2,5
свиней	1,1	1,6	2,0	2,3	2,2
овец и коз	2,0	1,4	1,9	1,6	1,5
птицы	0,9	0,9	2,5	2,6	2,5
Расход кормов в животноводстве	1,0	1,2	1,3	1,2	1,4
Производство продуктов сельского хозяйства:					
зерна (в весе после доработки)	1,4	1,2	1,7	1,8	1,9
картофеля	1,2	1,5	5,4	5,3	5,5
овощебахчевых культур	0,9	1,7	3,2	3,5	3,5
мяса (в убойном весе)	1,1	1,0	1,5	1,7	1,8
крупного рогатого скота	1,4	1,7	2,8	3,0	2,9
свиней	1,0	0,9	1,1	1,5	1,4
овец и коз	1,6	0,8	1,0	0,9	1,0
птицы	0,7	0,4	0,4	0,3	0,4
молока	1,7	1,6	1,8	2,0	2,0
яиц	0,6	0,5	0,8	1,0	0,9

В хозяйствах УИС постепенно увеличивалась площадь сельскохозяйственных угодий, которая составила в 2002 г. в 2,7 раза больше по сравнению с базовым 1990 г.

Обращает на себя внимание также увеличение посевных площадей под зерновые, картофель и бахчевые культуры, а также площади, отведенные под кормовые культуры.

Развитие базовой отрасли сельского хозяйства – растениеводства – позволило сельскохозяйственным подразделениям УИС резко повысить объемы важнейших видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, включая корма для животных. В результате увеличилось поголовье животных, особенно число крупного рогатого скота, включая коров. Таким образом, за анализируемый период почти удвоено производство зерна, увеличилось производство картофеля в 5,5 раза, овощей и бахчевых культур – в 3,5 раза, продукции крупного рогатого скота – в 2,9 раза, молока – в 2 раза. Вместе с тем наметился спад производства продукции птицеводства.

В настоящее время количество сельхозугодий в УИС составляет более 265 тыс. га, в том числе площадь пашни – 170,2 тыс. га, которая использу-

ется только на 63,2 %. Посевная площадь сельскохозяйственных культур под урожай 2013 г. в хозяйствах всех категорий составила 78,89 тыс. га, что на 2,2 тыс. га (3 %) больше, чем в 2012 г. Вследствие увеличения урожайности валовой сбор зерна увеличился на 29 %.

В отрасли животноводства произошло увеличение поголовья крупного рогатого скота на 3,7 % при уменьшении числа коров на 1,3, свиноголовья увеличилось на 3, поголовье птицы – на 67 %.

Показатели эффективности производства в 2013 г. по сравнению с 2012 г. в сельскохозяйственных организациях УИС составили: среднегодовой удой от 1 коровы увеличился на 0,7 %, яйценоскость увеличилась на 0,5 %. При этом средний уровень рентабельности сельскохозяйственных подразделений УИС в 2012 г. составил 6,95 % (без учета дотаций), а в 2013 г. – 9,3 % [3, с. 8].

Как известно, повышение эффективности сельского хозяйства в целом, и в УИС в частности, во многом обеспечивается пропорциональностью и сбалансированностью основных факторов производства. В связи с этим целесообразно вовлечение в сельскохозяйственный оборот УИС неиспользуемых, неэффективно используемых земель сель-

скохозяйственного назначения, сохранение и воспроизводство плодородия почв до оптимального уровня в каждой конкретной зоне; развитие учреждений сельскохозяйственного профиля и сельхозпредприятий, укрепление материально-технической базы; увеличение объемов производства

сельскохозяйственной продукции, особенно в регионах с благоприятными климатическими условиями за счет увеличения кадрового потенциала и инвестиционно-финансовых средств для финансирования аграрного и агропромышленного производства УИС.

Список литературы

1. Рахимова Э. Р. Правовое обеспечение труда осужденных как одно из основных средств их социализации // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1. С. 143–145.
2. Соболева О. В. Использование производственного потенциала сельскохозяйственных организаций пенитенциарной системы : дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 125 с.
3. Об утверждении программы «Обеспечение продовольственной безопасности уголовно-исполнительной системы на 2014–2016 годы» : приказ ФСИН России от 30 дек. 2013 г. № 805.
4. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний.

ZHANNA SERGEEVNA NOVOZHILOVA,

lecturer of the management logistics of the penal system and commerce department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: atlas@yandex.ru

ASSESSMENT OF FACTORS OF AGRICULTURAL PRODUCTION OF THE CORRECTIONAL SYSTEM

Annotation: in the most General sense, the main factors influencing the effective functioning of the agricultural production, both in General and in the FPS of Russia are land, labor and capital. The land is in the agricultural sector is the main and indispensable means of agricultural production. Statistical and analytical materials related to land use indicate that in Russia compared with the Soviet era (1990–1991) period of composition and structure of land used in agricultural production, worsening. As a result a significant amount of agricultural land is withdrawn from circulation. Based on the foregoing, it becomes evident that in Russia the land is untapped resource and reserve increase agricultural production, one of the conditions for increase of agricultural land, including arable land area in penal system.

Another important resource production potential is labour. In Russia's agriculture in General do not have enough manpower, especially skilled workers in the sectors of crop and livestock production. At the same time, according to data annual summary reports of the Federal penitentiary service, with a number of prisoners, potentially used in agriculture and agribusiness penal system no particular problems. The problem of human capacity in the agricultural units and households is only in qualifying prisoners and their fluidity. It is therefore very important training and retraining of troops, newly arrived in the prisons and convicts used in crop and livestock production. The same problem is in the processing of agro-industrial complex of the penal system. Advanced and foreign experience in the use of labor in the penitentiary system suggests that the transfer of agricultural production on the innovative way of development objectively requires constant improvement of personnel convicted. In this regard, the acute question of the improvement and development of primary education and a more in-depth training of convicts.

Analysis and generalization of literary sources indicate that in the conditions of market economy in the FPS of Russia the main problem was the lack of investment of funds for financing agricultural and agribusiness production. In other words, poor financial and economic state of the industry in General does not allow to increase the level of logistical support to agricultural producers at the expense of own sources and inhibited innovation and the development of this category of farms of new resource-saving and high-efficiency technologies in agricultural production.

Key words: land, labour, capital, agricultural production, labour force, investment and financial resources in agricultural production.

References

1. Rahimova Je. R. Pravovoe obespechenie truda osuzhdennyh kak odno iz osnovnyh sredstv ih socializacii [Legal support of labor as one of their main means of socialization]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2010, no. 1. pp. 143–145.
2. Soboleva O. V. Ispol'zovanie proizvodstvennogo potentsiala sel'skhozjajstvennyh organizacij penitenciarnoj sistemy. Dis. kand. jekon. nauk [Use of the productive capacity of agricultural organizations in the penitentiary system. Cand. econ. sci. diss.]. Moscow, 2005, 125 p.
3. Prikaz FSIN Rossii ot 30 dekabrya 2013 g. № 805 «Ob utverzhdenii programmy «"Obespechenie proizvod'stvennoj bezopasnosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy na 2014-2016 gody"» [The Order of the FPS of Russia from Desember, 30th, 2013, № 805 «On approval of the program «Ensuring food security in the penal system for 2014-2016"»]. Unpublished.
4. Doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravlenijah dejatel'nosti na 2015–2017 gody Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij [The report on results and main directions of activities for 2015–2017 Federal service of execution of punishments]. Unpublished.

УДК 343.98
ББК 67.52
С60

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА СОЛОВЬЕВА,
адъюнкт кафедры уголовного процесса, криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности
(Вологодский институт права и экономики ФСИН России),
e-mail: nastpeace@mail.ru

**РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

Реферат: знание элементов криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях способствует принятию тактических решений по оперативно-техническому и технико-криминалистическому обеспечению расследования данных преступлений. При этом необходимо учитывать присущие рассматриваемой научной категории специфические черты, проявляющиеся только в условиях исправительных учреждений: особые мотивы, способы преступления, данные о лицах, совершивших преступление, и др. Цель статьи – выявление знаний об особенностях элементов криминалистической характеристики указанной категории преступлений. Эмпирическую основу исследования составляют статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний, анкетирование сотрудников органов предварительного следствия, оперативных сотрудников ФСИН России, 156 уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях уголовно-исполнительной системы в 2010–2013 гг. на территории Оренбургской, Самарской, Ярославской, Тульской, Вологодской областей, Красноярского края и Республики Коми. Практическое значение рассматриваемого понятия обусловлено установлением корреляционных связей между всеми элементами, которые в зависимости от появления новых знаний способны изменять свои качественные и количественные характеристики, и формированием на основе этого эффективных приемов, средств и методов расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также созданием и совершенствованием криминалистических рекомендаций.

В результате изучения научной литературы, данных практики и проведенного анкетирования сформулировано определение криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях как системы данных о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях, включающей в себя информацию о способах преступлений, типичных следах преступлений, сведений о личности предполагаемого преступника и вероятных мотивах и целях преступлений, некоторых обстоятельствах их совершения (место, время, обстановка), служащей для решения задач по обеспечению быстрого, полного и всестороннего расследования, раскрытия и предупреждения преступлений, а также эффективного технико-криминалистического обеспечения. Выявлены основное содержание элементов криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с учетом пенитенциарных условий и необходимость установления корреляционных связей между ними. По итогам исследования сделан вывод о том, что основными способами данных преступлений являются: переброс через ограждение учреждения, в том числе с использованием технических устройств; передача наркотических средств во время свиданий с близкими, родными осужденных, защитниками, сотрудниками правоохранительных органов, представителями общественных организаций; пересылка наркотических средств в бандеролях, передачах, посылках; пронос наркотических средств через контрольно-пропускной пункт исправительных учреждений; провоз, пронос наркотических средств через контрольно-транспортный пункт исправительных учреждений; передача наркотических средств при этапировании; передача, приобретение наркотических средств в момент нахождения осужденного за пределами исправительного учреждения. Установлены типичные следы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях уголовно-исполнительной системы: следы отпечатков папиллярных узоров пальцев рук преступника, данные о соединениях абонентов и телефонных переговорах, следы наркотических средств, их употребления; места наиболее вероятного их обнаружения: жилая, производственная зоны, контрольно-пропускной, контрольно-транспортный пункты, территория, прилегающая к основному ограждению, предметы со следами наркотических средств, предметы, используемые в качестве тайников для транспортировки наркотических средств и их

передачи на территорию исправительного учреждения. В соответствии с результатами исследования субъектами указанной категории преступлений являются: осужденные; сотрудники исправительного учреждения; родственники, близкие осужденного; защитники, адвокаты, представители общественных организаций, сотрудники правоохранительных органов и иные лица. Установление корреляционных связей между данными о личности преступника и некоторыми обстоятельствами совершения преступления, а также другими указанными элементами криминалистической характеристики позволяет принять тактически выверенное решение об использовании помощи специалиста, о необходимости применения определенных технико-криминалистических методов и средств.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, незаконный оборот наркотических средств, исправительное учреждение, технико-криминалистическое обеспечение, способ совершения преступления, данные о личности преступника, обстоятельства совершения преступления, типичные следы.

Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях, несомненно, имеет важное значение для разработки и совершенствования методических рекомендаций по раскрытию и расследованию данной категории преступлений. При этом присущие ей особенности связаны с определенными факторами, одним из которых является широкое применение специальных знаний, а также решение оперативно-технических и технико-криминалистических вопросов расследования рассматриваемых преступлений. В связи с этим при изучении и описании криминалистической характеристики мы обращались к вопросам технико-криминалистического обеспечения, рассматривая элементы криминалистической характеристики через призму использования специальных знаний и технико-криминалистических средств и методов.

Изучение научной криминалистической литературы показало, что криминалистическая характеристика как совокупность взаимосвязанных элементов формируется не на основе анализа конкретного преступления, а на установлении закономерных связей видовых (родовых) преступлений. Изучение и анализ различных подходов к определению научной категории «криминалистическая характеристика», а также необходимость рассмотрения данного понятия с точки зрения возможностей использования специальных знаний позволили сформулировать общее определение криминалистической характеристики преступлений без конкретизации ее элементов [1, с. 99; 2, с. 7; 3, с. 96; 4, с. 737; 5, с. 22]. Практическое значение рассматриваемого понятия обусловлено установлением корреляционных связей между всеми элементами, качественное и количественное изменение которых вызвано появлением новых криминалистических знаний об определенной категории преступлений.

В результате изучения различных точек зрения о содержании криминалистической характеристики

преступлений и трансформации данной научной категории относительно рассматриваемых преступлений выработана авторская позиция, согласно которой криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях – это система данных о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях, включающая в себя информацию о способах преступлений, типичных следах преступлений, данных о личности предполагаемого преступника и вероятных мотивах и целях преступлений, некоторых обстоятельствах совершения преступлений (место, время, обстановка), служащая для решения задач по обеспечению их быстрого, полного и всестороннего расследования, раскрытия и предупреждения, а также эффективного технико-криминалистического обеспечения.

Способ преступления – один из главных элементов в структуре криминалистической характеристики, включающих в себя приготовление, совершение и сокрытие преступления. Криминалистическое значение способа преступления заключается в возможности установления типичных следов, принадлежащих лицу, применяющему этот способ, вероятного их нахождения, а также с учетом таких данных выбора методов и средств технико-криминалистического обеспечения, что помогает перейти к установлению личности преступника. При исследовании криминалистической сущности способа преступления мы обращались к работам Б. С. Волкова, С. П. Митричева, В. Н. Кудрявцева, А. Н. Васильева, Р. Г. Домбровского и др. [6, с. 14; 7, с. 60]. Конкретный способ совершения указанных преступлений определяет присутствие именно данному способу следы, обнаружению, изъятию и фиксации которых способствует оптимальный выбор технико-криминалистических методов и средств.

На основе изучения следственной практики, статистических данных, результатов проведенного анкетирования сотрудников оперативных подразделений ФСИН России, а также следственных подразделений МВД России и ФСКН России сделан

вывод о том, что способами совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях являются следующие: 1) переброс через основное ограждение учреждения, в том числе с использованием технических средств, в качестве способа совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях отметили 41 % респондентов; 2) передача наркотических средств во время свиданий с близкими, родными осужденных – 58,5; 3) пересылка наркотических средств в бандеролях, передачах, посылках – 68,4; 4) пронос наркотических средств через контрольно-пропускной пункт (КПП) исправительных учреждений – 47,2; 5) передача наркотических средств во время свиданий с защитниками, сотрудниками правоохранительных органов, представителями общественных организаций – 33,6; 6) провоз, пронос наркотических средств через контрольно-транспортный пункт (КТП) исправительных учреждений – 32; 7) передача наркотиков при этапировании – 27,3; 8) передача, приобретение наркотических средств в момент нахождения осужденного за пределами исправительного учреждения – 9 % опрошенных сотрудников [8].

Учитывая изложенное, считаем, что выбор технико-криминалистических средств и методов не должен быть универсальным, необходимо учитывать особенности использования специальных знаний в каждом конкретном случае.

При расследовании незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях, совершенного с помощью средств мобильной связи, появляется необходимость в использовании технических устройств, средств и методов, позволяющих своевременно обнаружить такие средства у осужденных, зафиксировать и изъять информацию, имеющую отношение к передаче наркотических средств, как в результате оперативно-технических мероприятий, так и в результате производства следственных действий с привлечением специалиста (эксперта).

Разнообразие применяемых ухищрений для доставки наркотических средств на территорию исправительного учреждения свидетельствует о необходимости использования дополнительных технических средств обнаружения запрещенных веществ. Однако проблема оснащения исправительных учреждений такими средствами оказывает негативное влияние на пресечение попыток доставки наркотических средств осужденным. Выявить и пресечь такие попытки в момент прохождения (проезда) лиц через КПП (КТП) позволяет своевременная оперативная информация, получен-

ная сотрудниками оперативного подразделения исправительного учреждения, а также применяемые для досмотра технические средства обнаружения наркотических средств, требующие от сотрудников соответствующих знаний. Так, 1 июня 2008 г. около 18 часов в ходе проведения совместных оперативно-розыскных мероприятий оперативными сотрудниками УФСИН России по Вологодской области и УФСИН России по Вологодской области в режимной зоне учреждения УФСИН России по Вологодской области был задержан сотрудник исправительного учреждения Ш., который намеревался незаконно сбыть осужденным наркотическое средство – гашиш общей массой 7,941 г однако это не удалось по независящим от него обстоятельствам [9].

В продолжение исследования элементов криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях рассмотрим типичные следы преступления, в качестве которых выделены: следы отпечатков папиллярных узоров пальцев рук преступника, данные о соединениях абонентов и телефонных переговорах, следы наркотических средств, их употребления, а также наиболее вероятные места совершения преступления (жилая, производственная зоны; контрольно-пропускной, контрольно-транспортный пункты; территория, прилегающая к основному ограждению); предметы со следами наркотических средств; предметы, используемые в качестве тайников для транспортировки наркотических средств и их передачи на территорию исправительного учреждения.

Следующим элементом криминалистической характеристики преступлений рассматриваемой категории являются некоторые обстоятельства совершения преступления (время, место, обстановка). Выбор места совершения преступления обусловлен способом его совершения, а также фактором ослабленной бдительности сотрудников при исполнении своих служебных обязанностей. Эти же факторы влияют и на выбор времени совершения незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях. Так, для осуществления переброса осужденные, как правило, выбирают время приема (сдачи) смены сотрудниками исправительного учреждения, когда контроль с их стороны ослаблен. Строго определенное для каждого исправительного учреждения время приема передач, посылок, бандеролей будет являться временем осуществления незаконного оборота наркотических средств, находящихся в передаче (посылке, бандероли). Для сбыта наркотических средств осужденными в пределах исправительного учреждения выбирается ночное время, поскольку контроль за деятельностью осужденных уменьшается [10].

В условиях исправительного учреждения на организацию расследования преступлений оказывают влияние психологические (высокая концентрация лиц, имеющих преступный опыт и опыт противодействия расследованию), социальные (лица, имеющие процессуальный статус осужденного и разный уровень образования, семейного положения, положения в преступной среде), территориальные (удаленность многих учреждений от пунктов дислокации следственно-оперативной группы), организационные (необходимость принятия организационных решений по проведению первоначальных следственных действий, оперативно-розыскных, режимных мероприятий, распределению сил и средств), правовые факторы. Анализ результатов проведенного анкетирования сотрудников оперативного отдела исправительных учреждений, следственных подразделений МВД России и ФСКН России позволяет сделать вывод о необходимости учета данных факторов при производстве следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, определении тактики поведения данных лиц, а также при использовании и применении с учетом этого необходимых специальных знаний и выборе соответствующего оперативно-технического и технико-криминалистического сопровождения.

Не меньшей ценностью обладают данные о личности преступника, которые указывают на закономерные связи между ним и совершенным деянием, проявляющиеся в различных последствиях совершенного преступления [12, с. 118–121]. Для получения информации о личности преступника нередко приходится обращаться к специальным знаниям, полученным другими науками. Связь данных о личности преступника с другими элементами криминалистической характеристики преступления способствует формированию приемов, средств и методов расследования преступления с использованием специальных знаний, совершенствованию криминалистических рекомендаций. Особенности личности преступника влияют на выбор предмета преступного посягательства, способа совершения преступления, его приготовления и сокрытия, обстановку. Знание криминалистически значимых свойств личности преступника, по нашему мнению, способствует определению особенностей подготовки, совершения, сокрытия преступления; выявлению источников информации о преступнике; определению системы так-

тических и технико-криминалистических методов и средств по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации о личности преступника; разработке типовых версий о лицах, совершивших преступление данной категории.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что субъектами рассматриваемой категории преступлений выступают: 1) осужденные; 2) сотрудники исправительного учреждения (сотрудники отдела безопасности и режима, вольнонаемные сотрудники, сотрудники отдела по воспитательной работе с осужденными, сотрудники отдела охраны, медицинские работники учреждения, сотрудники оперативного отдела); 3) родственники, близкие осужденного; 4) защитники, адвокаты, представители общественных организаций, сотрудники правоохранительных органов и иные лица [8].

Психологические и психические особенности подозреваемых (обвиняемых), по нашему мнению, подлежат установлению лицами, осуществляющими расследование незаконного оборота наркотических средств, с целью оптимальной организации работы, определения тактики проведения следственных действий и иных мероприятий, выбора необходимых технических средств, а также определения необходимости привлечения специалиста для оценки действий и поведения осужденных, страдающих психическими отклонениями. По результатам переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в 2009 г., было выявлено наличие у осужденных следующих психических отклонений: страдающие олигофренией – 0,51 %, иными психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, – 3,56 % [11, с. 28]. Участие специалиста может оказать значимую помощь в принятии тактических решений при расследовании рассматриваемых преступлений, производстве следственных и иных действий.

Таким образом, установление корреляционных связей между выделенными нами элементами криминалистической характеристики способствует формированию приемов, средств и методов расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях с использованием специальных знаний, совершенствованию криминалистических рекомендаций.

Список литературы

1. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. 246 с.
2. Рубцов И. И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 24 с.
3. Методика расследования преступлений: общие положения. М., 1976. 324 с.

4. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 2001. 837 с.
5. Ермолович Е. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений : монография. М., 2001. 196 с.
6. Митричев С. П. Методика расследования отдельных видов преступлений : монография. М., 1973. 187 с.
7. Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 60–66.
8. Результаты анкетирования сотрудников исправительных учреждений территориальных управлений ФСИН России. М., 2013.
9. Уголовное дело № 8930263 // Архив Шекснинского районного суда Вологодской области.
10. Опыт работы органов и учреждений УФСИН России Северо-Западного региона по производству неотложных следственных действий на первоначальном этапе расследования незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях. Вологда, 2009. С. 11.
11. Фирсаков С. В. Наркоманы, отбывающие лишение свободы / под общ. ред. В. И. Селиверстова. М., 2011. Вып. 8. С. 28.
12. Воронин Р. М., Датий А. В., Трубецкой Ф. Т. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 118–121.

ANASTASIYA SERGEEVNA SOLOVYEVA,

post-graduate of the criminal procedure, criminalistics
and detective activities department

(Vologda institute of the law and economy of the FPS of Russia),

e-mail: nastpeace@mail.ru

THE ROLE OF CRIMINALISTIC CRIME CHARACTERISTICS IN TECHNICAL-CRIMINALISTIC ENSURING OF DETECTION AND INVESTIGATION OF ILLICIT DRUGS TRAFFICKING IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Annotation: knowledge of criminalistic characteristics of the illicit drugs trafficking in correctional institutions contributes to making tactical decisions concerning operational-technical and technical-criminalistic ensuring of the investigation of these crimes. It is necessary to take into account the specific features peculiar of this scientific category, that appear only in correctional institutions: special motives, methods of crime, data about the persons who committed a crime, etc. The purpose of this article is to identify the knowledge, that constitute the peculiarity of the criminalistic characteristic elements of this category of crimes and to establish their role in making decisions to ensure the technical-criminalistic investigation of these crimes. The statistics of the Federal Penal Service, questioning of the officers of the preliminary investigation, of the detective officers of the FPS of Russia, 156 criminal cases concerning illicit drugs trafficking and psychotropic substances, committed in the penal system in 2010-2013 in the Orenburg, Samara, Yaroslavl, Tula, Vologda regions, the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Komi make up the empirical basis of the study. The practical significance of the concept is associated with the establishment of correlations between all elements, which, depending on the emergence of new knowledge, can change their qualitative and quantitative characteristics and the formation on the basis of effective methods, tools and techniques of investigation of illegal trafficking of drugs and psychotropic substances in the penal institutions, as well as the creation and improvement of criminalistic recommendations.

Due to the study of the scientific literature, practices data, the results of the survey conducted by the author, the definition of criminological characteristics of illicit drug trafficking in correctional institutions was formulated, as a system of information on illicit drug trafficking in correctional institutions, including information on types of crimes, typical traces of crimes, data of the identity of the supposed offender and the probable motives and purposes of the crimes of some circumstances of the crime (time, place, environment) that serves to meet the challenges of ensuring their full, rapid and thorough investigation, detection and prevention, as well as to meet the challenges of effective technical and criminalistic support. The basic content of the elements of criminalistic characteristics of illicit drug and psychotropic substances trafficking has been determined taking into account prison conditions and the need to establish correlations between them. The study conducted by the author resulted in the conclusion that the main methods of these crimes are the transfer over the main enclosure of the establishment, including the use of technical devices; the transfer of drugs during a meeting with relatives of convicts; sending of drugs in parcels and transmissions, posting; bringing drugs through the checkpoint of correctional institutions; the transfer of drugs during meetings with lawyers, law enforcement officials, representatives of public organizations; transportation, bringing drugs through the traffic control

point of correctional institutions; the transfer of drugs during the prison transfer; transfer, acquisition of drugs at the time the convict is outside the correctional institution. The following things have been established: typical traces of illicit drugs and psychotropic substances trafficking in penal establishments - patterns of fingerprints of an offender, data about connections of subscribers and telephone conversations, traces of drugs, of their use; the places where it is more likely to detect them are residential, industrial zones; checkpoints, traffic control points; areas adjacent to the main fence; objects with traces of drugs; items used as hiding places for drugs transporting and their transfer to the territory of the correctional institution. In accordance with the results of the research the subjects of this category of crimes are convicted; correctional staff (employees of the security and regime department, civil employees, social workers with convicts, employees of the department of protection, medical personnel, detective officers); the family, relatives of the convicted person; advocates, lawyers, representatives of public organizations, law enforcement personnel and other persons. The establishment of correlations between the data on the identity of the criminal and some of the circumstances of the crime (place, time, environment), as well as other elements criminological characteristics mentioned, allow to make a tactically accurate decision on the use of professional assistance, the need to apply certain technical and criminalistic methods and means.

Key words: criminalistic description, illicit drugs trafficking, correctional institution, technical-criminalistic assurance, method of committing a crime, data on the identity of the criminal, circumstances of the crime, typical tracks.

References

1. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy [Criminalistic characteristic of crimes]. Moscow, 1984, 246 p.
2. Rubtsov I. I. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy kak element chastnykh metodik rassledovaniya. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Criminalistic characteristic of crimes as an element of particular methods of investigation. Cand. legal sci. diss. abstract]. St. Petersburg, 2001. 24 p.
3. Metodika rassledovaniya prestupleniy: obshhie polozheniya [Methodology for the investigation of crimes: general provisions]. Moscow, 1976, 324 p.
4. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki [Course of criminalistics]. Moscow, 2001, 837 p.
5. Ermolovich E. F. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy [Criminalistic's characteristics of crimes]. Moscow, 2001, 196 p.
6. Mitrichev S. P. Metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [Methodology for the investigation of certain types of crimes]. Moscow, 1973. 187 p.
7. Kudryavtsev V. N. Sposob soversheniya prestupleniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie [The method of the crime and the criminal-legal value]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law, 1957, no. 8, pp. 60–66.
8. Rezultaty anketirovaniya sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdeniy territorialnykh Upravleniy FSIN Rossii [The results of the survey of correctional officers of territorial Departments of the Federal penitentiary service of Russia]. Moscow, 2013.
9. Ugolovnoe delo № 8930263 [Criminal case no. 8930263]. Arkhiv Sheksninskogo rajonnogo suda Vologodskoj oblasti [Archive Sheksna district court of the Vologda region]. Unpublished.
10. Opyt raboty organov i uchrezhdenij UFSIN Rossii Severo-Zapadnogo regiona po proizvodstvu neotlozhnykh sledstvennykh dejstvij na pervonachalnom eh tape rassledovaniya nezakonno oborota narkoticheskikh sredstv v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh. Vologda [The experience of the organs and institutions of the penitentiary service of the Russian North-West region for the production of urgent investigative actions at the initial stage of the investigation of illicit drugs in prisons]. Vologda, 2009, p. 11.
11. Firsakov S. V. Narkomany, otbyvayushhie lishenie svobody [Drug addicts serving sentences]. Under the editorship of V. I. Seliverstov. Moscow, 2011, vol. 8, p. 28.
12. Voronin R. M., Dativ A. V., Trubetzkoy F. T. Nekotorye harakteristiki osuzhdennykh bolnykh narkomaniy [Some characteristics of convicts are drug addicts]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2012, no. 3, pp. 118–121.

УДК 343.8
ББК 67.409-0
Ю56

АБДУЛЖАБАР АГАБАЛАЕВИЧ ЮНУСОВ

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права, международного
и европейского права;

МУСЛИМ АБДУЛЖАБАРОВИЧ ЮНУСОВ

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Академия ФСИН России),
e-mail: abdulzhabar@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКТИВНОСТИ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Реферат: в статье обосновывается необходимость функционирования уголовно-исполнительной системы в новых условиях реформирования всех структур государства. Отмечается, что еще не изжиты случаи нарушения законности и правил обращения с осужденными, что свидетельствует о наличии деформации в правовом сознании и правовой культуре сотрудников уголовно-исполнительной системы. В связи с этим предъявляются новые требования к сотрудникам учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Правовая культура личности должна быть важнейшей формой социальной активности становления Российского государства как правового. Профессиональная подготовка персонала уголовно-исполнительной системы является общепризнанной задачей руководства ведомства. При формировании правовой культуры учитываются субъективные, объективные отношения, которые присутствуют в процессе выполнения служебных задач. Проводится анализ правовых средств и методов структур гражданского общества в деле формирования ценностно-правовых восприятий и мировоззренческих идеалов личности. Особое внимание уделяется духовно-нравственной составляющей субъектов права с целью успешного выполнения поставленных государством задач.

Ключевые слова: правовая активность, правовая культура, уголовно-исполнительная система, обязанности, субъекты гражданского права, профессиональная деформация, юридическое образование, ценностные ориентации.

Широкий диапазон социального назначения уголовно-исполнительной системы в правовом государстве обусловил необходимость ее реформирования, в результате которого произошел переход от системы репрессивно-карательного типа к системе пенитенциарного типа, деятельность которой базируется на принципах уважения прав человека и законности. Важным условием ее функционирования в новом качестве является наличие сформированного, развитого правового воспитания, правовой культуры и правовой активности ее сотрудников.

Не до конца изжиты факты бездушного отношения к осужденным, упоения властью, пренебрежения нормами служебной этики, бескультурья в речи и поведении. Имеют место случаи унижения человеческого достоинства осужденных, лишения их законных прав, необоснованного применения спецсредств, вступления в запрещенные связи со спецконтингентом, взяточничество, предательство сотрудниками интересов службы и др. На этой почве поступает многочисленное количе-

ство жалоб на нарушение законности сотрудниками уголовно-исполнительной системы [1, с. 7].

Реально существуют проблемы деформации правового воспитания и правовой культуры сотрудников пенитенциарной системы, существование которой связано со многими обстоятельствами.

Масштабные преобразования в современной России предъявляют новые требования к становлению личности: в ситуации, когда государство ограничило свое участие в обеспечении базового уровня жизни населения, когда ответственность за свою судьбу находится в руках самого человека, становится очевидным, что только активная личность, способная успешно функционировать во всех сферах жизнедеятельности, может взять на себя ответственность за собственное будущее и будущее своей страны. Главной задачей внутренней политики государства было и остается формирование гармонично развитой, активной социально-правовой личности, воспитание у нее высокой гражданственности, уважения к законам, готовности участвовать в обеспечении правопорядка [2, с. 169].

Впервые термин «правовая активность личности» был введен в научный оборот в середине XX столетия. Возникновение такой социально-правовой категории объясняется осознанностью государства в значимости и ценности гражданина, который активно участвует в управлении государством, реализует предоставленные права и исполняет возложенные на него обязанности.

Заслуживает внимания высказывание В. И. Ленина о том, что советская власть есть аппарат, аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе, эта власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли, делающая все для формирования гражданина как активного социально-правового субъекта гражданского права.

Как отмечает Т. А. Турбина, в актах КПСС подчеркивалось, что «заинтересованность в общем деле, в развитии производства, сопоставление мнений, откровенная и принципиальная критика и самокритика, повышение общественно-политической активности каждого гражданина – в этом суть советской демократии, демократии работающей, действующей». В выступлениях XXVI съезда КПСС прямо звучали призывы к советским ученым «глубже и смелее... анализировать явление политической жизни общества» [3].

Таковыми характерными чертами правовой культуры личности являются:

- 1) знание действующих законов страны;
- 2) достаточно высокий (приемлемый) уровень правосознания;
- 3) убеждение в необходимости, полезности, целесообразности законов и иных правовых актов, внутреннее согласие с ними;
- 4) правильное понимание (осознание) своих прав и обязанностей, свободы и ответственности, своего положения (статуса) в обществе, норм взаимоотношений с другими людьми, согражданами;
- 5) соблюдение, исполнение или использование этих законов, ибо одно только знание юридических предписаний не может дать желаемого эффекта;
- 6) правовая активность, то есть целенаправленная инициативная деятельность субъекта гражданского права по пресечению правонарушений;
- 7) противодействие беззаконию;
- 8) поддержание правопорядка и законопослушания в обществе;
- 9) преодоление правового нигилизма.

Содержание правовой культуры субъектов гражданского права можно выразить следующей

формулой: знать – уважать – соблюдать. Имеются в виду требования всех законов государства.

Все формы социальной активности имеют свою специфику, связанную с конкретным видом общественных отношений, что служит основанием для обособления социально-правовой активности в сфере правового регулирования. Последней свойственны как все перечисленные признаки, так и особенности, обусловленные специфическим характером правовых отношений. Социальная активность, реализуемая в правовой сфере, выступает в форме правовой активности.

Правовая активность личности – одна из важнейших форм социальной активности, играющая большую роль в процессе становления Российского государства как правового, где осуществляются взаимные права и обязанности субъектов гражданского права, ответственность общества, государства, коллектива и личности [4, с. 17–25]. В ст. 1 Конституции РФ закреплено, что Россия – это демократическое федеративное правовое государство. Основой данного государства выступает активная правовая личность.

В правовую культуру входят ценностные ориентации общества, социальных групп и слоев населения, а также индивидов, имеющие юридическое знание, которые концентрируются в правосознании. Наивысшим среди них являются ориентации на общечеловеческие ценности, а их ядром – человеческая личность с ее естественными правами.

Говоря о проблемах правовой активности сотрудников УИС, следует учитывать специфику профессиональной подготовки и деятельности. Деятельность персонала УИС призвана обеспечить достижение основных целей, направленных на реализацию функций по принудительной изоляции осужденных от общества, их исправление и профилактику совершения ими новых преступлений. Они могут быть обеспечены лишь соблюдением режима содержания, которым устанавливаются определенные запреты и правила поведения, являющиеся обязательными для исполнения осужденными.

Девиантное поведение со стороны осужденных порождает законную реакцию со стороны персонала исправительных учреждений – применение физической силы или специальных средств, а при падении на сотрудников, побегах из исправительных учреждений – применение огнестрельного оружия. Как показывает практика, их неквалифицированное применение в целях личной безопасности или в случаях преодоления противодействия влечет за собой травматизм, летальные исходы со стороны осужденных и, как следствие, привлечение к уголовной ответственности сотрудников исправитель-

ных учреждений, что в случае доказанности вины приводит к увольнению из органов УИС.

По мнению А. В. Огородникова, труд призван сыграть большую роль в процессе функционирования сотрудника УИС в проблемах подготовки квалифицированных кадров, способных профессионально решать служебные задачи, претворять в жизнь принцип гуманности в функционировании исправительных учреждений, применять законные и эффективные формы работы с осужденным, что является одной из основных задач в деятельности УИС. Предполагается воспитание у курсантов ФСИН России уважительного отношения к правам и свободам человека, его достоинству. Результативность профессиональной подготовки выражается в готовности выпускника вуза к продуктивному решению профессиональных задач [5, с. 219].

В функционировании исправительных учреждений УИС выделяются три категории сотрудников, обеспечивающих процесс исполнения наказания: непосредственно обеспечивающие исполнение наказания (оперативный отдел, служба безопасности, охрана); осуществляющие воспитательную работу с осужденными (начальники отрядов), психологическую помощь (психологи); сотрудники отделов материально-технического снабжения и технических служб.

Деятельность сотрудников ФСИН России характеризуется рядом особенностей, среди которых можно выделить ее правовой характер [6]; включенность в субъектно-объектные отношения, в которых каждый акт правоприменения влечет за собой последствия; неисполнение или ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей (бездействие, злоупотребление, превышение власти и т. д., что является нарушением того или иного нормативного акта и обуславливает повышенную ответственность за свои поступки. Служба сотрудника УИС связана с экстремальным характером, с различным уровнем стрессогенности [5, с. 222]. Таким образом, учитывая описанные А. В. Огородниковым особенности деятельности сотрудников УИС, можно назвать еще одну причину проблемы правовой активности сотрудников – это профессиональная адаптация.

Проблема правовой активности сотрудников УИС связана с профессиональной деформацией. Как справедливо отмечает М. А. Шерменев, профессиональное правосознание – важнейший компонент профессиональной пригодности сотрудников любых юридических специальностей, оно рассматривается как элемент идеальной модели профессионала. Но реальное, жизненное правосознание далеко от идеала и всегда характеризуется присутствием некоторой дезорганизованности тех или иных его элементов, дисфункцией этих элементов,

нарушением их работы, то есть ему свойственны те или иные отклонения или деформации [6].

Большую роль играют юридические средства, оказывающие позитивное и непосредственное воздействие на развитие активности человека в сфере правового регулирования. Гражданская активность неотделима от меры поведения, обозначенной правовыми нормами. Норма права сама по себе как регулятор отношений не может предопределить необходимую волевою активность (правомерную). Она должна проникнуть в сознание человека, опосредоваться в нем, то есть привести к определенному положительному результату, выразившемуся в правомерном поведении. Только таким образом может реализовываться регулятивная функция права. Именно через осознанность нормы права определяются мотивы поведения, побуждающие к действию и в итоге определяющие вариант поведения.

Процесс формирования социально полезного поведения и его мотивационная обусловленность представляют собой сложный комплекс вырабатывания ценностно-правовых восприятий и мировоззренческих идеалов личности, под воздействием которых она осуществляет правовую активность и становится правовой.

По мнению С. Н. Кожевникова, профессионально-правовая активность сотрудников правоохранительных органов в основном находит свое выражение в рамках правоприменительного процесса, причем на всех его стадиях – установление фактических обстоятельств дела, выбор нормы права и ее анализ, принятие решения и его документальное оформление и т. д. В частности, она находит свое проявление при производстве ряда процессуальных действий и выражается в самостоятельности направления и поиска доказательств, очередности процессуальных действий, использовании тех или иных тактических приемов. Другим аспектом правовой активности сотрудников правоохранительных органов, выражающим такой ее признак, как интенсивность, является вынесение решения по юридическому делу, разрешение заявлений и жалоб граждан, рассмотрение их предложений раньше срока, установленного законодательством, с соблюдением принципов законности, обоснованности, целесообразности, справедливости [7, с. 20–21].

Проводя анализ всех рассмотренных мнений, при определении правовой активности сотрудников уголовно-исполнительной системы следует учитывать специальные условия, в которых необходимо нести службу:

– общественное мнение об уголовно-исполнительной системе;

– научная организация труда сотрудников, основной деятельностью которых является правоприменение;

– качество законодательства, содержание которого обуславливает деятельность сотрудника в процессе правоприменения и определяет его правовой статус;

– научно обоснованные критерии эффективности правоприменения в уголовно-исполнительной системе;

– материально-техническое обеспечение правоприменительного процесса;

– микроклимат коллектива учреждения и органа УИС, в рамках которого осуществляется правоприменение;

– профессиональная культура сотрудников УИС, иные качества данных лиц.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что проблемами правовой активности сотрудников УИС являются:

– проблемы в правовом сознании и правовом воспитании сотрудников уголовно-исполнительной системы;

– ненадлежащий уровень правовой культуры сотрудников;

– невысокий уровень профессионального образования сотрудников;

– проблемы в устранении причин девиантного поведения;

– профессиональная деформация сотрудников уголовно-исполнительной системы;

– обобщенные и разобщенные подходы к пониманию «должного поведения» сотрудника;

– отсутствие нормативно-правового акта, регулирующего служебное поведение руководителей служб и подразделений, определяющего юридиче-

скую ответственность за неэтичное поведение и предвзятое отношение к подчиненным.

Таким образом, определяя проблемы правовой активности сотрудников и установив связь с правовой культурой общества в целом, необходимо предложить определение правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы и отметить, что правовая культура сотрудников как субъектов гражданского права – это комплекс объективных и субъективных факторов, включающих в себя духовное развитие, высокий уровень правового сознания и правового воспитания, наличие ценностных ориентиров и правовой активности, выраженное в умении пользоваться правом и подчинении своего поведения требованиям правовых норм.

Рассуждая о необходимости жестко противостоять преступности, К. А. Гельвещий полагает, что человек практически полностью является результатом воспитания, воздействия социальной среды, тем самым фактически целиком возлагая на общество ответственность за его поведение и уменьшая личную ответственность человека. Вместе с тем К. А. Гельвещий прослеживает роль государства во всеобъемлющем регулировании жизни человека под предлогом необходимости воспитательного воздействия.

Вся система образования должна иметь воспитательный характер для обучающихся в учебных заведениях, то есть все дело обучения следует направлять на гармоничное развитие человека, ответственного гражданина России, формирование духовно-нравственной культуры и гражданской позиции будущих поколений сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Список литературы

1. Юнусов С. А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве : монография. Рязань, 2014. 265 с.
2. Юнусов С. А. Воплощение принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве России // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 169–170.
3. Турбина Т. А. Культурно-досуговая деятельность как средство развития социальной активности современных подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. 25 с.
4. Кожевников С. Н. Социально-правовая активность: содержание и субъекты // Правоведение. 1981. № 3. С. 17–25.
5. Огородников А. В. Особенности деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы России // Вестник СамГУ. 2010. № 5(79). С. 219–223.
6. Шерменев М. А. Деформация профессионального правосознания сотрудников УИС (общеправовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 25 с.
7. Кожевников С. Н. Социально-правовая активность личности и условия ее действенности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 28 с.

ABDULZHABAR AGABALAEVICH UNUSOV,

doctor of legal sciences, professor,
professor of department of theory of state and law,
international and European law;

MUSLIM ABDUZHABBAROVICH UNUSOV,

phd in law, associate professor of civil law,
associate professor of civil law and process,
E-mail: abdulzhabar@mail.ru

PROBLEMS OF LEGAL ACTIVITY AND LEGAL CULTURE OF THE PENAL OFFICERS IN RUSSIA IN TERMS OF LAW SUBJECTS' DUTIES

Annotation: in article need of functioning of criminally executive system for new conditions of reforming of all structures of the state is considered. It is noted that cases of violation of legality and rules of the address with condemned have not yet overcome that testifies to existence of deformation in legal consciousness and legal culture of staff of criminally executive system. In this regard new requirements are imposed to the staff of the institutions and bodies executing criminal penalties.

The characteristic of legal culture of the personality is given. It has to be the most important form of social activity of formation of the Russian state as legal. The emphasis on specifics of vocational training of the personnel of criminally executive system is placed. The problem of preparation of qualified personnel is the conventional problem of the management of department. When forming legal culture it is considered the subjective, objective relations which are present at process of performance of office tasks. Legal means and methods of structures of civil society in formation of valuable and legal perceptions and world outlook ideals of the personality are analyzed. The special attention is paid to a spiritual and moral component of legal entities for the purpose of successful performance of the tasks set by the state.

Key words: legal activity, legal culture, criminal and executive system, duties, professional deformation, legal education, valuable orientations.

References

1. Unusov S. A. Princip spravedlivosti v ugovolno-ispolnitel'nom prave [The principle of fairness in the penal law]. Ryazan, 2014, 265 p.
2. Unusov S. A. Voploshhenie principa spravedlivosti v ugovolno-ispolnitel'nom prave Rossii [The embodiment of the principle of fairness in the penal law of Russia]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no 3, pp. 169–170.
3. Turbina T. A. Kul'turno-dosugovaja dejatel'nost' kak sredstvo razvitija social'noj aktivnosti sovremennykh podrostkov. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Cultural and leisure activities as a means of development of social activity of modern teenagers. Cand. pedagogical sci. diss. abstract]. St. Peterburg, 2007, 25 p.
4. Kozhevnikov S. N. Social'no-pravovaja aktivnost': sodержanie i sub'ekty [Socio-legal activity: contents and subjects]. Pravovedenie – Jurisprudence, 1981, no. 3, pp. 17–25.
5. Ogorodnikov A. V. Osobennosti dejatel'nosti sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii [Features of activity of employees of penal system of Russia]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Samara State University, 2010, no 5, pp. 219–223.
6. Shermenev M. A. Deformacija professional'nogo pravosoznaniya sotrudnikov UIS (obshhepravovoj analiz). Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Deformation of the professional staff of justice penal system (common law analysis). Cand. legal sci. diss. abstract]. Vladimir, 2006. 25 p.
7. Kozhevnikov S. N. Social'no-pravovaja aktivnost' lichnosti i uslovija ee dejstvennosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Socio-legal activity of the individual and the conditions of its validity. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1992, 28 p.

УДК 159.9:343.8
ББК 88.473
С12

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА САВЕЛЬЕВА,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии профессиональной деятельности
в уголовно-исполнительной системе
(Академия ФСИН России),
e-mail: tanyasav09@mail.ru

К ПОНЯТИЮ ЛИЧНОСТНОЙ АВТОНОМИИ ОСУЖДЕННЫХ

Реферат: в статье предпринята попытка систематизировать психологические подходы к изучению понятия «личностная автономия» в отечественной и зарубежной психологии, а также предложить его собственное определение. Личностная автономия осужденных является одним из значимых компонентов личности, который оказывает влияние на успешность ресоциализации осужденных после их освобождения. Высокий уровень проявления личностной автономии является одним из критериев психологической успешности и психического здоровья человека, а отсутствие или дефицит этого качества – сигналом о неблагополучии и потребности в психологической помощи.

Неоднозначность понятия автономии в психологии развития находит отражение в различных концепциях, описывающих феноменологию личностной автономии.

В зарубежной психологии под понятием личностной автономии понимаются: самоопределение своих жизненных позиций (Ж.-П. Сартр); независимое поведение (Г. Олпорт); свободный выбор и ответственность за него (Э. Фромм); свобода управления своим развитием (Р. Мей); выбор отношения к условиям, в которой оказалась личность (В. Франкл); самодетерминация и саморегуляция (Э. Л. Деси и Р. М. Райан); способ к самостоятельному, внутренне регулируемому поведению и субъектно-личностному способу присвоения социального опыта (Тхонг Ле Динь).

В отечественной психологии под личностной автономией понимается: право на самостоятельное принятие решения (Д. А. Леонтьев); качества личности, характеризующее ее стремление к самоактуализации, саморегуляции и самодетерминации, необходимые для самостоятельной деятельности, проявления независимости в принятии решений (Т. И. Ежовская); дистанцирование себя (Э. Ю. Майкова); способность субъекта к адекватному использованию собственных потенциальных возможностей при разрешении проблемных ситуаций в деятельности (Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова); проявление таких личностных особенностей, как самостоятельность, ответственность, гибкость и креативность мышления и деятельности (О. А. Трещева); сочетание механизмов свободы и ответственности, которые проявляются в суверенности различных личностных проявлений (М. Ю. Луков).

По нашему мнению, под личностной автономией осужденных понимается такое личностное образование, в структуру которого входят поведенческий, коммуникативный, волевой, правовой, рефлексивно-оценочный, эмоциональный, ценностно-мотивационный, когнитивный и регулятивный компоненты, оказывающие влияние на процесс их ресоциализации и реадaptации.

Ключевые слова: личностная автономия, осужденный, зарубежная психология, отечественная психология, самодетерминация, саморегуляция, самоактуализация, свобода, ответственность, независимость, самостоятельность.

Общественная опасность рецидивной преступности обусловлена тем, что совершение лицом более одного преступления указывает на упорное стремление продолжать преступное поведение, укрепление в сознании преступника навыков, стойких антиобщественных взглядов и убеждений. Удельный вес рецидивной преступности высок и в зависимости от региона в течение последних лет колеблется в пределах от 25 до 50 % (в среднем 30 %) [1, с. 72–75].

Одной из основных целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года является сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам.

Действенным способом сокращения рецидивной преступности является ее профилактика, кото-

рая может быть общей, специальной и индивидуальной. В рамках психологической работы с осужденными в местах лишения свободы наиболее эффективной является индивидуальная профилактика рецидивной преступности. Она представляет собой комплекс мероприятий, направленных на недопущение совершения повторных преступлений: изучение и устранение субъективных специфических условий возможного совершения новых преступлений ранее судимыми; постановка на оперативно-профилактический учет; закрепление результатов исправления и др. [2, с. 87–90].

Важнейшая задача исправления личности осужденного – это подготовка ее к правопослушному поведению в разнообразных сферах жизнедеятельности при решении жизненных проблем в различных условиях и ситуациях. В психологическом складе личности осужденного присутствуют компоненты, которые играют существенную роль в детерминации правовой направленности социального поведения осужденного [3, с. 17–25]. Одним из таких компонентов является личностная автономия, которая оказывает существенное влияние на процесс ресоциализации личности осужденного. Высокий уровень проявления личностной автономии давно признан одним из критериев психологической успешности и психического здоровья человека, а дефицит этого качества – сигналом о возможном неблагополучии и потребности в психологической помощи.

Слово «автономия» (в пер. с древнегр. – «своезаконие») берет начало из политического контекста, в котором оно возникло в античности и означало независимость древнегреческих городов-государств, выражающуюся в наличии у них собственных законов, по которым они существовали.

Неоднозначность понятия автономии в психологии развития находит отражение в существовании различных концепций, описывающих феноменологию личностной автономии. Так, Ж.-П. Сартр рассматривает автономию личности как способность к самоопределению своих позиций, тесно взаимосвязанную с такой личностной характеристикой, как духовность. При этом Ж.-П. Сартр считает, что человек – это то, что он из себя делает сам. Г. Олпорт ввел термин «функциональная автономия» для обозначения поведения, которое стало независимым (развитая автономия) от его первоначальной цели. Когда мы осуществляем действие, мы предполагаем получить за него вознаграждение, но когда действие становится автономным, то оно само несет в себе награду [4, с. 155].

Особое значение проблема личностной автономии приобретает в работах представителей

экзистенциальной психологии. По их мнению, свобода человека заключается в приобретении чувств радости, счастья и осмысленности именно за счет собственной позиции (Э. Фромм, Р. Мей, В. Франкл).

Э. Фромм первым в психологии обратил внимание на проблему свободы. Он считал, что свобода неразрывно связана с ответственностью, с осознанием и пониманием ситуации, а также с выбором и ответственностью за этот выбор. Таким образом, свобода связана с возможностью сделать разумный выбор с осознанием его альтернатив и последствий [5, с. 94–102].

Р. Мэй называет свободу одной из составляющих личности человека. Под свободой он понимает возможность управлять своим развитием, в основе которого лежат выбор и открытость. Свобода человека находится в прямой зависимости от его душевного здоровья, подразумевающего обретение личной ответственности и свободы. Развитие человека происходит через осуществление поступков, в основе которых лежит разумное решение [6, с. 18–19].

По мнению В. Франкла, свобода – это возможность выбора отношения к тем условиям, в которых он оказался. «В конечном итоге человек не подвластен условиям, с которыми он сталкивается; скорее эти условия подвластны его решению» [7, с. 78].

Направлением, в котором понятие автономии представлено наиболее полно, является теория самодетерминации, разработанная Э. Л. Деси и Р. М. Райаном. Она затрагивает одну из сложных проблем – самодетерминацию (автономия) – способность выбирать и иметь право выбора. Психологическим критерием самодетерминации является возможность выбора, который основывается на осознании своих потребностей и сопоставлении их с внешними условиями. Потеря самодетерминации осуществляется в двух случаях: 1) при отказе осуществлять намеченные цели; 2) при отсутствии осознания, с какой целью осуществляются эти действия. Авторы тесно связывают понятие самодетерминации с такими понятиями, как воля, эмоции и внутренняя мотивация.

Тхонг Ле Динь трактует автономию как сложноструктурное личностное образование, позволяющее человеку самостоятельно действовать и усваивать социальный опыт. В структуре личностной автономии автор выделяет следующие компоненты: мотивационно-смысловой, когнитивный, целеполагающий, эмоционально-волевой, рефлексивно-оценочный и деятельностно-практический.

По мнению Д. А. Леонтьева, автономия – право самостоятельного принятия решения.

Т. И. Ежовская под автономностью понимает качество личности, характеризующее ее стремление к самоактуализации, саморегуляции и самодетерминации, позволяющее самостоятельно и независимо принимать решения для осуществления различных видов деятельности.

Э. Ю. Майкова считает, что автономия личности – это дистанцирование себя, понимаемое как диалектика независимости и зависимости действий и мотивов. По ее мнению, автономность проявляет себя с помощью свободы, ответственности, воли и рефлексивности.

Э. Ф. Зеер и А. М. Павлова полагают, что личностная автономия – это способность субъекта к адекватному использованию и развитию собственных потенциальных возможностей при разрешении проблемных ситуаций в деятельности и взаимодействии с внешним социальным пространством.

О. А. Трещева определяет личностную автономию как форму личностного бытия, сущность которой проявляется в таких личностных особенностях, как самостоятельное целеполагание, осознание своих подлинных интересов, ценности и убеждения, ответственность за свободно принятые решения, гибкость и креативность мышления и деятельности.

По мнению М. Ю. Лукова, личностная автономия – сочетание механизмов свободы и ответственности, при этом основой личностной свободы является суверенность жизненного пространства

личности, складывающаяся из следующих компонентов: суверенность телесности, суверенность личностной территории и вещей, суверенность привычек, суверенность социальных связей, суверенность вкусов и ценностей.

Автономность в психологическом понимании можно определить как некое социально-психологическое качество, позволяющее человеку действовать независимо от внутренних и внешних установок, демонстрируя способность к самостоятельности, а автономия выступает как потребность в проявлении этого качества.

Таким образом, единого подхода к пониманию личностной автономии не существует, отечественные и зарубежные исследователи рассматривают ее как структуру, включающую в себя такие константы, как свобода и ответственность.

Проанализировав имеющиеся точки зрения на данное понятие, мы пришли к выводу о том, что под личностной автономией осужденных следует понимать такое личностное образование, в структуру которого входят поведенческий, коммуникативный, волевой, правовой, рефлексивно-оценочный, эмоциональный, ценностно-мотивационный, когнитивный и регулятивный компоненты. Каждый из компонентов личностной автономии осужденных оказывает влияние на процесс их ресоциализации и реадaptации.

Список литературы

1. Артемьев Н. С., Забелич А. А. Планирование предупреждения рецидивной и профессиональной преступности // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 72–75.
2. Артемьев Н. С., Елисеев С. В. Понятие и сущность предупреждения рецидивной преступности // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2. С. 87–90.
3. Пастушеня А. Н. Готовность личности к правомерному поведению: структурно-содержательная характеристика // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 17–25.
4. Олпорт Г. Личность в психологии. М., 1998. С. 155. 345 с.
5. Фромм Э. Душа человека. М., 1992. 430 с.
6. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М., 1994. 144 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 266 с.

TATYANA IVANOVNA SAVELYEVA,

phd in psychology,
associate professor of psychology of professional activity in penal system department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: tanyasav09@mail.ru

TO THE CONCEPT OF THE PERSONAL AUTONOMY OF THE CONDEMNED

Annotation: in the work an attempt to systematize psychological approaches to studying the concept «personal autonomy» of domestic and foreign psychology, and also to offer our own definition of the personal autonomy of the condemned is made. The author considers that the personal autonomy of the condemned is one

of significant components of the personality which has its impact on the success of resocialization of the condemned after their release. High level of manifestation of the personal autonomy is one of the criteria of psychological success and mental health of the person, and absence or deficiency of this quality is a signal of trouble and need for psychological assistance.

Ambiguity of the concept of the autonomy of psychology of development finds its reflection in various concepts describing phenomenology of the personal autonomy.

Foreign psychology defines the concept of the personal autonomy as self-determination of the living positions (J.-P. Sartr); as independent behavior (G. Olport); as free choice and responsibility for it (E. Fromm); as freedom for development control (R. May); as a choice of the relation to conditions in which a personality finds itself (V. Frankl); as self-determination and self-control (E. L. Desya and R. M. Ryan); as a way to independent, internally adjustable behavior and to subject personal way of assignment of social experience (Tkhong Le Din).

In domestic psychology the personal autonomy is understood as the right for independent making decision (D. A. Leontyev); quality of the personality, characterizing its aspiration to self-updating, self-control and self-determination, necessary for independent activity, manifestation of independence in decision-making (T. I. Ezhovskaya); distancing (E.Yu. Maykova); ability of the subject to use adequately its own potential opportunities at solving problem situations in activity (E. F. Zeer, A. M. Pavlova); manifestation of such personal features as independence, responsibility, flexibility and creativity of thinking and activity (O. A. Treshcheva); a combination of mechanisms of freedom and responsibility which is shown in a sovereignty of various personal manifestations (M. Yu. Lukov).

The author of the article defines the personal autonomy of the condemned as such personal education, the structure of which includes the behavioural, communicative, strong-willed, legal, reflexive and estimated, emotional, valuable and motivational, cognitive and regulatory components paying attention to process of their resocialization and readaptation.

Key words: personal autonomy, condemned, foreign psychology, domestic psychology, self-determination, self-control, self-updating, freedom, responsibility, independence, independence.

References

1. Artemev N.S., Eliseev S. V. Ponjatie i sushhnost preduprezhdenija recidivnoj prestupnosti [The concept and the essence of preventing recidivism]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment, 2010, no. 2, pp. 87–90.
2. Artemev N. S., Zabelich A. A. Planirovanie preduprezhdenija recidivnoj i professional'noj prestupnosti [Planning preventing recidivism and professional crime]. Ugolovno-isspolnitelnoe pravo – Penal law, 2012, no. 2, pp. 72–75.
3. Pastushenja A. N. Gotovnost lichnosti k pravomernomu povedeniju: strukturno-soderzhatelnaja harakteristika [Willingness of an individual to lawful behavior: structural and substantial characteristic]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2010, no. 3, pp. 17–25.
5. Olport G. Lichnost v psihologii [Personality in psychology]. Moscow, 1998, 345 p.
6. Fromm Je. Dusha cheloveka [Soul of man]. Moscow, 1992, 430 p.
7. Mjej R. Iskusstvo psihologicheskogo konsultirovanija [The art of counseling]. Moscow, 1994, 144 p.
8. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man's search for meaning]. Moscow, 1990, 266 p.

УДК 159.9:343.83
ББК 88.472
С32

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ СЕРОВ,
кандидат медицинских наук, доцент,
преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: v.i.serov@mail.ru

**ПСИХОЛОГИЯ ПОТЕРИ. ПСИХОГЕННЫЕ ПОТЕРИ,
НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ
ДО И ПОСЛЕ КОРРЕКЦИИ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ 5-ГО КУРСА,
ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ**

Реферат: потери при явной и скрытой дезадаптации личности с риском появления отклоняющегося от нормы поведения и выходом из правового поля диагностировались по критерию Welsh [СМИЛ (ММРП)]. Социо-, психо- и физиогенные потери восстанавливались аудиальной (краткосрочный ассоциативный эксперимент) и визуальной (медитативный рисуночный тест) коррекцией. При этом сама личность воспроизводила события, связанные с психической травмой, на которые была сформирована социальная, психологическая, физиологическая защита. Краткосрочная коррекция наиболее эффективна для 32 % курсантов с переходящими пограничными психическими состояниями и неэффективна для одной девушки и четырех юношей. Эти пять испытуемых (13 %) попадали в группу риска по асоциальному поведению из-за затяжных пограничных психических состояний, и к ним применялась пролонгированная коррекция. Для 55 % курсантов после коррекции отмечался благоприятный прогноз поведения, но с применением самокоррекции после окончания курса. По тесту СМЛЛ (ММРП) определяли пограничные невротические и психотические состояния переходящего и затяжного характера, склонность к асоциальному поведению, изменениям эмоций и мышления. По диапазонам β оценивались ухудшения или улучшения пограничного психического состояния курсантов и переход в сторону невротизации или психопатизации их состояния. До коррекции дисперсия β в группе девушек была меньше дисперсии β в группе юношей в 1,6 раза, после – в 1,3 раза. Невротическое и психотическое состояние курсантов влияло на социально-психологический и социальный уровни личности и в целом на социально-психологический климат 532-й учебной группы, который компенсировался психическим состоянием девушек-курсантов, но в то же время негативно влиял на их психическое состояние, воздействуя на психологический и психофизиологический уровни личности. Улучшение пограничного психического состояния курсантов после коррекции наблюдалось у 60 % девушек и 50 % юношей 531-й группы, 80 % девушек и 20 % юношей 532-й группы. Пролонгированная коррекция преследовала цель выравнивания нервно-психического равновесия, то есть невротической триады (ТПЗ 1, 2, 3) и психотической тетрады (ТПЗ 4, 5, 6, 7). ЗАР₆₋₈ служили индикатором невротического и психотического состояния личности по показателю β . Внешняя среда, профессиональная деятельность, взаимоотношения курсантов влияли на психофизиологический, психологический уровни личности, затем на социально-психологический и социальный уровни курсантов обоего пола. Физиологический и биологический уровни оставались в резерве, но именно через эти уровни обеспечивался положительный эффект коррекции от 80 до 100 %. Углубленное обследование курсантов с выявлением нервно-психической неустойчивости (НПН) позволяло определить его структуру в виде кода ТПЗ и провести коррекцию по блокированию асоциального поведения и выхода из правового поля.

Ключевые слова: нервно-психическая неустойчивость, психология потери, курсант, личность, психогенные потери, пограничное психическое состояние.

Исследование проведено в коррекционном типовом социопсихофизиологическом пространстве личности, появляющемся от социопсихофизиогенных потерь под влиянием внешних и (или) внутренних условий, вызывающих дезадаптивные реакции личности с переходом ее из нормального в *пограничное психическое состояние* [1]. Социопсихофизиогенные потери восстанавливались аудиовизуальной коррекцией (краткосрочным ассоциативным экспери-

ментом – КАЭ и медитативным рисуночным тестом – МРТ). При этом сама личность воспроизводила события, связанные с психической травмой, формируя Социальную, Психологическую, Физиологическую Защиту. Определение местонахождения событий составляло основную трудность после диагностики ТПЗ (Типы Психологических Защит), генетически закреплены типовые реакции защиты на психологическом уровне личности, появляющиеся в пограничном состоянии после собы-

тий, повлекших за собой социогенные, психогенные или физиогенные потери [4].

Адаптивность – это способ достижения гомеостатического равновесия. Изменение Адаптивности диагностировалось Защитными Адаптивными Реакциями 8 степеней (ЗАР₁₋₈), их коррекция в сторону гомеостатического равновесия – Реакциями Восстановления 8 степеней (РВ₁₋₈).

Явная и скрытая дезадаптация личности [3] с риском появления отклоняющегося от нормы поведения диагностировалась по критерию Welsh – автоматической классификации профиля ММПИ с выявлением нервной или психической направленности личностной структуры, нервно-психической неустойчивости типа психологической защиты личности. *Нервно-психическая неустойчивость* – это неспособность (дезадаптивность) человека регулировать свое поведение со средой деятельности.

Курсанты обоего пола при обучении от 1-го до 5-го курса несли психогенные потери в виде Защитных Адаптивных Реакций (ЗАР) 4–8-й степеней, требующих коррекции с активизацией во время ее проведения Реакций Восстановления (РВ) до уровня 1–3-й степеней (первая степень – лучшая, восьмая – худшая). После проведения краткосрочной коррекции РВ₁₋₃ требовалась саморегуляция (1_{ср}), РВ₄₋₆ – самокоррекция (2_{ск}), РВ₇₋₈ – длительная, или пролонгированная, коррекция (3_{дк}). До и после проведения пяти сеансов краткосрочной коррекции доля ЗАР₁₋₃, ЗАР₄₋₆, ЗАР₇₋₈ и РВ₁₋₃, РВ₄₋₆, РВ₇₋₈ составила: для девушек 0, 88, 12 и 24 %, 70, 6 %, для юношей – 28, 43, 29 % и 38, 43, 19 % соответственно. Краткосрочная коррекция у четвертой части девушек изменила ЗАР₇₋₈ и ЗАР₄₋₆ на РВ₁₋₃, у 17 % – сократила РВ₄₋₆, в 2 раза уменьшила

РВ₇₋₈. Коррекция у 10 % юношей изменила ЗАР₇₋₈ и ЗАР₄₋₆ на РВ₁₋₃, у 43 % – не изменила РВ₄₋₆, у 10 % – уменьшила РВ₇₋₈.

Краткосрочная коррекция была наиболее эффективна для 32 % курсантов в связи с преходящими пограничными психическими состояниями и неэффективна (3_{дк}) у одной девушки и четырех юношей 532-й группы. Эти пять испытуемых (13 %) попадали в группу риска по асоциальному поведению из-за затяжных пограничных психических состояний. Самокоррекция 55 % курсантов после проведения краткосрочной коррекции ставит вопрос о прогнозе их поведения после окончания курса.

До коррекции (табл. 1) дисперсия β в группе девушек была меньше дисперсии β в группе юношей в 1,6 раза, после – в 1,3 раза, что подтверждает ранее установленную значимость дисперсии как индикатора нестабильного состояния психики [2].

По тесту СМПИ (ММПИ) [7] определяли пограничные невротические и психотические состояния преходящего и затяжного характера, склонность к асоциальному поведению. Диапазоны критерия Welsh с расчетом коэффициента $\beta = (ТПЗ6+ТПЗ7) - (ТПЗ1+ТПЗ2)$ составляли: «А» ($\geq -31T$ – невротическое состояние), «Б» ($-30 \div -11T$ – приближение к невротическому состоянию), «В» ($-10 \div +6T$ – неопределенный вариант), «Г» ($+7 \div +25T$ – приближение к психотическому состоянию), «Д» ($\geq +26T$ – психотическое состояние). Все диапазоны – это пограничное психическое состояние личности. По диапазонам β оценивались ухудшения или улучшения пограничного психического состояния курсантов и переход в сторону невротизации или психопатизации их состояния.

Таблица 1

Психокоррекция (ПК) Защитных Адаптивных Реакций 1–8-й степеней (ЗАР₁₋₈) с Реакциями Восстановления после нее 1–8-й степеней (РВ₁₋₈) и критерием Welsh (β) у девушек (Д) и юношей (Ю) 531-й (№ 1–21) и 532-й (№ 1–23) учебных групп

Д, №	1	2	4	8	9	15	17	19	20	5	7	12	15	19	20	21	22					М	D
ЗАР ₁₋₈	8	5	8	5	5	6	5	5	5	4	5	4	5	4	6	5	5					5,29	1,35
$\beta_{здрд}$	7	-5	45	7	7	26	7	7	7	-8	17	8	-20	4	0	-6	17					7,02	206
	3 _{дк}	2 _{ск}	3 _{дк}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}						
РВ ₁₋₈	7	4	3	3	5	3	3	4	4	5	4	6	6	4	4	6	4					4,44	1,60
$\beta_{рвд}$	2	11	5	-4	25	14	-15	-1	-13	-10	-6	41	35	17	8	26	2					8,10	275
	3 _{дк}	2 _{ск}	1 _{ср}	1 _{ср}	2 _{ск}	1 _{ср}	1 _{ср}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}						
Ю, №	3	5	6	10	11	12	13	14	18	21	3	4	6	8	9	10	13	14	17	18	23		
ЗАР ₁₋₈	6	3	2	2	4	3	8	5	3	4	5	5	8	4	3	8	8	8	6	4	8	5,10	4,69
$\beta_{зарю}$	47	26	25	-21	13	19	15	15	-4	-6	4	15	14	23	16	23	35	15	11	20	-36	12,77	330
	2 _{ск}	1 _{ср}	1 _{ср}	1 _{ср}	2 _{ск}	1 _{ср}	3 _{дк}	2 _{ск}	1 _{ср}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	3 _{дк}	2 _{ск}	1 _{ср}	3 _{дк}	3 _{дк}	3 _{дк}	2 _{ск}	2 _{ск}	3 _{дк}		
РВ ₁₋₈	4	3	2	2	4	3	8	5	3	4	5	3	4	6	5	8	8	8	4	3	3	4,52	3,96
$\beta_{рвю}$	20	-8	17	16	11	16	40	1	7	-1	16	-8	1	11	29	52	55	33	21	7	-16	15,19	353
	2 _{ск}	1 _{ср}	1 _{ср}	1 _{ср}	2 _{ск}	1 _{ср}	3 _{дк}	2 _{ск}	1 _{ср}	2 _{ск}	2 _{ск}	1 _{ср}	2 _{ск}	2 _{ск}	2 _{ск}	3 _{дк}	3 _{дк}	3 _{дк}	2 _{ск}	1 _{ср}	1 _{ср}		

ЗАР₁. Как видно из таблицы 1, $\beta_{зард}$ и $\beta_{рвд}$ у девушек и юношей 531-й и 532-й учебных групп отмечено не было.

ЗАР₂. Психогенные потери с ЗАР₂ отмечены у двух юношей из 531-й группы. $\beta_{зарю}$ составляла +25 и -21Т диапазонов «Г» и «Б». $\beta_{рвю}$ составляла +17 и +16Т диапазона «Г». Реакция Восстановления, вызванная коррекцией у первого испытуемого, снизила выраженность диапазона «Г» на 8 %, у второго – инвертировала диапазон «Б» на противоположный по значению диапазон «Г» с изменениями между ТПЗ на 37 %. Поскольку психическое состояние курсантов было неустойчивым от диапазона «Б» к диапазону «Г» и последний соответствовал пограничному психическому состоянию только противоположного знака, в дальнейшем им была рекомендована самокоррекция для гармонизации ТПЗ.

ЗАР₃. Психогенные потери с ЗАР₃ отмечались у четырех юношей – трех из 531-й группы и одного из 532-й группы. $\beta_{зарю}$ составляла +26, +19, -4, +16Т, что у первого испытуемого соответствовало диапазону «Д», у второго и четвертого – «Г», а у третьего – диапазону «В». $\beta_{рвю}$ составляла -8, +16, +7, +29Т, что у первого испытуемого соответствовало диапазону «В», у второго и третьего – диапазону «Г», а у четвертого – пограничное психическое состояние ухудшалось и после коррекции соответствовало диапазону «Д».

Реакция Восстановления, вызванная коррекцией у первого испытуемого, улучшала психическое состояние, инвертировала диапазон «Г» на противоположный по значению диапазон «В», у четвертого курсанта, наоборот, ухудшала психическое состояние, инвертировала диапазон «В» на «Д», противоположный по значению.

Таким образом, по критерию β коррекция улучшала пограничное психическое состояние у трех испытуемых юношей на 34, 3, 11 % и ухудшала это состояние у четвертого испытуемого на 13 %. Первый испытуемый с диапазоном «В» в дальнейшей коррекции не нуждался. Испытуемым с диапазоном «Г» была рекомендована саморегуляция. Четвертому испытуемому рекомендована пролонгированная коррекция.

ЗАР₄. Более выраженные психогенные потери с ЗАР₄ наблюдались у трех девушек только из 532-й группы. $\beta_{зард}$ у испытуемых составляла -8, +8, +4Т, что соответствовало диапазонам «Б», «Г», «В». $\beta_{рвд}$ у испытуемых была равна -10, +41, +17Т, что соответствовало диапазонам «В», «Г», «Д».

Таким образом, по критерию β коррекция ухудшала пограничное психическое состояние у трех испытуемых девушек по взаимодействию

ТПЗ на 2, 33, 13 %. Первая испытуемая с диапазоном «В» в дальнейшей коррекции не нуждалась, третьей – с диапазоном «Г» была рекомендована самокоррекция по гармонизации ТПЗ, второй – с диапазоном «Д» – продолжение сеансов в виде пролонгированной коррекции.

ЗАР₄. Психогенные потери с ЗАР₄ наблюдались у двух юношей 531-й группы и двух из 532-й. $\beta_{зарю}$ у испытуемых составляла +13, -6, +23, +20Т, что соответствовало диапазонам «Г» и «В». $\beta_{рвю}$ у испытуемых составляла +11, -1, +11, +7Т, что соответствовало диапазонам «Г» и «В».

Таким образом, по критерию β коррекция улучшала пограничное психическое состояние у четырех испытуемых юношей по взаимодействию и состоянию ТПЗ на 2, 5, 12, 13 %. Первому, третьему и четвертому испытуемым с диапазоном «Г» была рекомендована самокоррекция. Второму испытуемому с диапазоном «В» в дальнейшей коррекции не нуждался.

ЗАР₅. Психогенные потери с ЗАР₅ отмечались у десяти девушек, шести из 531-й группы и четырех из 532-й. $\beta_{зард}$ составляла -5, +7, +7, +7, +7, +7, +17, -20, -6, +17Т, что у семи испытуемых соответствовало диапазону «Г», у восьмой – «Б», а у первой и девятой – «В». $\beta_{рвд}$ составляла +11, -4, +25, -15, -1, -13, -6, +35, +26, +2Т, что у первой и третьей испытуемых соответствовало диапазону «Г», у восьмой и девятой – «Д», у четвертой и шестой – «Б», а у второй, пятой, седьмой и десятой – диапазону «В». У восьми из десяти испытуемых коррекция оказывала положительное воздействие на ТПЗ.

По критерию β у восьмой и девятой испытуемых диапазон психического состояния инвертировался из «Б» в «Д» с ухудшением психического состояния на 55 и 31 %. У четвертой и шестой испытуемых диапазон «Г» инвертировался в «Б», у первой – из «В» в «Г», у третьей оставался «Г» с сохранением пограничного психического состояния и изменением гармонизации между ТПЗ на 22, 20, 16, 18 %. У второй, пятой, седьмой, десятой испытуемых диапазон «Г» инвертировался в «В» с изменением гармонизации между ТПЗ на 11, 8, 23, 15 %. Восьмой и девятой испытуемым требовалось продолжение сеансов пролонгированной коррекции. У четвертой и шестой, первой и третьей испытуемых диапазоны «Б» и «Г» соответствовали пограничному психическому состоянию. В дальнейшем им была рекомендована самокоррекция по гармонизации ТПЗ между собой. Вторая, пятая, седьмая, десятая испытуемые с диапазоном «В» в коррекции не нуждались.

ЗАР₅. Психогенные потери с ЗАР₅ наблюдались у одного юноши из 531-й группы и двух из 532-й. $\beta_{зарю}$ составляла +15, +4, +15Т, что у первого и третьего испытуемых юношей соответствовало диапазону «Г», у второго – диапазону «В». $\beta_{рвю}$ составляла +1, +16, –8Т, что у второго испытуемого соответствовало диапазону «Г», у первого и третьего – диапазону «В». В дальнейшем первому и второму испытуемым была рекомендована самокоррекция по гармонизации ТПЗ между собой. Третий испытуемый с диапазоном «В» в коррекции не нуждался. У третьего испытуемого наблюдался переход из пограничного состояния в нормальное, у первого – из диапазона «Г» в диапазон «В», у второго – из диапазона «В» в диапазон «Г». Гармонизация между ТПЗ изменилась на 14, 12 и 23 %.

ЗАР₆. Психогенные потери с ЗАР₆ наблюдались у двух девушек. $\beta_{зард}$ составляла +26 и 0Т, что у одной испытуемой соответствовало диапазону «Д», у второй – диапазону «В». $\beta_{рвд}$ составляла соответственно +14 и +8Т, что у одной испытуемой соответствовало выходу из диапазона «Д» и переходу в диапазон «Г», у второй – выходу из диапазона «В» и переходу в диапазон «Г». Поскольку диапазон «Г» соответствовал пограничному психическому состоянию, в дальнейшем им была рекомендована самокоррекция по гармонизации ТПЗ между собой. Переход в диапазон «Г» был связан с изменениями гармонизации между ТПЗ на 12 и 8 %.

ЗАР₆. Психогенные потери с ЗАР₆ наблюдались у двух юношей с положительной РВ₄. $\beta_{зарю}$ составляла +47 и +11Т, что у одного испытуемого соответствовало диапазону «Д», у второго – диапазону «Г». $\beta_{рвю}$ составляла соответственно +20 и +21Т, что у двух испытуемых соответствовало диапазону «Г». У первого испытуемого наблюдался выход из диапазона «Д» и переход в диапазон «Г», у второго – «погружение» в диапазон «Г». Поскольку диапазон «Г» соответствовал пограничному психическому состоянию, в дальнейшем им была рекомендована самокоррекция по гармонизации ТПЗ между собой. Переход в диапазон «Г» изменил гармонизацию между ТПЗ на 27 и 10 %.

ЗАР₈. Психогенные потери с ЗАР₈ наблюдались у двух девушек. $\beta_{зард}$ составляла +7 и +45Т, что соответствовало диапазонам «Г» и «Д». $\beta_{рвд}$ составляла +2 и +5Т, что соответствовало диапазону «В». Коррекция у обеих испытуемых способствовала выходу из диапазонов «Г» и «Д» с переходом в диапазон «В». У первой испытуемой наблюдался диапазон «В», но с РВ₇. Эта испытуемая нуждалась в пролонгированной коррекции по гармонизации ТПЗ между собой. Вторая испытуемая с диапазоном «В» в дальнейшей коррекции не нуждалась.

Переход в диапазон «В» был вызван дисгармонией между ТПЗ на 5 и 40 %.

ЗАР₈. Психогенные потери с ЗАР₈ были у одного юноши из 531-й группы и пяти из 532-й. После коррекции отмечались отрицательные РВ₈ у первого, третьего, четвертого, пятого курсантов. Положительные РВ₄ и РВ₃ отмечались у второго и шестого испытуемых из 532-й группы. $\beta_{зарю}$ составляла +15, +14, +23, +35, +15 и –36Т, что соответствовало у первого, второго, третьего и пятого испытуемых диапазону «Г», у четвертого – «Д», у шестого – «А». $\beta_{рвю}$ составляла +40, +1, +52, +55, +33 и –16Т, что соответствовало у первого, третьего, четвертого и пятого испытуемых диапазону «Д», у второго – «В», у шестого – диапазону «Б». Коррекция у второго и шестого испытуемых способствовала выходу из диапазонов «Г» и «А» с переходом в диапазоны «В» и «Б». У четверых испытуемых пограничное психическое состояние ухудшалось, у двух – улучшалось, у шестого – отмечался выход из невротического состояния. У первого, третьего, четвертого, пятого испытуемых диапазон «Д» соответствовал пограничному психическому состоянию, и в дальнейшем им была рекомендована пролонгированная коррекция. У шестого испытуемого отмечалась РВ₃, но с диапазоном «Б», и он в дальнейшей коррекции не нуждался. У второго испытуемого отмечалась РВ₄, но с диапазоном «В», и ему была рекомендована самокоррекция по гармонизации ТПЗ между собой. Переход в диапазон «Д» был вызван изменением баланса между ТПЗ на 25, 29, 20 и 17 %, в диапазон «Б» – на 20 %, в диапазон «В» – на 13 %.

Необходимо отметить, что невротическое и психотическое состояние курсантов влияло на социально-психологический и социальный уровни личности и в целом на социально-психологический климат 532-й учебной группы, который компенсировался психическим состоянием девушек-курсантов, но в то же время негативно влиял на их психическое состояние, воздействуя на психологический и психофизиологический уровни личности.

Улучшение пограничного психического состояния курсантов после коррекции наблюдалось у 60 % девушек и 50 % юношей 531-й группы, 80 % девушек и 20 % юношей 532-й группы.

На данном уровне диагностики при проведении коррекции, во-первых, нужно анализировать колебания шкал по показателю β . Иначе коррекцией можно ухудшить пограничное психическое состояние испытуемого вплоть до необратимого. Важно принимать во внимание еще одну особенность психических состояний – дезадаптацию у

таких лиц, чаще у юношей, имеющую прогрессивное течение в сторону ухудшения. Во-вторых, коррекция может вызывать временное ухудшение психического состояния личности, активируя забытые события или травматические ситуации (спираль возбуждения), с последующим улучшением, после того как испытуемый переживет его заново.

Пролонгированная коррекция преследовала цель выравнивания нервно-психического равновесия, то есть приведения в равновесие невротической триады (ТПЗ1, 2, 3) и психотической тетрады (ТПЗ4, 5, 6, 7). ЗАР₆₋₈ – индикатор невротического и психотического состояния личности по показателю β. Внешняя среда через взаимоотношения между курсантами влияла на психическое состояние курсантов обоего пола. Психическое состояние влияло на личность, начиная с Психофизиологиче-

ского уровня, подвергая воздействию Психологический уровень, вовлекая Социально-психологический и заканчивая Социальным уровнем. Физиологический и Биологический уровни оставались в резерве, и именно через эти уровни обеспечивался положительный эффект ПК.

Полученные данные свидетельствуют о нервно-психической неустойчивости (НПН), а именно дисбалансе в ТПЗ, которое под влиянием воздействий внешней среды на Социальную, Психологическую или Физиологическую Защиту личности отдельно или на все одновременно очень быстро может перевести ТПЗ из пограничного состояния в патологическое с неуправляемым поведением испытуемых. Углубленное обследование курсантов с выявлением НПН позволяет определить его структуру в виде кода ТПЗ и провести коррекцию по блокированию асоциального поведения.

Таблица 2

Р-вероятность М-статистики Бартлетта при множественном сравнении дисперсий по шкалам СМИЛ (ММРІ) для девушек и юношей экспериментальной группы на 5-м курсе

Р	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	14
д5к	0,041	5E-09	0,686	0,434	0,470	0,389	0,185	0,007	0,022	0,722	0,014	0,170	0,313	0,011
ю5к	0,009	0,038	0,012	0,002	0,005	0,010	0,102	0,220	0,348	0,427	0,009	0,364	0,729	0,007

Примечание. Гипотезы об однородности дисперсий при множественных сравнениях проверялись с использованием М-статистики Бартлетта (гетероскедастичность дисперсий доказывалась при $P < 0,05$, $P < 0,01$, $P < 0,001$). Рд5к – М по шкалам L-14 для девушек из ЭГ на 5-м курсе до и после ПК при $n = 38$ (76): д5к, д531, д532. Рю5к – М по шкалам L-14 для юношей из ЭГ на 5-м курсе до и после ПК при $n = 51$ (102): ю5к, ю531к, ю532к [5. 6].

Таблица 3

Р-вероятность V-статистики Welch при сравнении средних с гетероскедастическими дисперсиями по шкалам СМИЛ (ММРІ) для девушек и юношей экспериментальной группы на 5-м курсе

Д5к	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	14
531д-532д	0,240	0,330	1,000	0,327	0,468	0,284	0,378	0,750	0,724	0,304	0,191	0,118	0,636	0,094
531д-531п	0,583	0,141	0,643	0,510	0,619	0,837	0,443	0,320	0,150	0,295	0,280	0,897	0,100	0,033
531д-532п	0,172	0,289	0,704	0,113	0,472	0,206	0,690	0,554	0,470	0,506	0,274	0,482	0,262	0,232
532д-531п	0,432	0,054	0,571	0,548	0,738	0,093	0,800	0,202	0,005	0,887	0,493	0,108	0,036	0,183
532д-532п	0,533	0,415	0,600	0,194	0,851	0,661	0,384	0,677	0,352	0,627	0,582	0,876	0,299	0,192
531п-532п	0,286	0,092	0,375	0,081	0,707	0,064	0,510	0,162	0,055	0,596	0,948	0,444	0,620	0,053
Ю5к														
531д-532д	0,911	0,015	2E-05	0,485	0,415	0,766	0,648	0,088	0,072	0,681	0,337	0,649	5E-04	4E-04
531д-531п	0,194	0,486	0,075	0,440	0,413	0,462	0,237	0,047	0,490	0,556	0,387	0,626	0,150	0,233
531д-532п	0,706	0,101	0,016	0,391	0,207	0,887	0,528	0,453	0,393	0,330	0,091	0,266	0,004	0,021
532д-531п	0,156	0,195	0,068	0,977	0,935	0,741	0,201	0,005	0,461	0,910	0,955	0,469	0,125	0,278
532д-532п	0,791	0,858	0,523	0,999	0,745	0,900	0,394	0,064	0,591	0,527	0,533	0,479	0,805	0,605
531п-532п	0,094	0,348	0,346	0,973	0,662	0,641	0,791	0,271	0,871	0,561	0,612	0,245	0,207	0,215

Примечание. Гипотезы об однородности (равенстве) двух математических ожиданий проверены с использованием V-статистики Уэлша (гетероскедастичность дисперсий устанавливалась при $P < 0,05$, $P < 0,01$, $P < 0,001$). Д5к, Ю5к – показатели девушек и юношей 531-й и 532-й экспериментальных групп 5-го курса до коррекции (531д, 532д) в сравнении с показателями этих же групп после коррекции (531п, 532п) и между ними (531д-532д, 531д-531п, 531д-532п, 532д-531п, 532д-532п, 531п-532п).

Q-процентное критическое значение F-распределения Фишера при попарном сравнении однородных (равных) дисперсий по шкалам СМИЛ (ММРІ) для девушек и юношей экспериментальной группы на 5-м курсе

	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	14
Д5к														
531д-532д	5,881	38,37	1,283	2,112	3,331	2,164	2,290	1,290	4,120	3,144	4,726	1,679	3,655	11,15
531д-531п	1,197	7,374	1,693	3,129	2,133	3,958	4,435	4,083	7,515	2,211	6,850	1,923	1,739	1,878
531д-532п	6,475	131,3	1,696	4,090	1,083	3,406	3,820	1,135	8,358	2,128	6,292	5,643	1,030	4,937
532д-531п	4,912	5,204	2,172	1,481	1,561	1,829	1,937	5,269	1,824	1,422	1,449	1,145	2,102	5,938
532д-532п	1,101	3,422	1,322	1,936	3,074	1,574	1,668	1,464	2,029	1,477	1,331	3,360	3,549	2,259
531п-532п	5,408	17,81	2,871	1,307	1,969	1,162	1,161	3,598	1,112	1,039	1,089	2,934	1,688	2,629
Ю5к														
531д-532д	1,099	5,655	5,965	10,35	9,267	8,697	4,509	4,085	3,231	1,911	9,066	1,913	1,846	3,080
531д-531п	14,44	3,326	4,368	4,124	3,036	3,762	1,480	2,453	2,285	1,657	6,009	3,102	1,406	4,522
531д-532п	1,538	6,270	8,359	3,663	4,755	4,547	3,566	3,154	3,264	2,427	5,170	2,082	1,394	7,948
532д-531п	15,87	1,700	1,366	2,510	3,052	2,312	3,046	1,665	1,414	3,168	1,509	1,621	1,313	1,468
532д-532п	1,690	1,109	1,401	2,826	1,949	1,913	1,264	1,295	1,010	1,270	1,754	1,088	1,325	2,581
531п-532п	9,386	1,885	1,914	1,126	1,566	1,209	2,409	1,286	1,429	4,022	1,162	1,490	1,009	1,757

Примечания. Гипотезы об однородности (равенстве) дисперсий проверялись с использованием F-статистики Фишера (Q = 5 %, Q = 1 %, Q = 0,1 %, Q –процентное критическое значение F-распределения Фишера при попарном сравнении однородных (равных) дисперсий).

P-вероятность t-распределения Стьюдента при попарном сравнении двух математических ожиданий при однородных (равных) дисперсиях по шкалам СМИЛ (ММРІ) для девушек и юношей экспериментальной группы на 5-м курсе

	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	14
Д5к														
531д-532д	0,075	0,091	1,000	0,224	0,325	0,180	0,266	0,729	0,621	0,164	0,053	0,150	0,516	0,005
531д-531п	0,573	0,066	0,660	0,452	0,585	0,811	0,366	0,379	0,072	0,246	0,185	0,903	0,073	0,017
531д-532п	0,130	0,225	0,697	0,083	0,470	0,174	0,671	0,556	0,428	0,489	0,229	0,502	0,261	0,192
532д-531п	0,329	0,014	0,523	0,569	0,720	0,120	0,818	0,107	0,008	0,880	0,514	0,096	0,016	0,089
532д-532п	0,536	0,514	0,617	0,248	0,813	0,686	0,427	0,648	0,414	0,593	0,600	0,841	0,173	0,111
531п-532п	0,324	0,118	0,404	0,085	0,692	0,058	0,504	0,190	0,056	0,594	0,948	0,407	0,606	0,066
Ю5к														
531д-532д	0,911	0,014	1E-05	0,493	0,423	0,770	0,653	0,090	0,074	0,684	0,344	0,652	5E-04	4E-04
531д-531п	0,334	0,389	0,019	0,326	0,316	0,354	0,196	0,015	0,419	0,587	0,249	0,552	0,117	0,121
531д-532п	0,720	0,042	0,002	0,317	0,130	0,866	0,463	0,388	0,324	0,275	0,039	0,220	0,002	0,003
532д-531п	0,304	0,234	0,078	0,980	0,946	0,775	0,288	0,008	0,486	0,926	0,958	0,421	0,137	0,234
532д-532п	0,805	0,856	0,501	0,999	0,766	0,908	0,407	0,071	0,589	0,511	0,562	0,472	0,811	0,556
531п-532п	0,116	0,364	0,363	0,973	0,670	0,644	0,801	0,278	0,874	0,587	0,608	0,231	0,206	0,229

Примечание. Гипотезы об однородности (равенстве) двух математических ожиданий проверялись с использованием t-статистики Стьюдента (однородность дисперсий не подтверждалась при P < 0,05, P < 0,01, P < 0,001).

Выводы

1. Потери при явной и скрытой дезадаптации личности с риском появления отклоняющегося от нормы поведения диагностировались по критерию Welsh (β) – автоматической классификации профиля ММРІ с выявлением нервной или психической направленности личностной структуры, нервно-психической неустойчивости типа психологической защиты личности. По диапазонам β оценивались ухудшения или улучшения пограничного психического состоя-

ния курсантов и переход в сторону невротизации или психопатизации их состояния.

2. Установлено неустойчивое нервно-психическое состояние личности курсантов в виде дисбаланса типов психологических защит, которое под влиянием воздействий внешней среды на Социальную, Психологическую или Физиологическую Защиты личности раздельно или на все вместе очень быстро переводило ведущий тип защиты в пограничное состояние с неуправляемым поведением испытуемых и выходом из правового поля.

3. Определяли пограничные невротические и психотические состояния преходящего и затяжного характера, склонность к асоциальному поведению. До коррекции дисперсия β в группе девушек была меньше дисперсии β в группе юношей в 1,6 раза, после – в 1,3 раза.

4. После проведения краткосрочной коррекции Реакции Восстановления 1–3-й степени (РВ₁₋₃) требовалась саморегуляция (1_{ср}), РВ₄₋₆ – самокоррекция (2_{ск}), РВ₇₋₈ – длительная или пролонгирован-

ная коррекция (3_{дк}). До и после проведения пяти сеансов краткосрочной коррекции доля ЗАР₁₋₃, ЗАР₄₋₆, ЗАР₇₋₈ и РВ₁₋₃, РВ₄₋₆, РВ₇₋₈ составила: для девушек 0; 88; 12 % и 24; 70; 6 %, для юношей – 28; 43; 29 % и 38; 43; 19 % соответственно. Краткосрочная коррекция у четвертой части девушек изменила ЗАР₇₋₈ и ЗАР₄₋₆ на РВ₁₋₃, у 17 % – сократила РВ₄₋₆, в 2 раза уменьшила РВ₇₋₈. Коррекция у 10 % юношей изменила ЗАР₇₋₈ и ЗАР₄₋₆ на РВ₁₋₃, у 43 % – не изменила РВ₄₋₆, у 10 % – уменьшила РВ₇₋₈.

5. Краткосрочная коррекция была наиболее эффективна для 32 % курсантов с преходящими пограничными психическими состояниями и неэффективна для одной девушки и четырех юношей. Эти пять испытуемых (13 %) попадали в группу риска по асоциальному поведению из-за затяжных пограничных психических состояний и им применялась пролонгированная коррекция. Для 55 % курсантов после коррекции отмечался благоприятный прогноз поведения, но с применением самокоррекции после окончания курса.

Список литературы

1. Медведев В. И. Адаптация. СПб., 2003. 584 с.
2. Научно-методические рекомендации по применению стандартизированного личностного опросника для медико-психологического обследования кандидатов в вузы / В. М. Воробьев [и др.]. СПб., 1984. 32 с.
3. Селье Г. Очерки об адапционном синдроме. М., 1960. 254 с.
4. Серов В. И., Новоселова А. С., Ушатиков А. И. Основы психологической коррекции в ИУ / под ред. А. И. Ушатикова. М., 1996. Ч. 1, 2. 503 с.
5. Большев Л. Н., Смирнов Н. В. Таблицы математической статистики. М., 1983. 416 с.
6. Трифонов Е. В. Оптимальное управление в физиологических системах // Физиология человека. 1980. Т. 6. № 1. С. 153–160.
7. Hathaway S., Mckiney J. Basic readings on MMPI in psychology and medicine. Minneapolis, 1956.

VLADIMIR IVANOVICH SEROV,

phd in medicine, associate professor,

lecturer of the psychology of professional activity in the penal system department

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: v.i.serov@mail.ru

PSYCHOLOGY OF LOSS. PROTECTIVE ADAPTIVE REACTIONS, PSYCHOLOGICAL INSTABILITY BEFORE AND AFTER CORRECTION OF THE PERSONALITY OF THE CADETS OF THE 5TH COURSE, OF THE GRADUATES OF THE ACADEMY OF THE FPS OF RUSSIA

Annotation: losses at obvious and hidden disadaptation of the personality with the risk of deviating behavior emergence and with leaving a legal framework were diagnosed by the criterion of Welsh (MMPI). Socio-, psycho-physiogenic losses were restored and by audio (short-term associative experiment) and by visual (the meditative drawing test) correction. Thus the personality reproduced the events connected with a mental trauma on which Social, Psychological and Physiological Protection were created. Short-term correction was most effective for 32 % of cadets with *transient* boundary mental states and was inefficient for one girl and four young men. These five examinees (13 %) got to the group of risk on asocial behavior because of *prolonged* boundary mental states and the prolonged correction was applied for them. For 55% of cadets after correction the favorable forecast of behavior was noted, but with application of self-correction after the course. Boundary neurotic

and psychotic conditions of *transient and prolonged* character, tendency to asocial behavior, changes of emotions and thinking were determined by the MMPI test. Ranges of criterion of Welch with calculation of coefficient of $\beta = (TPP6 + TPP7) - (TPP1 + TPP2)$ made: "A" (≥ -31 T – the Neurotic state), "B" ($-30 \div -11$ T – Approach to the neurotic state), "C" ($-10 \div +6$ T – Uncertain option), "D" ($+7 \div +25$ T – Approach to the psychotic state), "E" ($\geq +26$ T – the Psychotic state). All ranges are a *boundary mental condition of the personality*. On ranges of β deteriorations or improvements of a boundary mental condition of cadets and transition towards a neurotization or a psychopatization of their state were estimated. Before correction the dispersion of β in the group of girls was less than the dispersion of β in the group of young men by 1,6 times, after – by 1,3 times. The neurotic and psychotic condition of cadets influenced Social and Psychological and Social Levels of the personality and in general the social and psychological climate of the 532nd group which was compensated by a mental condition of the girls, but at the same time negatively influenced their mental state, influencing Psychological and Psychophysiological levels of the personality. Improvement of a boundary mental condition of cadets after correction was observed at 60% of girls of the 531st group, at 80 % of girls of the 532nd group, at 50% of young men of the 531st group and at 20% of young men of the 532nd group. The prolonged correction pursued the aim of alignment of psychological balance that is a neurotic triad (TPP1, 2, 3) and a psychotic tetrad (TPP4, 5, 6, 7). PAR₆₋₈ served as the indicator of a neurotic and psychotic condition of the personality on β indicator. Environment, professional activity, relationship of the cadets influenced Psychophysiological, Psychological levels of the personality, then Social and psychological and Social levels of the cadets of both sexes. Physiological and Biological levels remained in a reserve, but through these levels the positive effect of correction from 80 to 100 % was provided. Profound inspection of the cadets with identification of NPN allowed to define its structure in the form of the TPP code and to carry out correction on blocking of asocial behavior and leaving a legal framework.

Key words: psychological instability, psychology of loss, cadet, personality, psychogenic losses, boundary mental state.

References

1. Medvedev V. I. Adaptacija [Adaptation]. St. Petersburg, 2003, 584 p.
2. Nauchno-metodicheskie rekomendacii po primeneniju standarti-zirovannogo lichnostnogo oprosnika dlja mediko-psihologicheskogo obsledovanija kandidatov v vuzy [Scientific and methodical recommendations about application of the standardized personal questionnaire for medico-psychological inspection of candidates for higher education institutions]. St. Petersburg, 1984, 32 p.
4. Selye G. Oчерки об adaptacionnom sindrome [Sketches about an adaptation syndrome]. Moscow, 1960, 254 p.
5. Serov V. I., Novoselova A. S., Ushatkov A. I. Osnovy psihologicheskoi korrekcii v IU [Bases of psychological correction in a correctional facility]. Under the editorship of A. I. Ushatkov. Moscow, 1996, parts 1, 2, 503 p.
5. Bolshev L. N., Smirnov N. V. Tablicy matematicheskoi statistiki [Tables of mathematical statistics]. Moscow, 1983, 416 p.
6. Trifonov E. V. Optimal'noe upravlenie v fiziologicheskikh sistemah [Optimum control in physiological systems]. Fiziologija cheloveka – Human physiology, 1980, ol. 6, no. 1, pp. 153–160.
7. Hathaway S., Mckiney J. Basic readings on MMPI in psychology and medicine. – Minneapolis, 1956.

УДК 343.8
ББК 67.409.022
С34

НИНА ИВАНОВНА СИДОРОВА,
старший преподаватель
(Институт Академии ФСИН России),
e-mail: sidorova.nina2912@yandex.ru

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКА ФСИН РОССИИ

Реферат: статья посвящена одной из актуальных на сегодняшний день проблем – рассмотрению теоретических и практических аспектов формирования профессиональных, общекультурных компетенций сотрудников ФСИН России в процессе изучения русского языка.

С целью мониторинга потребности сотрудников ФСИН России в совершенствовании культуры речи проведено анкетирование слушателей факультета управления. Все респонденты отметили, что культура речи (речевой этикет) влияет на формирование общественного мнения о работе органов и учреждений УИС, способствует карьерному росту сотрудника. В связи с этим представлена точка зрения респондентов на то, что для успешной работы в занимаемой должности сотрудники ФСИН России хотели бы приобрести дополнительно знания и умения по психологии руководителя, по речевой культуре, речевому этикету, искусству делового общения, оформлению деловых и служебных документов.

Подчеркивая актуальность проблемы совершенствования речевой культуры сотрудника ФСИН России на современном этапе, слушатели высказали пожелание организовать специальные корректировочные курсы по речевой культуре для нормирования русского литературного языка, отметили необходимость в изданиях справочников, методических рекомендаций, имеющих своей целью оказание помощи при оформлении служебных документов.

По результатам анкетирования слушателей факультета управления делается вывод о необходимости совершенствования речевой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы, поскольку культура речи – составляющая профессиональной деятельности специалистов правоохранительных органов.

В статье рассматриваются типичные ошибки в речи сотрудников.

Ключевые слова: профессиональная, общекультурная компетенции, специфика речевого поведения, мотивационная значимость, естественная ситуация общения, интеграционное обучение, правовая норма, официально-деловой стиль, профессиональная коммуникация, культура управления, инновационно ориентированная профессиональная подготовка.

Организация изучения русского языка в деловой документации и деловой коммуникации в Академии ФСИН России подчинена подготовке квалифицированного специалиста, способного осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с социально-экономическими условиями России, требованиями новых федеральных государственных образовательных стандартов, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, обладающего необходимыми профессиональными и общекультурными компетенциями, стремящегося к постоянному самовоспитанию, саморазвитию и совершенствованию.

В настоящее время меняются общественные условия преподавания русского языка, усложняется мотивационная структура и оценка его значимости как языка общения.

Необходимо отметить, что довольно четко определилась тенденция интеграционного обучения, проявляющаяся в поиске более рационального со-

держания образовательного процесса в сфере формирования навыков и совершенствования профессиональной коммуникации. Процесс изучения учебных дисциплин «Русский язык в деловой документации», «Русский язык в деловой коммуникации», «Русский язык и культура речи» в Академии ФСИН России направлен на формирование общекультурных и профессиональных компетенций. В результате изучения дисциплин обучающиеся должны знать нормы официально-делового стиля, правила составления и оформления текстов деловых и служебных документов, особенности юридической лексики, владеть навыками составления деловой документации, редактирования текстов официально-делового стиля, использовать навыки и умения речевой деятельности применительно к сфере профессиональной коммуникации.

Следует подчеркнуть, что преподавание русского языка в деловой документации, деловой коммуникации ориентируется на максимальное приближение содержания дисциплины к естест-

венным ситуациям общения в устной и письменной форме в профессиональной, научной сферах общения.

Профессиональная направленность обучения обеспечивается, во-первых, отбором языкового материала, который был произведен с учетом будущей профессиональной деятельности, определением лексических тем в соответствии со спецификой обучения, во-вторых, системной организацией этого материала, учетом типичных ошибок в устной и письменной речи сотрудников ФСИН России, в-третьих, созданием учебных программ дисциплины, элементов учебно-методического комплекса, электронных учебников, учебных пособий, учитывающих специфику профессиональной деятельности, использованием современных инновационных технологий.

Проблема грамотного оформления документов весьма актуальна, так как документ – это текст, управляющий действиями людей и обладающий юридической значимостью. Отсюда повышенное требование к точности текста документов, не допускающей двусмысленности в толковании понятий. Соответствовать этому требованию должна письменная речь, хорошо подготовленная и отредактированная.

Культура оформления любого правового документа предполагает логичность изложения материала, лаконичность, мотивированность выводов, соблюдение стиля речи, соответствующего содержанию документа. В служебных документах юридического характера должно сочетаться строгое изложение правовой нормы с доступностью изложения, соответствие мысли – ее текстуальному выражению.

С целью мониторинга потребности сотрудников ФСИН России в совершенствовании культуры речи было проведено анкетирование слушателей факультета управления. В этом процессе участвовали сорок респондентов с профессиональным стажем службы в органах УИС от трех до двадцати лет.

Так, отвечая на вопрос: «В какой степени Вы согласны с утверждением, что речевая культура – составляющая профессиональной компетентности сотрудника ФСИН России?», все респонденты согласились с данным утверждением, причем 80 % – полностью, 20 % – частично.

Необходимо отметить, что это сложившиеся, сформированные личности – люди, давно окончившие школы и вузы и нуждающиеся в периодическом обновлении знаний.

На вопрос, какие факторы влияют на репутацию сотрудников органов и учреждений ФСИН России, получены следующие ответы:

- уровень подготовленности начальника;
- эрудиция, компетентность сотрудников;
- честность сотрудников, профессионализм, открытость;
- морально-психологический климат в коллективе;
- работа пресс-службы ФСИН России;
- поведение с родственниками осужденных;
- отсутствие или искажение информации в средствах массовой информации;
- связь с общественностью;
- мнение общественности;
- стереотипные взгляды общества на тюремную систему;
- работа правозащитников, представляющих недостоверную информацию об УИС;
- дисциплина личного состава;
- исполнение осужденными режимных требований;
- происшествия среди осужденных и личного состава;
- противоречивость приказов;
- внешнее воздействие со стороны стран Запада;
- соблюдение норм морали и права;
- производственно-хозяйственные показатели;
- соблюдение прав человека в УИС;
- нарушение закона;
- рейтинговый показатель;
- коррупция;
- соблюдение или нарушение сотрудниками этики речевого поведения.

100 % опрошенных ответили, что культура речи (речевой этикет) влияет на формирование общественного мнения о работе органов и учреждений УИС и карьерный рост сотрудника.

Речевой этикет сотрудников УИС имеет непосредственное отношение к стилю управленческой деятельности, морально-психологической атмосфере в учреждении, формированию новой культуры управления. Речь – это не только средство выражения мыслей и чувств, но и своеобразный паспорт, по которому можно определить возраст, профессию, уровень интеллектуального развития, откуда прибыл человек, некоторые психические отклонения (прогрессирующий паралич, поражение головного мозга, эпилепсия, шизофрения и др.). Важно подчеркнуть, что 100 % участников анкетирования отметили специфику речевого поведения в рамках профессионального общения с руководством, коллегами, подчиненными, осужденными. В связи с этим для успешной работы на замещаемой должности сотрудники ФСИН России, участвовавшие в анкетировании, хотели бы приобрести дополнительно знания и умения по психологии руководителя, по речевой

культуре, речевому этикету, искусству делового общения, оформлению служебных документов. Справедливо отметить, что дополнительная инновационно ориентированная профессиональная подготовка руководителей, зачисленных в кадровый резерв, позволяет формировать высококвалифицированное, компетентное руководящее ядро в кадровом корпусе [1, с. 2].

Все респонденты отметили актуальность проблемы совершенствования речевой культуры сотрудника ФСИН России на современном этапе, высказали пожелание прослушать специальные корректировочные курсы по речевой культуре для нормирования русского литературного языка, отметили необходимость в издании справочников, методических рекомендаций, имеющих своей целью оказание помощи сотрудникам ФСИН России при оформлении служебных документов.

Учитывая пожелания слушателей, рассмотрим некоторые типичные ошибки в речи сотрудников уголовно-исполнительной системы. Материалом для анализа послужили примеры недочетов, обнаруженных в устной и письменной речи обучающихся, неточностей в документах, составленных сотрудниками.

В русском языке существует ряд слов, в которых часто произносят и пишут «лишнюю» букву или не произносят и не пишут соответствующую букву там, где это необходимо. Такими трудными словами являются следующие: *инцидент, эскорт, интриганство, конкурентоспособность, конфиденциальность, прецедент, учреждение, юрисконсульт, конъюнктура, инаугурация, будущий, следующий, военачальник, компрометировать*.

Отсутствие в книгах и периодике буквы *ё* приводит к неправильному произношению слов (в русском языке *ё* всегда ударное) например, *осуждЁнный* (ошибочно: *осУжденный*), *возбуждЁнный*, *новорождЁнный*, *перенесённЫй*, *афЕра*, *осЕдлЫй образ жизни* (неправильно: *афёра, осёдлЫй*).

Большое количество акцентологических ошибок в речи связано с объективной сложностью нормативной системы русского ударения, с тем фактом, что исследователи насчитывают около пяти тысяч общеупотребительных слов, в которых зафиксированы колебания в ударении.

Трудности вызывает постановка ударений в словах иностранного происхождения (*квартАл, сАммит, фенОмен, некролОг*); в омографах (*языковАя ошибка – языкОвая колбаса, рАзвитЫй промышленно – развИтый локон*); в некоторых грамматических формах: в прошедшем времени глаголов (*начала, приняла*); в глаголах, оканчивающихся на *-ировать* (*премировАть, кремировАть*); в

глаголах, образованных от прилагательных (*углубИть, облегчИть*); в отглагольных существительных (*обеспЕчение, сосредотОчение, упорядоче-ние*); в действительных причастиях прошедшего времени (*занЯвший, прибЫвший*); в полных страдательных причастиях прошедшего времени (*про-ведённый, приобретённый*).

В служебном общении употребляются такие слова, как *найм* и *займ* вместо правильных *наём* и *заём*; *уставной* вместо правильного *уставный* (*фонд, капитал*); *валовый* вместо правильного *валовой*; *задолженность* вместо правильного *задолженность*. Например, неверно: *переход госслужащих на пожизненный найм* (правильно: *наём*); *государственный сберегательный займ* (правильно: *заём*).

Не всегда правильно употребляются заимствованные слова. Например, слово *утилитарный* многие используют в речи в значении *бесполезный*, а не *прикладной, имеющий практическое применение*; не различают паронимы – однокоренные слова, близкие по звучанию, но разные по значению или частично совпадающие в своем значении: *эмигрант* и *иммигрант* (*эмигрант* – человек, который вынужденно или добровольно переселился из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам; *иммигрант* – человек, который вселился в чужую страну на постоянное жительство или на длительное время), *идентичный* и *аутентичный* (*идентичный* – тождественный, полностью совпадающий; *аутентичный* – действительный, подлинный, соответствующий подлиннику), *паритет* и *приоритет* (*паритет* – равенство, равноправие сторон; *приоритет* – первенствующее положение), *патронаж* и *патронат* (*патронаж* – регулярное оказание лечебно-профилактической помощи на дому детям, престарелым людям; *патронат* – покровительство, содействие, руководство), *компетенция* и *компетентность* (*компетенция* – круг полномочий; *компетентность* – профессионализм), *элитный* и *элитарный* (*элитный* – высокого качества; *элитарный* – предназначенный для элиты), *статус* и *статут* (*статус* – правовое положение; *статут* – свод правил, перечень правил).

Примеры типичных ошибок: *Политические партии могли бы взять под свой патронаж эту проблему. Эту ситуацию я пролонгирую на себя.* (Пролонгировать – продлевать срок действия чего-либо. Можно пролонгировать действие договора, но не ситуацию).

Нередки случаи нарушения норм лексической сочетаемости в служебной устной и письменной речи, например: *повысить выпуск продукции* вме-

сто *увеличить выпуск продукции; удешевить себестоимость* вместо *снизить себестоимость; придавать внимание* вместо *придавать значение; оказывать обслуживание* вместо *осуществлять; производить обслуживание; оказывать услуги; оплатить задолженность* вместо *погасить задолженность; погасить ссуду* вместо *погасить задолженность по ссуде; нарушение законных прав и интересов* (незаконных прав не бывает, поэтому правильно: *нарушение прав и законных интересов*).

Многие из них происходят в результате контаминации (от лат. *contaminatio* – приведение в соприкосновение, смешение) компонентов двух устойчивых словосочетаний [2, с. 125].

Иногда неверно употребляется сравнительная степень имени прилагательного, например: *Руководители строевых подразделений становятся в своих действиях много гибче, чем раньше*. В данном случае правильно: *становятся значительно более гибкими*; смешиваются формы сравнительной степени прилагательного *молодой: моложе и младше* (*моложе* по возрасту; *младше* – ниже по званию, по должности, по чину).

Нередко встречается непонимание различий в значении словосочетаний *управление чего-либо* и *управление кем-либо*. В сочетании с существительным в форме родительного падежа, например *управление кадров*, существительное *управление*

имеет значение *организации*. В сочетании с существительным в форме творительного падежа – *управление кадрами* – существительное *управление* имеет значение *действия*.

Грамматико-стилистическую норму нарушает также наличие общего зависимого слова при различном грамматическом управлении, например: *в соответствии и на основании распоряжения; организация и управление государственной службой*. Правильно: *в соответствии с законом и на основании распоряжения; организация распорядка и управление государственной службой*.

В заключение необходимо подчеркнуть, что авторитет службы сотрудника ФСИН России неуклонно растет. Пропорционально ему повышаются требования к его профессиональной и общекультурной компетенции.

Следовательно, с целью совершенствования профессионально ориентированных практических навыков владения современным русским языком, формирования у сотрудников отношения к культуре речи как к необходимому компоненту профессиональной компетентности необходимо издавать учебные пособия, учитывающие специфику профессиональной деятельности государственных служащих, проводить специальные корректировочные курсы русского языка и культуры речи, русского языка в деловой документации.

Список литературы

1. Крымов А. А. На передовой образования УИС России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 11. С. 2–7.
2. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004. 322 с.

NINA IVANOVNA SIDOROVA,

senior lecturer of the foreign languages department
(Institute of the Academy of the FPS of Russia),
e-mail: sidorova.nina2912@yandex.ru

THE ROLE OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE STRUCTURE OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE EMPLOYEE OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA

Annotation: the article is devoted to one of the most urgent problems – to the examination of theoretical and practical aspects of penal officers' professional and general cultural competences in the process of studying the Russian language.

To monitor the penal officers' needs to perfect their speech etiquette the author questioned the Management Department students. All respondents have noted that speech etiquette influences the formation of public opinion about penal institutions' activity and further career promotion.

In connection with it the respondents' point of view is represented: to perform well in his or her post (appointment) a penal officer of Russia would like to get additionally skills and abilities on manager's psychology, speech etiquette, practical communication, registration of business and official documents.

Stressing the urgency of the problem of the penal officers' speech culture perfection at the present stage, the audience wished to listen to special corrective courses in speech culture to normalize the Russian literary lan-

guage, noted the need for publication of reference books, guidelines, which aim to assist in the registration of official documents.

Having examined the materials of Management department students' questioning the author made a conclusion that it is necessary to perfect the penal officers' cultural etiquette because it is the constitutive part of the penal officers' professional activity.

In conclusion, the author considers the typical mistakes in the penal officers' speech. This aspect will no doubt interest the penal officers.

Key words: professional, cultural competences; speech behavior specifics; motivation significance, natural communicative situation; integral teaching; legal norm; official business style; professional communication; management culture; innovative oriented professional training.

References

1. Krymov A. A. Na peredovoy obrazovaniya UIS Rossii [On the frontline of education of the Federal Penal Service of Russia]. *Vedomosti ugovovno-ispolnitelnoy sistemy – Bulletin of the penal system*, 2014, no. 11, pp. 2–7.
2. Panova M. N. *Yazykovaya lichnost gosudarstvennogo sluzhatshego: opyt lingvometodicheskogo issledovaniya* [Linguistic personality of a public officer: the experience of linguamethodical research]. Moscow, 2004, 322 p.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1. Общие положения

1.1. Настоящие требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, индексируемых систем цитирования Scopus, Российский индекс научного цитирования и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

1.2. Каждый автор, подавший статью для опубликования в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание» (далее – редакция, журнал соответственно), тем самым выражает свое согласие на указание в открытом свободном доступе на любых интернет-ресурсах, выбираемых по усмотрению редакции, на русском и английском языках его фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail), названия, реферата, ключевых слов статьи и ссылок на использованные источники. При этом он несет ответственность за точность и достоверность предоставленных персональных данных, корректность их перевода на английский язык.

1.3. Все поступающие в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование (экспертизу), авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае принятия решения о невозможности публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1.4. Редакция поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редакция не несет ответственности за недостоверность предоставленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более чем 1 месяца на запросы редакции, его статья снимается с публикации.

1.5. Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

1.6. Статьи, представленные в редакцию с нарушением настоящих требований, к опубликованию не принимаются и возвращаются авторам на доработку.

2. Порядок представления статей

2.1. Статьи принимаются по адресу: 390036, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-46-40 (факс), 93-82-42 – в распечатанном и электронном виде (по электронной почте (e-mail): editor62@yandex.ru).

2.2. Представляемый в редакцию электронный файл статьи должен быть назван по фамилии автора (авторов), например: «Петров.doc», «Петров, Иванов.doc»; графические файлы, прилагаемые к статье, – по фамилии автора (авторов) с указанием номера рисунка, например: «Петров. Рисунок 1.jpg», «Петров, Иванов. Рисунок 1.jpg».

2.3. Статьи адъюнктов, аспирантов, соискателей должны быть согласованы с научным руководителем автора. Такое согласование может быть выражено в виде положительной рецензии научного руководителя (представляется в распечатанном либо электронном виде) или его подписи в конце статьи с пометкой «Согласовано».

3. Требования к набору текста статьи

3.1. Текст статьи набирается в программе «Microsoft Word» в форматах «.doc», «.docx», на листе бумаги формата А4, шрифтом «Times New Roman (Сyr)», 14-м кеглем, абзацный отступ – 1,25 см, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

3.2. Объем статьи без учета фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail) автора, названия, реферата, ключевых слов, ссылок на использованные источники, в том числе переведенных на английский язык, не должен превышать 10 страниц.

3.3. Графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические материалы должны быть размещены по тексту статьи и представлены отдельными файлами в формате «.jpg» с разрешением не менее 300 dpi.

3.4. Текст статьи должен быть пронумерован. Колонцифры необходимо располагать по центру сверху. На первой странице статьи колонцифра не ставится.

3.5. В тексте статьи необходимо ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; запрещается ставить принудительные (ручные) переносы.

3.6. Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Абзацный отступ следует устанавливать в меню «Формат → Абзац → Первая строка (Отступ – 1,25 мм)», выключку – «По ширине».

4. Требования к структуре статьи

4.1. Структура статьи должна состоять из следующих блоков:

4.1.1. Блок 1 на русском языке:

название статьи;
фамилия, имя, отчество автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.2. Блок 2 на русском языке – полный текст статьи.

4.1.3. Блок 3 на русском языке – ссылки на литературные источники.

4.1.4. Блок 4 на английском языке:

название статьи;
фамилия, инициалы автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.5. Блок 5 на английском языке – ссылки на литературные источники.

5. Требования к блоку 1 структуры статьи

5.1. Информация блока 1 представляется на русском языке.

5.2. Название статьи должно быть информативным.

5.3. В названии статьи не допускается использование каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.4. Фамилия, имя, отчество, ученые звание и степень, должность автора указываются полностью, без использования каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.5. Должность автора указывается по месту его основной работы.

5.6. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Российский индекс научного цитирования. В случае отсутствия такого профиля по усмотрению автора приводится официальное полное либо сокращенное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где он работает.

5.7. Приводимая контактная информация (e-mail) должна обеспечивать связь любого желающего с автором.

5.8. При наличии у статьи нескольких авторов по их усмотрению указывается либо один e-mail для всех авторов, либо e-mail каждого автора.

5.9. При подготовке реферата к статье необходимо руководствоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

5.10. Реферат должен выполнять следующие функции:

информировать об основном содержании статьи и определять ее релевантность таким образом, чтобы читатель мог решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи;

устранять необходимость чтения полного текста статьи в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес.

5.11. Реферат должен представлять собой краткое и точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы.

5.12. Текст реферата должен быть лаконичным и емким, свободным от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

5.13. Объем реферата должен включать не меньше 250 слов. Объем реферата определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью и практическим значением).

5.14. Реферат включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

предмет, тему, цель работы (указываются в том случае, если они не ясны из названия статьи);

метод или методологию проведения работы (целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы; в рефератах статей, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки);

результаты работы (излагаются предельно точно и информативно; приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности; при этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение);

область применения результатов;

выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, раскрываемыми в статье).

5.15. В реферате допускается изменять последовательность изложения содержания статьи и начинать с изложения результатов работы и выводов.

5.16. Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

5.17. В тексте реферата:

следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций (не применяемых в научном английском языке);

сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их определения при первом употреблении;

единицы физических величин следует приводить в международной системе СИ; допускается приводить в круглых скобках рядом с величиной в системе СИ значение величины в системе единиц, использованной в статье;

таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае необходимости, если они раскрывают основное содержание статьи и позволяют сократить объем реферата;

формулы, приводимые неоднократно, могут иметь порядковую нумерацию, причем нумерация формул в реферате может не совпадать с нумерацией формул в оригинале.

не допускаются ссылки на номер публикации в списке ссылок на литературные источники к статье.

5.18. Количество ключевых слов к статье должно составлять не менее 10. При этом они должны быть информативными и обеспечивать эффективный поиск этой статьи в любой базе данных.

6. Требования к блоку 2 структуры статьи

6.1. Информация блока 2 представляется на русском языке.

6.2. Автор должен логически последовательно излагать текст статьи в соответствии с содержанием темы, учитывая достижения современной науки и практики, опираясь на результаты собственных исследований и привлекая данные из других источников с целью более глубокого анализа рассматриваемых вопросов.

6.3. Автор несет ответственность за достоверность используемых им материалов, точность цитат, правильность ссылок на них.

6.4. В журнале используется затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Рекомендуемое количество ссылок – не более 10.

6.5. Ссылки на литературные источники в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника из пристатейного списка, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (при необходимости) например: [1, с. 21]. Если источник является многотомным или состоит из нескольких частей, указывается том или часть, например: [4, т. 1, с. 5], [12, ч. 2, с. 75].

7. Требования к блоку 3 структуры статьи

7.1. Информация блока 3 (ссылки на литературные источники) представляется на русском языке.

7.2. Ссылки на литературные источники приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.3. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «Список литературы».

7.4. Примеры ссылок на литературные источники:

Книги одного, двух и трех авторов

Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 349 с.

Волович Л.А., Тимофеев А.Н. Лекционная пропаганда: Методика, опыт, мнения. Казань, 1984. 14 с.

Морозов Б.М., Фадеев В.Е., Шинкаренко В.В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984. 271 с.

2 книги одного автора

Лихачев Д.С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопр. теории и практики: сб. науч. ст. Киев, 1991. С. 183–188; Его же. Окно в Европу – врата в Россию // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 22–23.

Книги четырех и более авторов

Проблемы развития материально-технической базы социализма / В.Г. Сыч [и др.]; под ред. С.П. Павлова. М., 1977. 231 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: монография / под науч. ред. В.А. Рыбакова. Рязань, 2005. 196 с.

Переводные издания

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных: пер. с нем. М., 1980. 392 с.

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных / пер. с нем В.И. Петров. М., 1980. 392 с.

Диссертации

Тальшинский Р.Р. Документализм в публицистике: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 203 с.

Авторефераты диссертаций

Стурова М.П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 40 с.

Архивы

ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 405. Л. 19 об., 20, 21. Д. 408. Л. 21 об. Д. 413. Л. 26.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. академия наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М., 2007. 39 с.

Сборники научных трудов

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов, 1999. – 199 с.

Словари

Библиотечное дело: терминолог. слов. / сост. И.М. Сусллова, Л.Н. Уланова. 2-е изд. М., 1986. 224 с.

Статья из собраний сочинений

Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 224.

Статья из книги

Ковтун В.П. Теоретические аспекты воспитательного воздействия // Влияние организационно-структурных изменений в системе ИТУ на состояние и эффективность воспитательной работы. Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1991. 124 с.

Статья из журнала, газеты, информационных периодических изданий

Поникаров В.А. Классификационная характеристика гарантий законности в административной деятельности сотрудников ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 38–40.

Статья из трудов, ученых записок

Морозова Т.Г. Организация и методика информационной работы // Тр. ин-та / Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-т. 1978. Вып. 19. С. 56–69.

Статья из материалов конференций, семинаров

Пшуков А.Ю. О нормировании рабочего дня // Научно-технический прогресс: тез. докл. Всерос. науч. конф. (Владимир, 21–22 сент. 1987 г.). М., 2000. С. 282–283.

Издание в целом

Книга о книгах: библиогр. пособие: в 3 т. М., 1969.

Есенин С.А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1966–1968. Т. 1–5.

Отдельный том

Пивинский Ю.Е. Неформованные огнеупоры: в 2 т. М., 2003. Т. 1. Кн. 2: Общие вопросы.

Стандарты

ГОСТ 7.9–77. Реферат и аннотация. М.: Изд-во стандартов, 1981. 6 с.

Патентные документы

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент Рос. Федерации № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Депонированные научные работы

Размустова Т.О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940 гг.). М., 1987. 53 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87. № 31909.

Федеральные законы

О борьбе с терроризмом: федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Сб. законов Рос. Федерации. М.: АСТ, 1999. С. 412.

Законы

Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316, 1317.

Указы

О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Рос. газ. 1998. 29 июля.

Постановления

Об утверждении Положения о Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 6 января 1997 г. № 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4. Ст. 547.

Приказы

О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения Главного управления исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 12 апреля 1994 г. № 114.

Положения

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605. П. 9.

Интернет-документы

Официальные периодические издания: электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007). (Если в тексте данная публикация уже названа, возможна ссылка в виде его электронного адреса <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html>.)

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. Интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomers=366> (дата обращения: 17.04.07).

О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Требования к блоку 4 структуры статьи

8.1. Информация блока 4 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 1 по правилам, установленным в пунктах 8.2–8.7 настоящих требований.

8.2. Фамилия и инициалы автора (авторов) приводятся согласно одной из принятых систем международной транслитерации. Наиболее распространенные системы транслитерации приведены в таблице:

Простая система		Система Библиотеки Конгресса США (LC)		Система Board of Geographic Names (BGN)		Система Госдепартамента США	
Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация
А	A	А	A	А	A	А, а	A
Б	B	Б	B	Б	B	Б, б	B
В	V	В	V	В	V	В, в	V
Г	G	Г	G	Г	G	Г, г	G
Д	D	Д	D	Д	D	Д, д	D
Е	E	Е	E	Е	E, YE	Е, е	E, YE
Ё	E	Ё	E	Ё	E, YE	Ё, е	E, YE
Ж	ZH	Ж	ZH	Ж	ZH	Ж, ж	ZH
З	Z	З	Z	З	Z	З, з	Z
И	I	И	I	И	I	И, и	I
Й	Y	Й	I	Й	Y	Й, й	Y
К	K	К	K	К	K	К, к	K
Л	L	Л	L	Л	L	Л, л	L
М	M	М	M	М	M	М, м	M
Н	N	Н	N	Н	N	Н, н	N
О	O	О	O	О	O	О, о	O
П	P	П	P	П	P	П, п	P
Р	R	Р	R	Р	R	Р, р	R
С	S	С	S	С	S	С, с	S
Т	T	Т	T	Т	T	Т, т	T
У	U	У	U	У	U	У, у	U
Ф	F	Ф	F	Ф	F	Ф, ф	F
Х	KH	Х	KH	Х	KH	Х, х	KH
Ц	TS	Ц	TS	Ц	TS	Ц, ц	
Ч	CH	Ч	CH	Ч	CH	Ч, ч	CH
Ш	SH	Ш	SH	Ш	SH	Ш, ш	SH
Щ	SCH	Щ	SHCH	Щ	SHCH	Щ, щ	SHCH
Ъ	Опускается	Ъ	"	Ъ	"	Ъ	Опускается
Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y
Ь	Опускается	Ь	'	Ь	'	Ь	Опускается
Э	E	Э	E	Э	E	Э, э	E
Ю	YU	Ю	IU	Ю	YU	Ю, ю	YU
Я	YA	Я	IA	Я	YA	Я, я	YA

8.3. Допускается пользоваться различными программами транслитерации русского текста в латиницу, использующими описанные в пункте 8.2 настоящих требований системы, например на сайте <http://www.translit.ru/>.

8.4. Авторам следует придерживаться указания одного способа транслитерации своих фамилии, инициалов и одного места работы, поскольку данные о принадлежности организации (аффилировании) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора.

8.5. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Scopus. В случае отсутствия такого профиля указывается официальное англоязычное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где работает автор статьи.

8.6. При переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Необходимо избегать употребления сокращений, кроме общеупотребительных (в том числе в англоязычных специальных текстах), терминов, являющихся прямой калькой русскоязычных терминов, непереводаемого сленга, известного только русскоговорящим специалистам.

8.7. В переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.

9. Требования к блоку 5 структуры статьи

9.1. Информация блока 5 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 3 (ссылок на литературные источники) по правилам, установленным в пунктах 9.2–9.6 настоящих требований.

9.2. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «References».

9.3. Структуру библиографической ссылки следует оформлять следующим образом: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз], выходные данные с обозначениями на английском языке.

9.4. При переводе библиографических ссылок на английский язык предпочтение следует отдавать системе транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC).

9.5. При составлении библиографических ссылок на английском языке необходимо учитывать следующее:

представление в References только транслитерированного (без перевода) описания недопустимо;

при описании изданий, подготовленных коллективом авторов (сборников, монографий и пр.) допускается указывать одного, максимум двух авторов издания;

для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (Unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо «Unpublished Source» или «Unpublished Report», если авторство в документе отсутствует;

поскольку русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, рекомендуется в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников;

все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства, кроме собственного непереводаемого имени издательства – оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке;

в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не нужно указывать вид изданий. Эта информация в ссылках в данном случае является избыточной;

в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании – «pp.» перед страницами; количество страниц в полном издании – «р.» после указания количества страниц;

перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

если книга в списке ссылок на литературные источники (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в библиографическом описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы этого издания были процитированы в тексте. Исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы с указанием страниц.

9.6. Примеры перевода на английский язык ссылок на литературные источники:

Статья из журнала

Абакумова И.В., Ермаков П.Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 72–82.

Abakumova I.V., Ermakov P.N. O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii [On the issue of the person's tolerance formation in polycultural education]. Voprosy Psychologii – Approaches to Psychology, 2003, no. 3, pp. 78–82.

Статья из электронного журнала

Яхьяев М.Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (дата обращения: 16.03.2013).

Yakhyayev M.Ya. Religious and political extremism in the North Caucasus: prevention problems. Available at: <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (Accessed 16 March 2013).

Материалы конференций

Горбатюк В.Ф. Хаос, эмерджентность и феномены самоорганизации-самообучения // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире: материалы док. Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 12–13 сент. 2012 г.) / под ред. Г.А. Берулавы. Сочи: Изд-во Междунар. инновационного ун-та, 2012. С. 156–160.

Gorbatyuk V.F. Haos, jemerdzhentnost' i fenomeny samoorganizacii-samoobuchenija [Chaos, emergence and the phenomena of self-organization and self-education]. Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sostojanie i perspektivy razvitija vysshego obrazovaniya v sovremennom mire" [Proc. the International Scientific Conference "The state and prospects of higher education in the modern world"]. Sochi, International Innovative University Publ., 12–13 September, 2012, pp. 156–160.

Книга (монография, сборник)

Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М.: Кредо, 2008. 200 с.

Mikhaylova O.Yu., Tselikovskiy S.B. Seksual'naiya agressiia: norma i sotsial'naiya patologii [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow, Kredo Publ., 2008. 200 p.

Абакумова И.В. Смыслодидактика: учебник. М.: Кредо, 2008. 386 с.

Abakumova I.V. Smyslodidaktika [Sense didactics]. Moscow, Kredo Publ., 2008. 386 p.

Асмолов А.Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М.: Смысл, 2000. С. 4–7.

Asmolov A.G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu [Tolerance: from utopia to reality. On a way to tolerant consciousness]. Moscow, Smysl Publ., 2000, pp. 4–7.

Мясищев В.Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 35–38.

Myasishchev V.N. Struktura lichnosti i otnosheniye cheloveka k deystvitel'nosti [The personality structure and the person's attitude to reality]. Moscow, MSU Publ., 1982. pp. 35–38.

Диссертация, автореферат диссертации:

Абакумова И.В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе: дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 1989. 250 с.

Abakumova I.V. Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i yego ispol'zovaniye v uchebnom protsesse. Diss. dokt. ped. nauk [Personal sense as a pedagogical factor and its using in the educational process. Dr. ped. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 1989. 250 p.

Нормативные документы

Об уголовной ответственности за государственные преступления: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL: <http://bestpravo.ru/ussr> (дата обращения: 03.04.2013).

Zakon SSSR «Ob ugovolnoi otvetstvennosti za gosudarstvennye prestupleniia» ot 25.12.1958 [The law of USSR "On criminal responsibility for state crimes" from 25 December, 1958]. Available at: <http://bestpravo.ru/ussr> (Accessed 3 April 2013).

О следственном комитете Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями): Федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Закон и порядок. 2012. № 2. С. 5–7.

Federal'nyi zakon ot 28 dekabria 2010 g. № 403-F3 «O sledstvennom komitete Rossiiskoi federatsii» (s izmeneniiami i dopolneniiami) [The federal law from December, 28th, 2010, № 403-FL "On the committee of inquiry of the Russian Federation" (with changes and additions). Zakon i poriadok – Law and Order, 2012, no 2, pp. 5–7.